

ISSN 24 11-5703

MIRBIS RESEARCH JOURNAL

Вестник МИРБИС

Московская международная
высшая школа бизнеса
МИРБИС

4 (24)' 2020

2020 # 4

Вестник МИРБИС

издается с января 2015 года

выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), сокращенно Институт МИРБИС.

Свидетельство о регистрации

ЭЛ № ФС 77-60414 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, от 30 декабря 2014 г.

ISSN 2411-5703

Дата выхода номера 26.12.2020

Адрес редакции и издателя: 109147, Москва, ул. Марксистская 34, корп. 7. Тел. + 7 (495) 921-4180. Fax: +7 (499) 910-4180. E-mail: info@mirbis.ru; journal@mirbis.ru

Описание журнала: Вестник МИРБИС : международный научно-практический журнал / Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт). – Текст : электронный. – Москва : Институт МИРБИС, 2020. – № 4 (24). – URL : <http://journal-mirbis.ru/>. Загл. с экрана. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.4

Форма периодического распространения: сетевое издание.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки РФ, а также в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Рецензируется по экономическим, социологическим и философским наукам. При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. Рукописи рецензируются, все материалы, публикуемые в журнале, проходят научную экспертизу. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за их содержание, подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий. Редакция не вступает в переписку с авторами. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции и редакционной коллегии. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вестник МИРБИС», допускается только с письменного разрешения редакции.

© Институт МИРБИС, 2015–2020

Главный редактор Уколов Владимир Федорович, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой управления цифровым предприятием в топливно-энергетическом комплексе экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Албакова Фатима Юсуповна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ананишнев Владимир Максимович, д-р социол. наук, профессор, Институт психологии, социологии и социальных отношений МГПУ (Москва, Россия)

Варава Владимир Владимирович, д-р филос. наук, профессор департамента социологии, истории и философии

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Член Союза писателей России (Москва, Россия)

Клейнер Георгий Борисович, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ РАН (Москва, Россия)

Левашов Владимир Иванович, д-р социол. наук, зам. заведующего кафедрой по научной работе ИГСУП РАНХиГС (Москва, Россия)

Лобастов Геннадий Васильевич, д-р филос. наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) — МАИ (Москва, Россия)

Лукашин Юрий Павлович, д-р экон. наук, профессор, зав. сектором экономического моделирования ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова (Москва, Россия)

Лясников Николай Васильевич, д-р экон. наук, профессор, Институт проблем рынка РАН (Москва, Россия)

Музыкант Валерий Леонидович, д-р социол. наук, профессор, профессор ВШФМ РАНХиГС, эксперт Министерства образования и науки РФ (Москва, Россия)

Пирогов Станислав Витальевич, д-р экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Савин Станислав Леонидович, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Совета учредителей Института МИРБИС (Москва, Россия)

Черников Сергей Юрьевич, канд. экон. наук, доцент кафедры маркетинга экономического ф-та РУДН (Москва, Россия)

Исхакова Марина, руководитель программ Австралийского национального университета, канд. экон. наук, MBA (Канберра, Австралия)

Джеффотт Марк, MBA, бизнес-консультант VoiceNet asiapacific, глава департамента развития бизнеса компании Pro AV Solutions — NSW (Сидней, Австралия)

Курт Рудольф, PhD (Econ.), профессор. E´R´A´ — European education — academy for communication (Лейпциг, Германия)

Зам. главного редактора: Кострюков Владимир Александрович, д-р экон. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Научного центра Института МИРБИС (Москва, Россия)

Мареева Елена Валентиновна, д-р филос. наук, профессор кафедры философии МГИК; зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин Института МИРБИС (Москва, Россия)

Отв. секретарь Ивахненко Марина Владимировна, вед. спец-т научного центра Института МИРБИС (Москва, Россия)

Chief Editor Ukolov Vladimir F., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Digital Enterprise Management in the Fuel and Energy Complex of the Faculty of Economics of RUDN University (Moscow, Russia)

Editorial board

Albakova Fatima Yu., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Ananishnev Vladimir M., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Varava Vladimir V., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Sociology, History and Philosophy Financial University under the Government of the Russian. Member of the Writers' Union of Russia (Moscow, Russia)

Kleiner Georgy B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, Deputy Director of CEMI RAS (Moscow, Russia)

Levashov Vladimir I., Dr. Sci. (Sociology), deputy Head of the Department for research of IPACS RANEPА (Moscow, Russia)

Lobastov Gennady V., Dr. Sci. (Philos.), Professor of the Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI (Moscow, Russia)

Lukashin Yuriy P., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Economic modeling Sector, IMEMO RAS (Moscow, Russia)

Lyasnikov Nikolai V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher Market Economy Institute of RAS (MEI RAS) (Moscow, Russia)

Muzykant Valery L., Dr. Sci. (Sociology), Professor, SHFM of the RANEPА. Expert of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Pirogov Stanislav V., Dr. Sci. (Econ.), Professor (Moscow, Russia)

Savin Stanislav L., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Scientist of Russia, Chairman of the Foundation Board of the Institute MIRBIS

Chernikov Sergey Y., PhD (Econ.), Associate Professor of the Department of Marketing of the Economic Faculty, RUDN University (Moscow, Russia)

Iskhakova Marina, Program Manager, Australian National University, PhD (Econ.), MBA (Canberra, Australia)

Jeffcot Mark, Business Consultant, VoiceNet asiapacific, MBA; Chief Business Development Specialist Pro AV Solutions – NSW (Sydney, Australia)

Kurt Rudolf, PhD (Econ.), Professor, E'R'A' – European education – academy for communication (Leipzig, Germany)

Deputy Chief Editor: Kostryukov Vladimir A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Institute MIRBIS; **Mareeva Elena V.**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy of the Moscow State Institute of Culture; Head Department of General Disciplines of the Institute MIRBIS (Moscow, Russia)

Executive Secretary Ivakhnenko Marina V., Leading Specialist of the Research Center of the Institute MIRBIS (Moscow, Russia)

Founder and publisher: Autonomous non-profit organization of higher education "Moscow International Higher School of Business "MIRBIS" (Institute), short name Institute MIRBIS

The certificate ЭЛ No. ФС 77-60414 issued by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR), dated December 30, 2014.

ISSN 2411-5703

Release date 12/16/2020

Editorial and publisher address: 34/7 Marksistskaya str., Moscow, 109147, Russia. Ph.: + 7 (495) 9214180. Fax: +7 (499) 9104180. E-mail: info@mirbis.ru; journal@mirbis.ru

Description of the journal: Vestnik MIRBIS : international research journal / Moscow International Higher School of Business MIRBIS (Institute). – Text : electronic. – Moscow: Institute MIRBIS, 2020. – No. 4 (24). – Available at <http://journal-mirbis.ru/>. Ver. From the screen. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.4

Form of periodic distribution: online edition.

The journal is included in the "List of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of science" HAC at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, as well as the Russian Science Citation Index (RINTS).

It is reviewed by economic, sociological and philosophical sciences. When selecting materials for publication, the main criterion is their high scientific level. Manuscripts are reviewed, all materials published in the journal undergo scientific examination. Authors of published materials are responsible for their content, selection and accuracy of the cited facts, quotations, statistics, proper names, geographical names. The editors do not enter into correspondence with the authors. The position of the authors represented in the papers does not always coincide with the position of the publishers of the journal. Reproduction, translation and placement of the journal "Vestnik MIRBIS" [Herald of MIRBIS] on the Internet is allowed only in agreement with the publisher. The reference to the journal is required. Published materials underwent procedure of reviewing and expert selection.

Содержание

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Ямпольская Д. О. Рынок продукции двойного назначения стран ЕАЭС и ОДКБ: подход к оценке конъюнктуры 6
Корнилова А. В., Салиенко Н. В., Малинин В. Л. Обоснование стратегии выхода на японский рынок деревянных изделий 15
Коновалова Ю. А. Регионализация инноваций: современные тенденции 24

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

- Уколов В. Ф., Завьялов А. Е., Черкасов В. В. Нормативно-правовая система адаптации реального сектора экономики к цифровизации: оценка развития с учетом мирового опыта 34
Уколов В. Ф. и др. Терминологическая связь адаптивной политики цифровизации в России и во всем мире: концептуальный обзор (*метад., рус.*) 42
Соловьева Т. С. К вопросу об оценке сформированности цифровых компетенций 48
Широковских С. А. Управление HR-рисками крупных промышленных компаний в контексте перехода на цифровые технологии 59
Серебренников С. С., Харитонов С. С. Технологический переход от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли 67

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Черников С. Ю., Щербакова А. В. Перспективы внутреннего развития соевого рынка России в условиях мировой экономической турбулентности 80
Румянцева Е. В., Шеремет А. Н. Индекс счастья как альтернатива ВВП 92
Моргунов Е. В., Чернявский С. В., Шутов О. Л. Совершенствование теоретических и практических аспектов формирования и развития мегаполисов (городских агломераций) в интересах обеспечения экономической безопасности 101

МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС

- Доброва К. Б. Проблемы и пути развития системы стратегического управления в ОПК 112
Носков С. В. Оптимизация оборачиваемости запасов компании 121
Еремина Е. А. Стратегические приоритеты развития студенческих спортивных клубов 131

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Лукиянова М. Н. и др. Влияние нецелевого использования бюджетных средств на уровень социальной напряженности 142
Нечепаев М. М. Влияние закона о категоризации инвесторов на развитие частного инвестирования в России 159

ФИЛОСОФИЯ

- Варава В. В. *Tedium vitae* или иммортологическая тривиализация смерти 167

СОЦИОЛОГИЯ

- Лушникова О. Л. Проблема сохранения родного языка среди хакасов 178
Крайнов Г. Н., Зубков С. А., Панов А. И. Ответ глобальных профсоюзов на вызовы цифровой экономики 189

Contents (Metadata of Articles)

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL COOPERATION

Yampolskaya D. O. Common market of the EAEU and CSTO countries: an approach to assessing market conditions	6
Kornilova A. V., Salienko N. V., Malinin V. L. Rationale for a strategy for entering the Japanese wood products market	15
Konovalova Yu. A. Regionalization of innovations: the modern tendencies	24

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Ukolov V. F., Zavyalov A. E., Cherkasov V. V. Regulatory and legal system of adaptation of the real sector of the economy to digitalization: evaluation of development based on world experience	34
Ukolov V. F. et al. The terminological nexus of digitalization of adaptive policy in Russia and across the global: a conceptual overview (<i>in Eng.</i>)	42
Soloveva T. S. Discussion issues for the evaluation of digital competencies	48
Shirokovskikh S. A. HR risk management of large industrial companies in the context of digitalization "Industry 4.0"	59
Serebrennikov S. S., Kharitonov S. S. Technological transition from Industry 2.0 and 3.0 to Industry 4.0 in the industrial sector	67

ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Chernikov S. Yu., Shcherbakova A. V. Prospects for domestic development of the Russian soybean market in the context of global economic turbulence	80
Rumyantseva E. E., Sheremet A. N. Happiness index as GDP alternative	92
Morgunov E. V., Chernyavskiy S. V., Shutov O. L. Improvement of theoretical and practical aspects of the formation and development of megalopolises (urban agglomerations) in the interests of ensuring economic security	101

MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Dobrova K. B. Problems and ways of development of the strategic management system in the defense industry	112
Noskov S. V. Optimization of the company's inventory turnover	121
Eremina E. A. Strategic priorities of student sports clubs' development	131

ACTUAL ISSUES OF FINANCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Lukyanova M. N. The influence of inappetent use of budget funds on the level of social tension in the regions of the Russian Federation	143
Nechepaev M. M. Impact of the law on the categorization of investors on the development of private investment in Russia	159

PHILOSOPHY

Varava V. V. Taedium vitae or immortological trivialization of death	167
--	-----

SOCIOLOGY

Lushnikova O. L. The problem of preserving of mother tongue among Khakass people	178
Krainov G. N., Zubkov S. A., Panov A. I. Global trade unions response to challenges of the digital economy	189

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 6–14.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 6–14.

Научная статья

УДК 339.9

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.1

Рынок продукции двойного назначения стран ЕАЭС и ОДКБ: подход к оценке конъюнктуры

Диана Олеговна Ямпольская

Российский Университет Дружбы Народов (РУДН), Москва, Россия

dyampol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6734-6351>

Аннотация. В современных условиях усиливается конкуренция за рынки сбыта. Развитые страны не заинтересованы в том, чтобы страны «третьего» мира развивались успешно. Путь развития стран бывшего Советского Союза лежит через создание собственного экономического пространства, т. е. через экономическую интеграцию. Данная публикация посвящена определению основных метрик оценки конъюнктуры общего рынка Евроазиатского Экономического Союза (ЕАЭС) и стран Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также факторам, которые играют решающую роль в функционировании Общего рынка данных организаций.

Современное рыночное пространство ЕАЭС и ОДКБ не может функционировать хаотично, подчиняясь закону «невидимой руки». Однако и попытка ввести в рынок жесткое организационное начало также видится мало достижимым. В этом и кроется главная проблема интеграции стран ЕАЭС и ОДКБ. С нашей точки зрения необходимо искать привлекательные сегменты рынка, на которых будет выгодно работать конкретным предприятиям, которые непосредственно формируют предложение на Общем рынке ЕАЭС. Можно назвать это интеграцией «снизу», что с нашей точки зрения, всегда более эффективно, чем директивные указания. Предложенная методика сбора статистических данных Единой экономической комиссией (ЕЭК) представляется несколько неполной. В этой связи предлагается альтернативный вариант оценки Общего рынка. В результате предлагается принципиальная схема показателей (метрик), которая позволит оценивать выгодность работы на Общем рынке не только на межгосударственном уровне, но и конкретным участникам рынка.

Ключевые слова: ЕАЭС, ОДКБ, Общий рынок, экономическая интеграция, конъюнктура рынка, метрики оценки рынка.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Активизация военно-экономического сотрудничества на пространстве Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза в контексте санкционной политики развитых стран и развития импортозамещения в РФ», проект № 18-010-01132.

Для цитирования: Ямпольская Д. О. Рынок продукции двойного назначения стран ЕАЭС и ОДКБ: подход к оценке конъюнктуры / Д. О. Ямпольская // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 6–14. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.1

JEL: F 63

Original article

Common market of the EAEU and CSTO countries: an approach to assessing market conditions

Diana O. Yampolskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

dyampol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6734-6351>

Abstract. Competition for sales markets is increasing in modern economic conditions. The developed world economy countries are not interested in the successful development of emerging markets countries. The development of post-Soviet states to be able through the creation of their own economic space, i.e. through economic integration. This publication is devoted to the definition of the main marketing metrics for assessing the conjuncture Eurasian Economic Union's (EAEU) and the countries of the Collective Security Treaty Organization's (CSTO) common market, as well as the factors that play a decisive role in the functioning.

The modern market space of the EAEU and the CSTO cannot function chaotically, obeying the "invisible hand" law. An attempt to introduce a rigid organizational principle into the market also seems to be difficult to achieve. This is the main problem of the integration of the EAEU and CSTO countries. From our point of view, it is necessary to look for attractive market segments in which it will be profitable for specific enterprises to work. These enterprises directly form an offer in the EAEU Common Market. You can call this «bottom up integration», which from our point of view is always more effective than directives from state.

The proposed methodology for collecting statistical data by the Eurasian Economic Commission (EEC) seems to

be somewhat incomplete. In this regard, an alternative option for assessing the common market is proposed. As a result, a scheme of indicators (metrics) is proposed, which will allow assessing the profitability of working in the common market not only at the interstate level, but also for specific market participants.

Key words: EAEU, CSTO, EAEU Common Market, economic integration, market condition, marketing metrics.

Acknowledgments: the work was carried with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the research project "Intensification of military-economic cooperation in the space of the Collective Security Treaty Organization and the Eurasian Economic Union in the context of the sanctions policy of developed countries and the development of import substitution in the Russian Federation", project No. 18-010-01132.

For citation: Yampolskaya D. O. Common market of the EAEU and CSTO countries: an approach to assessing market conditions. D. O. Yampolskaya. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 6–14. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.1

JEL: F 63

Введение

Современные экономические отношения между субъектами рынка начинают меняться. Чисто экономические факторы развития регионов уже не работают так, как это было 15–20 лет назад. Это выражается в том, что идет неэкономическое давление на экономические факторы развития стран и регионов. Мы наблюдаем идеологизацию экономики. Товары и услуги отдельных стран исключаются из потребления и признаются «неправильными» по надуманным причинам (пример отказа от китайских систем связи 5G в некоторых европейских странах или вытеснение дешёвого российского газа из этого же региона). Такая ситуация создает значительные риски для глобального экономического развития. В этой ситуации особо важную роль начинает играть создание «собственных» рынков, которые будут так или иначе защищены от неправомерного давления. Одним из таких образований является Евроазиатский Экономический Союз (ЕАЭС): Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Казахстан, Россия.

Существует ли реальный общий рынок ЕАЭС и ОДКБ или это искусственное пространство? Так исторически сложилось, что наиболее значимые сегменты рынка представляют собой оборонную продукцию и товары двойного назначения. Можно выделить следующие сегменты рынка, которые наиболее актуальны для развития:

- материалы и оборудование для создания товаров двойного назначения
- передовые технологии коммуникации и связи
- электроника и оптика
- химическая промышленность
- медицина и биология

Целью данного исследования является выбор

индикаторов (метрик) рыночной конъюнктуры отдельных сегментов рынка, что даст возможность эффективно оценивать отношения с партнерами и заказчиками продукции двойного назначения. Также проблемы формирования клиентской базы, что по факту является подготовкой рынка.

Методы исследования

Методом исследования, используемом в данной работе, является контент-анализ открытых источников информации: материалы официального сайта ЕАЭС², документы о развитии сотрудничества стран ОДКБ³, Материалы Евразийской экономической комиссии⁴ и периодические аналитические издания, посвящённые тематике развития Общего рынка ЕАЭС и ОДКБ.

Также используется метод структурного анализа маркетинговых метрик на основе эмпирических данных.

Обзор литературы

В современных экономических условиях складывается ситуация, которая подталкивает страны евразийского континента к созданию региональных объединений, которые почти не зависят от глобального диктата США и их союзников: БРИКС, ШОС, ЕАЭС. В 2018 году была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (Распоряжение ВЕЭС от 6 декабря 2018 г. № 9). В ней говорится, что полная реализация договоренностей в установленных Договором о ЕАЭС сферах, дальнейшее совершенствование функционирования и раскрытие интеграционного потенциала ЕАЭС требуют при-

2 Статистика ЕАЭС. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

3 Документы ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/documents/>

4 ЕЭК: Новости и события. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/Pages/default.aspx>

нения амбициозных решений по развитию интеграции, расширению областей экономического сотрудничества и совершенствованию институтов ЕАЭС [Декларация, 2018].

Озабоченность участников этого объединения очевидна, так как оценивая экономику стран — участниц ЕАЭС и ОДКБ можно сделать не очень оптимистичные выводы. Промышленность этих стран базируется на советском экономическом фундаменте и развивается недостаточно активно. Только Белоруссия более или менее удачно поддерживает и развивает инновационный потенциал своей экономики. Удалось сохранить и развить производство для электронной промышленности, прецизионное оборудование для оптической промышленности, а также изделия для транспортных средств двойного назначения. Все эти направления вполне соответствуют производству товаров двойного назначения [Ямпольская, 2018]. Однако события в этой стране показывают, что ее хотят «выбить» из интеграционных процессов.

Проблемы развития структуры ЕАЭС достаточно очевидны. Как отмечает действующий член коллегии (министр) по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С. Глазьев, инерционное развитие ЕАЭС не позволяет качественно и в срок достроить полноценное Единое экономическое пространство (ЕЭП) с необремененными ограничениями и приступить к проведению общей политики промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта и инфраструктуры, финансов [Глазьев, 2020]. Для решения этой проблемы создана Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и, хотя Договор о ЕАЭС включил все соглашения, формирование общего рынка с едиными системами регулирования во многих сферах существенно затянулось. И в других публикациях по вопросу интеграции и организации общего рынка ЕАЭС выделяется одна и та же проблема — сложность организации общего рыночного пространства. Ю. Кофнер, эксперт Евразийского сектора отмечает, что несмотря на системный механизм, созданный для устранения существующих препятствий (барьеров, изъятий и ограничений) на общем внутреннем рынке Евразийского экономического союза, ЕЭК борется с растущим числом возникающих препятствий (с почти 61 в 2016 году до 71 в III 2019 году) [Kofner, 2019].

Можно ли сказать, что уже существует внутренний рынок стран ЕАЭС и ОДКБ? В целом считается, что такой рынок создан. В Союзном договоре четко определены основные направления сотрудничества: лекарства и медицинское оборудование, алкогольная и табачная продукция, общие рынки газа, нефти и нефтепродуктов. Однако остаются многочисленные препятствия, изъятия и ограничения для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы внутри Союза [Kofner, 2019].

Также очевидно, что для дальнейшего развития взаимных связей между странами участницами ЕАЭС и ОДКБ требуются шаги по созданию экономических цепочек по производству как продукции оборонного значения, так и товаров двойного назначения. По факту — экономические цепочки являются хорошей начальной точкой любой интеграции, так как подвержены меньшему юридическому регулированию [Черников, 2019].

Очевидно возникает проблема интеграции, которая обсуждается весьма активно. В данной статье мы рассмотрим варианты метрик, которые позволят сделать оценку Общего рынка, как шаг к определению выгоды сотрудничества стран Объединений.

Результаты исследования

Решение проблемы интеграции по производству товаров двойного назначения видится очень непростым. Дело не только в том, что сложно интегрировать процессы регулирования экономики разных стран — участниц Объединений. Система управления предприятий, которые контролирует государство (по факту — оборонные предприятия), «настроена» на выполнения госзаказа. Выпуск продукции гражданского назначения — это коммерческая деятельность. Объединить в «одном флаконе» коммерческий принцип и принцип плановой экономики достаточно сложно. Это две разные системы, прежде всего в построении сбытовой деятельности предприятий.

Если говорить о создании общего экономического пространства в целом, то есть два принципиальных направления: путь «сверху» через межгосударственные отношения и договоренности и путь «снизу», через естественные процессы выгоды работы в сфере бизнеса. В любой ситуации главной проблемой становится оценка конъюнктуры бизнеса, так как если она неблагоприятна

ятна, то любые попытки организации рыночного пространства директивным путем не приведут к положительному результату. Для оценки экономической ситуации необходимо выработать определённые метрики рынка, по которым можно отслеживать выгодность тех или иных направлений рыночной активности. В общем виде конъюнктура рынка — это соотношение спроса и предложения с факторами, влияющими на этот процесс. Общий рынок ЕАЭС и ОДКБ имеет свои характерные особенности, а именно совмещение плановой и рыночной составляющей деятельности участников рынка. Предложим общие параметры, определяющие конъюнктуру рынка этих стран.

Блок 1. Параметры спроса и предложения

Метрики, связанные с этим разделом, являются ключевыми в формировании системы оценки конъюнктуры рынка. Рассмотрим некоторые параметры этого раздела, которые в первую очередь представлены основными сегментами и структурой внутреннего спроса.

Наиболее емкими сегментами Общего рынка стран ЕАЭС являлись [Декларация, 2018]:

- 1) сегмент транспортных средств и оборудования;
- 2) машин и оборудования;
- 3) продукции металлургии;
- 4) электрооборудования, электронного и оптического оборудования;
- 5) продукции химической промышленности;
- 6) неметаллических минеральных продуктов;
- 7) текстильной и швейной продукции.

Суммарно перечисленные сегменты формируют около 65 % емкости Общего рынка. Главным внутренним экспортером является Российская Федерация. Основной объём внутрисоюзного экспорта в 2018 году доля России в суммарном объёме внутренней торговли ЕАЭС составила 65 %, приходится на Россию.

В отраслевой структуре взаимной торговли государств-членов ЕАЭС лидируют минеральные продукты, в том числе топливно-энергетические товары: на товары этой отрасли по итогам 2018 года приходилось 23 % общего объёма внутрисоюзного экспорта, что на 2 % выше показателя 2017 года [Доклад № 52, 2019].

- Минеральные продукты — 23 %
- Машины и оборудование, транспортные средства — 19 %
- Продовольственные товары и сельскохо-

зяйственное сырьё — 15 %

- Металлы и изделия из них — 13 %
- Товары химической промышленности — 11 %
- Текстиль и изделия из него — 4 %
- Древесина и целлюлозно-бумажная продукция — 3 %
- Строительные материалы — 1 %
- Прочее — 11 %

Таким образом формирование системы метрик можно начать с показателей предложения и спроса, которые формируются на Общем рынке.

1. Оценка общего предложения на рынке стран Союза. Оно складывается из трех составляющих: объем внутреннего производства, объем взаимных поставок, а также объем импорта из третьих стран. Совместно с определением величины объема предложения определяется динамика изменения этого параметра по трем составляющим.

2. Структура предложения и спроса. Данный показатель характеризует востребованность продукции определенного вида и его ценовой категории. Структура предложения и структура спроса отличаются показателем наличия товара на складе или частотой востребованности услуги. Оборачиваемость готовой продукции отражает скорость реакции рынка на продукцию предприятия. Является ключевым при управлении ассортиментом.

3. Важным показателем является оценка уровня загрузки мощностей предприятий производственного сектора. Косвенно этот показатель относится к характеристике спроса, так как логично предположить, что если предприятие работает с низким коэффициентом загрузки (менее 0,8), то существуют проблемы с заказами на продукцию этого предприятия.

4. Еще одной обязательной метрикой, характеризующей спрос и предложение, является уровень цен, приведенной к общей валюте. Всегда ли рыночный уровень цен является равновесным значением для спроса и предложения? Всегда, если иметь ввиду ценовой тренд, т. е. усредненное значение отраслевых рыночных сделок. Практически никогда, если речь идет о конкретных сделках между продавцом и покупателем. Как частный случай — совпадение конкретной цены с трендовым значением.

5. В современных условиях сложно обойтись без показателя имиджа страны, региона, конкрет-

ного предприятия. Если ранее имидж являлся индикатором товарного предложения, то теперь это превращается в, своего рода, политический идентификатор. Причем складывается такое ощущение, что эта метрика является иррациональной, т. е. не всегда носит объективный характер. В отличие от предыдущих метрик, показатель имиджа является качественной характеристикой и оценивается экспертными методами.

Для определения данной характеристики рынка наиболее значимым является рейтинг «Doing Business». С этой точки зрения государства — члены ЕАЭС — ОДКБ расположились следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1. **Позиции государств — членов ЕАЭС — ОДКБ в международном рейтинге Doing Business**

Государство	Позиция 2018	Позиция 2020
Казахстан	28	25
Россия	31	28
Белоруссия	37	49
Армения	41	47
Киргизстан	70	80
Таджикистан	102	106

Источник: *Doing Business Database 2020* // World Bank Group : [сайт], URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (дата обращения 18.09.2020).

Рис. 1. Метрики оценки предложения и спроса рынка стран ЕАЭС-ОДКБ

Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Таким образом, предлагается 5 основных направлений оценки Блока 1 «Параметры спроса и предложения». Подчёркиваем, что предложенные направления и метрики, на наш взгляд, явля-

ются необходимыми для оценки общей конъюнктуры. Вполне вероятно использование и других показателей. Но ограниченное количество метрик дает возможность не усложнять систему

оценки и тем самым облегчать ее использование. Те же соображения положены в основу формирования двух следующих блоков. На рисунке 1 представлены показатели оценки первого раздела «Оценка спроса и предложения».

Блок 2. Инфраструктура Общего рынка

Другим, и очень важным по значимости оценочным блоком является инфраструктурные показатели. Без построения инфраструктуры говорить о межгосударственной эффективности сложно. В идеале должна быть создана возможность интеграции отдельных компаний в рамках сугубо экономических интересов. Здесь мы попадаем в «вилку» несоответствия интересов государственных структур и отдельных коммерческих предприятий.

В периодической литературе постоянно идет разговор о сложностях интеграционных процессов, которые связаны с различными сторонами обеспечения товародвижения, как это уже было отмечено выше. Показатели этого блока сложно поддаются прямому количественному измерению и попадают в сферу экспертных оценок. Сфера менеджмента оценивается очень условно и является «ахиллесовой пятой» интеграции стран ЕАЭС — ОДКБ. Здесь необходимо использовать опыт СССР, который расходится с традиционными западными системами управления. Как показывает практика, предлагаемые системы слабо приживаются в странах бывшего СССР (возможно использовать опыт «шарашек» середины прошлого века, не в прямом виде, разумеется, но это не является целью данной работы).

Рис. 2. Метрики оценки инфраструктуры Общего рынка стран ЕАЭС — ОДКБ

Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

На рисунке 2 представлена система показателей оценки Блока «Инфраструктура Общего рынка».

Наиболее приоритетными показателями, которые целесообразно включить в Блок 2, являются:

1. Наличие классификаторов товаров и услуг и их гармонизация. Для быстрого перемещения товаров внутри Общего рынка, прежде всего, необходимо гармонизировать систему сертификации и стандартизации.

2. Техническое регулирование и контроль. Для предприятий, производящих продукцию по заказу, техническое сопровождение и контроль является рутинной процедурой. Перенесение ее на выпуск товаров для коммерческой реализации.

3. Гармонизация требований к товарам и услу-

гам. Прежде всего речь идет о потребительских качествах для коммерческой реализации, санитарно-эпидемиологических и ветеринарных требованиях.

4. Таможенные и тарифные согласования. Размеры и условия штрафных санкций и изъятий. Экспортные пошлины.

5. Судебные решения, процедуры и арбитраж. Количество законов и подзаконных актов, которые должны быть учтены при реализации на Общем рынке.

6. Условия логистики. Наличие транспортных артерий, тарифы на транспортировку, условия хранения. Виды материальной ответственности поставщика, перевозчика и получателя.

Рис. 3. Метрики оценки условий прохождения заказов на предприятиях, выпускающих продукцию двойного назначения стран ЕАЭС — ОДКБ

Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Блок 3. Условия прохождения заказов на предприятиях, выпускающих продукцию двойного назначения

Для оценки работы предприятия — поставщика товаров двойного назначения, необходимо

ввести некоторые специфические показатели. Для коммерческих предприятий эти метрики являются традиционными, но для компаний «сидящих» на госзаказах это некоторая специфика. Сюда относятся показатели, характеризующий

рыночный потенциал.

1. Инвестиционная привлекательности отрасли и компании. Размер отраслевой рентабельности. Логично предположить, что предприятия, выпускающие продукцию двойного назначения, нуждаются в инвестициях. Конечно мы далеки от мысли, что на бирже будут продаваться акции военных заводов, но существуют и другие формы инвестирования. Например, реализация совместных проектов. Все инвестиции делятся на две принципиальные группы — вынужденные инвестиции (без требований к норме отдачи на вложенный капитал) и рыночные инвестиции (есть требования к норме отдачи). Фактором выгоды выпуска продукции двойного назначения, несомненно, будет возможность получения финансовой выгоды.

2. Инновационный потенциал компании. Этот параметр также имеет свою специфику. Инновационный потенциал обычно оценивается через публикации патентов и статей в научных журналах.

3. Регулирование экономической деятельности (если предприятие является монополистом). Регулирование деятельности означает не только и не столько формирование пакета заказов, но и ценовое регулирование.

4. Регламент работы военной приемки (военпредов). На многих предприятиях, работающих на оборону, существует отличная от гражданской система оценки качества и контроля операций. Возможность ее применения будет удорожать продукцию гражданского назначения, но несомненно будет эффективна в условиях потребления жизненно важных товаров и услуг (например, сектор медицины или телекоммуникации).

На рисунке 3 показана схема оценки показателей Блока 3 «Условия прохождения заказов на

предприятиях, выпускающих продукцию двойного назначения»

Выводы

Предложенная информационная система затрагивает все структурные подразделения предприятий, направленных на выпуск продукции двойного назначения. Здесь акцент сделан именно на информационную базу предприятия, т. е. на микросреду. Макроэкономические параметры практически не затрагиваются. Это делалось сознательно, так как система направлена на кооперацию конкретных участников рынка (задача — регулировка отношений «снизу»). Поэтому были учтены все основные аспекты деятельности предприятия: организация и условие производства товаров и услуг, регламентация качества, оценка конкуренции, учет требований основных контролирующих организаций, логистические условия, а также знание практики договорных отношений и разрешение споров и конфликтов.

Особым блоком является оценка прохождения заказов на предприятиях оборонной промышленности и компаний, которые участвуют в выпуске товаров двойного назначения. Распространение системы внутриведомственной приемки (ОСТы и ТУ), которая существовала в системе плановой экономики, позволит избежать многих проблем с качеством продукции, особенно если речь идет об инновационных товарах, на которые еще не разработаны государственные стандарты.

По нашему мнению, разработка информационных баз послужит объединению предприятий внутри отрасли, все зависимости от государственной принадлежности той или иной компании, так как очевидны принципы объединения — доход, прибыль и дальнейшая непрерывная деятельность.

Список источников

1. Глазьев, 2020 — Глазьев С. О стратегических направлениях развития ЕАЭС / С. Ю. Глазьев // Глазьев РУ : [сайт]. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/76650-o-strategicheskikh-napravlenijakh-razvitija-eajes>. Дата публикации: 25.02.2020.
2. Декларация, 2018 — Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС // Министерство иностранных дел РФ : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/-/asset_publisher/cb4udKPo5lBa/content/id/3451631. Дата публикации: 19.12.2018.
3. Доклад № 52, 2019 — Евразийская экономическая интеграция — 2019 : Доклад № 52 / Евразийский Банк Развития. Москва : ЦИИ ЕАБР, 2019. 140 с. ISBN: 978-5-906157-45-4.
4. Черников, 2019 — Черников С. Ю. Особенности развития кластерного взаимодействия при производстве продукции двойного назначения на рынках ОДКБ / С. Ю. Черников // Вестник МИРБИС. 2019. № 4 (20). С. 60–71. doi: 10.25634/MIRBIS.2019.4.7.

5. Ямпольская, 2018 — Ямпольская Д. О. Перспектива выпуска продукции двойного назначения в странах ОДКБ и ЕАЭС / Д. О. Ямпольская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика = RUDN journal of economics. 2019. Т. 27. № 4. С. 706–721. doi: 10.22363/2313-2329-2019-27-4-706-721.
6. Kofner, 2019 — Kofner Ju. C. Did the EEU create a common domestic market? / Jurij C. Kofner // BlogActiv : [сайт]. URL: <https://l2v.blogactiv.eu/2019/10/30/did-the-eurasian-economic-union-create-a-common-domestic-market-for-goods-services-capital-and-labor/>. Дата публикации 30.10.2019.

References

1. Glazyev S. O strategicheskikh napravleniyakh razvitiya YeAES [On the strategic directions of the EAEU development] / S. Yu. Glazyev. *Glazyev RU* : [website]. URL: <https://glazyev.ru/articles/6-jekonomika/76650-o-strategicheskikh-napravleniyakh-razvitija-eajes>. Date of publication: February 25, 2020 (in Russian).
2. Deklaratsiya o dal'neyshem razvitiy integratsionnykh protsessov v ramkakh YeAES [Declaration on the further development of integration processes within the EAEU]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation* : [website]. URL: https://www.mid.ru/evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya/-/asset_publisher/cb4udKPo5lBa/content/id/3451631. Date of publication: 19.12.2018 (in Russian).
3. *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya — 2019: Doklad № 52* [Eurasian Economic Integration – 2019 : Report No. 52]. Eurasian Development Bank. Moscow : CII EDB Publ., 2019. 140 p. ISBN: 978-5-906157-45-4 (in Russian).
4. Chernikov S. Yu. Osobennosti razvitiya klaster'nogo vzaimodeystviya pri proizvodstve produktsii dvoynogo naznacheniya na rynkakh ODKB [Features of the development of cluster interaction in the production of dual-use products in the CSTO markets]. S. Yu. Chernikov. *Vestnik MIRBIS*. 2019. No. 4 (20). P. 60–71. doi: 10.25634/MIRBIS.2019.4.7 (in Russian).
5. Yampol'skaya D. O. Perspektiva vypuska produktsii dvoynogo naznacheniya v stranakh ODKB i YeAES [Prospects for the production of dual-use products in the CSTO and EAEU countries]. D. O. Yampolskaya. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = RUDN journal of economics*. 2019. Vol. 27. No. 4. P. 706–721. doi: 10.22363/2313-2329-2019-27-4-706-721 (in Russian).
6. Kofner Ju. C. Did the EEU create a common domestic market? Jurij C. Kofner. *BlogActiv* : [website]. URL: <https://l2v.blogactiv.eu/2019/10/30/did-the-eurasian-economic-union-create-a-common-domestic-market-for-goods-services-capital-and-labor/>. Date of publication: 10/30/2019.

Информация об авторе:

Ямпольская Диана Олеговна — кандидат экономических наук, доцент, Российский Университет Дружбы Народов (РУДН) Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия. Author ID (РИНЦ): 489330.

Information about the authors

Yampolskaya Diana O. – Candidate of Sci. (Econ.), Docent, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia. Author ID (RCSI): 489330.

Статья поступила в редакцию 29.08.2020; одобрена после рецензирования 16.09.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 08/29/2020; approved after reviewing 09/16/2020; accepted for publication 12/02/2020.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 15–23.
Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 15–23.

Научная статья
УДК 338.45; 339.944.2
doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.2

Обоснование стратегии выхода на японский рынок деревянных изделий

Анна Викторовна Корнилова^{1,2}, Наталья Владимировна Салиенко^{1,3}, Виктор Леонидович Малинин^{1,4}

1 МГТУ им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

2 annakornilova1604@gmail.com, <https://orcid.org/>

3 verno555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7244-4087>

4 mvl@bmstu.ru, <https://orcid.org/>

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и обстоятельства, определяющие возможности выхода Российской Федерации на японский рынок деревянных изделий. Доказывается, что это возможно сделать за счет продуманной экологической политики в сфере лесного хозяйства РФ и переориентацией на экспорт высококачественных деревянных изделий для потребителей японского рынка жилищного строительства. Целью работы была поставлена оценка шансов выхода Российской Федерации на японский рынок деревянных изделий по трем направлениям: жилищное строительство, мебель и декор из качественной хвои. Приводится объективный анализ ситуации с деревообрабатывающей отраслью в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сопоставление экономических и политических показателей между основными участниками данного рынка.

Ключевые слова: деревянные изделия, лесная промышленность, Россия, Япония, Китай, экономика, торговля.

Для цитирования: Корнилова А. В. Обоснование стратегии выхода на японский рынок деревянных изделий / А. В. Корнилова, Н. В. Салиенко, В. Л. Малинин // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 15–23. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.2

JEL: F14, F20, L17

Original article

Rationale for a strategy for entering the Japanese wood products market

Anna V. Kornilova^{5,6}, Natalia V. Salienko^{5,7}, Viktor L. Malinin^{5,8}

5 Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russia.

6 annakornilova1604@gmail.com, <https://orcid.org/>

7 verno555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7244-4087>

8 mvl@bmstu.ru, <https://orcid.org/>

Abstract. The article examines the factors and circumstances that determine the possibility of the Russian Federation entering the Japanese market of wooden products. It is proved that this can be done due to a well-thought-out environmental policy in the field of forestry in the Russian Federation and a reorientation to the export of high-quality wooden products for consumers in the Japanese housing market. The aim of the work was to assess the chances of the Russian Federation entering the Japanese wood products market in three areas: housing construction, furniture and decor from high-quality pine needles. An objective analysis of the situation with the woodworking industry in the Asia-Pacific region and a comparison of economic and political indicators between the main participants in this market are given.

Key words: wood products, timber industry, Russia, Japan, China, economy, trade.

For citation: Kornilova A. V. Rationale for a strategy for entering the Japanese wood products market. A. V. Kornilova, N. V. Salienko, V. L. Malinin. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 15–23. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.2

JEL: F14, F20, L17

Введение

В настоящее время Япония, как и Китай, является одним из крупнейших мировых импортеров древесины в мире, что значительно влияет на мировую экономику и деревообрабатывающую отрасль во всем мире² [State of Japan's Forests., 2019]. Основные импортеры древесных изделий в Японии — Китай, США, Канада и Российская Федерация, которые за последние годы сформировали друг с другом определенные торгово-экономические отношения, по которым решаются все вопросы о производстве и сбыте древесины. Однако, несмотря на имеющийся опыт сотрудничества, существуют нерешенные проблемы, такие как обоснование стратегий выхода одной страны на рынок другой с учетом постоянных перемен в политико-экономической обстановке между странами. Целесообразно рассмотреть данную проблему на примере выхода Российской Федерации на японский рынок деревянных изделий.

Обсуждение

Японская экономика показывает стабильный ежегодный рост, государство ведет активную внешнею торгово-экономическую политику, сочетая ее с законодательными мерами стимуляции внутренней экономики, привлекая инвесторов в развитие основных государственных отраслей. Лесное хозяйство стало активно развиваться после Второй мировой войны: в 1950-е годы новое правительство Японии было вынуждено принять меры восстановления огромных площадей уничтоженных лесов, тем самым пытаясь решить проблемы высокого спроса на древесину в условиях мировой промышленной революции³ [Fukuda, 2020; Irving, 2018; Kobayashi, 2016]. Тогда был принят основной закон лесного хозяйства Японии, Закон о лесах (Forest Act), подписанный 9 июля 1964 года, и состоящий из 7 глав⁴. Фактически, он

стал третьим, полным обновлением предыдущих одноименных законов. Основная цель данного закона — поддерживать устойчивый рост лесов и обеспечивать их продуктивность, в том числе в интересах национальной экономики.

Япония расположена на более чем 6,000 островах, климат на которых определяется четырьмя меняющимися сезонами, от холодного в горах до субтропического на юге страны, на что также влияют тихоокеанские и континентальные муссонные ветра⁵. Общая площадь земель составляет 37,79 млн га. В стране проживает 125 млн человек, плотность населения одна из самых высоких в мире, 343 чел/км²⁶ [Fukuda, 2020]. Площадь японских лесов составляет 25,12 млн га или 67,4 % земельной площади страны; ввиду климатических и географических особенностей, они характеризуется неоднородным составом (рисунок 1).

Рис. 1. Карта лесов Японии

Источник: [Japan Forestry., 2010]

© Корнилова А. В., Салиенко Н. В., Малинин В. Л., 2020

2 Торговля лесной продукцией // ФАО : [сайт]. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80938@180724/ru/> (дата обращения: 15.08.2020); Структура и краткая характеристика лесного комплекса Российской Федерации / Минпромторг // Продерево : [сайт]. URL: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/struktura-i-kratkaya-kharakteristika-lesnogo-kompleksa-rossijskoj-federatsii.html>. Дата публикации 19.04.2018

3 Trade // ФАО : [сайт]. URL: <http://www.fao.org/3/w9615e/w9615e0a.htm> (дата обращения: 15.08.2020)

4 Forest and Forestry Basic Act: Act No. 161 of July 9, 1964. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?id=50&re=02&vm=02 (дата обращения: 15.08.2020).

5 Климатические особенности Японии // Nippon.com : [сайт]. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/jg00059/> (дата обращения: 15.08.2020); Climate and Average Weather in Japan // Weather&Climate : [сайт]. URL: <https://weather-and-climate.com/average-monthly-Rainfall-Temperature-Sunshine-in-Japan> (дата обращения: 15.08.2020); General Information on Climate of Japan // Japan Meteorological Agency : [сайт]. URL: <https://www.data.jma.go.jp/gmd/cpd/longfcst/en/tourist.html#:~:text=Japan%20has%20four%20distinct%20seasons,the%20Sea%20of%20Japan%20side.&text=Eastern%20Japan%20has%20hot%20and,side%20and%20in%20mountainous%20areas> (дата обращения: 15.08.2020).

6 Japan Population // Worldometers.info : [сайт]. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/japan-population/> (дата обращения: 15.08.2020).

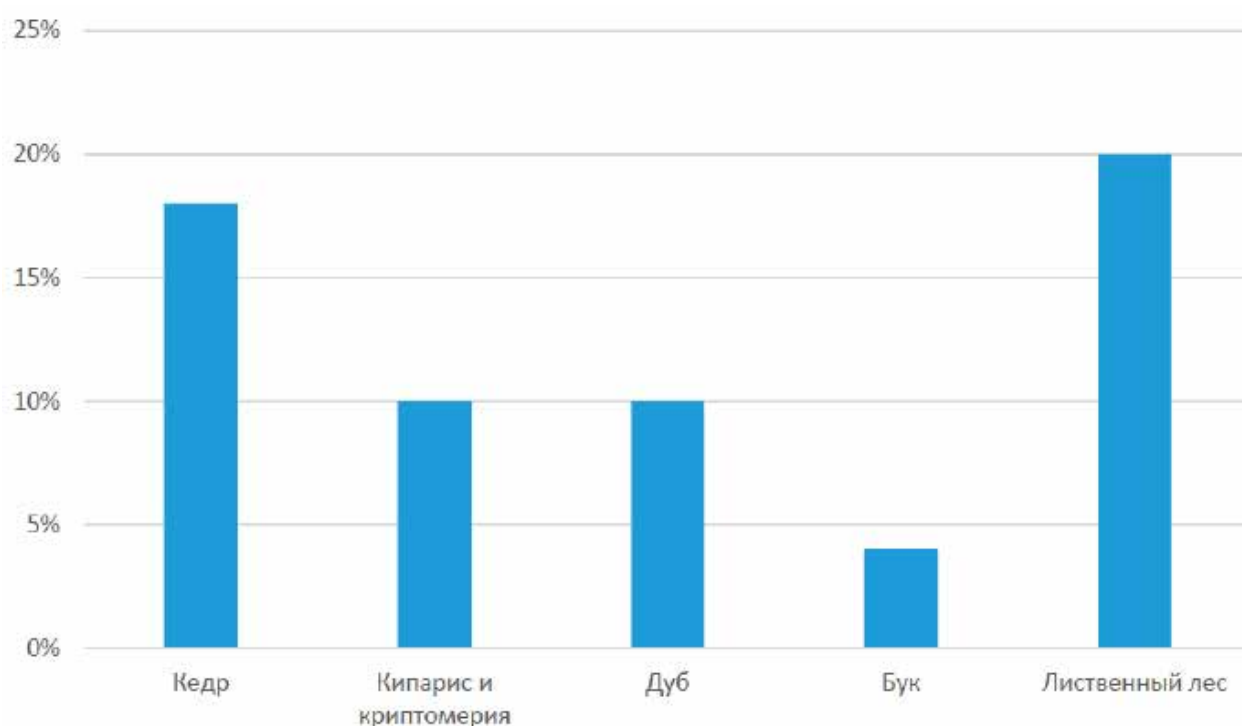

Рис. 2. Основной состав лесов Японии, в процентах
Источник: [Japan Forestry., 2010]

Приблизительные запасы леса в Японии оцениваются в 4,9 млрд м³. Их качественный состав приведен на рисунке 2.

Как видно из данных показателей, японский лесной рынок, несмотря на ограниченность в ресурсах, достаточно богат, чтобы самостоятельно обеспечивать основные потребности своих

производств в древесных изделиях, но недостаточно разнообразный в контексте планов японского правительства в интенсивном развитии производства, в том числе автомобилестроения, мебельной мануфактуры, электроники и строительства, где требуются особые виды древесного сырья и изделий.

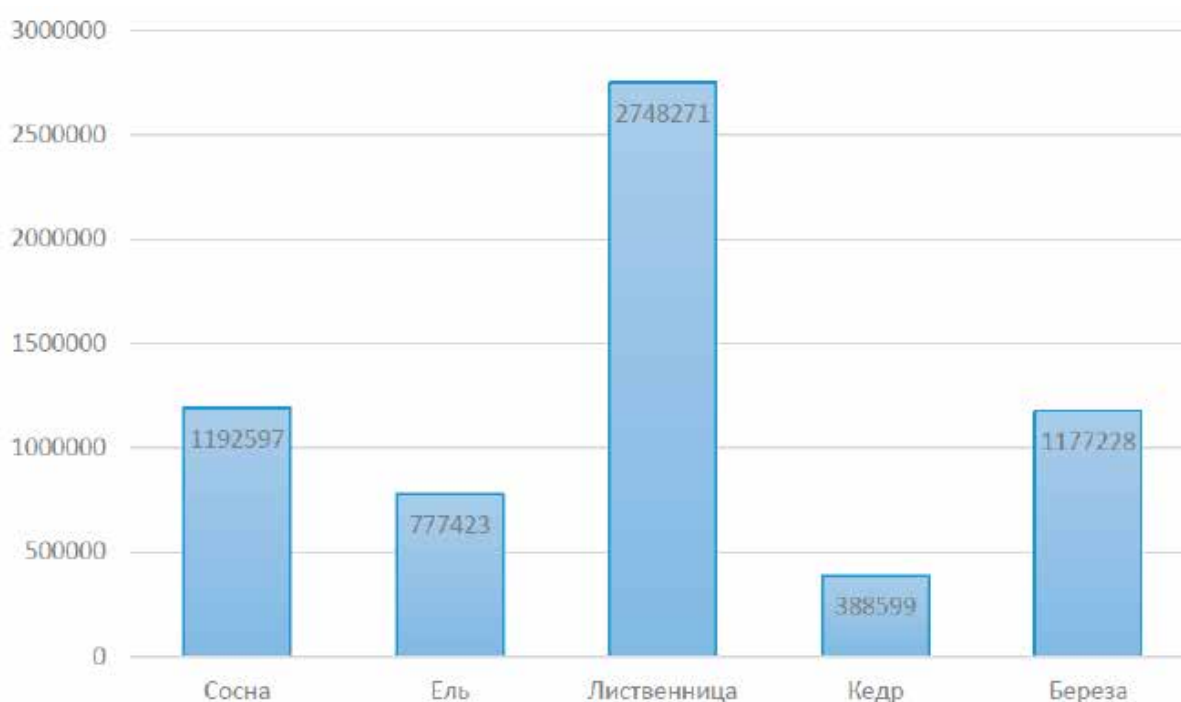

Рис. 3. Основной состав лесного фонда РФ (тыс. га)
Источник: [Буданова, 2018]

Целесообразно сравнить японскую ситуацию на древесном рынке с российским лесным фондом. Площадь лесов России составляет около 809 млн га (примерно в 20 раз больше, чем в Японии), они занимают 46,6 % территории страны (у Японии 67,4 %) при значительной разнице в плотности населения (8,57 чел/км² против 343 чел/км² в Японии)¹. Основной состав лесного фонда России приведен на рисунке 3. Меньше всего в России дуба (6,877 га), бука (686,4 га) и осины (24,105 га).

Лесистость в России увеличивается в протяженности с запада на восток. Наибольшая лесистость наблюдается в Сибири и на Дальнем Востоке. В Иркутской области она составляет 82,6 % территории (69,4 млн га, или в 2,5 раза больше, чем общая площадь лесов в Японии). Также высокая лесистость в Пермском крае и в Республике Коми.

Таким образом, сопоставляя эти показатели с ситуацией в Японии, можно сделать вывод об основных интересах России на японском деревообрабатывающем рынке. Очевидно, что России целесообразно продавать те виды деревьев, которых недостает в Японии: это сосна, ель и береза, которые распространены в относительной близости от японского рынка. Это снижает транспортные издержки, в том числе в интересах Японии, которая в основном импортирует данные породы из Канады.

Доля экспорта древесины из России составляет четвертое место среди экспортно-ориентированных отраслей, после экспорта нефти, газа и металлов. Среди лесопользования преобладает заготовка древесины (более 90 % площади лесов). В 2016 году было изъято около 205,21 млн м³ древесины, преимущественно хвойных пород. Таким образом, поскольку добыча леса в России ориентируется на экспорт, объясняется, почему вырубается преимущественно хвойные леса (сосна и ель). Этот же факт является основным обоснованием расширения торговли с Японией: на данном рынке востребованы породы деревьев, которых нет на внутреннем рынке, и поставки которых из дальнего зарубежья (Канады, США и Европы) требуют больших транспортных затрат.

Другой предпосылкой для выполнения данной задачи является сложившееся текущее неэффективное использование лесного потенциала РФ.

Российская лесопродукция на мировом рынке неконкурентоспособная, поскольку поставляет значительную долю слабо обработанного сырья (46 % обработанных лесоматериалов и 20 % необработанных).

Одним из вариантов решения проблемы предлагается введение в России добровольной лесной сертификации предприятий [Буданова, 2018]. Теоретически, это решает и другие проблемы с лесной промышленностью РФ, связанные с лесными пожарами и отсутствием эффективных механизмов контроля за вырубкой лесов, прежде всего российскими и китайскими компаниями, как преобладающими на лесном рынке РФ. Развитие системы сертификации осложняется прежде всего бюрократическими проблемами.

Тем не менее, решение проблемы имеет смысл хотя бы потому, что Япония увеличивает спрос на импорт клееной древесины и пиломатериалов из европейских регионов и Китая, и снижает спрос на дерево из США и Канады. Китай увеличивает поставки в Японию ламинированного дерева и фанеры, с ростом около 5 % в год². В интересах России японский рынок, в текущем положении дел, является очень привлекательным для увеличения экспорта высококачественных обработанных хвойных пород дерева. С 2012 года Япония является седьмым по величине рынком сбыта российской хвои, поскольку Япония снижает импорт ели, сосны и пихты из Канады. Текущее соотношение импорта хвои из России и Канады оценивается в 123,700 м³ в год и 344,500 м³ в год соответственно³. При этом, самым конкурентоспособным поставщиком является Канада, а Европа и Россия торгуют практически по равной цене. Основным интересом Японии сейчас — пиломатериал таруки, представляющий собой строганный брус квадратного сечения из хвойной породы дерева (сосна или ель), используемый в жилищном строительстве⁴.

В целом, Россия для Японии выглядит как привлекательный импортер качественных дре-

1 Лес // Природа России : [сайт]. URL: <http://www.priroda.ru/regions/forest/> (дата обращения: 15.08.2020).

2 Export value of wood from China to Japan 2008-2018 // Statista : [сайт]. URL: <https://www.statista.com/statistics/798541/china-wood-exports-to-japan/>. Дата публикации 08.05.2020.

3 Lumber imports to Japan: volumes and prices // Whatwood : [сайт]. URL: <http://whatwood.ru/english/lumber-imports-to-japan-volumes-and-prices/> Дата публикации 20.07.2013.

4 Там же; Lumber & Plywood Division // Hanva : [сайт]. URL: <https://www.hanva.co.jp/en/business/other/> (дата обращения: 15.08.2020).

весных изделий тех пород дерева, которых не достаёт на внутреннем рынке. Проблема в том, что российские нестроганые пиломатериалы (20 % экспорта дерева из РФ) являются самыми дорогими на японском рынке. В основном Россия поставляет в Японию генбану (необрезанная доска из хвой, или из высококачественной ангарской сосны), которая обрабатывается на месте⁵. Для Японии проблема с выбором качественного импорта древесной продукции актуализируется ввиду ускорения развития жилищного строительства, которое ориентируется на новые экологические стандарты⁶ [Amino, 2004; Anagnostou, 2018; Berg, 2017]. Одновременно, импортируемая продукция должна быть как минимум не хуже японской древесины, составляющей около 70 % всех поставок лесных материалов в Японии, при том, что политика импорта целиком определяется спросом от строительной жилищной отрасли⁷.

5 Genban // KLM Group : [сайт]. URL: <http://www.klm-co.ru/genban> (дата обращения: 15.08.2020).

6 Там же.

7 Японский экспорт и импорт в июле 2019 года // ЛесПромИнформ : [сайт]. URL: <https://lesprominform.ru/>

Другие факторы, определяющие импорт древесины в Японии — рост жилищного строительства в США, спрос на древесину в Китае и нормативно-правовые меры, направленные против незаконной вырубке леса в странах-поставщиках.

Результаты

Таким образом, получается, что Японии от российского импорта требуются высококачественные необработанные или обработанные древесные материалы, преимущественно из хвойных пород (в Японии с 1985 года существует множество собственных деревообрабатывающих заводов⁸ [Баранов, 2020]). Требуются заготовки как конструктивные элементы, фанера, ламинированная и сушенная древесина.

Исследование основных участников азиатско-тихоокеанского рынка древесной продукции позволяет оценить российских конкурентов на японском рынке. По состоянию на 2018 год основными импортерами древесины в Японию были следующие (рисунок 4).

news.html?id=11462. Дата публикации 18.09.2019.

8 Global timber market review #10-2016 // Whatwood: [сайт]. URL: <https://whatwood.ru/english/global-timber-market-review-10-2016/>. Дата публикации 03.06.2016.

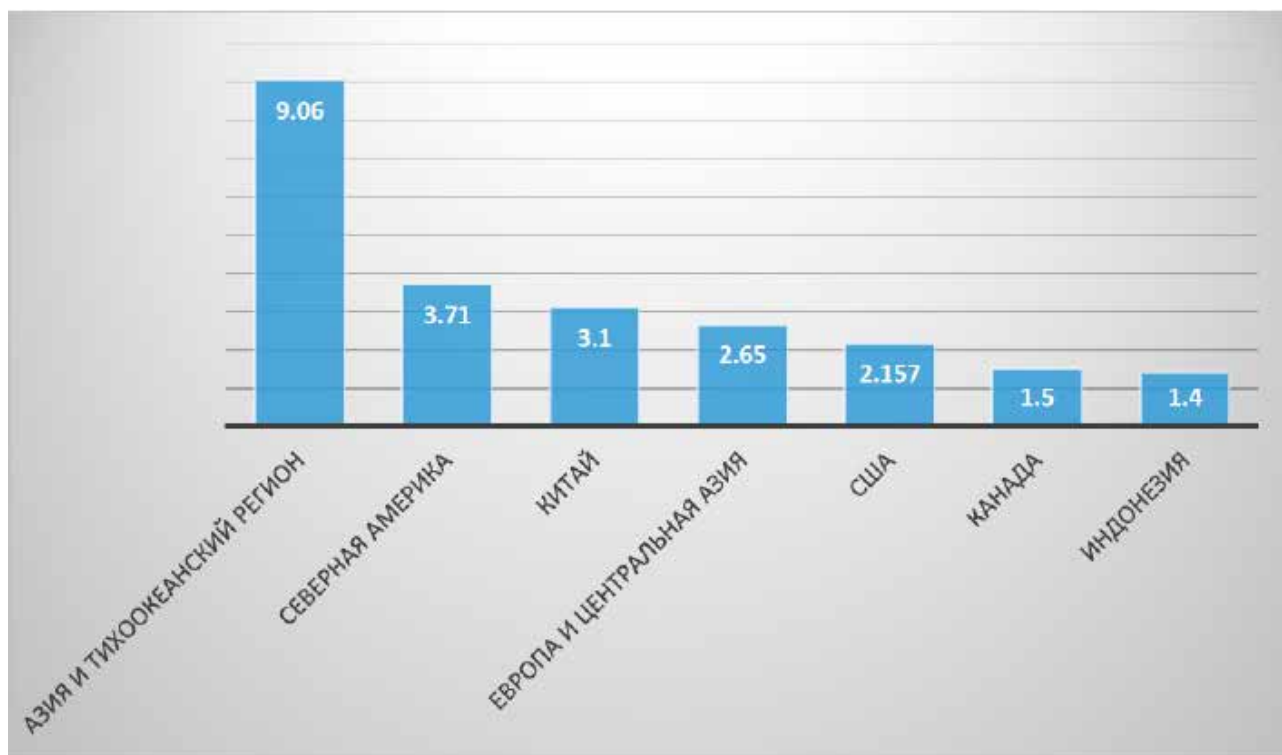

Рис. 4. Основные импортеры древесины в Японии, в млрд долл. США (2018 г.)

Источник: составлено авторами по данным Japan Wood Imports by country and region in US\$ Thousand 2018 // WITS : [сайт]. URL: [https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/JPN/Year/2018/TradeFlow/Import/Partner/all/Product/44-49 Wood](https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/JPN/Year/2018/TradeFlow/Import/Partner/all/Product/44-49%20Wood) (дата обращения: 15.08.2020).

Российский импорт оценивается в 563 млн долларов США, то есть почти в три раза меньше, чем у Канады¹. Для Китая японский рынок древесины занимает второе место по экспорту после США: в США из Китая импортируется древесины на сумму 9,358 млрд долларов, в Японию на сумму 2,837 млрд долларов (примерно столько же в Гонконг, 2,470 млрд долларов США). В соседнюю Корею Китай поставляет древесины на 1,145 млрд долларов, приблизительно аналогичные суммы (порядка 1,0 млрд долл.) идут от торговли с Вьетнамом, Малайзией и Филиппинами. Китай потребляет относительно немного древесины и бумаги, по сравнению развитыми странами, такими как США. Объем древесины для экспорта в Китае составляет около 173,000 м³ (в России — 123,700 м³ в год, в Канаде 344,500 м³), на внутренние нужды направляется 138,000 м³² [China's Wood Market., 2004]. Собственные лесные ресурсы уже давно практически истощены, а государственные экологические законы значительно ограничивают возможности для лесопроизводителей. Поэтому китайские компании пытаются выйти из ситуации за счет рациональной внешней политики и торговли, в том числе ориентируясь на российские леса, поскольку российские законы слабо регулируют лесную промышленность³ [Ильина, 2017]. Другими словами, ввиду сложившейся экологической ситуации в Китае, его лесопроизводители расширяют сотрудничество с Россией, чтобы восстановить экологию КНР на то время, пока происходит эксплуатация российских лесов, поскольку это выгодно для обеих коммерческих сторон, до тех пор, пока в России не поменяется экологическая политика в сфере лесопользования. Японский рынок для Китая также интересен, поскольку Китай практически не экспортирует целлюлозу (не нужную Японии от Китая), но вместо этого предлагает значительные поставки фанеры

и мебели, что отвечает потребностям жилищного строительства Японии. Основная причина того, что Китай как импортер более интересен для Японии, чем Канада и Россия, состоит в дешевой стоимости его древесины⁴. Не в последнюю очередь это определяется и благодаря удобной для Китая возможности эксплуатировать недорогие и доступные лесные территории России, что возможно благодаря сложившемуся законодательству и торгово-экономическими отношениям между странами. Также Китай ожидает роста развития жилищного строительства в Японии, что будет удобным случаем улучшить свое положение на рынке и повысить конкурентоспособность. Китай заинтересован в фактической монополизации древесного рынка Японии, но не может этого сделать по одной причине: истощенности своих ресурсов. Эта причина полностью определяет торговую политику Китая на азиатско-тихоокеанском рынке — КНР не способна предоставить японской промышленности все виды необходимой древесины разных сортов и формы. Поэтому, в настоящее время Китай целиком зависит от российского лесного фонда, что объясняет активность китайских лесопроизводителей на российских территориях.

Россия в отношении с Китаем на данном рынке в выигрышной ситуации. Япония от России может ожидать три основных вида поставок дерева: обрезная доска и брус для целей жилищного строительства, мебель и декор для автомобилей и электроники. Можно составить приблизительные оценки этих трех направлений по ожидаемой прибыльности и рыночным издержкам.

Как уже говорилось, Россия привлекает японских потребителей качественным хвойным деревом, прежде всего генбаной и таруки. Хвоя — относительно редкий вид дерева на японском рынке, в особенности обработанная. Сейчас Россия поставляет генбану и таруки из дальневосточных портов для заказчиков из жилищного строительства. Поставляется он в виде досок, которые обрабатываются уже на японских предприятиях в форму строительных брусев. Для России повысить прибыльность от продажи материала на этот рынок довольно просто: открыть на Дальнем Востоке небольшие деревообрабатывающие пред-

1 Japan Wood Imports by country and region in US\$ Thousand 2018 // WITS : [сайт]. URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/JPN/Year/2018/TradeFlow/Import/Partner/all/Product/44-49_Wood (дата обращения: 15.08.2020).

2 Forest and Forestry Basic Act : Act No. 161 of July 9, 1964. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?id=50&re=02&vm=02 (дата обращения: 15.08.2020).

3 Косиновская А. Китай вырубает леса России. Это правда? Да, но не совсем! // Greenpeace : [сайт]. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2019/03/15/kitaj-vyrubaet-lesa-rossii-jeto-pravda-da-no-ne-sovsem/>. Дата публикации 15.03.2019.

4 Japan Wood Products Prices // Globalwood : [сайт]. URL: http://www.globalwood.org/market/timber_prices_2019/aaw20190601c.htm. Дата публикации 10.06.2019.

приятия, создающие уже готовую строительную продукцию из хвойных пород. Потребуется лучше узнать особенности строительства в Японии, чтобы адекватно оценить типы требуемых конструкций. При грамотной маркетинговой политике эти небольшие предприятия будут расширены до масштабов торговли в регионе Юго-Восточной Азии, куда можно поставлять хвойную строительную продукцию.

Одновременно предприятия будут выпускать другие виды продукции из хвои, прежде всего для мебели или декора. Японская промышленность в настоящее время переориентируется на экологичные материалы: примером является инновационный супер-кар, большую часть элементов которого составляют компоненты из растительного целлюлозного нановолокна (CNF). В основном деревянные компоненты расположены во внутренней отделке, а автомобиль в целом в разы снижает выбросы углерода в атмосферу, и весит на 10 % меньше обычного автомобиля⁵.

Суть технологии CNF в том, что обработанная древесина подвергается горячему прессованию до образования нановолокон. В результате получается новый вид древесины, в 12 раз прочнее и в 10 раз жестче обычной. Он долговечный, и гораздо дешевле углеродного волокна, обладающего схожими свойствами (этот вид дерева удерживает выстрелы от пуль, а обычное дерево нет).

Создатели технологии заявляют, что материал для исходной древесины может быть практически любым [Irving, 2018]. Для рынка деревянных изделий это определяет динамику конкуренции между породами деревьев: плотность хвои немного меньше плотности лиственных пород (850 кг/м³ против 1,000 кг/м³), следовательно, хвойные породы здесь несколько проигрывают в потребности лиственным. Решение для российских поставщиков хвои — налаживать технологии использования вторичной переработки древесных

отходов для снижения производственных издержек. Данные технологии, используемые в европейских странах, позволяют снизить цены на экспортируемое дерево за счет их обработки прямо в России, за счет чего откроется возможность для продажи дешевого хвойного сырья японской мебельной и автомобильной промышленности. Это значительно потеснит позиции Китая как импортера древесных изделий в Японии, поскольку ограниченность в лесных ресурсах КНР на некоторое время, при условии развития российского лесопроизводства на Дальнем Востоке, только увеличит его зависимость от торговой, лесопромышленной и экологической политики России. Китай будет вынужден переориентировать отношения с российскими лесопроизводителями на технологическое направление, меняя роль с торгового партнера на поставщика машин, оборудования и производственных ресурсов.

Заклучение и рекомендации. Таким образом, перспективная возможность выхода России на японский рынок деревянных изделий кроется в продуманной государственной и коммерческой политике. За счет мониторинга интересов японских потребителей целесообразно совмещать методы регулирования цен на древесные изделия с потребностями конкретного рынка. Основными задачами будут являться обоснование цены на качественное дерево для японских потребителей, рационализация и диверсификация дальневосточного рынка древесных изделий. Создание крупных деревообрабатывающих кластеров на Дальнем Востоке заставит Китай резко переориентировать свою политику на азиатско-тихоокеанском рынке деревянных изделий. Создание совмещенного с КНР единого рынка древесной продукции на российских условиях сформирует конкурентоспособный Европе и Северной Америке мировой центр торговли качественными древесными материалами. Географическая близость этого рынка к японским потребителям будет означать более низкие цены на качественное импортное дерево, что входит в интересы японских производителей.

5 Blain L. Japan proposes wooden cars made of plant-based cellulose nanofibers // NewAtlas : [сайт]. URL: <https://newatlas.com/automotive/cnf-cellulose-nanofibers-wooden-car/>. Дата публикации 31.10.2019.

Список источников

1. Баранов, 2020 — Баранов К. Импортзамещение по-японски. Как устроен современный японский лесопильный завод / Кирилл Баранов, Юлия Валайне // ЛесПромИнформ №2 (148), 2020. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=5652>.
2. Буданова, 2018 — Буданова М. В. Повышение конкурентоспособности предприятия

- лесопромышленного комплекса РФ за счет добровольной лесной сертификации / М. В. Буданова // Проблемы современной экономики. № 1 (65). 2018. С. 109–112. ISSN 1818-3395.
3. Ильина, 2017 — *Ильина О.* О путях сохранения лесной среды и мозаичности лесного ландшафта при рубках / Ольга Ильина, Андрей Родионов // ЛесПромИнформ №6 (128), 2017. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4788>.
 4. Amino, 2004 — *Amino Y.* An overview of modern Japanese wood construction – Interaction with tradition / Y. Amino // 10. Internationales Holzbau-Forum. Austria, 2004. URL: https://www.forum-holzbau.ch/pdf/an_overview-Yoshiaki.pdf.
 5. Anagnostou, 2018 — *Anagnostou G.* The influence of traditional Japanese timber design and construction techniques on contemporary architecture and its relevance to modern timber construction / G. Anagnostou // Gottstein Fellowship Report. 2018. URL: https://gottsteintrust.org/wp-content/blogs.dir/651/files/2018/10/GAnagnostou_Gottstein-Report1018.pdf.
 6. Berg, 2017 — *Berg N.* Raze, rebuild, repeat: why Japan knocks down its houses after 30 years / N. Berg // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2017/nov/16/japan-reusable-housing-revolution>. Дата публикации 29.07.2017.
 7. China's Wood Market., 2004 — *China's Wood Market, Trade and The Environment* / Z. Chunquan, R. Taylor, F. Guoqiang. Beijing : Science Press USA Inc & WWF International, 2004. URL: <http://wwf.zxzx.me/content/press/publication/Chinawood.pdf>.
 8. Fukuda, 2020 — *Fukuda Sh.* Regional Convergence under Declining Population: The Case of Japan / Shin-ichi Fukuda, Koki Okumura // Japan and the World Economy. Vol. 55, September 2020. doi: 10.1016/j.japwor.2020.101023.
 9. Irving, 2018 — *Irving M.* "Super wood" sports the strength of steel / M. Irving // Newatlas : [сайт]. URL: https://newatlas.com/super-wood-stronger-steel/53307/?itm_source=newatlas&itm_medium=article-body. Дата публикации 07.02.2018.
 10. Japan Forestry., 2010 — *Japan Forestry Outlook Study* // Working Paper No. APFSOS II/WP/2010/30. Bangkok. 2010. URL: <https://silo.tips/download/japan-forestry-outlook-study>.
 11. Kobayashi, 2016 — *Kobayashi M.* The Housing Market and Housing Policies in Japan / Masaro Kobayashi ; Asian Development Bank Institute // ADBI Working Paper Series, no. 558, March 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/181404/adbi-wp558.pdf>.
 12. State of Japan's Forests., 2019 — *State of Japan's Forests and Forest Management* // 3rd Country Report of Japan to the Montreal Process. 2019. URL: <https://www.maff.go.jp/e/policies/forestry/attach/pdf/index-8.pdf>.

References

1. Baranov K. Importozameshcheniye po-yaponski. Kak ustroyen sovremennyy yaponskiy lesopil'nyy zavod [Japanese import substitution. How a modern Japanese sawmill works]. Kirill Baranov, Yulia Valaine. *LesPromInform* №2 (148), 2020. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=5652> (in Russian).
2. Budanova M. V. Povysheniye konkurentosposobnosti predpriyatiya lesopromyshlennogo kompleksa RF za schet dobrovol'noy lesnoy sertifikatsii [Increasing the competitiveness of an enterprise of the timber industry complex of the Russian Federation through voluntary forest certification]. M. V. Budanova. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of modern economics*. No. 1 (65). 2018.S. 109–112. ISSN 1818-3395 (in Russian).
3. Ilyina O. O putyakh sokhraneniya lesnoy sredy i mozaichnosti lesnogo landshafta pri rubkakh [On the ways of preserving the forest environment and mosaic nature of the forest landscape during felling] Olga Ilyina, Andrey Rodionov. *LesPromInform* No. 6 (128), 2017. URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4788> (in Russian).
4. Amino Y. An overview of modern Japanese wood construction – Interaction with tradition. Y. Amino. 10. *Internationales Holzbau-Forum*. Austria, 2004. URL: https://www.forum-holzbau.ch/pdf/an_overview-Yoshiaki.pdf.
5. Anagnostou G. The influence of traditional Japanese timber design and construction techniques on contemporary architecture and its relevance to modern timber construction. G. Anagnostou. *Gottstein*

- Fellowship Report*. 2018. URL: https://gottsteintrust.org/wp-content/blogs.dir/651/files/2018/10/GAnagnostou_Gottstein-Report1018.pdf.
6. Berg N. Raze, rebuild, repeat: why Japan knocks down its houses after 30 years. N. Berg. *The Guardian* : [website]. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2017/nov/16/japan-reusable-housing-revolution>. Date of publication 07/29/2017.
 7. *China's Wood Market, Trade and The Environment*. Z. Chunquan, R.Taylor, F. Guoqiang. Beijing : Science Press USA Inc & WWF International, 2004. URL: <http://wwf.zxzx.me/content/press/publication/Chinawood.pdf>.
 8. Fukuda Sh. Regional Convergence under Declining Population: The Case of Japan. Shin-ichi Fukuda, Koki Okumura. *Japan and the World Economy*. Vol. 55, September 2020. doi: 10.1016/j.japwor.2020.101023.
 9. Irving M. "Super wood" sports the strength of steel. M. Irving. *Newatlas* : [сайт]. URL: https://newatlas.com/super-wood-stronger-steel/53307/?itm_source=newatlas&itm_medium=article-body. Date of publication 02/07/2018.
 10. Japan Forestry Outlook Study. *Working Paper No. APFSOS II/WP/2010/30*. Bangkok. 2010. URL: <https://silo.tips/download/japan-forestry-outlook-study>.
 11. Kobayashi M. The Housing Market and Housing Policies in Japan. Masaro Kobayashi ; Asian Development Bank Institute. *ADB Working Paper Series*, no. 558, March 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/181404/adb-wp558.pdf>.
 12. State of Japan's Forests and Forest Management. *3rd Country Report of Japan to the Montreal Process*. 2019. URL: <https://www.maff.go.jp/e/policies/forestry/attach/pdf/index-8.pdf>.

Информация об авторах:

Корнилова Анна Викторовна — студентка; **Салиенко Наталья Владимировна** — доктор экономических наук, профессор, РИНЦ AuthorID 428058; **Малинин Виктор Леонидович** — кандидат экономических наук, доцент, РИНЦ AuthorID 375556. МГТУ им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Россия, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1.

Information about the authors:

Kornilova Anna V. – student; **Salienko Natalya V.** – Doctor of Economics, Professor, RSCI AuthorID 428058; **Malinin Viktor L.** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, RSCI AuthorID 375556. Bauman Moscow State Technical University (National Research University), 2nd Baumanskaya st., 5, bldg. 1, Moscow, 105005, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.10.2020; одобрена после рецензирования 22.10.2020; принята к публикации 02.12.2020.
The article was submitted 10/06/2020; approved after reviewing 10/22/2020; accepted for publication 12/02/2020.*

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 24–33.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 24–33.

Научная статья

УДК 339.9

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.3

Регионализация инноваций: современные тенденции

Юлия Александровна Коновалова

Российский Университет Дружбы Народов (РУДН) Москва, Россия. konovalova_yua@rudn.university

Аннотация. Несмотря на рост показателей, характеризующих динамику международных экономических отношений, подходы к научной парадигме глобализации медленно смещаются в направлении разнонаправленных тенденций: регионализации, «сворачивания» процесса глобализации или смены ее модели. Причем, каждый из подходов имеет свою убедительную доказательную базу. Одним из признаков регионализации, в частности, является смещение инновационной активности в направлении Азиатских стран, среди которых особое место занимают Китай, Южная Корея и Республика Индия, последняя из которых, даже по мнению экспертов WIPO, за последние несколько лет достигла впечатляющих результатов, увеличив инновационный потенциал. Страна занимает лидирующее место по уровню инноваций среди стран Центральной и Южной Азии, вошла в десятку по объему ВВП с параллельным ростом эффективности инновационной деятельности, повысила качество инноваций через качественные и количественные показатели публикационной активности и рейтингов университетов, развивает научно-технические кластеры глобального значения. В данном случае, разрабатываемые и имплементируемые индийским правительством политики и инициативы, направлены не только на привлечение прямых иностранных инвестиций и использование внешних факторов для решения проблем внутреннего характера, но и на развитие инновационного потенциала, цифровизацию общества и расширение возможностей в доступе к государственным услугам. Индийские государственные инициативы в области инноваций, главным образом, направлены на развитие цепочки взаимодействия в рамках национальной инновационной системы, затрагивающей сферу образования и науки, крупный бизнес и виды экономической деятельности, органы государственной власти и индийское общество.

Ключевые слова: всемирная организация интеллектуальной собственности, инновации, инновационная политика, интеллектуальная собственность, инновационный регион, Индийская Республика, инициатива IMPRINT.

Для цитирования: Коновалова Ю. А. Регионализация инноваций: современные тенденции / Ю. А. Коновалова // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 24–33. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.3

JEL: F36, F 63

Original article

Regionalization of innovations: the modern tendencies

Yuliya A. Konovalova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. konovalova_yua@rudn.university

Abstract. In spite of the growth of the international economic relations' indicators, the approaches to the scientific paradigm of globalization is moving to the direction of multidirectional tendencies: regionalization, «crumbling» of globalization and changing of the globalization model. At the same time, each of the approaches has rather broad and serious evidence base. One of the regionalization' proof is the movement of innovation activity to the direction of the Asian countries, such as China, South Korea and India. The last one of them, according to WIPO experts' opinion, achieved rather significant results for the last years and increased innovation potential. India took the first place on the level of innovations among the countries of the Central and South Asia, took the place in TOP-10 by GDP with the parallel growth of the innovation activity' efficiency, increased the quality on innovations through the quality and quantity of publication activity' indicators and Universities ratings, is developing scientific and technical clusters of the global meaning. In these case, policies and initiatives, that have been developed and implemented by the Indian government, were aimed not only at the attractiveness of the foreign direct investment in order to solve the national economy tasks and problems, but to develop innovation potential, digitalization of the society and broadening of the opportunities to the government services access. Initiatives of the Indian government in the sphere of innovations, mainly, are aimed at the development of the chains of cooperation within the framework of National innovation system, and covered the spheres of education, science, big business and types of economic activity, officials and the Government, and Indian society.

Key words: world intellectual property organization, innovation, innovation policy, intellectual property, innovation region, Indian Republic, IMPRINT initiative.

For citation: Konovalova Yu. A. Regionalization of innovations: the modern tendencies. Yu. A. Konovalova. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 24–33. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.3

JEL: F 63

Введение

Без сомнения, значительный дисбаланс в мировое хозяйство вносит пандемия COVID-2019, дальнейшее развитие которой предсказать достаточно сложно, даже с учетом предпринимаемых мер. «Под ударом» оказались все области международных экономических отношений, инновационная сфера, в том числе. Наиболее уязвимыми и острыми вопросами, стоящими на повестке экспертов: «Следует ли ожидать по итогам 2020 г. сокращения расходов на НИОКР, венчурный капитал и объекты интеллектуальной собственности?».

Основными инвесторами в НИОКР являются ТНК, введение ограничительных мер и падение деловой активности данных субъектов мирового хозяйства, а также покупательной способности населения и других участников рынка, могут сократить объем расходов на НИОКР по итогам 2020 г. Наиболее уязвимым, по мнению экспертов WIPO, является малый бизнес и стартапы, поскольку венчурные компании в период кризиса склонны сосредотачивать ресурсы на «мегасделках» и наиболее крупных проектах [Глобальный инновационный индекс, 2020].

Напротив, эксперты ЮНКТАД не столь позитивно оценивают «жизненный цикл мегасделок» и наиболее крупных проектов, приводя в подтверждение примеры сорвавшихся сделок из-за пандемии COVID — 2019 на суммы от 100 млн до 5,9 млрд долл. США [World investment report, 2020].

Результаты

Пандемия COVID — 2019 привела к частичному «перемещению» ряда видов экономической деятельности в «онлайн», приведя к резкому росту Интернет-трафика, Интернет-пользователей, повышению спроса на Конференц-площадки и выявив способность эффективного функционирования ряда сфер при переводе в виртуальное пространство. Однако, виды производств, относящиеся к реальному сектору экономики, не могут быть перенесены в онлайн-пространство. Больше возможностей здесь у третичного

сектора экономики — сектора услуг: за период с 2008 по 2018 гг. объем международной торговли коммерческими услугами (мировой экспорт коммерческих услуг) увеличился на 46 %, в 2018 г. мировой экспорт коммерческих услуг составил 5,7 трлн долл., импорт — 5,4 трлн долл. США [World trade statistical review, 2019], в 2019 г. показатели международной торговли коммерческими услугами составили 6,1 трлн долл. (по экспорту), 5,7 трлн долл. США (по импорту). Среди развивающихся стран в TOP-10 мировых экспортеров и импортеров коммерческих услуг входят только Китай и Индия. На Индийскую Республику приходится 3,5 % мирового экспорта коммерческих услуги и 3,1 % мирового импорта, страна входит в TOP-3 мировых экспортеров телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг, по импорту указанных услуг входит в TOP-10 [World trade statistical review, 2020].

В 2001–2019 гг. число индивидуальных пользователей глобальной сети Интернет увеличилось с 8 до 53,6 на 100 жителей (по миру), таким образом, число пользователей глобальной сети в мире увеличилось с 495 млн до 4,13 млрд человек². В 2016 г. Индия стала вторым по величине Интернет рынком, обогнав США (277 млн пользователей), с 333 млн Интернет пользователей, и уступая только Китаю (721 млн пользователей) [The State of Broadband, 2016]. Но статистика, представленная в пострановом разрезе, не отражает общей картины, поскольку на 6 стран — Индию, Китай, Индонезию, Пакистан, Бангладеш и Нигерию, приходится 55 % всех «неподключенных» (не имеющих доступа) к сети Интернет.

Данные, опубликованные в 2017 г., показывают, что сегодня общая численность, не имеющих доступа к глобальной сети, составила 2,4 млрд человек, 85 % из которых приходится на страны с высокой численностью населения — Индию, Китай, Индонезию, Пакистан, Бангладеш. Несмотря на это, именно на Китай и Индию эксперты возлагают большие надежды по увеличению к 2020 г.

2 Statistics // International telecommunication union : [сайт]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения 05.09.2020).

численности к сети пользователей. Государственная программа «Цифровая Индия» разработанная с целью подключения всех индийских деревень и поселков к широкополосному Интернету, должна расширить возможности населения и предоставить доступ к услугам электронного правительства и цифровой экономике знаний. К 2019 г. программа должна была затронуть 250 тыс. деревень [Connecting the unconnected, 2017].

Помимо охвата национальной экономики и граждан, проживающих на территории отдельно взятой страны, глобальная сеть давно и успешно интегрирована в международный обмен знаниями и технологиями. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) [8], опубликованным в 2019 г., конкурентным преимуществом экономической географии XXI в. является многообразие способов международного обмена инновациями, позволяющие устанавливать связи между специалистами, находящимися далеко друг от друга. Это, в том числе, способствовало формированию так называемого глобального ландшафта инноваций, который состоит из консолидированных передовых центров, расположенных в разных географических локациях. Динамические силы, формирующие глобальные инновационные сети, отличаются разнонаправленностью и взаимодействуют друг с другом достаточно сложным и специфическим образом.

Характер географии инноваций двойственен, поскольку, с одной стороны отражает глобальный подход к формированию и распространению инноваций, с другой стороны — сегодня можно наблюдать процесс активной концентрации инноваций в нескольких региональных локациях. Значительную роль в формировании инноваций играют Азиатские страны, то есть, государства, в подавляющем большинстве относящиеся к развивающемуся типу развитию, что ломает складывающийся в XX в. тренд о формировании инноваций только в индустриально развитых капиталистических странах.

Если в 1970–2000 гг. около 75 % патентной деятельности генерировалось очень узким набором стран, в число которых входили США, Япония, Германия, то с началом XXI в. и проведением экономических реформ в странах развивающегося порядка, доля развитых экономик стала постепенно сокращаться.

Рост развивающихся стран взаимосвязан с «экономическим рывком» Китая и Южной Кореи, на которые приходится более 20 % патентов, зарегистрированных в 2015–2017 гг., в 1990–1999 гг. доля Китая и Южной Кореи составляла всего лишь 3 %. Еще одним фактором, который способствует созданию и распространению инноваций, являются транснациональные корпорации (ТНК), глубоко интегрированные в Национальные инновационные системы, в частности, США, Китая, Индии, Южной Кореи, Японии.

За период с 2009 по 2018 гг. число зарегистрированных в Индии заявок на патенты, поданных резидентами, увеличилось с 7,2 тыс. до 16,3 тыс., поданных нерезидентами — с 27 тыс. до 33,7 тыс., поданных резидентами за границей — с 4,6 тыс. до 13,7 тыс.; за этот же период число действующих патентов увеличилось с 37,3 тыс. до 60,8 тыс.¹

Характерной чертой современного этапа развития инновационного ландшафта является складывание 2 параллельных тенденций: на глобальном уровне и на региональном уровне (т. е. формирование и развитие нишевых кластеров и концентрацией инновационной деятельности на уровне регионов/городов). Достаточно ярким тому подтверждением является статистика патентной деятельности США, где около 25 % всех патентов, поданных в период с 2011 по 2015 гг., пришлось на агломерации Нью-Йорка, Сан-Франциско и Бостона; в Китае такими регионами являются Пекин, Шанхай, Шэньчжень (рост патентной активности с 36 % до 52 %).

Глобальный характер инновационной деятельности также подтверждается активной совместной публикационной активностью различных научных коллективов и исследователей. В начале XXI в. около 64 % всех научных работ и 54 % патентов генерировались на совместной научной основе группами исследователей и ученых, к середине 2010 гг. показатели составили уже 80 % и 70 %, что свидетельствует о глобализации инновационной активности и вовлеченности ученых из разных стран [География инноваций..., 2019].

Несмотря на то, что страны развивающегося порядка (страны Азии) доминируют по числу подаваемых заявок на регистрацию патентов, полезных моделей, товарных знаков и промыш-

¹ Statistical country profile // WIPO : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/profile.jsp?code=IN (дата обращения 05.09.2020).

ленных образцов (на них приходится 66,8 % всех патентных заявок в мире) [ВОИС ИС..., 2019], они выступают лишь генераторами данных продуктов, а большая часть международного инновационного сотрудничества сосредоточена по-прежнему в Трансатлантическом регионе (в США и странах ЕС), на которые приходится 68 % и 62 % всего международного сотрудничества в области создания изобретений и научных работ. Более того, страны Юга активнее сотрудничают со странами Севера, нежели в рамках вектора Юг-Юг.

На 10 ведущих очагов сотрудничества (Сан-Франциско, Нью-Йорк, Франкфурт, Токио, Бостон, Шанхай, Лондон, Пекин, Бангалор, Париж) приходится 26 % всех международных совместных изобретений. Некоторые из перечисленных центров, в том числе, являются и Международными финансовыми центрами, то есть городами с определенной бизнес экосистемой, инвестиционным и налоговым климатом, набором участников и т. д. По данным think thank центра Z/yeu (The Global Financial Centres Index 27 — 2020), в TOP-5 мировых финансовых центров входят Нью-Йорк, Лондон, Токио, Шанхай, Сингапур².

За период с 2000 по 2020 гг. доля научных работ, подготовленных на базе международного сотрудничества, базирующихся внутри очагов инноваций/кластеров, в 3 раза превысила объем работ, созданных в других локациях. Это свидетельствует о эффективности глобального межстранового подхода в отношении генерации инноваций. Ядром сосредоточения инновационных очагов, по-прежнему, являются США, ЕС, ряд стран Азиатского региона.

Одним из наиболее важных вопросов, на который пытаются сегодня ответить эксперты, является: «Какие факторы влияют на формирование предпосылок и развитие инновационных агломераций/регионов в той или иной локации?».

Как правило, в систему факторов, влияющих на кластеризацию инноваций, входят: квалифицированная рабочая сила, эффект масштаба рынка, обмен знаниями и технологиями между компаниями/корпорациями, расположенными в одной локации, кроме того, принято включать такие факторы, как имплементация и эффективность конкретной экономической или иной по-

литики, исторически сложившиеся связи и т. д.

Цифровизация, автоматизация и создание межрегиональных и глобальных инновационных сетей, не требующих присутствия сотрудника на определенном рабочем месте, может поставить под сомнение и объективную необходимость функционирования и содержания традиционных офисов. Дополнительный мотив был задан развернувшейся пандемией вируса, заставивший многих участников рынка, по возможности, перейти на удаленный/дистанционный формат работы. Однако, перенос «ответственности и обеспечения» рабочего места и условий труда с работодателя на работника потребует от себя повышения оплаты труда.

Еще одним фактором, который способствует концентрации на региональном уровне высококвалифицированной рабочей силы и инновационной деятельности, являются рыночные силы (или фактор рынка), которые обеспечиваются функционированием на территории определенных организаций, частных и государственных, эффект от деятельности которых определяет характер, технологичность, объем и иные показатели по выпуску продукции и услуг. В том числе, необходимым, является присутствие в инновационных кластерах/локациях так называемых «якорных» компаний, или «якорного» бизнеса, способного влиять на траекторию развития инноваций и агломерации. Высокая концентрация крупных корпораций или даже среднего бизнеса, производящего инновационный продукт, способна регулировать и влиять на рынок труда в регионе, и новым компаниям, появляющимся на рынке, проще искать работников необходимой квалификации, специальности и подготовки.

Параллельно с концентрацией бизнеса, инновационного, в том числе, важную роль играет наличие академической среды, высших учебных заведений (узкого или широкого профиля), колледжей и т. д., а также государственная политика в области инноваций, промышленная политика и программы поддержки и финансирования. Выпускники ВУЗов включаются в деятельность как функционирующих корпораций, так и учебных заведений, развивая и расширяя географию инноваций.

В США на протяжении 100 лет (с 1875 по 1975 гг.) действовала Федеральная система предоставления земли университетам (Land-grant

2 The Global Financial Centres Index // Z/Yen : [сайт]. URL: <https://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/global-financial-centres-index/> (дата обращения 05.09.2020).

colleges system). В Индии таким примером является г. Бангалор — Индийская силиконовая долина (кластер информационно-коммуникационных технологий).

Наиболее эффективно работающей цепочкой для функционирования Национальной инновационной системы является цепочка «Образование/ВУЗы – Бизнес/Предприятия/ТНК — Государство — Национальная экономика/Доход/Выпуск продукции». В данном случае успешными примерами данной цепочки являются Силиконовая или Кремниевая долина в США, а также реализуемая в Индии государственная инициатива «IMPRINT».

Государственная инициатива «IMPRINT» («Impacting Research Innovation and Technology») [National launch..., 2015] была запущена в 2015 г., и является первым в своем роде совместным проектом, подготовленным Индийским технологическим институтом и Индийским институтом наук при финансировании Министерства развития человеческих ресурсов (Министерства образования) Индии¹.

Целевой аудиторией в рамках данной инициативы выступает научное сообщество (преимущественно, технические учреждения), а также само индийское общество. Специфика инициативы заключается в том, что за каждым конкретным видом деятельности (сферой экономики) фактически закреплен специализирующийся ВУЗ или группа ВУЗов и иных научно-исследовательских институтов. Всего участниками инициативы являются 17 ВУЗов. Профиль участников — прикладные науки, что определяет общую направленность инициативы на технические проекты, в том числе, высокотехнологичные производства.

Направления экономического и научно-технического развития в рамках инициативы ограничены 10-ю доменами (областями), в которые входят здравоохранение, информационно-коммуникационные технологии, энергетика, устойчивая окружающая среда и условия проживания, нано-технологии и сопряженное оборудование, водные ресурсы и речные системы, современные материалы, промышленное производство, оборонно-промышленный комплекс, окружающая среда и изменение климата [Коновалова, 2016].

Параллельно с инициативой «IMPRINT» в стране была разработана и реализуется еще одна государственная программа, направленная на бо-

лее глубокую и проработанную цифровизацию не только индийской экономики, но и всего индийского общества — «Digital India». Идеи развития и внедрения в стране электронного правительства возникли еще в середине 90-х гг. XX-го века, заложив основы расширения доступа отраслевых и профессиональных услуг для населения страны. Первоначально основные инициативы правительства касались компьютеризации железных дорог, земельного учета и развития информационных систем. Позднее инициативы были предложены руководством отдельных штатов, предложивших перевести в электронный формат ряд услуг, предоставляемых гражданам. Однако ряд непроработанных вопросов не позволил полноценно внедрить электронные услуги, необходимым был комплексный подход для создания более взаимосвязанных государственных услуг. Программа электронного правительства «Национальный план электронного правительства» была запущена в 2006 г. и охватывала 31 проект, из которых успешно было реализовано 24. В настоящее время пакет проектов расширен до 44-х².

Значительную роль в реализации государственных инициатив Индии играет малый и средний бизнес, концентрация которого может формировать кластеры. В индийской практике под кластерами понимается именно отраслевая или географическая совокупность предприятий малого и среднего бизнеса, производящих однородные или близкие по типу продукты.

В настоящее время в стране функционирует 388 кластеров, участниками которых являются малые и средние предприятия, а также около 2000 ремесленных и сельских кластеров. На них приходится около 60% индийского промышленного экспорта, что лишний раз доказывает, что предприятия данного масштаба формируют реальный сектор экономики и ее основу.

Кластеры Индии подразделяются на следующие категории: промышленные кластеры и кластеры микробизнеса. В стране насчитывается 1416 промышленных кластеров, 3403 рукодельных кластеров, 608 ткацких кластеров, 154 кластера с микро-бизнесом, 66 кластера услуг³ [16].

Эксперты WIPO, как и многие другие представители научного и бизнес сообщества, признают, что ТНК играют одну из ключевых ролей в гене-

1 IMPRINT Initiative. URL: <http://imprint-india.org/>

2 Digital India. URL: <https://digitalindia.gov.in/content/introduction>

3 Cluster Observatory. URL: <https://www.clusterobservatory.in/index.php>

рации и распространении знаний, технологий и инноваций, в том числе и по той причине, что, во-первых, расходы на НИОКР ТНК зачастую преобладают над государственными расходами на НИОКР, и, во-вторых, ТНК являются основными прямыми иностранными инвесторами в мире. Интересным является и тот факт, что ПИИ и включение в международный обмен знаниями и технологиями особенно актуально стали обозначаться в развивающихся странах с началом проведения экономических реформ в 90-х гг. XX-го в. — в Китае, в Индии, — и создание благоприятного инвестиционного климата с целью привлечения иностранных инвесторов и решения ряда проблем в национальных экономиках являлось приоритетной задачей для данных стран.

ТНК, в том числе, являются и основными участниками в формировании региональных и глобальной инновационных сетей, способствующих распространению знаний, технологий, инноваций и т. д. Основная доля сотрудничества, инвестиций и перемещения квалифицированных специалистов приходится на конкретные центры, где создаются знания.

К показателям, характеризующим «производство» знаний, как правило, относят: расходы на НИОКР, число патентов, число научных публикаций и т. д. По данным ОЭСР, в 2018 г. в первые TOP-10 стран по расходам на НИОКР в процентах от ВВП были: Израиль (4,9 %), Южная Корея (4,5 %), Таи пей/Китай (3,4 %), Швеция (3,3 %), Япония (3,2 %), Австрия (3,1%), Германия (3,1 %), Дания (3,0 %), США (2,8%), Бельгия (2,7 %); доля России по данным ОЭСР в 2018 г. составила 0,9 %⁴.

Из 100 транснациональных корпораций, представленных в Отчете ЮНКТАД о мировых инвестициях за 2020 г., ранжированных по объему зарубежных активов, на США приходится 19 %, на них пришлось 16,8 % всех учтенных по TOP-100 нефинансовых ТНК зарубежных активов и 23,7 % общего объема активов, располагаемых корпорациями⁵.

Так, например, в 2019 г. объем расходов на

НИОКР американских материнских ТНК составил 323,1 млрд долл. США, при этом, 210 млрд долл. из них приходится на производство промышленной продукции (из них: 67,8 млрд долл. — химическая промышленность из которых 59,3 млрд долл. приходится на производство фармацевтической и медицинской продукции)⁶. Не исключено, что объем расходов на НИОКР в химической промышленности по итогам 2020 г. увеличится.

Относительно остальных показателей WIPO предоставляет следующую статистику: в 2018 г. общий объем поданных в мире заявок на патенты, товарные знаки и промышленные образцы достиг рекордного уровня. Общее число патентов составило 3,3 млн, полезных моделей — 2,1 млн, товарных знаков — 14,3 млн, промышленных образцов — 1,3 млн.

Анализ географии распределения заявок на регистрацию прав интеллектуальной собственности (ИС) выявляет серьезное превалирование Азиатского региона по указанным видам прав на ИС, в частности: в 2018 г. 97,7 % заявок на полезные модели пришлось на страны АТР, 70 % по товарным знакам, 66,8 % — по патентам, 69,7 % — по промышленным образцам. Бесспорным лидером среди стран АТР является Китай.

Страны Азии продолжают опережать другие регионы по числу подаваемых заявок на регистрацию патентов, полезных моделей, товарных знаков и промышленных образцов. Несмотря на это, статистика поданных заявок отличается от данных по действующим видам прав на ИС, в частности: в 2018 г. в мире насчитывалось около 14 млн действующих патентов, наибольшее число из которых пришлось на США (3,1 млн), на Китай — 2,4 млн действующих патентов, на Японию — 2,1 млн [ВОИС ИС., 2019].

Отдельного внимания заслуживает публикационная активность, концентрация которой, как правило, носит локальный характер, а именно: сосредоточение публикационной и патентной активности в определенных административных районах.

В данном случае можно говорить о том, что городские агломерации, в некоторой степени, могут представлять из себя инновационные агломерации или хабы. В настоящее время в мире на-

4 Gross domestic spending on R&D // OECD : [сайт]. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения 05.09.2020).

5 The world's top 100 non-financial MNEs ranked by foreign assets — 2019 // UNCTAD : [сайт]. URL: <https://unctad.org/SearchCenter/Pages/Results.aspx?k=The%20world%27s%20top%20100%20non-financial%20MNEs,%20ranked%20by%20foreign%20assets,%202019%20a> (дата обращения 05.09.2020)

6 Activities of U.S. Multinational Enterprises (MNEs) // Bureau of economic analysis : [сайт]. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/activities-us-multinational-enterprises-mnes> (дата обращения 05.09.2020)

считывается 174 глобальных очага инноваций и 313 специализированных нишевых кластеров, на которые приходится 85% патентов и 81 % опубликованных научных статей, материалов конференций. Почти 70 % патентов и около 50 % научных статей приходятся лишь на 30 очагов из 16 стран.

Как правило концентрация очагов инноваций по городам/агломерациям носит постоянный характер. Одновременно с этим, процесс интернационализации совместных изобретений и совместных публикаций не теряет своей актуальности и силы в качестве формы распространения и обмена знаниями и технологиями. Однако статистика по совместным изобретениям и совместным публикациям не одинакова: во всех странах (кроме Индии), которые являются лидерами по объему публикационной активности, доля международных публикаций выше, чем доля международных изобретений. Большой международной инновационной и научной открытостью отличаются США, страны Западной Европы, Японии (на них приходится 54 % всех международных публикаций в период 1998–2002 гг., 42% — 2011–2015 гг.

Здесь также стоит отметить тот факт, что наиболее тесные научные связи, выраженные в совместных публикациях и изобретениях, наблюдаются в региональных экономических интеграциях и между отдельными ее членами. При этом именно международное сотрудничество по линии инноваций наиболее активно происходит в треугольнике США — ЕС — Япония, а за его пределами — менее активно. Одновременно с этим, Китай, Индия, Сингапур, Австралия, Аргентина, Бразилия, Мексика и ЮАР расширяют свое участие и сотрудничество, главным образом, в области совместных научных публикаций.

В области научного сотрудничества глобализация изобретательской деятельности в основном затрагивает США и Западную Европу, а также Китай и Индию. В каждой стране есть несколько крупных очагов инноваций, обеспечивающие связь национальной инновационной системы с глобальными инновационными сетями. Вместе с тем, именно национальная политика открытости знаниям и международному сотрудничеству является, пожалуй, сегодня одним из основных факторов, позволяющих национальной экономике интегрироваться в мировое хозяйство более эффективно, повышая конкурентоспособность.

В области инноваций лидирующие позиции в региональном разрезе закреплены за следующими странами: в Североамериканском регионе это, бесспорно, США и Канада (партнеры региональному интеграционному блоку НАФТА/ЮСМКА), в Европейском регионе — Швейцария, Швеция и Нидерланды, в регионе Северной Африки и Западной Азии — это Израиль, Кипр, ОАЭ, в регионе ЮВА, Восточной Азии и Океании — Сингапур, Республика Корея, Гонконг (Китай), среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна — Чили, Коста-Рика, Мексика, среди Африканских стран южнее Сахары — ЮАР, Кения, Маврикий, в регионе Центральной и Южной Азии — Индия, Иран, Казахстан [Глобальный инновационный индекс, 2020].

В глобальном разрезе мировыми лидерами в соответствии с рейтингом инноваций TOP-10 мест распределили за собой следующие страны (в порядке убывания): Швейцария, Швеция, США, Нидерланды, Великобритания, Финляндия, Дания, Сингапур, Германия и Израиль [Глобальный инновационный индекс, 2019]. Среди развивающихся стран эксперты WIPO особенно отмечают уверенный рост в рейтинге Индийской Республики (52-е место в рейтинге). Факторами, обеспечивающими Индии постепенное перемещение в рейтинге инноваций, обеспечивают не только структура ВВП (около 60 % — сектор услуг), превалирование в структуре индийского экспорта услуг информационно-коммуникационных услуг, но и экономические политики, которые начала проводить страна, а также за счет развития кластеров Бенгалор, Мумбай и Нью-Дели.

Несмотря на значительные изменения, которые происходят из года в год, лидирующие места, главным образом, закреплены за развитыми экономикой и странами с высоким уровнем дохода, а также с высокой долей расходов на НИОКР. Поэтому, более концентрированное сотрудничество происходит, как это было уже указано, главным образом, в треугольнике «США-Западная Европа-Япония».

Тенденции в области географии инноваций носят изменчивый характер: если по итогам Доклада WIPO за 2011 г. основной упор был сделан на обширные глобальные географические сдвиги в области инноваций, то по итогам Доклада в 2019 г. характер географии распространения инноваций изменился в сторону регионализации и

концентрации экономической активности в городских агломерациях и крупных городах.

Эксперты связывают такое изменение концентрации центров инновационной активности с глобального на региональный с такими понятиями как эффект масштаба и диверсификация, транспортные расходы и экономия. Деятельность компаний концентрируется, главным образом, в центрах с рабочей силой, квалификация которой соответствует требованиям и запросам бизнеса. В свою очередь, города становятся центрами концентрации рабочей силы в силу складывания различных факторов, из которых основные – более развитый рынок труда по сравнению с другими регионами, развитая инфраструктура, социальные услуги, более высокий уровень платы труда, условия проживания и т. д.

Основные выводы, к которым можно сделать в отношении складывающихся тенденций в инновационной сфере — это сосредоточение инновационной деятельности и активности в определенных регионах/городах/агломерациях. Значительная часть центров инноваций и специализированных инновационных кластеров/нишевых кластеров расположено в странах Северной Америки, Западной Европе и Восточной Азии. Большинство центров и кластеров расположены в городах с высокой плотностью населения.

На инновационные центры и кластеры приходится 85 % всех патентов и 81 % всей научной деятельности — то есть более 80 % всей инновационной активности в мире. На 30 крупнейших городских центров инноваций, сосредоточенных в Германии, Китае, Южной Корее, США, Японии, приходится 69 % всех патентов и 49 % всей научной деятельности.

Выводы

Несмотря на некоторые процессы регионализации в области инноваций, научные коллективы, составленные из представителей разных стран мира, не перестают играть важной роли. Более того, важен не только контекст их многонациональной составляющей, но и иные качественные критерии. Несмотря на процессы регионализа-

ции в области формирования/складывания инновационных сетей, активность международного сотрудничества не снижается, просто концентрируется в более локальном формате, оттягивая международно рассредоточенные ресурсы в отдельные регионы — Кремниевая долина (США), Нью-Йорк, Франкфурт, Токио, Бостон, Шанхай, Лондон, Пекин, Бангалор, Париж (на эти регионы приходится 22 % совместных международных изобретений). При этом, плотность инновационных связей в США намного выше, чем в других регионах.

Не последнюю роль в международном обмене знаниями и технологиями играют ТНК — фактически, основные генераторы и инвесторы в НИОКР.

Роль ТНК неоспорима — они являются ядром глобальных сетей инноваций за счет расходов на НИОКР, развитой сети аффилированных зарубежных предприятий, глубокой интеграции в глобальные производственные цепочки и цепочки формирования стоимости, активному участию в международном обмене знаниями и технологиями и инвестиционной деятельности (через процесс слияния, поглощения).

Значительную роль в становлении инновационных сетей и связей играют не только участники, но и условия, наличие или отсутствие которые позволяет или способствует складыванию таких сетей и связей. В частности, к таким условиям относятся: открытость экономики; имидж страны на международной политической арене; социальные условия и разрыв в уровне дохода по регионам.

С другой стороны, открытость экономики и либерализация международных экономических отношений имеет и обратную сторону, негативную, выраженную в высокой степени зависимости от импорта, в том числе, от импорта технологий, от притока капиталов, от иностранной высоко квалифицированной рабочей силы и т. д. [Кондратьев, 2020; Харланов, 2020; Кривцова, 2020; Черников, 2019; Дегтерева, 2017; Гусаков, 2017].

Список источников

1. ВОИС ИС, 2019 — ВОИС ИС: факты и цифры – 2019 / ВОИС. Женева, 2019. ISBN: 978-92-805-3134-3. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_943_2019.pdf.
2. География инноваций., 2019 — География инноваций: локальные очаги, глобальные сети : Доклад о положении в области интеллектуальной собственности в мире за 2019 год / ВОИС. Женева, 2019. ISBN: 978-92-805-3100-8.

3. Глобальный инновационный индекс, 2019 — Глобальный инновационный индекс 2019 г. / ВОИС. Женева, 2019. ISBN 979-10-95870-14-2. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf.
4. Глобальный инновационный индекс, 2020 — Глобальный инновационный индекс 2020 г. / ВОИС. Женева, 2020. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2020_keyfindings.pdf.
5. Гусаков, 2017 — *Гусаков Н. П.* Состояние и перспективы российско-индийского сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики / Гусаков Н. П., Коновалова Ю. А. // Финансы и кредит = Finance and credit. 2017. Т. 23. № 5 (725). С. 292–308. doi: 10.24891/fc.23.5.292.
6. Дегтярева, 2017 — *Дегтярева Е. А.* Ведущие направления инновационного сотрудничества России и Китая в рамках БРИКС / Е. А. Дегтярева, С. Ю. Черников // Экономика и предпринимательство = Journal of Economy and entrepreneurship. 2017. № 1 (78). С. 62–67.
7. Кондратьев, 2020 — *Кондратьев В. Б.* Азия как новый центр экономической силы / В. Б. Кондратьев // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 1 (21). С. 113–132. ISSN 2411-3417.
8. Коновалова, 2019 — *Коновалова Ю. А.* Российско-индийское сотрудничество в высокотехнологичных отраслях промышленности / Ю. А. Коновалова, С. Ю. Черников // Экономика в промышленности = Russian Journal of Industrial Economics. 2016. № 2. С. 99–107. doi: 10.1707/2072-1663-2016-2-99-107.
9. Кривцова, 2020 — *Кривцова А. А.* Основные преимущества и тенденции развития биотехнологических кластеров / А. А. Кривцова // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 5. С. 817–828. doi: 10.18334/се.14.5.110174.
10. Харланов, 2019 — *Харланов А. С.* Развитие мировой экономики в кластерной политике зарубежных стран / А. С. Харланов, О. П. Карпенко // Экономика и предпринимательство = Journal of Economy and entrepreneurship. 2020. № 6 (119). С. 26–30. doi: 10.34925/EIP.2020.119.6.002.
11. Черников, 2019 — *Черников С. Ю.* Особенности развития кластерного взаимодействия при производстве продукции двойного назначения на рынках ОДКБ/ С. Ю. Черников // Вестник МИРБИС. 2019. № 4 (20). С. 60–71. doi: 10.25634/MIRBIS.2019.4.7
12. Connecting the unconnected, 2017 — Connecting the unconnected. Working together to achieve Connect 2020 Agenda Targets. International telecommunication union / Imme Philbeck ; ITU. 2017. URL: https://www.broadbandcommission.org/Documents/ITU_discussion-paper_Davos2017.pdf.
13. National launch., 2015 — National launch of IMPRINT / MHRD Government of India. New Delhi, 2015. URL: http://imprint-india.org/uploads/IMPRINT%20Brochure_Final.pdf.
14. The State of Broadband, 2016 — The State of Broadband : Broadband catalyzing sustainable development / ITU ; UNESCO. 2016. ISSN: 978-92-61-21771-6. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/pol/S-POL-BROADBAND.17-2016-PDF-E.pdf.
15. World investment report, 2020 — World investment report — 2020 / UNCTAD. New York : United Nations Publ., 2020. ISBN 978-92-1-112985-4 URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf.
16. World trade statistical review, 2019 — World trade statistical review — 2019 / World trade organization. Geneva : WTO Publ., 2019. ISBN: 978-92-870-4778-6. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf.
17. World trade statistical review, 2020 — World trade statistical review — 2020 / World trade organization. Geneva : WTO Publ., 2020. ISBN: 978-92-870-5032-8 URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020_e.pdf.

References

1. *VOIS IS: fakty i tsifry – 2019* [WIPO IP: Facts and Figures – 2019]. WIPO. Geneva, 2019. ISBN: 978-92-805-3134-3. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_943_2019.pdf (in Russian).
2. *Geografiya innovatsiy: lokal'nyye ochagi, global'nyye seti* [The Geography of Innovation: Hotbeds, Global Networks] : The World Intellectual Property Report 2019. WIPO. Geneva, 2019. ISBN: 978-92-805-3100-8 (in Russian).
3. *Global'nyy innovatsionnyy indeks 2019 g.* [Global Innovation Index 2019]. WIPO. Geneva, 2019. ISBN 979-10-95870-14-2. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf (in Russian).
4. *Global'nyy innovatsionnyy indeks 2020 g.* [Global Innovation Index 2020]. WIPO. Geneva, 2020. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2020_keyfindings.pdf.

www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2020_keyfindings.pdf (in Russian).

5. Gusakov N. P. Sostoyaniye i perspektivy rossiysko-indiyskogo sotrudnichestva v vysokotekhnologichnykh otraslyakh ekonomiki [State and prospects of Russian-Indian cooperation in high-tech sectors of the economy]. Gusakov N. P., Konovalova Yu. A. *Finansy i kredit = Finance and credit*. 2017. Vol.23. No. 5 (725). P. 292–308. doi: 10.24891/fc.23.5.292 (in Russian).
6. Degtyareva Ye. A. Vedushchiye napravleniya innovatsionnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya v ramkakh BRIKS [Leading areas of innovative cooperation between Russia and China within the BRICS]. E. A. Degtereva, S. Yu. Chernikov. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2017. No. 1 (78). P. 62–67 (in Russian).
7. Kondrat'yev V. B. Aziya kak novyy tsentr ekonomicheskoy sily [Asia as a new center of economic power]. V. B. Kondratyev. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Perspectives. Electronic journal]. 2020. No. 1 (21). P. 113–132. ISSN 2411-3417 (in Russian).
8. Konovalova Yu. A. Rossiysko-indiyskoye sotrudnichestvo v vysokotekhnologichnykh otraslyakh promyshlennosti [Russian-Indian cooperation in high-tech industries]. Yu. A. Konovalova, S. Yu. Chernikov. *Ekonomika v promyshlennosti = Russian Journal of Industrial Economics*. 2016. No. 2. P. 99–107. doi: 10.1707/2072-1663-2016-2-99-107 (in Russian).
9. Krivtsova A. A. Osnovnyye preimushchestva i tendentsii razvitiya biotekhnologicheskikh klasterov [Main advantages and development trends of biotechnological clusters]. A. A. Krivtsova. *Kreativnaya ekonomika*. 2020. Vol. 14. No. 5. P. 817–828. doi: 10.18334/ce.14.5.110174 (in Russian).
10. Kharlanov A. S. Razvitiye mirovoy ekonomiki v klasternoy politike zarubezhnykh stran [Development of the world economy in the cluster policy of foreign countries]. A. S. Kharlanov, O. P. Karpenko. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2020. No. 6 (119). P. 26-30. doi: 10.34925/EIP.2020.119.6.002 (in Russian).
11. Chernikov S. Yu. Osobennosti razvitiya klaster'nogo vzaimodeystviya pri proizvodstve produktsii dvoynogo naznacheniya na ryinkakh ODKB [Features of the development of cluster interaction in the production of dual-use products in the CSTO markets], S. Yu. Chernikov. *Vestnik MIRBIS*. 2019. No. 4 (20). P. 60–71. doi: 10.25634/MIRBIS.2019.4.7 (in Russian).
12. *Connecting the unconnected. Working together to achieve Connect 2020 Agenda Targets*. International telecommunication union. Imme Philbeck ; ITU. 2017. URL: https://www.broadbandcommission.org/Documents/ITU_discussion-paper_Davos2017.pdf.
13. *National launch of IMPRINT*. MHRD Government of India. New Delhi, 2015. URL: http://imprint-india.org/uploads/IMPRINT%20Brochure_Final.pdf.
14. *The State of Broadband : Broadband catalyzing sustainable development*. ITU ; UNESCO. 2016. ISSN: 978-92-61-21771-6. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/pol/S-POL-BROADBAND.17-2016-PDF-E.pdf.
15. *World investment report – 2020*. UNCTAD. New York : United Nations Publ., 2020. ISBN 978-92-1-112985-4 URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf.
16. *World trade statistical review – 2019*. World trade organization. Geneva : WTO Publ., 2019. ISBN: 978-92-870-4778-6. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf.
17. *World trade statistical review – 2020*. World trade organization. Geneva : WTO Publ., 2020. ISBN: 978-92-870-5032-8 URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020_e.pdf.

Информация об авторе:

Коновалова Юлия Александровна — Российский Университет Дружбы Народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия. Author ID (РИНЦ): 349747.

Information about the author:

Yuliya A. Konovalova – Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia. Author ID (RCSI): 349747.

Статья поступила в редакцию 05.09.2020; одобрена после рецензирования 25.09.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 09/05/2020; approved after reviewing 09/25/2020; accepted for publication 12/02/2020.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ · DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 34–41.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 34–41.

Научная статья

УДК 339.972, 349

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.4

Нормативно-правовая система адаптации реального сектора экономики к цифровизации: оценка развития с учетом мирового опыта

Владимир Федорович Уколов^{1,2}, Андрей Евгеньевич Завьялов^{1,3}, Виталий Васильевич Черкасов^{4,5}

1 Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

2 Ukolovdom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1233-7562>

3 zavyalov88@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4954-432X>

4 РАНХиГС, Москва, Россия

5 cherkasov-vv@ranepa.ru

Аннотация. В статье изучается проблема нормативно-правового регулирования цифровой трансформации в Российской Федерации. Авторы поставили перед собой цель проанализировать существующую нормативно-правовую базу и сравнить ее с опытом цифровизации других стран. В статье показывается, что существующее нормативно-правовое регулирование на данном этапе развития не отвечает в полной мере требованиям выдвигаемыми перед государством, обществом и бизнесом в сфере цифрового взаимодействия. Имеется и отставание от мировой практики цифровой трансформации на опыте более передовых стран. В статье использованы методы ситуационного, структурного и динамического анализа. Был использован системный подход при оценке существующей нормативно-правовой базы. Материалы статьи имеют практическую значимость для государственного управления, правительственных организаций и сферы частного бизнеса. Полученные результаты исследования используются на практике правового регулирования сферы цифрового взаимодействия между государством, населением и бизнесом. Их применение позволяет расширить существующую нормативно-правовую базу, способствуя внедрению цифровых технологий в социальные, экономические и политические структуры общества.

Ключевые слова: адаптация, цифровизация, правовое регулирование, законодательство.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-010-00137 «Адаптация реального сектора экономики к условиям цифровизации, обеспечивающая сочетание целостности и гибкости производственной системы, повышение технологического уровня производства, рост производительности труда и конкурентоспособности, наукоемких производств». Авторы выражают благодарность Российскому университету дружбы народов за обеспечение условий для проведения данного исследования.

Для цитирования: Уколов В. Ф. Нормативно-правовая система адаптации реального сектора экономики к цифровизации: оценка развития с учетом мирового опыта / В. Ф. Уколов, А. Е. Завьялов, В. В. Черкасов // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 34–41. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.4

JEL: F14, F20, L17

Original article

Regulatory and legal system of adaptation of the real sector of the economy to digitalization: evaluation of development based on world experience

Vladimir F. Ukolov^{6,7}, Andrey E. Zavyalov^{6,8}, Vitaly V. Cherkasov^{9,10}

6 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

7 Ukolovdom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1233-7562>

8 zavyalov88@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4954-432X>

9 RANEPА, Moscow, Russia.

10 cherkasov-vv@ranepa.ru

Abstract. The article examines the problem of legal regulation of digital transformation in the Russian Federation. The authors set themselves the goal of analyzing the existing regulatory framework and comparing it with the experience of digitalization in other countries. The article shows that the existing legal regulation at this stage of development does not fully meet the requirements put forward for the state, society and business in the field of digital interaction. There is also a lag behind the global practice of digital transformation based on the experience of more advanced countries. The article uses methods of situational, structural and dynamic analysis. A systematic approach was used to assess the existing regulatory framework. The materials of the article are of practical importance for public administration, government organizations and the sphere of private business. The obtained results of the research are used in practice of legal regulation of the sphere of digital interaction between the state, population and business. Their application makes it possible to expand the existing regulatory framework, contributing to the introduction of digital technologies into the social, economic and political structures of society.

Key words: adaptation, digitalization, legal regulation, legislation.

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the RFBR grant No. 20-010-00137 "Adaptation of the real sector of the economy to digitalization conditions, ensuring a combination of the integrity and flexibility of the production system, increasing the technological level of production, increasing labor productivity and competitiveness, high-tech industries". The authors are grateful to the Peoples' Friendship University of Russia for providing conditions for this study.

For citation: Ukolov V. F. Regulatory and legal system of adaptation of the real sector of the economy to digitalization: evaluation of development based on world experience. V. F. Ukolov, A. E. Zavyalov, V. V. Cherkasov. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 34–41. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.4

JEL: F14, F20, L17

1. Вступление

Современное развитие производства на базе информационных технологий, ориентированных на удовлетворение индивидуальные потребностей, требует создания клиентоцентричных, более гибких, технологически сложных и наукоемких предприятий, способных успешно конкурировать на международных рынках, в условиях постоянных изменений.

Цифровая экономика, как глобальное рыночное явление, имеет ряд различных подсистем, куда входят, например, электронные деньги, электронные банки, электронная и реальная институциональная среда, виртуальные организации, предприятия реального сектора экономики, вступающие в отношения бизнеса, общества и государства. Участники рынка взаимодействуют между собой через киберпространство и реальную среду жизнедеятельности с ее сложной и многоуровневой системой коммуникации, а система отношений между ними постоянно развивается, испытывая потребность в координации, управлении и регулировании.

Особое место в этой системе все более уверенно занимают инструменты нормативно-правового регулирования отношений, используя их для определения правового статуса участников системы и форм их взаимодействия. По сути, го-

сударство выступает гарантом реализации прав и обязанностей сторон в рыночном взаимодействии, стремится обеспечивать всех участников процесса необходимым нормативно-правовыми инструментами.

Общемировые практики создания и развития цифровой экономики показывают необходимость формирования специальных стандартов и технологий, которые включают в себя электронную коммерцию и электронный маркетинг, развитую систему оборота электронных денег и банковскую структуру. Все эти элементы требуют правового регулирования с целью поддержания работоспособности электронных платформ и регулирования взаимоотношений между участниками [Толкачев, 2018].

Выступая в качестве гаранта прав участников цифровой экономики, государство так же обеспечивает рынок цифровых услуг госзаказами, тем самым стимулируя его развитие.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что для формирования цифровой экономики государству необходимо иметь определенную базу и алгоритм, который подразумевает соответствующий уровень развития цифровых технологий и стандартов. Необходимо также учитывать то, что цифровая экономика имеет сложную структуру отраслей, включающую в себя e-трейдинг, e-маркетинг, e-банкинг, электронные деньги и криптовалюты, нуждающихся в обеспечении высокого

уровня защиты и обеспечения безопасности со стороны государства [Asadi Bidmeshki, 2018].

2. Материалы и методы

В исследовании использованы методы ситуационного анализа, структурное и динамическое управление цепочками поставок анализ, который способствовал изучению цифровых регулятивная среда экономики и определение возможностей для его реализации преобразование. Ведущий метод для этого изучение проблемы заключается в изучении нормативного среды цифровой экономики в динамике, пространстве и в тесной связи с существующим нормы права, учитывающие влияние глобальные и локальные факторы. Этот метод позволяет всесторонне рассмотреть возможности правовой системы, выделить противоречия, вызванные применение существующих правовых норм в киберпространство по отношению к виртуальным отношениям. Исследовательские материалы представляли собой научные публикации и отчеты по данной теме, а также данные по практическое применение инструментов и механизмов государственного правового цифрового регулирования экономик.

3. Результаты

Анализ нормативно-правовой базы цифровой трансформации государства позволило нам выделить основные пробелы в законодательстве Российской Федерации.

Исследование показывает, что существующие изменения нормативно-правовой базы, несмотря на то, что носят фундаментальный для страны характер, определяя важные для цифровой трансформации понятия и способы ее регулирования, тем не менее не отвечают требованиям к долгосрочной перспективе развития цифровых технологий в Российской Федерации. Большое внимание в мировой практике цифровых трансформаций уделяется людям, которые участвуют в цифровых отношениях. Сюда относятся сотрудники частных, государственных, муниципальных организаций, учащиеся, безработные. Большое внимание уделяется культурным основам применения цифровых технологий. Именно в этой сфере больше всего существует пробелов в законодательстве Российской Федерации в сфере цифрового взаимодействия. На данный момент нормативно-правовая база направлена на решение тех проблем и вопросов, которые накопились в ходе практики цифрового взаимодействия. Для того, чтобы закон

является прочным фундаментом цифровой трансформации важно и прогнозирование будущих потребностей цифрового взаимодействия. В этих условиях население и частный бизнес вынуждены опираться на собственный опыт, вводя внутренние собственные регламенты поведения без возможности ориентирования на федеральное законодательство, что снижает успех цифровой трансформации и уровень доверия к ней.

4. Обсуждение

Ценность цифровой экономики заключается не только в ее сугубо практическом характере, но она отражает и иной, кардинально отличающийся параметр, позволяющий по-новому взглянуть на интеграцию и объединение различных социальных процессов. Цифровая экономика фактически перестраивает систему публичных институтов, которым приходится действовать в поле частных интересов, что обуславливает их новый предел открытости. Вполне очевидно, что цифровую экономику в закрытом режиме построить попросту невозможно. Для евразийского пространства это имеет критическое значение, потому что отражает потребность в консолидации межгосударственных усилий [Bobrova, 2020].

Современные международные организации формируются по культурным, историческим, политическим, экономическим целям и задачам, в результате чего усиливается процесс регионализации в международной политике.

Развитие правового регулирования и создание условий адаптации реального сектора экономики к цифровизации во многом связано с культурными смыслами страны.

Для Японии в данном процессе характерно развитие строгой иерархии управления и организации взаимодействия между государством и бизнесом. В качестве положительного результата подобные культурные основы повышают уровень взаимной ответственности. Это заключено в том факте, что подчиненные должны следовать за своим руководителем, слушать его и поддерживать в развитии карьеры. Вместе с тем, если руководитель сам не прислушивается к своим подчиненным, то это может вызывать сопротивление в коллективе [Motohashi, 2019].

При этом нововведения сначала подвергаются всестороннему и тщательному анализу с целью соблюдения интересов всех сторон. Это замедляет процесс инноваций, но с другой стороны обеспе-

чивает баланс. Для осуществления этой цели во многих структурах используется система «ринги», при которой руководство ставит проблему, компетентные сотрудники из подразделения подготавливают предложения по решению, а затем все нормативные и аналитические документы, связанные с этим, изучаются сотрудниками компании. Они ставят визы и в конце передают руководству, тем самым показывая свою информированность. При необходимости они могут выдвинуть свои замечания [Dremliuga, 2020].

Система вертикальной иерархии работает не только внутри организации, но и при взаимодействии между бизнесом и государством. Так в соответствии с требованиями, организация должна направлять правила работы сотрудников, согласованные с профсоюзом в надзирающий государственный орган.

Таким же взвешенным подходом правительство Японии продвигает и концепции цифровой трансформации. Первый этап в рамках политики формирования цифрового правительства начался в 1994 с «Basic Plan for Promoting an Advanced-information-technology-driven Administration». Затем в 2000 году создаются: The IT Strategy Council, следом за этим создается «The Basic IT Strategy» [Motohashi, 2019]. Одновременно с этим создается «The Basic Law on the Formation of an Advanced Information and Telecommunications Network Society». На третьем этапе в 2006 году создается «Government Program Management Office». Одним из результатов деятельности становится программа по снижению операционных расходов до 2021 года. На четвертом этапе реформирования начиная с 2017 года вводится «Government Digital Promotion Policy», формируется «Open data» [Motohashi, 2020].

Во многом японская концепция «Society 5.0» направлена на развитие личных возможностей человека и его интеграции в цифровые отношения. Создание общества равных возможностей — один из ключевых элементов японской концепции цифровизации.

Интересно рассмотреть опыт внедрения цифровизации в Германии, так как, не смотря на высокие успехи в области индустриализации, существуют отставания в сфере цифровой трансформации от таких стран, как США, Япония, Китай. Во многом это связано с тем, что, не смотря на развитие информационных технологий, цифровизация,

особенно в секторе государственного управления носила хаотичный характер. Так, например, отмечается, что существовало большое количество веб-сайтов, каждый из которых относился к своему ведомству, что часто затрудняет ориентирование в таком массиве [Noda, 2020].

В Германии современная концепция цифровой трансформации основывается на программе Цифровой Стратегии до 2025 года основывается на пяти основных направлениях развития: развитие цифровых навыков населения, создание инфраструктуры и оснащении, внедрении инновации и цифровых трансформаций в производстве и бизнесе, улучшение жизни людей за счет внедрения цифровых технологий, создание современных государственных сервисов для облегчения взаимодействия государства бизнеса и общества [Krzywdzinski, 2020].

Большое внимание уделяется тому, что цифровые трансформации должны послужить не только стимулом к экономическому росту, но и объединению людей, сохранению целостности государства, укреплению внутригосударственных социальных связей, облегчению диалога между государством и обществом [Ermolovskaya, 2020]. Большое внимание в Цифровой Стратегии уделяется вопросам доверия. Важно отметить, что программа Цифровой Стратегии 2025 учитывает возрастающие влияния цифровых трансформаций на экологическую обстановку: расширение цифровых технологий приводит к расширению потребления ресурсов и энергоносителей [White Paper, 2017].

Еще одним важным элементом развития цифровых трансформаций в Германии является создание единой в Европе информационной инфраструктуры с целью повышения безопасности. Такое направление деятельности позволяет расширять возможности межгосударственного обмена базами данных и информационного взаимодействия [Motohashi, 2020].

Затрагивается вопрос того, как будут развиваться рабочие места [Sept, 2020]. В рамках исследования «White Paper. Work 4.0» были произведен анализ текущих и будущих потребностей в персонале, а так же возможные изменения требований к труду человека. В работе отмечается, что преобразования в сфере труда будут идти в сторону повышения гибкости рабочего времени сотрудников, улучшения анализа бизнес-рисков [White Paper, 2017].

В Российской Федерации взаимодействия в информационной среде в первую очередь регулируются Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Им определяются основные правила и понятия используемые в современной информационной среде, права и ограничения доступа к информации, права и обязанности сторон, в том числе в рамках защиты данных. Однако данного закона недостаточно для проведения цифровой трансформации на уровне страны.

В этой связи в соответствии с Указом Президента Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» формируется программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

В рамках этой национальной программы предполагается большой комплекс мероприятий по внедрению информационных технологий в государственные, частные и общественные структуры на территории России.

Одной из мер является расширение законодательства в сфере информационного развития и обеспечения, внесение изменений в существующее законодательство. Федеральными законами вводятся такие понятие, как «цифровые права» [Bobrova, 2020], регулируется работа электронных платформ, в том числе краудфайдинговых, расширяется возможность использования цифровых подписей, в том числе через «облачные» сервисы, вносятся изменения предусматривающие введение электронных трудовых книжек. Так же в соответствии с национальным проектом «Цифровая экономика» готовятся законопроекты, которые помогут урегулировать введение электронного кадрового учета, электронное заключение договоров страхования, электронное взаимодействие с судами.

Подобные мероприятия способствуют широкому внедрению цифровизации в рамках национального проекта «Цифровая экономика» [Dremluga, 2020], которые предусматривает работу по многим направлениям: создание цифровой инфраструктуры, расширение возможностей для населения по

получению социально значимых государственных услуг в электронном виде, внедрение обучения по работе с информационной средой, в том числе переквалификация, расширение возможностей электронного взаимодействия для частного бизнеса, кибербезопасность и защита персональных данных.

Подобные меры должны в значительной мере сократить отставание Российской Федерации от других стран мира, которые начали процессы цифровой трансформации раньше.

Концепция, которой следует проект «Цифровая экономика» укладывается в треугольник государство-население-бизнес [Rymaszevska, 2017].

Тем не менее не смотря на значительные шаги в процессе внедрения цифровых технологий в экономику Российской Федерации, отсутствует регулирование по ряду других важных проблем.

В рамках применения искусственного интеллекта в нормативной базе отсутствует четкое обозначение ответственности за возможные ошибки и ущерб в результате сбоев работы искусственного интеллекта. В качестве примера, подобная проблема тормозит не только внедрение различных сервисов чат-ботов, но и внедрение беспилотных автомобилей, роботов-курьеров, ограничивая круг применения подобных средств внутри крупных предприятий. Отсутствие регламентирования деятельности искусственного интеллекта во многом затрудняет повсеместное внедрение в социальные и социально-экономические взаимодействия [Sultanov, 2020].

Все еще существует проблема с хранением личных данных на электронных порталах. В законе отсутствует регулирование скрытого сбора данных о пользователе электронных услуг. В это понятие входит отслеживание времени и мест посещения порталов электронных услуг, отслеживание передвижений пользователей с помощью приложений [Starinov, 2020]. Пользователи зачастую не знают о том, что подобная информация может собираться или же вовсе не имеют возможности запретить подобное отслеживание. Отсутствие регулирования в данном вопросе порождает недоверие к сбору персональных данных со стороны населения, расширяет возможности для мошенничества и навязывания услуг населению частным бизнесом. В этой связи у бизнеса также отсутствуют легальные механизмы управления клиентскими потребностями на основе данных пользователя, что по-

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. // СПС КонсультантПлюс.

рождает нелегальное приобретение баз данных потребителей, рекламные звонки без согласия абонента [Vishnyakova, 2021].

Отсутствуют нормы, связанные с этикой цифрового взаимодействия. У компаний, государственных структур и населения нет ориентиров в форме этических кодексов, на основании которых строится система взаимодействия в цифровой среде, внедряются новые технологии и нормы права. Эта проблема относится к цифровой культуре. В этических кодексах закладываются принципы, позволяющие всем участникам процесса понимать границы допустимых взаимодействий [Заводчиков, 2018].

Отсутствуют законодательно закрепленные гарантии для сотрудников государственных или частных структур по обучению или профессиональной переподготовке. Внедрение цифровых технологий влечет за собой сокращение рабочих мест. На государственном уровне законодательно не урегулирован вопрос об потенциальной безработице, что также снижает доверие населения к самой сути процесса цифровизации.

5. Резюме

Сравнивая нормативные основы цифровой

трансформации в Российской Федерации с другими странами, можно выделить следующие особенности.

Значительное расширение нормативно-правовой базы в части обеспечения цифрового взаимодействия в сравнении с предыдущими годами.

Стремление к созданию культурологических основ цифрового взаимодействия

Развитие системы использования персональных данных при предоставлении государственных и частных услуг.

Стремление к созданию качественной нормативной базы в сфере искусственного интеллекта и сбалансированности вопросов экологического регулирования.

Таким образом, адаптация цифровых технологий к изменяющимся условиям хозяйствования, проходит при использовании нормативно-правовых инструментов регулирования, которые постоянно развиваются и совершенствуются с учетом опыта стран мирового сообщества, добившихся в этом определенных успехов.

6. Конфликт интересов

Авторы подтверждают, что представленные материалы не содержат конфликта интересов.

Список источников

1. Заводчиков, 2018 — *Заводчиков Н. Д.* Цифровая экономика сельского хозяйства России: региональный аспект / Н. Д. Заводчиков, Т. Н. Ларина, В. А. Шахов // Друкеровский Вестник. 2018. № 2 (22). С. 216–226. ISSN: 2312-6469.
2. Толкачев, 2018 — *Толкачев С. А.* Анализ международного опыта развития цифровой экономики и формирование предложений по его адаптации в промышленности России / Толкачев С. А., Романова Ю. А., Морковкин Д. Е. // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. № 3. Т. 211. С. 231–245. ISBN 978-5-94160-209-4. ISSN 2072-2060.231
3. Asadi Bidmeshki, 2018 — *Asadi Bidmeshki G.* Investigating the Effect of Emotional Intelligence on Job Performance (Case Study: Employees of Islamic Azad University, Qaemshahr Branch) / G. Asadi Bidmeshki, F. Taheri // UCT journal of management and accounting studies. 2018; 6 (2): 33–38.
4. Bobrova, 2020 — *Bobrova N.* Leading Provisions of the Digitalization, Law, and Science / N. Bobrova, V. Sidorov // Proceedings of the 6th International Conference on Social, economic, and academic leadership (ICSEAL-6-2019)- Atlantis Press, 2020. Pp. 317-322. ISBN: 978-94-6252-974-8. DOI: 10.2991/assehr.k.200526.046.
5. Dremluga, 2020 — *Dremluga R.* Can Artificial Intelligence Author Laws: A Perspective from Russia / R. Dremluga, A. Koshel // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13, No. 3. P. 286. DOI:10.5539/jpl.v13n3p286
6. Ermolovskaya, 2020 — *Ermolovskaya O.* Priority areas of digitalization in Russia / Olga Y. Ermolovskaya [et al.] // EurAsian Journal of BioSciences. 2020. 14(2): 3551–3556. ISSN:1307-9867
7. Krzywdzinski, 2020 — *Krzywdzinski M.* Automation, Digitalization, and Changes in Occupational Structures in the Automobile Industry in Germany, the United States, and Japan: A Brief History from the Early 1990s Until 2018 / M. Krzywdzinski. Berlin : Weizenbaum Institute for the Networked Society – The German Internet Institute. 2020. 68 p. DOI: 10.34669/wi.ws/10.
8. Motohashi, 2020 — *Motohashi K.* Digitalization and New Product Development in Manufacturing SMEs: A Comparative Study of Germany and Japan / K. Motohashi, Ch. Rammer. RIETI Policy Discussion Paper Series 20-P-007, March 2020. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/pdp/20p007.pdf>.
9. Motohashi, 2019 — *Motohashi K.* Digitalization of manufacturing process and open innovation:

- Survey results of small and medium sized firms in Japan / K. Motohashi. RIETI Policy Discussion Paper Series 19-P-005, March 2019. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/pdp/19p005.pdf>.
10. Noda, 2020 — *Noda Y.* Socioeconomical transformation and mental health impact by the COVID-19's ultimate VUCA era: Toward the New Normal, the New Japan, and the New World / Y. Noda // *Asian J Psychiatr.* 2020 Dec; 54: 102262. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102262.
 11. Rymaszewska, 2017 — *Rymaszewska A.* IoT powered servitization of manufacturing – an exploratory case study / A. Rymaszewska & P. Helo & A. Gunasekaran // *International Journal of Production Economics*, Elsevier, 2017, vol. 192(C), pages 92–105. DOI: 10.1016/j.ijpe.2017.02.016.
 12. Sept, 2020 — *Sept A.* Thinking Together Digitalization and Social Innovation in Rural Areas: An Exploration of Rural Digitalization Projects in Germany / A. Sept // *European Countryside.* 2020; 12 (2): 193–208. DOI: 10.2478/euco-2020-0011.
 13. Starinov, 2020 — *Starinov G. P.* Exercising Digital Rights in Procedural Law of Russian Federation / G. P. Starinov, I. V. Tseveleva // *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE 2020).* Atlantis Press, 2020. Pp. 469–473. ISBN: 978-94-6252-962-5. DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.077
 14. Sultanov, 2020 — *Sultanov K. A.* Perspectives of Administrative Legal Proceedings Improvement in Conditions of Digitalization / K. A. Sultanov, M. V. Kostennikov, E. V. Kashkina // *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE 2020).* Atlantis Press, 2020. Pp. 768–771. DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.125
 15. Vishnyakova, 2021 — *Vishnyakova A.* Actual Problems of Industry Digitalization in Russia / A. Vishnyakova & D. Bondarenko & M. Agisheva // *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy* (pp.431-439). 2021. ISBN: 978-3-030-47457-7. DOI: 10.1007/978-3-030-47458-4_52.
 16. White Paper, 2017 — *White Paper. Work 4.0 / Federal Ministry of Labour and Social Affairs.* 2017. 233 p. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/PDF-Publikationen/a883-white-paper.pdf;jsessionid=E2A7A318BC48DEBA04192280E2A7E190.delivery1-master?_blob=publicationFile&v=1.

References

1. Zavodchikov N. D. Tsifrovaya ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii: regional'nyy aspekt [Digital economy of agriculture in Russia: regional aspect]. N. D. Zavodchikov, T. N. Larina, V. A. Shakhov. *Drukerovskiy Vestnik.* 2018. No. 2 (22). P. 216-226. ISSN: 2312-6469 (in Russian).
2. Tolkachev S. A. Analiz mezhdunarodnogo opyta razvitiya tsifrovoy ekonomiki i formirovaniye predlozheniy po yego adaptatsii v promyshlennosti Rossii [Analysis of international experience in the development of the digital economy and the formation of proposals for its adaptation in the industry of Russia]. S. A. Tolkachev, Yu. A. Romanova, D. E. Morkovkin. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia.* 2018. No. 3. Vol. 211. P. 231–245. ISBN 978-5-94160-209-4. ISSN 2072-2060.231 (in Russian).
3. Asadi Bidmeshki G., Taheri F. Investigating the Effect of Emotional Intelligence on Job Performance (Case Study: Employees of Islamic Azad University, Qaemshahr Branch). G. Asadi Bidmeshki, F. Taheri. *UCT journal of management and accounting studies.* 2018; 6 (2): 33–38.
4. Bobrova N. Leading Provisions of the Digitalization, Law, and Science. N. Bobrova, V. Sidorov. *Proceedings of the 6th International Conference on Social, economic, and academic leadership (ICSEAL-6-2019).* Atlantis Press, 2020. Pp. 317-322. ISBN: 978-94-6252-974-8. DOI: 10.2991/assehr.k.200526.046.
5. Dremluga R. Can Artificial Intelligence Author Laws: A Perspective from Russia. R. Dremluga, A. Koshel. *Journal of Politics and Law.* 2020. Vol. 13, No. 3. P. 286. DOI:10.5539/jpl.v13n3p286.
6. Ermolovskaya O. Priority areas of digitalization in Russia. O. Y. Ermolovskaya [et al.]. *EurAsian Journal of BioSciences.* 2020. 14(2): 3551–3556. ISSN:1307-9867.
7. Krzywdzinski M. *Automation, Digitalization, and Changes in Occupational Structures in the Automobile Industry in Germany, the United States, and Japan: A Brief History from the Early 1990s Until 2018.* M. Krzywdzinski. Berlin : Weizenbaum Institute for the Networked Society – The German Internet Institute. 2020. 68 p. DOI: 10.34669/wi.ws/10.
8. Motohashi K. Digitalization and New Product Development in Manufacturing SMEs: A Comparative Study of Germany and Japan. K. Motohashi, Ch. Rammer. *RIETI Policy Discussion Paper Series 20-P-007,* March 2020. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/pdp/20p007.pdf>.

9. Motohashi K. Digitalization of manufacturing process and open innovation: Survey results of small and medium sized firms in Japan / K. Motohashi. *RIETI Policy Discussion Paper Series 19-P-005*, March 2019. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/pdp/19p005.pdf>.
10. Noda Y. Socioeconomical transformation and mental health impact by the COVID-19's ultimate VUCA era: Toward the New Normal, the New Japan, and the New World. Y. Noda. *Asian J Psychiatr.* 2020 Dec; 54: 102262. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102262.
11. Rymaszewska A. IoT powered servitization of manufacturing – an exploratory case study. A. Rymaszewska & P. Helo & A. Gunasekaran. *International Journal of Production Economics, Elsevier*, 2017, vol. 192(C), pages 92–105. DOI: 10.1016/j.ijpe.2017.02.016.
12. Sept A. Thinking Together Digitalization and Social Innovation in Rural Areas: An Exploration of Rural Digitalization Projects in Germany. A. Sept. *European Countryside.* 2020; 12 (2): 193–208. DOI: 10.2478/euco-2020-0011.
13. Starinov G. P. Exercising Digital Rights in Procedural Law of Russian Federation. G. P. Starinov, I. V. Tseveleva. *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2020)*. Atlantis Press, 2020. Pp. 469–473. ISBN: 978-94-6252-962-5. DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.077
14. Sultanov K. A. Perspectives of Administrative Legal Proceedings Improvement in Conditions of Digitalization. K. A. Sultanov, M. V. Kostennikov, E. V. Kashkina. *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2020)*. Atlantis Press, 2020. Pp. 768–771. DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.125
15. Vishnyakova A. Actual Problems of Industry Digitalization in Russia. A. Vishnyakova & D. Bondarenko & M. Agisheva. *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy* (pp.431-439). 2021. ISBN: 978-3-030-47457-7. DOI: 10.1007/978-3-030-47458-4_52.
16. *White Paper. Work 4.0* / Federal Ministry of Labour and Social Affairs. 2017. 233 p. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/PDF-Publikationen/a883-white-paper.pdf;jsessionid=E2A7A318BC48DEBA04192280E2A7E190.delivery1-master?_blob=publicationFile&v=1.

Информация об авторах:

Уколов Владимир Федорович, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой управления цифровым предприятием в ТЭК (AuthorID 641366) и **Завьялов Андрей Евгеньевич**, кандидат социологических наук, доцент кафедры (AuthorID: 769775) — Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия. **Черкасов Виталий Васильевич** — доктор экономических наук, профессор кафедры Корпоративного управления факультета «Высшая школа корпоративного управления» (SPIN-код: 6345-3114) — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Проспект Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия.

Information about the authors:

Ukolov Vladimir F., Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Digital Enterprise Management in the Fuel and Energy Complex (AuthorID 641366) & **Zavyalov Andrey E.**, Candidate of Sci. (Sociology), Associate Professor (AuthorID: 769775) – RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia; **Cherkasov Vitaly V.**, Doctor of Economics, Professor of the Department of Corporate Governance, Faculty of Higher School of Corporate Governance (SPIN-код: 6345-3114) – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 82 Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russia.

Статья поступила в редакцию 27.08.2020; одобрена после рецензирования 16.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.

The article was submitted 08/27/2020; approved after reviewing 09/16/2020; accepted for publication 12/02/2020

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT · ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24):42–47.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 42–47.

Original article

УДК 339.97

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.5

The terminological nexus of digitalization of adaptive policy in Russia and across the global: a conceptual overview

Vladimir F. Ukolov^{1,2}, Perez Dieter Castello^{1,3}, Etse Dadson Gomado^{1,4}, Gozel D. Chariyarova^{1,5}

1 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

2 Ukolovdom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1233-7562>

3 dietercp79@gmail.com

4 dadfrango@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6261-9728>

5 ms.chariyarova@mail.ru

Abstract. This article seeks to understand the prerequisites for the formation of state policy of digitalization of the economy. The article revealed that the initial pre-requisite is the fundamental understanding of the concepts underpinning digital economy. Though the study recognizes the significance of financial resources and digital infrastructure, the fundamental must be set right otherwise invested resources will not yield the needed result. The study further goes on to recommend areas needed to be further investigated to bring clarity to policy framers.

Key words: digital economy, financial instruments, digital infrastructure, state policy of digitalization, policy framers.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of research project No. 20- 010-00137. The work was prepared at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

For citation: Ukolov V. F. The terminological nexus of digitalization of adaptive policy in Russia and across the global: a conceptual overview. V. F. Ukolov [et al.]. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 42–47. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.5
JEL: O14; O33; O55

Научная статья

Терминологическая связь адаптивной политики цифровизации в России и во всем мире: концептуальный обзор

Владимир Федорович Уколов^{6,7}, Перес Дитер Кастель^{1,8}, Дадсон Гомадо Этсе^{1,9}, Гозель Джумамухамедовна Чарыярова^{1,10}

6 Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

7 Ukolovdom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1233-7562>

8 dietercp79@gmail.com

9 dadfrango@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6261-9728>

10 ms.chariyarova@mail.ru

Аннотация. Данная статья направлена на осмысление предпосылок формирования государственной политики цифровизации экономики. В статье показано, что исходной предпосылкой является фундаментальное понимание концепций, лежащих в основе цифровой экономики. Хотя в исследовании признается важность финансовых ресурсов и цифровой инфраструктуры, фундаментальные принципы должны быть установлены правильно, иначе инвестированные ресурсы не дадут необходимого результата. Далее в исследовании содержатся рекомендации в отношении областей, которые необходимо дополнительно изучить, чтобы внести ясность в политику разработчиков.

Ключевые слова: цифровая экономика, финансовые инструменты, цифровая инфраструктура, государственная политика цифровизации, разработчики политики.

Благодарности. Работа поддержана Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках

исследовательского проекта № 20-010-00137. Работа подготовлена в Российском университете дружбы народов (РУДН).

Для цитирования: Уколов В. Ф. Терминологическая связь адаптивной политики цифровизации в России и во всем мире: концептуальный обзор / В. Ф. Уколов [и др.] // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 42–47. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.5

JEL: O14; O33; O55

Introduction

Digitalisation process has become a complex intertwined relationship which has created a virtual ecosystem for government, business, and society for development. This ecosystem though rapidly progressing, can be enhanced and promoted through a deliberate digital policy to create a conducive environment for all stakeholders [Digital transformation., 2019]. Digital technology is rapidly transforming the dynamics of business and adding momentum to the growth of global economy. Apart from breaking trade barriers and bridging geographical and cultural gaps in societies, digitalisation is playing instrumental role in transforming industries such as manufacturing, energy, education, healthcare, infrastructure etc. [Ukolov, 2019a] and blurring industrial boundaries thereby rapidly establishing a revolution generally termed fourth industrial revolution. Data available revealed that digital technologies like Internet of Things, automation, and AI when projected from 2018 to 2030 will amount to 13 trillion dollars in market value [Twenty-five years., 2019].

Despite the enormous benefit and current trend of global events, digitalisation policy has different implementation approaches for various reasons. Among the reasons is the fact that the concept of digitalisation has elicited different interpretations. For instance, linguistic difference of Russian and English language where digitisation and digitalisation give the same translation as “оцифровка” in Russian language, but the content conveys the meaning of digitalisation. But using the ‘scientific’ interpretation of digitalisation (цифровизация), the content is largely the same as the English term for ‘Digitalisation’ and indeed assumes the same position i.e. the usage of digital technology in all sphere of life. Thus, in the Russian lexicon, digitisation (оцифровка) and digitalisation (цифровизация) convey one and the same meaning whilst in the English lexicons, these are two distinct concepts [Tsirenschikov, 2019]; [Plakitkin, 2018]. To some

extent, as a result of different lexica underpinning, there are obvious differences in approach of drafting and implementing digitalization policy in different countries.

Another reason for the differences in the implementation approach of digitalization among participants is the general misconceptions of the terminologies and concepts of digital transformation, digitalisation and digitisation. Most often than not, these concepts are used interchangeably generating confusion among policymakers and practitioners [Heberle, 2017; Vogelsang, 2010; Parviainen, 2017]. This is because it is the aggregate interaction between these concepts that give rise to elements like automation, diffusion and business model [Brennen, 2016; Bloomberg, 2018]. These three concepts individually are distinct for instance, digital transformation is the change that occurs in the sphere of production on the account of using digital technology. Digitisation is the technique of changing signals and objects into digital goods and services whereas digitalisation is generally using digital information to create values [Tapscott, 1996; Bloomberg, 2018]. Nonetheless these three concepts are intertwined that is digitalisation and digitisation are linked by human, being equipped (the use of digital technology by humans) with digital technology applications in relation to digital products. Digital transformation is linked with digitalisation such that adoption of digital technology changes business model, strategy, content and personnel of organisations. And digital transformation is associated with digitisation as there is the promotion of automation of productions and society (smart society) and a change in the structures of production and the society.

Another popular concept which has significant impact on drafting and implementing digital policy but has gotten different interpretations is the concept of digital economy. The development of the concept of digital economy has evolved overtime and has been associated with many accolades like ‘e-commerce’, ‘e-trading’, ‘the new economy’, ‘creative economy’, ‘knowledge economy’, ‘virtual economy’,

'internet economy' etc [Tapscott, 1996; Bowman. 1996; Valenduc, 2016] The nature and meaning of digital economy vary with time and trends in the society and to a larger extent geographical factors [Bukht, 2017]. These subsequently dictate the policy formation and realisation of digitalisation of the economy. This is important to note because if the nature and scope of digital economy is not well defined, drafting comprehensive policy guidelines becomes complicated and implementing anything coming out of these complications will be haphazard. However, a consensus definition of digital economy is that it is a technology-driven economy with knowledge as a tool and information as resources. Thus, leveraging on the advancement of technology and the know-how, the digital economy aspect is measured through the prism of technology or ICT usage in the economy. Unlike the previous generally accepted interpretations, crammed mainly with technical and technological meaning, digital economy concept has evolved and as such must be re-defined to reflect the current challenges. The current challenges are such that technology have mixed and blurred a set of relationships between people regarding the production of material products and the provision of services based on digital technology or digitalization. Further, digitisation and digitalisation have made it possible for any economic activity to take place irrespective of individual status and in different forms.

This is because, with access to mobile phone any one could engage in creating wealth with the help of digitalisation but on most occasions, the device (mobile phone) is largely discounted in measuring or capturing the value in the value chain of digital production. Also, the technology that makes it possible; be it the hardware or the software [Brennen, 2016] is also mostly discounted leading to the erroneous conclusions that digitalisation solely facilitates digital economy therefore ignoring the bedrock of digitalisation or to be precise digital economy which is digitisation.

Due to these misconceptions, policymakers in developing country especially draft digitalisation policies which do not reflect the reality of the ever changing world and largely makes developing countries essential technology users in their quest to digitalise thereby leading to series of failures in implementation of digitalisation policies. Studies show that about 60%–80% of digitalisation policies

in developing countries meet failure whilst the global success rate of digitalisation is only about 32% based on time, cost and functions. Furthermore, a total of 44% digitalisation policies faces delays over cost and do not meet specifications and functions and a total of 24% fail in all perimeters (cost, time and functions) and are never realised as digital projects [Napitupulu, 2017]. This emphasis the fact that, fundamental concepts are deeply misunderstood, and policies are drafted mostly on the wrong premise leading to mass failure at the implementation stage.

For digitalisation policy to be successful, it must consider all needed circumstances surrounding a specific situation. This is because, based on the differences in each unique economy and socio-culture setting, a universal policy cannot be shaped to fit all nations, however, the basics cannot be overlooked. Thus, the fundamental understanding of the various concepts within the scope of digital economy must be well defined. The culture setting must not be discarded, and the psychological condition of the society must be considered. This is because as the world is changing at an alarming rate as result of technological advancement, it becomes salient to psyche citizens and workers who are mostly the drivers of the economy to a new reality to soften internal resistance and encourage the embracement of the new phenomenon [Ukolov, 2019].

Moreover, with a precise understanding of the various concepts, it becomes easy to identify the needed resources and appropriate distribution and application of the available scarce resources. The type of education and skills needed are also easily identifiable and inculcated into the policy draft when the concepts are clear [Brazhnikova, 2019]. This makes the aim of the digitalisation policy unambiguous and implementation processes becomes more realistic. Legal and normative regulations are accordingly drafted to meet current challenges with projected future changes that may come as technology advances [Desai, 2013; Valenduc, 2016]. With the appropriate concepts well defined, legal and normative regulation could boost inter-country, regional, and inter-continental cooperation in implementing digitalisation policies. This could further foster inclusiveness within the country and improving the underserved in the digital economy. This inclusiveness includes, bridging the digital divide, encouraging financial inclusiveness and bridging socio-culture divide. This in the long

term improves the wellbeing of the citizens and promotes a secure society.

Conclusions

Drafting digitalisation policy is a complicated activity because it has a far-reaching effect on the lives of every individual. Implementing digitalisation policy is even more complex and needs some degree of sophistication since any crude method of implementing the policy could lead to eventual failure. Therefore, in drafting and implementing, a detail analysis is needed starting from the various concepts involved in digitalisation the economy. As evident, when a policy is drafted on a misconstrued concept, the policy implementation becomes haphazard and this ultimately leads to an increase in the rate of failure of the policy. In Russia, many literatures have proven that digitisation and digitalisation has been seen as one and the same. As a result, there is no clear-cut policy as to what to digitise and how to digitalise leading to stalling in the implementation process. Many countries fail in this policy framing because the two concepts are mostly conflated giving room to non-standardised implementation process. Meanwhile, developing countries as a result of the conflated concepts, hardly set priority goals in drafting digitalisation policy.

Hence it is paramount to understand the details especially the underlining concepts as the policy are being drafted.

Recommendation for future studies

As digitalisation of the economy has become the new normal, it is important that more researchers explore to understand the failures and the successes of its implementation. Thus, an empirical research could be done in Russia to understand to what degree has the concepts of digitisation and digitalisation impacted the drafting of policy directives of digitalising the economy. A research could help understand the level of digitisation in the economy and how it is boosting digitalisation in the economy or research could be done evaluating both concepts separately and how the understanding of these concepts influences the value capture or measurement in digital economy. Also, research can evaluate how open innovation could help developing countries acquire the know-how and bridge the disparities between the developed and the developing countries.

Conflict of interests

The author confirms that the submitted materials do not contain a conflict of interest.

References

1. Bloomberg, 2018 – Bloomberg J. Digitization, digitalization, and digital transformation: confuse them at your peril. *Forbes* : [website]. URL: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/?sh=6e7b00162f2c>. Publication date 04/29/2018.
2. Bowman, 1996 – Bowman J. P. The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence. 1996. doi: 10.5465/AME.1996.19198671.
3. Brazhnikova, 2015 – Brazhnikova N. B. Analiz sostoyaniya i tendentsiy razvitiya chelovecheskogo kapitala na predpriyatiyakh vysokotekhnologichnykh otrasley promyshlennosti v Rossii [Analysis of the state and trends of human capital development at enterprises of high-tech industries in Russia]. N. B. Brazhnikova [et al.]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal* [Business within the law. Economic and legal journal]. 2015, no. 6, pp. 264–269. ISSN: 1816-921X 9 (in Russian).
4. Brennen, 2016 – Brennen J. S. Digitalization. J. S. Brennen, D. Kreiss. *The international encyclopedia of communication theory and philosophy*. John Wiley & Sons, Inc. Publ, 2016. P. 1–11. doi: 10.1002/9781118766804.wbiect111.
5. Bukht, 2017 – Bukht R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy. R. Bukht, R. Heeks. *Development Informatics. Working paper series*. 2017. No. 68. ISBN: 978-1-905469-62-8.
6. Desai , 2013 – Desai D. R. The New Steam: On Digitization, Decentralization, and Disruption. D. R. Desai. *Hastings Law Journal*. – 2013. Vol. 65. P. 1469.
7. Digital transformation..., 2019 – *Digital transformation and the role of enterprise architecture* / International Telecommunication Union. Geneva, 2019. eISBN: 978-92-61-29011-5. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-DIG_TRANSF-2019-PDF-E.pdf.
8. Heberle, 2017 – Heberle A. Digitalization Canvas-Towards Identifying Digitalization Use Cases and Projects.

- A. Heberle [et al.]. *Journal of Universal Computer Science*, vol. 23, no. 11 (2017), 1070–1097.
9. Napitupulu, 2017 – Napitupulu D. A conceptual model of e-government adoption in Indonesia. D. A. Napitupulu. *International Journal on Advanced Science, Engineering and Information Technology*. 7(4):1471-1478. doi: 10.18517/ijaseit.7.4.2518.
 10. Parviainen, 2018 – Parviainen P. Tackling the digitalization challenge: how to benefit from digitalization in practice. P. Parviainen P. [et al.]. *International journal of information systems and project management*. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 63–77. doi: 10.12821/ijispm050104.
 11. Plakitkin, 2018 – Plakitkin Yu. A. Programs Industry-4.0 and Digital Economy of the Russian Federation – opportunities and horizons in the coal sector. Yu. A. Plakitkin, L. S. Plakitkina. *Gornaya promyshlennost' = Mining Industry Journal*. No.1 (137) 2018, p. 22–28. doi: 10.30686/1609-9192-2018-1-137-22-28 (in Russian).
 12. Tapscott, 1996 – Tapscott D. *The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence*. D. Tapscott. New York : McGraw-Hill, 1996. Vol. 1.
 13. Tsirenschikov, 2019 – Tsirenschikov V. S. Digitalization of the European economy. V. S. Tsirenschikov. *Sovremennaya Yevropa = Contemporary Europe*, 2019, No. 3, pp. 104–114. doi: 10.15211/soveurope32019104113.
 14. Twenty-five years., 2019 – Twenty-five years of digitization: Ten insights into how to play it right : Executive Briefing. *Mckinsey&Company* : [website]. Retrieved from: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/twenty-five-years-of-digitization-ten-insights-into-how-to-play-it-right>. Publication date 05/21/2019.
 15. Ukolov, 2019 – Ukolov V. F. Psychology of interaction of digital enterprises of real and virtual economic sectors. V. F. Ukolov, V. A. Kostyukov, M. V. Ivakhnenko. *Vestnik MIRBIS*. 2019. No. 4(20). Pp. 177–186. doi: 10.25634/MIRBIS.2019.4.19 (in Russian).
 16. Ukolov, 2019a – Ukolov V. F. Key digitalization effects and possible losses. V. F. Ukolov, V. Y. Afanasev, V. V. Cherkasov. *Vestnik Universiteta*. 2019a; (8):55-58. doi: 10.26425/1816-4277-2019-8-55-58 (in Russian).
 17. Valenduc, 2016 – Valenduc G. Work in the digital economy: sorting the old from the new. G. Valenduc, P. Vendramin. *Working Paper* 2016. 03. Brussels : European trade union institute, 2016. ISSN 1994-4446.
 18. Vogelsang, 2010 – Vogelsang M. *Digitalization in open economies: Theory and policy implications*. M. Vogelsang. Physica-Verlag Heidelberg, 2010. ISBN 978-3-7908-2391-2. doi: 10.1007/978-3-7908-2392-9.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Bloomberg J.* Digitization, digitalization, and digital transformation: confuse them at your peril // *Forbes* : [сайт]. URL: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/?sh=6e7b00162f2c>. Дата публикации 29.04.2018.
2. *Bowman J. P.* The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence. 1996. doi: 10.5465/AME.1996.19198671.
3. *Бражникова Н. Б.* Анализ состояния и тенденций развития человеческого капитала на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности в России / Н. Б. Бражникова и др. // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2015. № 6. С. 264–269. ISSN: 1816-921X.
4. *Brennen J. S.* Digitalization / J. S. Brennen, D. Kreiss // *The international encyclopedia of communication theory and philosophy*. John Wiley & Sons, Inc. Publ, 2016. P. 1–11. doi: 10.1002/9781118766804.wbiect111.
5. *Bukht R.* Defining, conceptualising and measuring the digital economy / R. Bukht, R. Heeks // *Development Informatics. Working paper series*. 2017. № 68. ISBN: 978-1-905469-62-8.
6. *Desai D. R.* The New Steam: On Digitization, Decentralization, and Disruption / D. R. Desai // *Hastings Law Journal*. 2013. Vol. 65. P. 1469.
7. *Digital transformation and the role of enterprise architecture* / International Telecommunication Union. Geneva, 2019. eISBN: 978-92-61-29011-5. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-DIG-TRANSF-2019-PDF-E.pdf.
8. *Heberle A.* Digitalization Canvas-Towards Identifying Digitalization Use Cases and Projects. A. Heberle [et al.] // *Journal of Universal Computer Science*, vol. 23, no. 11 (2017), 1070-1097.
9. *Napitupulu D.* A conceptual model of e-government adoption in Indonesia / D. Napitupulu // *International*

- Journal on Advanced Science, Engineering and Information Technology. 7(4):1471-1478. doi: 10.18517/ijaseit.7.4.2518.
10. Parviainen P. Tackling the digitalization challenge: how to benefit from digitalization in practice / P. Parviainen P. [et al.] // *International journal of information systems and project management*. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 63–77. doi: 10.12821/ijispm050104.
 11. Плакиткин Ю. А. Программы «Индустрия-4.0» И «Цифровая экономика Российской Федерации» — возможности и перспективы в угольной промышленности / Ю. А. Плакиткин, Л. С. Плакиткина // *Горная промышленность = Mining Industry Journal*. 2018. № 1 (137). С. 22–28. doi: 10.30686/1609-9192-2018-1-137-22-28.
 12. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York : McGraw-Hill, 1996. Vol. 1.
 13. Циренщиков В. С. Цифровизация экономики / В. С. Циренщиков // *Современная Европа = Contemporary Europe*. 2019. № . С. 104–113. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019104113>.
 14. Twenty-five years..., 2019 – Twenty-five years of digitization: Ten insights into how to play it right : Executive Briefing // Mckinsey&Company : [сайт]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/twenty-five-years-of-digitization-ten-insights-into-how-to-play-it-right>. Дата публикации 21.05.2019.
 15. Уколов В. Ф. Психология взаимодействия цифровых предприятий реального и виртуального секторов экономики / В. Ф. Уколов, В. А. Кострюков, М. В. Ивахненко // *Вестник МИРБИС*. 2019. № 4 (20). С. 177–186. doi: 10.25634/MIRBIS.2019.4.19.
 16. Уколов В.Ф. Ключевые эффекты цифровизации и возможные потери / В. Ф. Уколов, В. Я. Афанасьев, В. В. Черкасов // *Вестник университета*. 2019а;(8):55-58. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-8-55-58>.
 17. Valenduc G. Work in the digital economy: sorting the old from the new. G. Valenduc, P. Vendramin // *Working Paper* 2016. 03. Brussels : European trade union institute, 2016. ISSN 1994-4446.
 18. Vogelsang M. Digitalization in open economies: Theory and policy implications. Physica-Verlag Heidelberg, 2010. ISBN 978-3-7908-2391-2. doi: 10.1007/978-3-7908-2392-9.

Information about the authors:

Ukolov Vladimir F., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Digital Enterprise Management in the Fuel and Energy Complex. RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198. AuthorID 641366; **Castello Perez Dieter, Gomado Etse Dadson & Chariyarova Gozel D.** are postgraduate students of the RUDN University.

Информация об авторах:

Уколов Владимир Федорович, доктор экономических наук, профессор. Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. AuthorID 641366, **Кастель Перес Дитер, Гомадо Этсе Дадсон и Чарыярова Гозель Джумамухамедовна** — аспиранты РУДН, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

The article was submitted 08/17/2020; approved after reviewing 09/16/2020; accepted for publication 12/02/2020

Статья поступила в редакцию 17.08.2020; одобрена после рецензирования 06.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ · DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 48–58.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 48–58.

Научная статья

УДК 338.012 : 004

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.6

К вопросу об оценке сформированности цифровых компетенций

Татьяна Сергеевна Соловьева

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия, solo_86@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы связана с растущим распространением цифровизации в различных сферах жизнедеятельности. Этот процесс существенно ускорился в период пандемии коронавируса COVID-19 в 2020 году. Это обуславливает необходимость повышения цифровой компетентности населения, одним из начальных этапов которой выступает оценка уровня развитости цифровых компетенций. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ российского и международного опыта исследований сформированности цифровых компетенций. Достижение поставленной цели осуществлялось на основе сравнительного и дескриптивного анализа, обобщения данных российских и международных исследований. В статье определены взаимосвязи между цифровыми компетенциями и смежными понятиями, а также представлен обзор существующих методик оценки сформированности цифровых компетенций и результаты их применения. Показано, что, несмотря на значительное их количество, по-прежнему остается актуальной задача разработки адекватного инструментария применительно к молодому поколению. В заключение выделены основные направления оценки сформированности цифровых компетенций, обозначены их плюсы и минусы, отмечена необходимость дальнейшего совершенствования инструментария. Материалы статьи представляют интерес, как для органов власти, так и для представителей научно-образовательной сферы.

Ключевые слова: компетенции, цифровые компетенции, цифровые навыки, цифровая грамотность, цифровая экономика.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00811.

Для цитирования: Соловьева Т. С. К вопросу об оценке сформированности цифровых компетенций / Т. С. Соловьева // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 48–58. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.6 JEL: I21, J24

Original article

Discussion issues for the evaluation of digital competencies

Tatiana S. Soloveva

Vologda research center of Russian academy of sciences (VoIRC RAS), Vologda, Russia, solo_86@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>.

Abstract. The relevance of the research issue is related to the growing spread of digitalization in various fields of activity. This process has been greatly accelerated during the COVID-19 pandemic in 2020. This calls for the continuous improvement of the digital competences, where one of the initial stages is the assessment of its development. In this regard, the purpose of the article is to study Russian and international research experience in the formation of digital competencies. The achievement of this goal is carried out on the basis of comparative and descriptive analysis, aggregation of data. The article defines the relationship between digital competencies and related concepts, and provides an overview of existing methods for assessing the formation of digital competencies and the results of their implementation. It is shown that, despite a significant number of such practices the task of developing adequate tools for the younger generation is still urgent. In conclusion, the research proposes a main directions of assessing the formation of digital competencies, indicates their pros and cons, and notes the need for further improvement of tools. The results of the article are of interest both for the authorities and representatives of the scientific and educational sphere.

Key words: competencies, digital competencies, digital skills, digital literacy, digital economy.

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 19-010-00811.

For citation: Soloveva T. S. Discussion issues for the evaluation of digital competencies.

S. T. Soloveva. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 48–58. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.6

JEL: I21, J24

Введение

В современном мире в связи с бурным развитием цифровых технологий происходит трансформация экономических и общественных отношений. Результатом данного процесса являются цифровизация экономики, социальной сферы, управления и т. д. В подобных условиях возрастает значимость владения определенными знаниями и навыками, как для выполнения трудовых обязанностей, так и в повседневной жизни. Пандемия коронавируса COVID-19 в 2020 году и ее последствия, в частности, в виде перевода работников на удаленную занятость, перехода образовательных организаций на дистанционный режим работы и многих организаций в онлайн-формат деятельности, показали важность развития у населения цифровых компетенций и цифровой грамотности в целом.

В то же время, по данным НИУ ВШЭ, на 2019 г. уровень владения россиянами цифровыми навыками существенно ниже, чем у населения большинства стран Европы [Левен, 2020]. При этом навыки базового уровня присущи 24 % жителей России, а выше базового уровня развиты только у 12 % опрошенных. У стран-лидеров (Нидерланды, Франция, Великобритания и др.) данные показатели соответственно равны порядка 50 % и 25–30 % соответственно. Согласно опросу родителей обучающихся 1–9 классов, проведенному образовательной онлайн-платформой «Учи.ру», 49% отметили периодическое и 13 % — постоянное возникновение трудностей с адаптацией к дистанционному формату обучения [Толстихина, 2020, 33]. Принимая во внимание обозначенные факты и тенденции, актуальным вопросом в плане повышения цифровой грамотности населения является организация системной работы по развитию и использованию цифровых знаний, умений и навыков, одним из аспектов которой выступает их оценка. В связи с этим, целью настоящей статьи является анализ российского и международного опыта исследований сформированности цифровых компетенций.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются данные международных и российских исследований, научные труды зарубежных и отечественных ученых в области оценки цифровых компетенций. В работе использовались методы

сравнительного и дескриптивного анализа, обобщения.

Результаты и обсуждения

Как показал анализ, в настоящее время разработано достаточно большое количество методик, которые в той или иной степени позволяют измерить уровень развитости цифровых компетенций². При этом, во-первых, согласимся с мнением специалистов, что непосредственно сами компетенции измерить весьма затруднительно, поэтому всегда измеряются результаты их проявления [Жаркова, 2011, 294]. Во-вторых, необходимо очертить круг смежных с понятием «цифровая компетенция» терминов: цифровая компетентность, цифровая/компьютерная грамотность, цифровые навыки и др. Так, зачастую понятия «цифровые компетенции/компетентность» и «цифровая грамотность» синонимизируются [Gallardo-Echenique, 2015]. На наш взгляд, данные термины близки, однако не тождественны друг другу. Цифровая грамотность выступает более широким понятием, представляющим собой «вовлеченность индивида в цифровую среду, подкрепленная наличием компетенций в области потребления, поиска и обработки, а также защиты информации» [Давыдов, 2015, 122–123]. То есть, цифровые компетенции входят в структуру цифровой грамотности и являются ее основой. В свою очередь, цифровые компетенции представляют собой комплекс знаний, навыков и установок в отношении цифровых технологий, связанных с различными целями (коммуникация, творческое самовыражение, управление информацией и др.), сферами (повседневная жизнь, работа, конфиденциальность и др.) и уровнями [Janssen, 2013, 480]. Таким образом, оценка уровня цифровой грамотности предполагает оценку цифровых компетенций, а значит, и цифровых навыков. По этой причине рассмотрим исследования, как собственно оценивающие цифровые компетенции/компетентность, так и позволяющие выявить уровень цифровой грамотности и цифровых навыков.

² Дабы не усложнять восприятие терминологии, мы исключили из анализа исследования, которые посвящены изучению родственных конструкций (информационная грамотность, компьютерная грамотность, медиаграмотность, ИКТ-компетентность и др.), и сосредоточились на работах, непосредственно оценивающих цифровую компетентность/грамотность. Отчасти это обусловлено тем, что зачастую в оценку цифровой грамотности также входит и измерение обозначенных характеристик.

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство исследований, охватывающих достаточно крупные выборки респондентов, основаны на самооценке ими тех или иных компонентов цифровой компетентности. Так, ВЦИОМ в рамках опроса по изучению удаленной работы в условиях пандемии провел измерение уровня владения цифровыми компетенциями на основе самооценки россиянами списка из 17 наиболее распространенных компетенций (навыков) (таблица 1). При этом оценка производилась по 5-балльной шкале в зависимости от того, насколько хорошо человек может выполнять те или иные действия (от 1 — «совсем не умею» до 5 — «очень хорошо умею это делать»). Далее с использованием кластерного анализа методом k-средних были выявлены уровни владения цифровыми компетенциями.

Таблица 1. Самооценка россиянами уровня владения цифровыми компетенциями, %

Компетенция/навык	Умеют очень хорошо	Не умеют
<i>Навыки, уровень владения которыми оценен как высокий</i>		
Фотографировать на телефон или другой гаджет	55	13
Искать информацию в Интернете	52	15
Снимать видео на телефон / камеру или другой гаджет	48	14
Переписка / совершение звонков в различных мессенджерах	49	18
Использование электронной почты	48	24
<i>Навыки, уровень владения которыми оценен как относительно высокий</i>		
Проводить финансовые операции в Интернете и/или через мобильный банк	42	23
Сканировать, распечатывать документы, изображения при помощи принтера, сканера	44	27
Пользоваться социальными сетями	38	20
Сохранять, копировать и архивировать файлы на компьютере / ноутбуке / телефоне	41	26
<i>Навыки, уровень владения которыми оценен как относительно низкий</i>		
Работа с текстами в текстовом редакторе	30	33
Работа с антивирусами и другими средствами защиты информации	19	35
Работы с электронными таблицами	19	38

Компетенция/навык	Умеют очень хорошо	Не умеют
Размещение файлов, документов в Интернете	23	38
<i>Навыки, уровень владения которыми оценен как низкий</i>		
Устанавливать и настраивать программное обеспечение	16	41
Редактирование фотографий, изображений	15	39
Подготовка презентаций	15	46
Делать монтаж видео на телефоне / ноутбуке / компьютере	10	47

Источник: Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии: аналитический доклад / ВЦИОМ; ООО «Социал Бизнес Групп» (SBG) // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280>. Дата публикации 15.05.2020.

Прежде В среднем 32 и 30 процентов опрошенных вошли в группы с высоким и выше среднего уровнем владения цифровыми навыками, а 18 и 20 процентов — в группы с уровнем владения ниже среднего и низким соответственно. При этом 64 % россиян считают свой уровень владения цифровыми компетенциями достаточным, а 30 % жителей не хватает имеющихся навыков.

Комплексный подход к измерению цифровой компетентности, предложенный на саммите G20 в апреле 2017 г., стал образцом для разработки документов в области стратегического планирования в данной сфере на европейском уровне. В рамках этого подхода была разработана структура цифровой компетентности граждан (DigComp), включающая в себя пять областей компетентности, состоящих из определенных знаний, умений и навыков:

1) грамотность в области информации и данных (просмотр, поиск и фильтрация, оценка и управление данными, информационным и цифровым контентом);

2) коммуникация и совместная работа: взаимодействие с помощью цифровых технологий (обмен данными, участие в гражданском обществе, совместная работа с помощью цифровых технологий; сетевой этикет; управление цифровой идентичностью);

3) создание цифрового контента (разработка, интегрирование и переработка цифрового контента; авторские права и лицензирование: программирование);

4) безопасность (защита устройств, персональ-

ных данных и конфиденциальность, здоровья и благополучия, окружающей среды);

5) решение задач (решение технических проблем, определение потребностей и технологических решений, креативное использование цифровых технологий, определение пробелов в цифровой компетентности) [Carretero, 2017, 11].

Каждая компетенция характеризуется восьмью уровнями владения от начального до высочиспециализированного и охарактеризована конкретными примерами. Данная система цифровых компетенций легла в основу многих инструментов для их оценки. Чаще всего это диагностические тесты, позволяющие выявить текущий уровень владения¹. DigComp была дополнена статистическим институтом ЮНЕСКО двумя областями: основы программного и аппаратного обеспечения и профессиональные компетенции (знания и навыки, которые необходимы для работы со специализированным оборудованием) [Antoninis, 2018]. По методологии DigComp Аналитическим центром НАФИ были проведены опросы населения России, что в результате позволило комплексно измерить уровень цифровой грамотности². Полученные данные свидетельствуют о том, что на 2019–2020 гг. только каждый четвертый опрошенный обладает высоким уровнем цифровой грамотности. При этом по сравнению с предыдущим замером 2018–2019 гг. ситуация существенно не изменилась: общий индекс цифровой грамотности увеличился на 6 пунктов, с 52 до 58. Самым западающим аспектом остается создание цифрового контента (53 п.), наиболее развитым — коммуникативная грамотность (62 п.), т. е. умение пользоваться различными онлайн-сервисами и общаться в сети.

НИУ ВШЭ, согласно методологии Евростата, проводит оценку уровня владения цифровыми навыками [Левен, 2020]. При расчете интегрального показателя используются данные ответов респондентов, пользовавшихся интернетом в последние три месяца, на вопросы о 22 видах действий, которые выполняются при работе на

компьютере или в интернете, объединенные в 4 группы навыков (информационные, коммуникационные, навыки решения проблем и навыки работы с программным обеспечением). Сначала осуществляется оценка владения навыками в каждой из групп по 3-балльной шкале: если имеется 1 и более навыков продвинутого уровня — «выше базового», если имеется 1 навык начального уровня — «базовый», если навыки этой группы отсутствуют — «навыки отсутствуют». Затем результаты агрегируются в сводный индекс в соответствии со шкалой: если есть навыки продвинутого уровня во всех группах навыков — «выше базового», если есть навыки во всех группах, при этом хотя бы в одной из них на базовом уровне — «базовый», если навыки в одной из групп отсутствуют — «низкий», если навыки во всех группах отсутствуют — «навыки отсутствуют». Как уже было обозначено выше, по результатам за 2019 г. Россия по рассматриваемому индикатору существенно отстает от развитых европейских стран. При этом наиболее проблемными аспектами выступают установка ПО и приложений, изменение настроек ПО, использование учебных онлайн-ресурсов, написание кода на языке программирования.

РОР «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ) совместно с ВЦИОМ, НИУ ВШЭ и Mediascope с 2015 года реализуют проект по мониторингу уровня цифровой грамотности населения³. В состав интегрального индекса, характеризующего данный аспект жизнедеятельности, входят три компонента:

1) цифровое потребление (охват фиксированным и мобильным Интернетом; наличие в личном пользовании цифровых устройств; количество сетевых медиа на душу населения; использование социальных медиа; использование госуслуг на цифровых платформах; потребление новостной информации в Сети);

2) цифровые компетенции (умение искать информацию в Интернете, использовать мобильные средства коммуникации, социальные сети, проводить финансовые операции, потреблять товары и услуги через Сеть; способности к критическому восприятию материалов медиа и проверки их на достоверность, а также к производству мульти- и трансмедийного контента);

1 Helping educators thrive in a digital world // Jisk : [сайт]. URL: <https://digitalcapability.jisc.ac.uk/what-is-digital-capability/> (дата обращения: 08.09.2020); The digital competence wheel // Center for Digital Dannels: [сайт]. URL: <https://digital-competence.eu/> (дата обращения: 08.09.2020).

2 Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // Аналитический центр НАФИ : [сайт]. URL: <https://naf.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/>. Дата публикации: 10.04.2020.

3 Цифровая грамотность // РОЦИТ : [сайт]. URL: <http://xn--80aaefw2ahcfbnesl6a8jyb.xn--p1ai/> (дата обращения: 08.09.2020)

3) цифровая безопасность (умение и понимание необходимости защиты персональных данных; навыки борьбы с компьютерными вирусами и хакерскими атаками; отношение к пиратскому программному обеспечению и контенту; уровень культуры взаимодействия в социальных сетях; соблюдение этических норм при размещении цифрового контента)¹.

Так, в период 2015–2017 гг. сводный показатель цифровой грамотности имел тенденцию к росту,

1 Там же.

Таблица 2. Индекс цифровой грамотности граждан РФ, 10-балльная шкала, 2015–2018 гг.

Индекс и его составляющие	Суть	2015	2016	2017	2018
Субиндекс цифрового потребления	Использование интернет-услуг для работы и жизни	5,17	5,49	5,35	4,49
Субиндекс цифровой безопасности	Основы безопасности в сети Интернет	4,86	5,57	5,43	3,29
Субиндекс цифровых компетенций	Навыки эффективного пользования технологиями	4,48	5,27	6,48	5,44
Индекс цифровой грамотности	–	4,79	5,42	5,99	4,52

Источник: Цифровая грамотность // РОЦИТ: [сайт]. URL: <http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/> (дата обращения: 08.09.2020).

Центром психометрики и измерений в образовании Института образования НИУ ВШЭ также разработана методика оценки цифровой грамотности на основе инструмента DIGLIT³. При этом в качестве составляющих рассматриваемого феномена выступают пять его граней, соответствующих ключевым компетенциям цифровой экономики, определенным в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (рисунок 1). Исследование реализуется в форме компьютерного тестирования, а сам инструмент состоит из заданий сценарного типа и контекстной анкеты. В заданиях приводятся ситуации из повседневной жизнедеятельности в условиях цифровой экономики, имитируется работа с теми или иными сервисами и инструментами (текстовые и графические редакторы, электронная почта, базы данных и т. д.). С помощью анкеты определяются аспекты, связанные с повышением готовности населения решать бытовые задачи в условиях цифровой среды. Сам инструмент основывается на методе доказательной аргументации (Evidence-Centered Design), подразумевающей формулировку критериев наблюдаемости сформированности компетенций и моделирование ситуаций, в которых можно их оценить. Преи-

3 Измерение цифровой грамотности. Инструмент DIGLIT // НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <https://ioe.hse.ru/monitoring/diglit> (дата обращения: 08.09.2020).

но в 2018 году был отмечен серьезный спад (таблица 2). Специалисты РОЦИТ связывают данный факт с тем, что при увеличении количества операций в онлайн-среде, используя свои цифровые компетенции в различных жизненных ситуациях, возрастает уровень критического мышления россиян, поэтому население начинает задумываться о вопросах безопасности и оценивает свои компетенции более критично².

2 Индекс цифровой грамотности 2018 // РОЦИТ: [сайт]. URL: <http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/mindex/2018/> (дата обращения: 08.09.2020).

муществами данной методики являются возможность оценки готовности к решению задач в новых условиях, а не просто измерение комплекса знаний в области цифровых технологий.

Помимо рассмотренного инструментария, компоненты оценки цифровых навыков и компетенций присутствуют в методиках Международного союза электросвязи, Мирового Саммита по вопросам информационного общества (WSIS), Организации экономического сотрудничества и развития и т. д.

В то же время подобный инструмент оценки уровня сформированности цифровых компетенций ориентирован в основном на взрослое население (за исключением методики НИУ ВШЭ), в то время как немаловажным аспектом выступает измерение данных характеристик у молодого поколения. Международной ассоциацией по оценке учебных достижений в 2013 и 2018 гг. было проведено исследование компьютерной и информационной грамотности школьников разных стран мира. Оно осуществлялось в компьютерном формате и состояло из нескольких модулей, содержащих ряд небольших заданий и одно большое. При этом оценивалось понимание того, как нужно использовать компьютер, умение собирать и производить информацию, а также цифровая коммуникация [Frailon, 2020, 4–5].

Рис. 1. Компоненты оценки цифровой грамотности по методике НИУ ВШЭ
 Источник: Измерение цифровой грамотности. Инструмент DIGLIT // НИУ ВШЭ : [сайт].
 URL: <https://ioe.hse.ru/monitoring/diglit> (дата обращения: 08.09.2020).

В 2018 г. в исследовании принимали участие московские восьмиклассники и заняли второе место, уступив датским школьникам.

Одной из наиболее признанных в России является методика специалистов МГУ им. М. В. Ломоносова. Ими был предложен индекс цифровой компетентности (ИЦК), диагностирующий знания, умения, мотивацию и ответственность/безопасность онлайн в четырех сферах — работе с контентом, коммуникации, потреблении и техносфере [Солдатова, 2018, 48]. Первоначальная версия инструментария 2013 г., включающая 56 пунктов, в связи с его объемностью в 2018 г. была модифицирована в более краткий (32 пункта) и скрининговый (16 пунктов) варианты. К примеру, пользовательская активность оценивалась по шкале Лайкерта (от 1 до 5–6 баллов) на основании вопросов о частоте использования интернета за последний год, и количестве времени, проводимом там в будние и выходные дни. Кроме того, с помощью тестовых заданий, содержащих описание конкретных ситуаций (пришло письмо на электронную почту, что ящик взломан; кто-то написал оскорбительное сообщение в социальной сети и т. д.), определялась иллюзия цифровой компетентности, т. е. «наличие грубых ошибок в разрешении повседневных онлайн-ситуаций» [Солдатова, 2017, 3]. В данном случае при наличии хотя бы одной ошибки диагностировалась недостаточность цифровой компетентности. Опросники были разработаны отдельно для детей 12–13, 14–17 лет и их родителей. Для более старших подростков были включены модули, посвященные социальному взаимодействию, цифровому гражданству и взаимодействию с неживыми системами. Данные опроса 2018 г. показали

рост показателя цифровой компетентности подростков до 50-процентного уровня от максимально возможного. В то же время данный факт, по мнению авторов исследования, может быть связан с особенностями выборки 2018 г. (население Москвы и Московской области)⁴. Было определено, что знания и мотивация подростков в плане развитости отстают от умений.

НАФИ по вышеуказанной ранее методике на основе кабинетного исследования, формализованных интервью с родителями и онлайн-опроса и фокус-групп со школьниками 9–17 лет оценили цифровую грамотность российских детей и подростков. При этом уровень развитости компонентов цифровой грамотности определялся путем выбора правильного суждения из предложенного набора 15 полярных вопросов, характеризующих когнитивные, технические и этические аспекты рассматриваемого явления [Аймалетдинов, 2018, 35]. Далее по каждой составляющей высчитывался удельный вес тех, кто выбрал правильные утверждения. А сам интегральный индекс (в границах от 0 до 100) представлял собой среднее арифметическое от полученных долей по отдельным измерениям цифровой грамотности. В результате было выявлено, что среди подростков лишь 15 % обладают высоким уровнем цифровой грамотности, причем более низкие показатели продемонстрировали девушки и те, кто проживает в небольших городах. Несмотря на то, что многие дети и подростки неплохо ориенти-

⁴ Исследование цифровой социализации разных поколений: подростки и родители (2018–2020 гг.) // Фонд развития Интернет : [сайт]. URL: <http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents> (дата обращения: 21.09.2020).

руются в вопросах поиска нужной информации, возможностей гаджетов и т. д., осознание угроз, исходящих от цифровой среды, невысокое.

На основании пилотного опроса также в рамках ранее озвученного подхода НАФИ оценил уровень цифровой грамотности школьных педагогов и преподавателей вузов. Данные исследования показали, что он составил 87–88 п.п. из 100 возможных, что, по мнению специалистов НАФИ, является завышенным результатом [Аймалетдинов, 2019, 5]. В связи с этим педагогам был задан вопрос о том, какой процент их коллег неуверенно или совсем не пользуется цифровыми технологиями. 20 % опрошенных указали, что доля таких коллег составляет 41–60 %, 13 % — 61–80 %, 5 % — 81–100 %. Таким образом, хотя учителя и показали уровень цифровой грамотности выше, чем дети и подростки, были идентифицированы некоторые проблемные аспекты в области их ИКТ-компетентности, рассчитанной по методологии Евросоюза [Аймалетдинов, 2019, 27]. При этом оценивались 22 технологические компетенции в соответствии с самооценкой учителя, которые сопоставлялись с шестью уровнями (новичок, исследователь, интегратор, эксперт, лидер, новатор). В итоге из 88 возможных баллов школьные педагоги набрали в среднем 48 баллов, а вузовские преподаватели — 45. Наиболее представлены группы интеграторов (37 %), т. е. третьего уровня, которые интегрируют цифровые технологии в свою деятельность, стремятся совершенствовать навыки, а также экспертов (31 %), уверенно пользующихся ими и пытающихся экспериментировать с ними [там же, 29]. Самый высокий уровень новаторов характерен лишь для 1 % респондентов. Кроме того, в среднем только около трети педагогов обучают безопасному использованию цифровых технологий, что, как видно из опроса школьников, напрямую сказывается на развитии их навыков цифровой безопасности.

В 2019 г. НИУ ВШЭ совместно с МПГУ провел сравнительное исследование цифровой грамотности школьников и педагогов в 10 городах Приволжского федерального округа. Опросник включал в себя блоки, отражающие удовлетворение информационных потребностей, мотивации использования медиатехнологий и непосредственное их использование. В данном случае интегральный показатель не рассчитывался. В результате был выявлен цифровой разрыв школьников

и педагогов, т. е. если первые показали высокий уровень пользования современными медиатехнологиями, то последние — крайне низкий как в профессиональной деятельности, так и в повседневных практиках [Ефанов, 2020, 389–390]. В то же время предложенная методика в большей степени оценивает медиаграмотность, а не цифровую грамотность непосредственно.

Исследователи из Череповецкого государственного университета, используя рамку компетенций DigComp, на основе онлайн-опроса студентов в 2019 г. оценили их цифровую грамотность, в том числе в гендерном разрезе. Инструментарий представлял собой анкету, содержащую 17 вопросов об использовании интернета, информационной безопасности, трудностях в пользовании цифровыми устройствами, технических знаниях и т. д. При этом, как и в предыдущем случае, методика не предполагала расчет сводного индекса, а уровень цифровой грамотности определялся на качественном уровне с использованием данных опроса преподавателей. Например, базовому уровню соответствовали неосознанность важности информации для решения тех или иных проблем, неспособность самостоятельно искать нужную информацию, структурировать и проанализировать ее, сложности с обработкой информации программными средствами [Krylova, 2020, 140]. В то же время такие размытые рамки отнесения студента к базовому, среднему либо продвинутому уровню, а также опосредованное измерение цифровой грамотности, не позволяют четко оценить валидность данного инструментария.

Заключение

Исследование показало, что при наличии значительного количества методик оценки цифровых компетенций остается актуальной задача разработки адекватного инструментария применительно к молодому поколению. Это обусловлено существующим цифровым разрывом между поколениями, снижением возраста активного пользования гаджетами и цифровыми технологиями.

При этом согласимся с мнением А. О. Ткаченко, которая предложила матрицу возможностей оценки цифровых компетенций обучающихся, и отметила, что инструментарий должен учитывать виды навыков и компетенций (таблица 3). То есть, базовые цифровые компетенции включают в себя формирование навыков взаимодействия, необходимых в повседневной деятельности для

выполнения роли гражданина, образовательные цифровые компетенции — навыков взаимодействия в образовательной среде, профессиональные цифровые компетенции — навыков взаимодействия в профессиональной среде. Оценка сформированности данных компетенций предлагается производить опосредованно в процессе освоения дисциплин через его успешность.

Таблица 3. Критерии оценки цифровых компетенций обучающихся

Компетенции/ навыки	Базовые цифровые компетенции	Образовательные цифровые компетенции	Профессиональные цифровые компетенции
Профессиональные навыки (hard skills)	Использование электронных профессиональных цифровых сервисов (Госуслуги, Мои документы и т. д.)	Владение телекоммуникационными и информационными технологиями, необходимыми для пользования электронными образовательными ресурсами	Использование информационных технологий, в т. ч. специализированного ПО, для решения профессиональных задач
Социальные навыки (soft skills)	Реализация роли гражданина	Взаимодействие с одноклассниками и преподавателями, умение работать в группе	Взаимодействие с окружающими и удаленными событиями и людьми для решения профессиональных задач

Источник: [Ткаченко, 2019].

В целом можно выделить три основных направления в методологии измерения сформированности цифровых компетенций¹:

1. Опросники, содержащие косвенные признаки овладения теми или иными навыками. Например, в ходе использования различных приложений/технологий, в т. ч. в Интернете. В случае если респондент пользуется теми из них, которые считаются сложными в применении, то это говорит о высоком уровне сформированности навыков. Сюда же можно отнести методики, опосредованно оценивающие рассматриваемые аспекты через мнение других людей (родителей, педагогов, коллег и т. д.). Наиболее часто используемыми методами являются анкетный опрос и интервью. Однако в этом случае есть риск получения не совсем точных данных, поскольку, во-первых, само по себе использование сложных технологий не дает информации о результатах этого использования, во-вторых, оценка на основе чужого мнения в силу субъективности также может расходиться с реальной ситуацией.

2. Опросники, включающие вопросы на самооценку респондентами своих знаний, умений и навыков. Как было отмечено ранее, это самый распространенный вариант. Чаще всего здесь, как и в предыдущем варианте, применяются методы анкетирования и интервьюирования. В то же вре-

мя следствием самостоятельного оценивания также может являться получение недостоверных результатов (недо- и переоценка). Среди плюсов данной группы методик можно выделить простоту оценки, быструю процедуру проведения и обработки.

3. Непосредственное тестирование цифровых компетенций в процессе выполнения заданий в контролируемой среде (класса, лаборатории и т. д.). В данном случае осуществляется наблюдение за демонстрацией применения знаний, умений и навыков, в т.ч. в рамках конкретных ситуаций. Среди оценочных средств могут использоваться собеседования, тесты различных видов, эссе, разноуровневые задания, деловые игры, технические средства контроля и т. д. Как отмечают специалисты, это направление выступает наиболее адекватным в плане валидности для измерения цифровой компетентности². Вместе с тем осуществление исследований в пределах данной группы методик является весьма трудозатратным и дорогостоящим, особенно для масштабных выборок.

Van Deursen, Van Dijk & Peters отметили, что наилучшим выходом может стать использование опосредованных вопросов, которые, к примеру, характеризуют операционные, формальные, информационные и стратегические навыки работы в Интернете [Van Deursen, 2012, 829]. При этом отдельные компоненты для измерения цифровых навыков предварительно проходят проверку в

1 Measuring Digital Skills. From Digital Skills to Tangible Outcomes project report / A. J. A. M. Van Deursen, E. J. Helsper, R. Eynon, 2014. // Oxford Internet Institute : [сайт]. URL: www.oii.ox.ac.uk/research/projects/?id=112 (дата обращения: 21.09.2020), с дополнениями автора.

2 Там же.

ходе непосредственного тестирования в контролируемой среде. уровень сформированности цифровых компетенций, особенно среди молодого поколения. Это

Таким образом, необходимо продолжать работу в направлении разработки инструментария, позволяющего более точно и корректно оценить эффективность мероприятий по их устранению. будет способствовать выявлению проблемных аспектов в рассматриваемой сфере и повышению

Список источников

1. Аймалетдинов, 2018 — *Аймалетдинов Т. А.* Дети и технологии / Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, В. И. Гриценко, О. А. Долгова, Г. Р. Имаева. Москва : НАФИ, 2018. 72 с. ISBN: 978-5-9909956-3-5.
2. Аймалетдинов, 2019 — *Аймалетдинов Т. А.* Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, О. А. Зайцева, Г. Р. Имаева, Л. В. Спиридонова. Москва : НАФИ, 2019. 84 с. ISBN: 978-5-9909956-5-9.
3. Давыдов 2015 — *Давыдов, С. Г.* Проект «индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты / Давыдов С. Г., Логунова О. С. // Социология: методология, методы, математическое моделирование = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M). 2015. № 41. С. 120–141. ISSN: 1994-8964.
4. Ефанов 2020 — *Ефанов А. А.* Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ / А. А. Ефанов, М. А. Буданова, Е. Н. Юдина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология = RUDN journal of sociology. 2020. №20 (2). С. 382–393. doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393.
5. Жаркова 2011 — *Жаркова Т. В.* Структуризация понятия «компетенция» на основе анализа российских и зарубежных работ в области экономики труда / Т. В. Жаркова, А. В. Фоменко // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 2 № 1. С. 289–295. ISSN:1999-8341.
6. Левен 2020 — *Левен Е. И.* Уровень владения цифровыми навыками в России и странах ЕС. Цифровая экономика : Экспресс-информация / Е. И. Левен, А. Б. Суслов // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/377859003.pdf>. Дата публикации: 09.07.2020.
7. Солдатова 2017 — *Солдатова Г. У.* «Оборотная сторона» цифровой компетентности российских подростков: иллюзия компетентности и рискованное поведение онлайн / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Вопросы психологии = Voprosy Psychologii. 2017. № 3. С. 3–15. ISSN: 0042-8841.
8. Солдатова 2018 — *Солдатова Г. У.* Краткая и скрининговая версии индекса цифровой компетентности: верификация и возможности применения / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Национальный психологический журнал = National Psychological Journal. 2018. №3 (31). С. 47–56. doi: 10.11621/npj.2018.0305.
9. Ткаченко 2019 — *Ткаченко А. О.* Анализ возможностей оценки сформированности цифровых компетенций обучающихся / А. О. Ткаченко // Актуальные вопросы образования. 2019. Т. 3. С. 117–120.
10. Толстихина 2020 — *Толстихина А.* Объединяющий дистант / А. Толстихина // Дети в информационном обществе. 2020. № 32. С. 31–45. ISSN 2313-075X.
11. Antoninis 2018 — *Antoninis M.* A Global Framework to Measure Digital Literacy / M. Antoninis, S. Montoya // UNESCO: [сайт]. URL: <http://uis.unesco.org/en/blog/global-framework-measure-digital-literacy>. Дата публикации: 19.03.2018.
12. Carretero 2017 — *Carretero S.* DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with eight proficiency levels and examples of use / S. Carretero, R. Vuorikari, Y. Punie. Luxemburg, 2017. 48 p. doi:10.2760/836968. ISBN: 978-92-79-68005-2.
13. Fraillon 2020 — *Fraillon J.* Preparing for Life in a Digital World IEA : International Computer and Information Literacy Study 2018 International Report / J. Fraillon et al. Amsterdam : IEA, 2020. 315 p. ISBN: 978-3-030-38780-8. doi: 10.1007/978-3-030-38781-5.
14. Gallardo-Echenique 2015 — *Gallardo-Echenique E. E.* Digital competence in the knowledge society / E. E. Gallardo-Echenique et al // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching, 2015, vol. 1, pp. 1–16.
15. Krylova 2020 — *Krylova N. P.* Gender-specific indicators of university students' digital literacy / N. P. Krylova, E. N. Levashov Science for Education Today, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 128–148. doi: 10.15293/2658-6762.2001.08.

16. Janssen J. 2013 — *Janssen J. Experts' views on digital competence: Commonalities and differences / J. Janssen et al // Computers & Education*, 2013, vol. 68, pp. 473–481. doi: 10.1016/j.compedu.2013.06.008.
17. Van Deursen 2012 — *Van Deursen A. Proposing a Survey Instrument for Measuring Operational, Formal, Information and Strategic Internet Skills / A. Van Deursen, J. Van Dijk, O. Peters // International Journal of Human-Computer Interaction*, 2012, vol. 28(12), pp. 827–837. doi: 10.1080/10447318.2012.670086.

References

1. Aymaletdinov T. A. *Deti i tekhnologii* [Children and technologies]. T. A. Aimalerdinov, L. R. Baimuratova, V. I. Gritsenko, O. A. Dolgova, G. R. Imaeva. Moscow : NAFI Publ., 2018. 72 p. ISBN: 978-5-9909956-3-5 (in Russian).
2. Aymaletdinov T. A. *Tsifrovaya gramotnost' rossiyskikh pedagogov. Gotovnost' k ispol'zovaniyu tsifrovyykh tekhnologiy v uchebnom protsesse* [Digital literacy of Russian teachers. Willingness to use digital technologies in the educational process]. Aimalerdinov T. A., Baimuratova L. R., Zaitseva O. A., Imaeva G. R., Spiridonova L. V. Moscow: NAFI Publ., 2019. 84 p. ISBN: 978-5-9909956-5-9 (in Russian).
3. Davydov S. G. *Proyekt «indeks tsifrovoy gramotnosti»: metodicheskiye eksperimenty* [Project "digital literacy index": methodological experiments]. Davydov S. G., Logunova O. S. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)*. 2015. No. 41, pp. 120–141. ISSN: 1994-8964 (in Russian).
4. Yefanov A. A. *Uroven' tsifrovoy gramotnosti shkol'nika i pedagoga: komparativistskiy analiz* [The level of digital literacy of a student and a teacher: a comparative analysis]. A. A. Efanov, M. A. Budanova, E. N. Yudina. *RUDN journal of sociology*. 2020. No. 20 (2). P. 382–393. doi: 10.22363 / 2313-2272-2020-20-2-382-393 (in Russian).
5. Zharkova T. V. *Strukturizatsiya ponyatiya «kompetentsiya» na osnove analiza rossiyskikh i zarubezhnykh rabot v oblasti ekonomiki truda* [Structuring of the concept of "competence" based on the analysis of Russian and foreign works in the field of labor economics]. T. V. Zharkova, A. V. Fomenko. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Technical University]. 2011. V. 2 No. 1. P. 289–295. ISSN: 1999-8341 (in Russian).
6. Leven Ye. I. *Uroven' vladeniya tsifrovymi navykami v Rossii i stranakh YES. Tsifrovaya ekonomika : Ekspres-informatsiya* [The level of digital skills in Russia and the EU. Digital economy : Express information]. E. I. Leven, A. B. Suslov. *HSE: [site]*. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/377859003.pdf>. Date of publication: 07/09/2020 (in Russian).
7. Soldatova G. U. *"Obrotnaya storona" tsifrovoy kompetentnosti rossiyskikh podrostkov: illyuziya kompetentnosti i riskovannoye povedeniye onlayn* ["The reverse side" of digital competence of Russian adolescents: the illusion of competence and risky behavior online]. G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova. *Voprosy Psichologii*. 2017. No. 3. P. 3–15. ISSN: 0042-8841 (in Russian).
8. Soldatova G. U. *Kratkaya i skringovaya versii indeksa tsifrovoy kompetentnosti: verifikatsiya i vozmozhnosti primeneniya* [Brief and screening versions of the digital competence index: verification and application possibilities]. G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova. *National Psychological Journal*. 2018. No. 3 (31). P. 47–56. doi: 10.11621 / npj.2018.0305 (in Russian).
9. Tkachenko A. O. *Analiz vozmozhnostey otsenki sformirovannosti tsifrovyykh kompetentsiy obuchayushchikhsya* [Analysis of the possibilities for assessing the formation of students' digital competencies]. A. O. Tkachenko. *Aktual'nyye voprosy obrazovaniya* [Actual problems of education]. 2019. Vol. 3. P. 117–120 (in Russian).
10. Tolstikhina A. *Ob'yedinyayushchiy distant* [Uniting distance]. A. Tolstikhina. *Deti v informatsionnom obshchestve* [Children in the information society]. 2020. No. 32. P. 31–45. ISSN 2313-075X (in Russian).
11. Antoninis M. *A Global Framework to Measure Digital Literacy*. M. Antoninis, S. Montoya. *UNESCO* : [website]. URL: <http://uis.unesco.org/en/blog/global-framework-measure-digital-literacy>. Date of publication: 03/19/2018.
12. Carretero S. *DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with eight proficiency levels and examples of use*. S. Carretero, R. Vuorikari, Y. Punie. Luxembourg, 2017. 48 p. doi:10.2760/836968. ISBN: 978-92-79-68005-2.
13. Fraillon J. *Preparing for Life in a Digital World IEA : International Computer and Information Literacy Study*

2018 *International Report*. J. Fraillon et al. Amsterdam : IEA, 2020. 315 p. ISBN: 978-3-030-38780-8. doi: 10.1007/978-3-030-38781-5.

14. Gallardo-Echenique E. E. Digital competence in the knowledge society. E. E. Gallardo-Echenique et al. *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*, 2015, vol. 1, pp. 1–16.
15. Krylova N. P. Gender-specific indicators of university students' digital literacy. N. P. Krylova, E. N. Levashov *Science for Education Today*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 128–148. doi: 10.15293/2658-6762.2001.08.
16. Janssen J. Experts' views on digital competence: Commonalities and differences. J. Janssen et al. *Computers & Education*, 2013, vol. 68, pp. 473–481. doi: 10.1016/j.compedu.2013.06.008.
17. Van Deursen A. Proposing a Survey Instrument for Measuring Operational, Formal, Information and Strategic Internet Skills. A. Van Deursen, J. Van Dijk, O. Peters. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2012, vol. 28(12), pp. 827–837. doi: 10.1080/10447318.2012.670086.

Информация об авторе:

Соловьева Татьяна Сергеевна

научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», ул. Горького, д. 56а, 1600014, г. Вологда, Россия. Author ID (РИНЦ): 621475; ResearcherID: I-8418-2016.

Information about the authors

Soloveva Tatiana S.

Researcher, Federal state budgetary institution of science "Vologda research center of Russian academy of sciences" (VoIRC RAS) 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. Author ID: 621475; ResearcherID: I-8418-2016.

Статья поступила в редакцию 24.09.2020; одобрена после рецензирования 16.10.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 09/24/2020; approved after reviewing 10/16/2020; accepted for publication 12/02/2020.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 59–66.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 59–66.

Научная статья

УДК 331.1

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.7

Управление HR-рисками крупных промышленных компаний в контексте перехода на цифровые технологии

Сергей Александрович Широковских

Институт социальных наук, Москва, Россия

linns@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0638-7002>

Аннотация. В статье исследуются аспекты трансформационного управления HR-рисками крупных промышленных предприятий в эпоху цифровизации. Целью статьи выступает концептуализация аспектов управления HR-рисками крупных промышленных компаний в контексте перехода на цифровые технологии «Industry 4.0». Результаты исследования: в статье раскрыты аспекты влияния цифровизации промышленности (концепция «Индустрия 4.0») на экономическую безопасность промышленных предприятий. Конкретизированы риски перехода на цифровые технологии «Industry 4.0» в сфере управления человеческими ресурсами крупных промышленных компаний. Рассмотрена проблематика высвобождения персонала на новых промышленных производствах «Industry 4.0» и предложены пути ее решения.

Выводы: обосновано, что в условиях активного перехода крупных промышленных предприятий на цифровую концепцию организации производства «Industry 4.0», в известной степени мультиплицируются существующие и появляются новые риски в сфере управления человеческими ресурсами, от своевременной идентификации и результативного управления которыми в немалой степени зависит эффективная адаптация промышленных предприятий к переходу на цифровые технологии «Industry 4.0». Рекомендуется сформировать и реализовать долгосрочную стратегию обеспечения экономической безопасности, в том числе, в сфере управления человеческими ресурсами крупных промышленных предприятий на основе функционирования автономной системы управления HR-рисками, а также обеспечить формирование долгосрочных программ и планов действий по управлению персоналом, высвобожденным в результате процессов цифровизации.

Ключевые слова: цифровые технологии, управление человеческими ресурсами, «Industry 4.0», цифровизация, HR-риски, крупные компании, управление рисками.

Для цитирования: Широковских С. А. Управление HR-рисками крупных промышленных компаний в контексте перехода на цифровые технологии / С. А. Широковских // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 59–66. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.7

JEL: J 80

Original article

HR risk management of large industrial companies in the context of digitalization "Industry 4.0"

Sergey A. Shirokovskikh

Institute of Social Sciences, Moscow, Russia

linns@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0638-7002>

Abstract. The article examines aspects of transformational HR risk management of large industrial enterprises in the era of digitalization. The purpose of the article is to conceptualize management aspects of HR risk management of large industrial companies in the context of the transition to digital technologies "Industry 4.0". Research results: the article reveals aspects of the impact of industrial digitalization (the concept of "Industry 4.0") on the economic security of industrial enterprises. The risks of transition to digital technologies "Industry 4.0" in the field of human resource management of large industrial companies are specified. The problem of the release of personnel at the new industrial production facilities "Industry 4.0" is considered and the ways of its solution are proposed.

Conclusions: it is substantiated that in the conditions of the active transition of large industrial enterprises to the digital concept of the organization of production "Industry 4.0", to a certain extent, existing risks multiply and new ones appear in the field of human resource management, the effective adaptation of industrial enterprises largely depends on the timely identification and effective management of which. to the transition to digital technologies "Industry 4.0". It is recommended to form and implement a long-term strategy for ensuring economic security, including in the field of human resource management of large industrial enterprises based on the functioning of an autonomous HR risk management system, as well as to ensure the formation of long-term programs and action plans for managing personnel released as a result of digitalization processes.

Key words: digital technologies, human resource management, Industry 4.0, digitalization, HR risks, large companies, risk management.

For citation: Shirokovskikh S. A. HR risk management of large industrial companies in the context of digitalization "Industry 4.0". S. A. Shirokovskikh. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 59–66. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.7

JEL: J 80

Введение

Новая промышленная революция, основанная на повсеместном внедрении киберфизических систем в организацию и управление производством, породила феномен цифровых промышленных компаний «Industry 4.0» [Ильин, 2019]. Функционирование таких компаний предполагает кардинальное изменение систем управления человеческими ресурсами, прежде всего, поскольку осуществление значительной части трудовых функций передается «умным машинам». Данные обстоятельства трансформируют сущность и содержание рисков в сфере человеческих ресурсов крупных промышленных компаний и HR-менеджмента, актуализируя проблематику адаптивного поиска усовершенствованных основ управления человеческими ресурсами на цифровых промышленных предприятиях с учетом HR-рисков. Целью настоящей публикации выступает концептуализация аспектов управления. Управление HR-рисками крупных промышленных компаний в контексте перехода на цифровые технологии «Industry 4.0».

Результаты исследований

Влияние цифровизации промышленности (концепция «Индустрия 4.0») на экономическую безопасность промышленных предприятий

Концепция «Industry 4.0» (рус. «Промышленность 4.0» или «Индустрия 4.0»), безусловно, не может не рассматриваться в отрыве от двойственного влияния на экономическую безопасность крупных хозяйствующих субъектов российской промышленности:

- с одной стороны, цифровизация совершенно справедливо рассматривается в качестве источника инновационного прорыва в развитии российской промышленности, обеспечении конкурентоспособности продукции промышленных предприятий на международном рынке, в том числе, за счет неуклонного повышения качества выпускаемой продукции, приведения характеристик в соответствие с требованиями

потребительского рынка и оптимизации себестоимости, и, как следствие, рыночной цены [Толстых, 2018];

- с другой стороны, интенсивное применение цифровых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), роботизированные системы, влекут за собой определенные риски, которые актуализируются как в целом в части обеспечения физической, информационной и экономической безопасности промышленных предприятий, так и в части специфических аспектов безопасности, на которые оказывается опосредованное, но, тем не менее, весьма значительное влияние.

Среди «общих» рисков перехода на цифровые технологии «Industry 4.0», влияющих на состояние экономической безопасности крупных промышленных предприятий, могут быть названы риски, связанные с надежностью, отказоустойчивостью цифровых технологий и оборудования, а также защищенностью по отношению к внешним воздействиям, прежде всего, осуществляемым злоумышленниками. Таковыми могут быть названы следующие [Бурцев, 2019; Зозуля, 2018; Кузнецова, 2018; Birkel, 2019]:

- технологические несовершенства киберфизических систем, включая необоснованный преждевременный переход на цифровое управление производством без убежденности в достаточной защищенности киберфизических систем от внешних угроз, отсутствия критических уязвимостей и высокой отказоустойчивости как таковой;
- недостаточная интенсивность применения инструментария защиты киберфизических систем от неправомерных вмешательств и иных инцидентов;
- неэффективное проектирование производственно-управленческих цепочек, включая программное управление киберфизическими системами, дублирование и резервирование их элементов, обеспечивающее устойчивость функционирования

вне зависимости от изменений внешней среды.

Риски перехода на цифровые технологии «Industry 4.0» в сфере управления человеческими ресурсами крупных промышленных компаний

Общие риски перехода на цифровые технологии «Industry 4.0» имеют определенный потенциал негативного воздействия на систему управления человеческими ресурсами, в связи с нарастающей интенсивностью их применения в данной сфере, прежде всего, в крупнейших компаниях промышленности, с разветвленными HR-подразделениями.

Безусловно, по своему замыслу, цифровые технологии обеспечивают активную поддержку HR-менеджмента, которая обеспечивается по нижеследующим ключевым направлениям [Буренина, 2019; Badri, 2018; Birkel, 2019; Буданов, 2017]:

- дальнейшая автоматизация выполнения процессов и процедур управления человеческими ресурсами;
- формирование и развитие алгоритмов разработки и реализации управленческих решений в сфере HR-менеджмента, прежде всего, рутинных, однако, постепенно, по мере развития ИИ, с охватом сложнейших решений;

- проведение деловой оценки на основе комплексного алгоритмизированного моделирования;
- наделение лиц, принимающих управленческие решения, аналитическим обеспечением высокого качества и беспрецедентной глубины и охвата за счет активного применения систем сбора, накопления и анализа больших массивов данных (big data);
- неуклонное совершенствование систем операционного (производственного) и управленческого мониторинга и контроля (контроллинга) на основе ИИ;
- предоставление цифровых платформ для обеспечения реализации определенных функций в сфере управления человеческими ресурсами в дистанционном режиме. Если в период до пандемии заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией COVID-19, речь шла преимущественно о цифровых платформах корпоративного обучения, то в текущих условиях функционирования промышленных предприятий, речь идет об использовании цифровых платформ одновременно для дистанционного осуществления трудовыми функциями и управления человеческими ресурсами.

Рис. 1. Распределение крупных промышленных компаний по индексу цифровизации управления человеческими ресурсами, %
Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

В соответствии с материалами проведенного анкетирования руководителей подразделений 48 крупных российских промышленных предприятий (II квартал 2020 года), подразделений управления рисками и иных аналогичных подразделений индекс цифровизации управления человечески-

ми ресурсами (сокращение удельных трудозатрат по направлениям HR-менеджмента за счет применения цифровых платформ в сравнении с аналогичными затратами при использовании традиционных технологий) является в настоящее время одним из наиболее высоких по ключевым функциональным направлениям менеджмента (рисунок 1). В условиях, когда на перспективу значительное число функций по управлению человеческими ресурсами крупных промышленных компаний будет переведено в цифровой формат, риски отказов и нежелательного вмешательства в работу киберфизических систем увязываются в целом с вопросом безопасности системы HR-менеджмента, тем самым, следует реализовывать

систему мер по их нивелированию. Как показали результаты упомянутого выше опроса и материалы обследования систем управления рисками соответствующих предприятий, основной инструмент управления рисками в данной части, — резервное хранение информации; второй по популярности инструмент — резервирование мощностей инфраструктуры; третий — цифровой контроллинг киберфизических систем, четвертый — функционирование альтернативных источников энергоснабжения. Реже применяются более дорогостоящие решения, такие, как резервирование и дублирование информационных систем (рисунок 2).

Рис. 2. Распространенность инструментов управления HR-рисками крупных промышленных компаний в контексте перехода на цифровые технологии «Industry 4.0», % от числа обследованных субъектов

Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Как представляется, соответствующих решений недостаточно для полноценной реализации всего возможного комплекса мер по обеспечению безопасного функционирования системы управления человеческими ресурсами крупных промышленных компаний в свете перехода на цифровые технологии «Industry 4.0». С учетом выраженности рисков и масштаба негативных последствий, на каждом промышленном предприятии должна быть сформирована и последовательно реализована долгосрочная стратегия обеспечения экономической безопасности, в том числе, в сфере управления человеческими ресурсами, на период перехода на активное использование цифровых технологий и инструмен-

тов производства и управления.

Исключительно важной в контексте реализации соответствующей стратегии видится система управления рисками, основанная, прежде всего, на комплексной идентификации, оценке, прогнозировании и последующем селективном управлении рисками как в сфере использования человеческих ресурсов, так и управления ими на предприятиях различной формы собственности [Rajnai, 2017].

В рамках управления технологическими рисками перехода корпоративных систем HR-менеджмента крупнейших промышленных предприятий на цифровые технологии, представляется необходимым рекомендовать обеспечить

применение всего набора необходимых решений в комплексе и взаимосвязи, без неоправданной экономии ресурсов любого рода.

Проблематика высвобождения персонала на новых промышленных производствах «Industry 4.0» и пути ее решения

«Частные» риски перехода на цифровые технологии «Industry 4.0» в немалой степени связаны с трансформацией социально-экономических отношений, складывающихся в рамках хозяйствующих субъектов, в том числе, по поводу организационного обеспечения их деятельности. Так, активное применение киберфизических систем предполагает высвобождение значительного числа работников промышленных предприятий, прежде всего, занятых на выполнении рутинных трудовых функций. В контексте внедрения цифровых технологий «Industry 4.0», речь идет о необходимости поиска источников альтернативной занятости не только управленческого, но и производственного, а также обслуживающего персонала — по сути, карьеры работников практически всех специальностей на промышленных

предприятиях подвергаются угрозам. Соответствующую проблематику представляется нецелесообразным сводить к решению тривиальной, по сути, задачи перевода части работников промышленного предприятия на должности контролеров цифровых машин, в особенности, когда речь идет о крупных промышленных предприятиях. Де-факто, будет иметь место банальная нехватка рабочих мест для всех высвобожденных производственных работников, к числу которых также примкнут представители многих управленческих специальностей, «вытесненные» ИИ, таких, как юристы, контролеры, менеджеры по качеству и многие другие.

В соответствии с материалами проведенного нами анкетирования, оценочный показатель численности рабочих мест, замещаемых цифровыми технологиями, в течение ближайших пяти лет дойдет до 25 %, а в десятилетней перспективе может составить более 50 % от среднесписочной численности персонала по состоянию на начало 2020 года (рисунок 3).

Рис. 3. Оценочный показатель численности рабочих мест, замещаемых цифровыми технологиями, %
Источник: составлено автором по результатам экспертной оценки (опроса)

При этом, число вновь создаваемых рабочих мест, связанных с обслуживанием цифровых производственных и управленческих систем, как видно из представленных материалов, не сможет удовлетворить даже 1/10 потребности в обеспечении занятости высвобождаемых работников. В контексте функционирования крупных промышленных компаний, значительное число которых относится в регионе/территории своего присутствия к классу системообразующих предприятий, имплементация соответствующих инноваций без

решения сопутствующих проблем было бы безответственным и не соответствовало бы базовым принципам корпоративной социальной ответственности.

Частичное решение проблемы в немалой степени связано с воздействием на общие риски современных киберфизических систем. Системы управления рисками все еще должны активно основываться на человеческом опыте и квалификации, что требует привлекать к их функционированию действующий персонал, — его пополнение

как раз видится возможным за счет работников некоторых производственных и большинства управленческих профессий, высвобождаемых в результате цифровизации.

Безусловно, для перевода таких работников в систему HR-риск-менеджмента потребуется осуществить переобучение, для этих целей уже в настоящий момент следует обеспечить приведение в соответствие корпоративных и/или партнёрских обучающих систем, как в части роста мощностей для обучения в соответствии с прогнозируемым ростом потребностей, так и в части стандартизации и унификации обучающих курсов и программ. Соответствующая работа, на наш взгляд, будет более эффективной, если к ней привлекать аутсорсинговые образовательные центры, вузы, а также другие промышленные предприятия, в том числе, меньшего размера.

На уровне отрасли и отдельных предприятий в более отдаленной перспективе также потребуется развивать инструментарий корпоративной социальной ответственности в отношении тех работников, которые будут высвобождены в результате активного внедрения технологий «Industry 4.0». Речь может идти об организационном и финансовом содействии занятости, гарантиям корпоративного пенсионного обеспечения при раннем выходе на пенсию, содействию развитию аутсорсинговых компаний, либо финансированию равномерного распределения рабочих мест через сокращение продолжительности рабочего времени, опять же, с сохранением обычного уровня материального стимулирования работ-

ников и их социального обеспечения. С учетом потенциального масштаба рисков, описанных в настоящей публикации, а также негативных последствий, соответствующая работа должна вестись уже в настоящее время, по меньшей мере, на уровне внутрикорпоративных и отраслевых консультаций, а также первоначального проектирования.

Выводы

В условиях активного перехода крупных промышленных предприятий на цифровую концепцию организации производства «Industry 4.0», в известной степени мультиплицируются существующие и появляются новые риски в сфере управления человеческими ресурсами, от своевременной идентификации и результативного управления которыми в немалой степени зависит эффективная адаптация промышленных предприятий к переходу на цифровые технологии «Industry 4.0». Представляется, что на период перехода на активное использование цифровых технологий и инструментов производства и управления на каждом промышленном предприятии должна быть сформирована и последовательно реализована долгосрочная стратегия обеспечения экономической безопасности, в том числе, в сфере управления человеческими ресурсами, важным аспектом которой должно стать построение автономной системы управления HR-рисками, а также формирование долгосрочных программ и планов действий по управлению персоналом, высвобожденным в результате процессов цифровизации.

Список источников

1. Буренина, 2019 — Буренина И. В. Практические инструменты адаптации рынка труда к широкому внедрению технологий индустрии 4.0 / И. В. Буренина, В. В. Бирюкова, С. Ф. Сайфуллина // Экономика и управление: научно-практический журнал = Economics and management: research and practice journal. 2019. №. 5. С. 20–23. ISSN: 2072-8697.
2. Бурцев, 2019 — Бурцев Д. С. Перспективы и технологические аспекты перехода российских предприятий к концепции Индустрии 4.0 / Д. С. Бурцев и др. // Инновации и инвестиции. 2019. №. 12. С. 237–239. ISSN: 2307-180X.
3. Зозуля, 2018 — Зозуля Д. М. Цифровизация российской экономики и Индустрия 4.0: вызовы и перспективы / Д. М. Зозуля // Вопросы инновационной экономики = Russian journal of innovation economics. 2018. Т. 8. №. 1. С. 1-14. eISSN: 2222-0372. doi: 10.18334/vin.ec.8.1.38856.
4. Ильин, 2019 — Ильин И. В. Основные тренды цифровой трансформации российского бизнеса / И. В. Ильин и др. // Наука и бизнес: пути развития. 2019. №. 7. С. 137–143. ISSN: 2221-5182.
5. Кузнецова, 2018 — Кузнецова М. О. Риски Индустрии 4.0 и их влияние на промышленные организации / М. О. Кузнецова // Вестник университета. 2018. №. 11. С. 115–122. ISSN: 1816-4277. doi: 10.26425/1816-4277-2018-11-115-122.

6. Толстых, 2018 — Толстых Т. О. Ключевые факторы развития промышленных предприятий в условиях индустрии 4.0 / Т. О. Толстых, Л. А. Гамидуллаева, Е. В. Шкарупета // Экономика в промышленности = Russian journal of industrial economics. 2018. Т. 11. № 1. С. 11–19. ISSN: 2072-1633. doi: 10.17073/2072-1633-2018-1-11-19.
7. Badri, 2018 — Badri A. Occupational health and safety in the industry 4.0 era: A cause for major concern? / A. Badri, B. Boudreau-Trudel, A. S. Souissi // Safety science. 2018. vol. 109. pp. 403–411. doi: 10.1016/j.ssci.2018.06.012.
8. Birkel, 2019 — Birkel H. S. Development of a risk framework for Industry 4.0 in the context of sustainability for established manufacturers / H. S. Birkel et al. // Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 2. pp. 384.
9. Budanov, 2017 — Budanov V. Industry 4.0.: socio-economic junctures / V. Budanov, I. Aseeva, E. Zvonova // Economic annals-XXI. 2017. no. 168. pp. 33–37. doi: 10.21003/ea.V168-07.
10. Rajnai, 2020 — Rajnai Z. Labor market risks of industry 4.0, digitization, robots and AI / Z. Rajnai, I. Kocsis // 2017 IEEE 15th International Symposium on Intelligent Systems and Informatics (SISY). IEEE, 2017. pp. 000343–000346. doi:10.1109/SISY.2017.8080580.

References

1. Burenina I. V. Prakticheskiye instrumenty adaptatsii rynka truda k shirokomu vnedreniyu tekhnologiy industrii 4.0 [Practical tools for adapting the labor market to the widespread introduction of industry 4.0 technologies] I. V. Burenina, V. V. Biryukova, S. F. Sayfullina. *Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskiy zhurnal = Economics and management: research and practice journal*. 2019. no. 5, pp. 20–23. ISSN: 2072-8697 (in Russian).
2. Burtsev D. S. Perspektivy i tekhnologicheskkiye aspekty perekhoda rossiyskikh predpriyatiy k kontseptsii Industrii 4.0 [Prospects and technological aspects of the transition of Russian enterprises to the concept of Industry 4.0]. D. S. Burtsev et al. *Innovatsii i investitsii [Innovations and investments]*. 2019. no. 12, pp. 237–239. ISSN: 2307-180X (in Russian).
3. Zozulya D. M. Tsifrovizatsiya rossiyskoy ekonomiki i Industriya 4.0: vyzovy i perspektivy [Digitalization of the Russian economy and Industry 4.0: challenges and prospects]. D. M. Zozulya. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Russian journal of innovation economics*. 2018. Vol. 8. No. 1. S. 1–14. eISSN: 2222-0372. doi: 10.18334/vinec.8.1.38856 (in Russian).
4. Ilyin I. V. Osnovnyye trendy tsifrovoy transformatsii rossiyskogo biznesa [The main trends of digital transformation of Russian business]. I. V. Ilyin et al. *Nauka i biznes: puti razvitiya [Science and business: ways of development]*. 2019. no. 7, pp. 137–143. ISSN: 2221-5182 (in Russian).
5. Kuznetsova M. O. Riski Industrii 4.0 i ikh vliyaniye na promyshlennyye organizatsii [Risks of Industry 4.0 and their impact on industrial organizations]. M. O. Kuznetsova. *Vestnik universiteta*. 2018. no. 11, pp. 115–122. ISSN: 1816-4277. doi: 10.26425/1816-4277-2018-11-115-122 (in Russian).
6. Tolstykh T.O. Klyuchevyye faktory razvitiya promyshlennykh predpriyatiy v usloviyakh industrii 4.0 [Key factors in the development of industrial enterprises in the conditions of industry 4.0]. T. O. Tolstykh, L. A. Gamidullaeva, E. V. Shkarupeta. *Ekonomika v promyshlennosti = Russian journal of industrial economics*. 2018. Vol. 11. No. 1. P. 11–19. ISSN: 2072-1633. doi: 10.17073/2072-1633-2018-1-11-19 (in Russian).
7. Badri A. Occupational health and safety in the industry 4.0 era: A cause for major concern? A. Badri, B. Boudreau-Trudel, A. S. Souissi. *Safety science*. 2018. Vol. 109. pp. 403–411. doi: 10.1016/j.ssci.2018.06.012.
8. Birkel H. S. Development of a risk framework for Industry 4.0 in the context of sustainability for established manufacturers. H. S. Birkel et al. *Sustainability*. 2019. Vol. 11. No. 2. pp. 384.
9. Budanov V. Industry 4.0.: socio-economic junctures. V. Budanov, I. Aseeva, E. Zvonova. *Economic annals-XXI*. 2017. no. 168. pp. 33–37. doi: 10.21003/ea.V168-07.
10. Rajnai Z. Labor market risks of industry 4.0, digitization, robots and AI. Z. Rajnai, I. Kocsis. *2017 IEEE 15th International Symposium on Intelligent Systems and Informatics (SISY)*. IEEE, 2017. pp. 000343–000346. doi: 10.1109/SISY.2017.8080580.

Информация об авторе:

Широковских Сергей Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономика и управление Института социальных наук. Россия, 105005, Москва, ул. Радио, 20. Author ID (РИНЦ): 930764.

Information about the author

Shirokovskikh Sergey A.

Candidate of Sci. (Econ.), Department of Economics and Management, Institute of Social Sciences. 20 Radio st., Moscow, 105005, Russia. Author ID: 930764.

*Статья поступила в редакцию 19.08.2020; одобрена после рецензирования 02.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.
The article was submitted 08/19/2020; approved after reviewing 09/02/2020; accepted for publication 12/02/2020.*

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 67–79.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 67–79.

Научная статья

УДК 338.45:330.341+001.895

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.8

Технологический переход от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли

Сергей Сергеевич Серебренников^{1,2}, Сергей Сергеевич Харитонов^{1,3}

1 РАНХиГС, Москва, Россия

2 serebrennikov-ss@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6545-0449>

3 kharitonov-ss@ranepa.ru

Аннотация. Мировые тенденции глобализации диктуют принципиально новые правила формирования архитектуры бизнес-модели промышленной организации, которые обуславливают переход от производства продуктов и сервисов для обезличенной массы потребителей к глобальным масштабам персонализированного обслуживания каждого клиента. Иными словами, современные условия ведения бизнеса требуют одновременной реализации двух противоположных по своей сущности тенденций: глобальное масштабирование собственной деятельности и одновременно персональный подход к каждому консьюмеру (создание уникальных характеристик и персонализации продуктов и сервисов), что обуславливает необходимость создания системы критериев для оценки технологического перехода от индустрии 2.0 (3.0) к индустрии 4.0, которая ознаменовывает создание интернета промышленных вещей.

Ключевые слова: бизнес-модель, технологический потенциал, индустрия 4.0, цифровая экономика, вызовы и угрозы, инвестиции, венчурные проекты, риск, конкурентоспособность.

Для цитирования: Серебренников С. С. Технологический переход от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли / С. С. Серебренников, С. С. Харитонов // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 67–79. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.8

JEL: M 15, M 21

Original article

Technological transition from Industry 2.0 and 3.0 to Industry 4.0 in the industrial sector

Sergei S. Serebrennikov^{4,5}, Sergey S. Kharitonov^{5,6}

4 RANEPА, Moscow, Russia.

5 serebrennikov-ss@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6545-0449>

6 kharitonov-ss@ranepa.ru

Abstract. Global trends in globalization dictate fundamentally new rules for the formation of the architecture of the business model of an industrial organization, which determine the transition from the production of products and services for the impersonal mass of consumers to the global scale of personalized service for each client. In other words, the current business environment requires the simultaneous realization of two trends that are opposite in nature: the global scale of activity (globalization) and the personal approach to each consumer (unicalization and personalization of products and services), which makes it necessary to create a system of criteria for assessing the technological transition from industry 2.0 (3.0) to industry 4.0, which marks the creation of the Internet of industrial things.

Key words: business model, technology potential, industry 4.0, digital economy, challenges and threats, investment, venture capital projects, risk, competitiveness.

For citation: Serebrennikov S. S. Technological transition from Industry 2.0 and 3.0 to Industry 4.0 in the industrial sector. S. S. Serebrennikov, S. S. Kharitonov. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 67–79. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.8

JEL: M 15, M 21

Введение

Современный этап развития мировой экономики отмечается полярностью векторов развития, которые порождают феномен дихотомии: в экономиках развивающихся стран имеет место активное использование классических, механистических схем менеджмента реальным сектором экономики, что программно и структурно препятствуют генерации инновационных архитектур бизнес-процессов, что оказывает деструктивное влияние на деловую активность промышленной компании. В то же время, с другой стороны, имеется точечный или локальный рост и развитие действующих рынков присутствия бизнеса, масштабное внедрение новых инновационных технологий, способствующих качественной эволюции логики построения бизнес-моделей в цифровой экономике. Однако такие разнонаправленные стратегии понимания перспективного развития порождают дихотомию внутри страны и даже отрасли, приводя к агентским конфликтам стейкхолдеров [Цифровая экономика., 2018, с. 47–48].

Постиндустриальная модель развития мировых хозяйственных связей заявила в качестве краеугольного камня интеллектуальный капитал и тотальную цифровизацию бизнес-процессов для производства устойчиво конкурентных продуктов. Следствием этого стало появление масштабного экономического перелома в истории: столь кардинальная эволюция механизма продуцирования благ превратили нематериальные активы и интеллектуальный капитал в ключевой источник генерации экономической добавленной стоимости, а это в свою очередь вызвало смену конкурентной парадигмы в национальных экономиках и международном экономическом диалоге стран [Цифровая экономика, 2020; Индикаторы инновационной деятельности, 2019].

Открытый характер национальной экономики России и многовекторная внешнеэкономическая политика актуализирует задачу по разработке «гибкого и эффективного механизма технологической трансформации национальной экономики от версии 2.0 и 3.0 к версии 4.0. с учетом рыночных и правовых императивов внешних и внутренних групп стейкхолдеров» для создания эффективной социально-ориентированной рыночной экономики с развитыми институтами предпринимательства и действенными механиз-

мами государственного и рыночного регулирования [Цифровая экономика., 2018, с. 53].

Результаты исследования

Сегодня необходимо глубокое осознание промышленниками современных вызовов и угроз цифровой экосистемы, понимание и принятие роли и важности интеллектуальных и социокультурных факторов влияния на результативность деятельности бизнеса для обеспечения самой возможности его присутствия на внутреннем и внешних рынках и поддержания лояльности стейкхолдеров. Указанные обстоятельства требуют всестороннего научного исследования индустрии 4.0 как платформы для формирования уникальных конкурентных превосходств и защиты национальных интересов в информационной экономике.

За 2017–2020 гг. вопросу цифровизации национальной экономики на законодательном, исполнительном, региональном и отраслевом уровнях уделено значительное внимание: так, в 2017 г. была принята Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203), федеральная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» за регистрационным №1632-р. от 28.07.2017 г.

Впервые понятие «индустрии 4.0» как эволюционной ступени мировой экономики было упомянуто более 20 лет назад в работе американского информатика Н. Негропonte. В его концептуальном изложении индустрия 4.0 предполагала создание нового конструкта — цифровой экономики, которая имеет ряд принципиальных отличий: замена физического веса продукции формационным объемом, производство электронных товаров, создание виртуальных производственных площадей (как правило, на электронные носители), а также мгновенное глобальное перемещение через сеть Интернет [Тарасов, 2018].

Четвертая промышленная революция, известная за рубежом как «Индустрия 4.0», в своем привычном для нас сегодня виде появилась в западных странах только в 2011 г. как проект, интеграции информационных (IT) и операционных технологий (OT) в промышленные процессы, которые в последствии стали именоваться «киберфизические системы» (Cyber&Physical Systems) [там же].

В процессе изучения специализированной ли-

тературы было установлено, что индустрия 4.0 (в узком контексте) — это промышленная форма организации Internet-вещей, организационно-инфраструктурные эволюции и новые практики менеджмента, применяемые для автоматизации и безлюдной организации производства.

Индустрия 4.0 (в широком контекстуальном смысле) — новая бизнес-модель технологической организации промышленной отрасли, синтезирующая в единое целое несколько методических и управленческих подходов:

- наделение машин и оборудования опцией технических коммуникаций, а также инклюзия коммуникаций с людьми через интернет вещей;
- создание digital-реплик физических объектов, позволяющих точно воспроизводить процессы жизнедеятельности и изменения реального объекта;
- масштабная визуализация процессов принятия решений через создание сценариев дополненной реальности и виртуальных route-стратегий для оценки рисков управленческих решений;
- наполнение гаджетов и иных устройств функцией искусственного интеллекта для достижения принципиально нового уровня коллаборации с клиентом (пользователем);
- масштабный аутсорсинг операционных и тактических управленческих решений киберфизическим системам [Пуха, 2017].

Согласно понятийному аппарату, применяемому Pricewaterhouse Coopers International Limited (PwCIL) «Индустрия 4.0» это принципиально новая бизнес-модель компании с start-end цифровизацией и автоматизацией бизнес-процессов на всех уровнях организации производства с целью формирования цифровой экосистемы управления цепочкой создания стоимости [Шантаренкова, 2017].

Для бизнес-модели промышленного предприятия формата «Индустрия 4.0» характерны следующие черты:

1. Тотальная цифровизация и интеграция вертикальных и горизонтальных цепочек генерации стоимости — все бизнес-процессы внутри компании доступны для мониторинга и управления в on-line режиме в корпоративной сети. Для разработки стратегии умного роста бизнеса применяются технологии дополненной реальности, а все данные аккумулируются в системе Big Data с опцией трансферта стейкхолдерам-спутникам (например, поставщики, рынки присутствия, рыночные регуляторы) с моментальным формированием уровней и пакета прав доступа.

2. Диджитализация продуктов и услуг — дополнение имеющихся продуктов, например, интеллектуальными датчиками или устройствами связи, совместимыми с инструментами квалитетического анализа Big Data, что формирует опцию оптимизировать продукты и услуги в соответствии с новыми требованиями конечных потребителей (рисунок 1).

Рис. 1. Концептуальное видение «Индустрии 4.0» в промышленном секторе национальной экономики
Источник: [Пуха, с. 10]

Digital-мультифункциональные бизнес-модели — массовизация введения предложений комплексного special-for-you (SFY) сервиса на основе информации о личных предпочтениях клиента и их интеграции в обособленные цифровые экосистемы.

Проведя ретроспективный анализ, было установлено, что до 2013 г. эскалация интереса к концепции «Индустрия 4.0» многими менеджерами воспринималась как PR-акция, но в 2015/2016 гг. произошел перелом в управленческом сознании наиболее авангардных компаний: интерес к концепции перерос в реальные инвестиции и результаты.

На следующем этапе рассмотрим ключевые показатели развития индустрии 4.0 в РФ за 2017–2019 гг. (таблица 1).

Согласно приведенным расчетам в 2017–2019 гг. отмечается рост объема производства и отгрузки инновационной продукции на 108,4 и 107,7 % соответственно к предшествующему периоду. Однако следует заметить, что операционные за траты на инновационную деятельность росли более высокими темпами: 104,8 и 132,7 %, что может косвенно свидетельствовать о качественно низком уровне инновационных инициатив и проектов, который, как следствие, ведет к росту операционных затрат.

Таблица 1. Ключевые показатели развития индустрии 4.0 в РФ за 2017–2019 гг.

Показатели	По состоянию на 31 декабря			Отклонение (+; –)		Темп роста (снижения), %	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2018г. к 2017г.	2019г. к 2018г.	2018г. к 2017г.	2019г. к 2018г.
1. Объем реализации инновационной продукции, млн руб.	4 166 998,7	4 516 276,4	4 863 381,9	349 277,7	347 105,5	108,4	107,7
2. Операционные затраты на инновационную деятельность, млн руб.	1 404 985,3	1 472 822,3	1 954 133,3	67 837	481 311	104,8	132,7
3. Инвестиции в инновации категории «индустрия 4.0», млн руб.	31 657,5	50 847,2	26 710,3	19 189,7	–24 136,9	160,6	52,5
4. Удельный вес промышленных организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе организаций, %	9,6	10,3	11,7	0,7	1,4	107,3	113,6
5. Совокупный уровень инновационной активности промышленных организаций, %	10,6	10,8	9,7	0,2	–1,1	101,9	89,8

Источник: составлено автором по данным [Цифровая экономика, 2020; Индикаторы инновационной деятельности, 2019; Мониторинг развития., 2020]

Важно отметить и тот факт, что удельный вес промышленных организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе организаций, практически был неизменным и коле-

бался между 9,6 и 11,7 %, что говорит о реальной активности в точечных зонах промышленного комплекса РФ.

Это же подтверждает показатель совокупно-

го уровня инновационной активности промышленных организаций, который составил в 2017–2019 гг. интервал между 10,6 и 9,7 %. Отрицательную динамику ввиду геополитической напряженности получили инвестиции в инновации категории «индустрия 4.0»: в 2019 г. они снизились на 24 136,9 млн руб., или 47,5 п.п. На следующем этапе рассмотрим основные показатели венчурной экосистемы РФ в процессах формирования Индустрии 4.0 (рисунок 2).

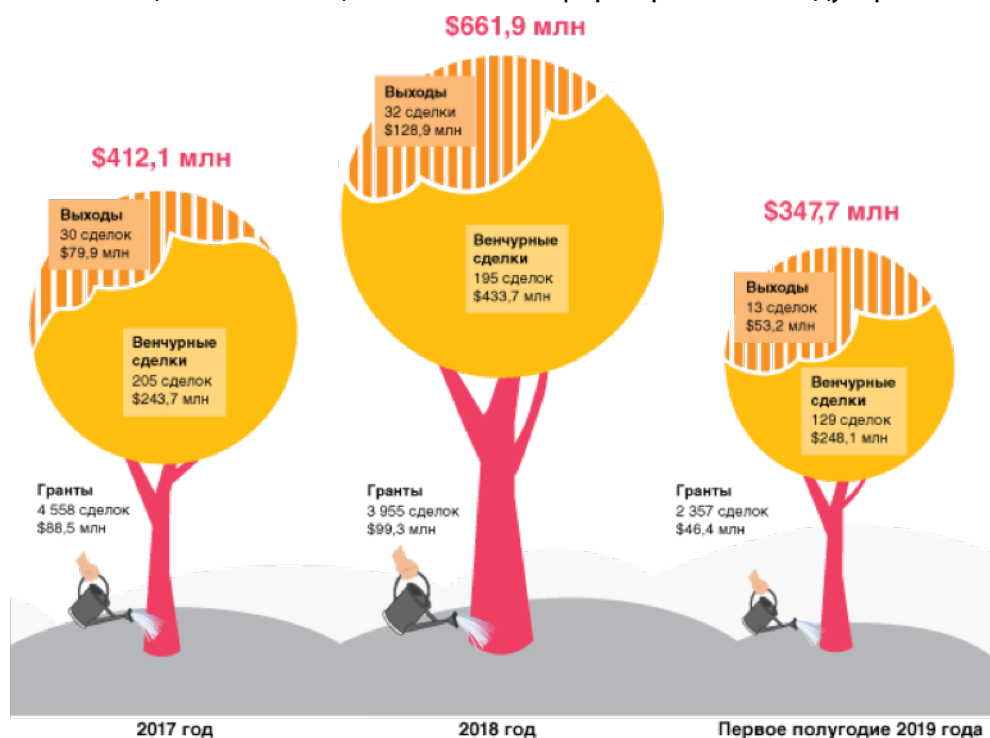

Рис. 2. Основные показатели венчурной экосистемы РФ в процессах формирования Индустрии 4.0
 Источник: [MoneyTreeTM, 2019, с. 6]

Согласно приведенным данным в 1-м полугодии 2019 г. объем рынка венчурной экосистемы составил 347,7 млн долл. США, при этом непосредственно венчурные инвестиции составили 248,1 млн долл. США, гранты стартап-командам — 46,4 млн долл. США, при этом в 2018 г. объем всего рынка венчурных инвестиций составил 661,9 млн долл., а инвестиции — 433,7 млн долл. США, что позволит с надеждой оценивать итоги посевного раунда за 2019 г. с переходом на 2020 г., гранты составили 99,3 млн долл. США (итоговая оценка размера инвестиций возможна только после завершения посевной стадии). Дополнительно рассмотрим уровень инновационной активности промышленного бизнеса Российской Федерации и Евросоюза в 2017–2019 гг. (таблица 2).

Таблица 2. Уровень инновационной активности промышленного бизнеса Российской Федерации и Евросоюза в 2017–2019 гг. (включая МСП-субъекты)

Показатели	По состоянию на 31 декабря			Отклонение (+; -)	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.
РФ					
1. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, в общем числе обследованных организаций, % В том числе:					
1.1 Продуктовые	13,4	13,4	14,1	0,0	0,7
1.2 Процессные	4,9	4,2	4,3	-0,7	0,1
	4,4	4,7	5	0,3	0,3

Показатели	По состоянию на 31 декабря			Отклонение (+; –)	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.
1.3 Маркетинговые	1,7	1,9	2	0,2	0,1
1.4 Организационные	2,4	2,6	2,8	0,2	0,2
ЕС					
1. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, в общем числе обследованных организаций, % <i>В том числе:</i>	69,7	70,4	65,6	0,7	–4,8
1.1 Продуктовые	34,4	33,7	30,2	–0,7	–3,5
1.2 Процессные	19,6	17,8	13,7	–1,8	–4,1
1.3 Маркетинговые	7,8	9,3	11,4	1,5	2,1
1.4 Организационные	7,9	9,6	10,3	1,7	0,7

Источник: составлено автором по данным [Индикаторы инновационной деятельности, 2029; Мониторинг развития..., 2020; MoneyTree™, 2019; Клейменова, н.д./2020]

Согласно приведенному графику мы видим в ЕС достаточно активно развиваются маркетинговые и организационные инновации, являющиеся неотъемлемой частью индустрии 4.0.

На заключительном этапе рассмотрим ключевые показатели эффективности инвестирования в проекты формирования Индустрии 4.0 в РФ за 2017–2019 гг. (таблица 3).

Таблица 3. Ключевые показатели эффективности инвестирования в проекты формирования Индустрии 4.0 в РФ за 2017–2019 гг.

Показатели	По состоянию на 31 декабря			Отклонение (+; –)		Темп роста (снижения), %	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.
1. Совокупный объем инвестиций в проекты индустрии 4.0 всего, млн р. <i>В том числе:</i>	1404985	1472822	1954133	19189,7	–24136,9	160,6	52,5
1.1 Венчурные инвестиции	18201,6	9139,2	15667,2	–9062,4	6528,0	50,2	171,4
2. Объем производства продукции категории 4.0, млн руб.	4166999	4516276	4863382	349278	347105,5	108,4	107,7
3. Выход инвесторов из проекта (management buy-out), млн руб.	4025840	5266970	2871950	1241130	–2395020	130,8	54,5

Показатели	По состоянию на 31 декабря			Отклонение (+; –)		Темп роста (снижения), %	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.
4. Экономическая отдача инвестиций в проекты индустрии 4.0, % (стр.2 / стр. 1 * 100)	296,6	306,6	248,9	10,1	-57,8	103,4	81,2
5. Коэффициент мультипликации выхода (стр.3 / стр.1.1)	2,87	3,58	1,47	0,7	-2,1	124,8	41,1

Источник: составлено автором по данным [Индикаторы инновационной деятельности, 2020; Мониторинг развития..., 2020; MoneyTree™, 2019; Клейменова, н.д./2020]

Несмотря на наличие крупных организационных и структурно-функциональных барьеров прежде всего для финансирования инициатив в рамках индустрии 4.0 в РФ по состоянию на 1 сентября 2020 г. сформировался достаточно гармоничная бизнес-модель государственно-частного партнерства и поддержки инноваций (рисунок 3).

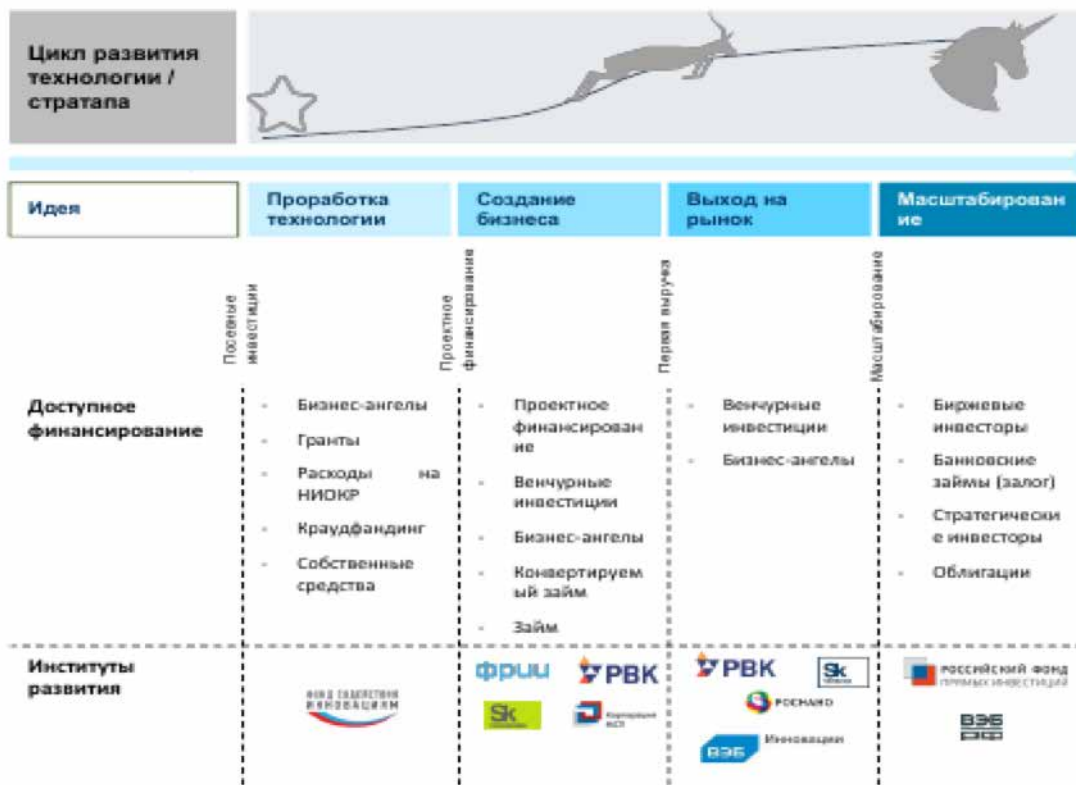

Рис. 3. Бизнес-модель государственно-частного партнерства и поддержки инноваций
 Источник: [Преимущества инвестирования..., 2019]

Согласно приведенным расчетам в 2017 г. экономическая отдача инвестиций в проекты индустрии 4.0 составила 296,6 %, т. е. в расчете на 100 руб. инвестиций на производство продукции категории 4.0 пришлось 296,6 руб. продукции категории 4.0, в 2018 г. показатель составил 306,6 %, в 2019 г. — 248,9 %. Коэффициент мультипликации выхода инвесторов из венчурных проектов по процедуре management buy-out в 2017 г. составил 2,87, т. е. на 1 руб. средств, инвестированных в проекты индустрии 4.0, составил 2,87 руб., в 2018 г. показатель составил 3,58, в 2019 г. — 1,47. В заключение рассмотрим ключевые векторы технологического перехода от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли (таблица 4).

Таблица 4. Ключевые векторы технологического перехода от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли

Содержание этапа	Характеристика содержания вектора технологического перехода
1. Создание революционных бизнес-моделей	Масштабная диджитализация горизонтальных и вертикальных бизнес-процессов в рамках цепочки генерации экономической добавленной стоимости в течение пяти лет.
2. Интенсификация производительности за счет тотальной цифровизации бизнес-процессов	Индустрия 4.0 означает переход к квалитетическому управлению бизнес-процессами, где одновременно возможно и качественное их улучшение, и практически мгновенная перестройка с учетом выявленных резервов умного роста за счет новых решений и повышения квалификации персонала.
3. Развитие отношений с клиентами через цифровые каналы коммуникаций	Основой для поддержания лояльности становится умение компании вживляться в повседневность клиента, быть рядом независимо от физического положения, максимально гибко и быстро реагировать на запросы и предпочтения, уметь предугадывать траекторию поведения.

Содержание этапа	Характеристика содержания вектора технологического перехода
4. Акцент на интеллектуальном капитале и организационном мультикультурализме	Основа успешного перехода к индустрии 4.0 – квалифицированные кадры поколения Z, способные работать в условиях динамичной информационной среды и мультизадачности, а также приобретение управленческим составом навыков форсайт-менеджмента.
5. Развитие диалога в рамках повышения доверия к цифровым решениям и открытым данным	В индустрии 4.0 аналитика приобретает иное функциональное назначение и становится инструментом обеспечения долгосрочного устойчивого развития и безопасности жизнедеятельности бизнеса в условиях перманентной эскалации информационных вызовов и угроз.

Источник: составлено автором по данным [Цифровая экономика., 2018; Преимущества инвестирования., 2019; Industry 4.0., 2018; Цифровая экономика, 2020]

Графически этапы трансформации технологического перехода от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли представлены на рисунке 4.

Рис. 4. Этапы трансформации технологического перехода от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли

Источник: составлено автором по данным [Мониторинг развития., 2020; Клейменова, н.д./2020; Тарасов, 2018]

Реализация технологического перехода к Индустрии 4.0 объективно невозможна без наличия соответствующей инфраструктуры и институтов умного роста, которые гармонизируют авангардные запросы новой парадигмы организации социально-экономической системы и реальное состояние развития бизнеса в стране.

Для понимания менеджментом потребности в инфраструктурном обеспечении разных бизнес-моделей промышленных организаций

рассмотрим в форме этапов уровень индустриальной зрелости (для данного критерия применяется показатель «интегрированный индекс индустриальной зрелости»), отражающий готовность промышленного бизнеса к совершению качественного скачка:

1. Предприятие с локальными точками эффективности
2. Цифровое предприятие
3. Предприятие со стратегией умного роста

4. Автономная промышленная система Характеристика каждого из звена представле-
5. Digital-management промышленная экоси- на в таблице 5.
стема

Таблица 5. Характеристика уровней индустриальной зрелости промышленного предприятия

Уровень индустриальной зрелости промышленного предприятия	Характеристика уровня
1. Предприятие с локальными точками эффективности	<p><i>Характеристика бизнес-модели.</i> Бизнес-модель предприятия относится к версии 2.0 с точечным переходом к 3.0. Имеются отдельные пилотные бизнес-структуры с альтернативным мышлением менеджмента, которые генерируют новые форматы организации производства продукции с высокой добавленной стоимостью. <i>Потребность в инновационной инфраструктуре.</i> Практически отсутствует, так как разработки осуществляются непосредственно персоналом предприятия под его запросы. Масштабирование и тиражирование инновационных практик в большинстве случаев запрещено коммерческой тайной и отсутствием практической значимости.</p> <p><i>Характеристика персонала.</i> Персонал работает на основе созданной базы знаний, происходит операционное повышение квалификации, интеграция чужого опыта редка.</p>
2. Цифровое предприятие	<p><i>Характеристика бизнес-модели.</i> Бизнес-модель предприятия относится к версии к 3.0. Имеется развитая информационная сеть в рамках предприятия, внедряются стандарты менеджмента качества бизнес-процессов, стратегия предприятия ориентирована на масштабирование технологических инноваций, в т. ч. их коммерческой продажи на рынке.</p> <p><i>Потребность в инновационной инфраструктуре.</i> Требуется вспомогательная инфраструктура для активного масштабирования и тиражирования технологических инноваций и практик менеджмента, имеется запрос на обучение персонала новым формам работы.</p> <p><i>Характеристика персонала.</i> Персонал активно поглощает знания и опыт работы конкурентов, формируя уникальные комбинации знаний и компетенций. Активный хед-хантинг ключевого персонала.</p>
3. Предприятие со стратегией умного роста	<p><i>Характеристика бизнес-модели.</i> Бизнес-модель предприятия относится к высокоорганизованной версии к 3.0, для которой характерна смена парадигмы с конкурирования на win-win партнерство и пилотные проекты межсекторального сотрудничества и коворкинга по отдельным бизнес-направлениям (например, R&D проекты, маркетинг рынков сбыта, агломерация бизнесов).</p> <p><i>Потребность в инновационной инфраструктуре.</i> Требуется качественная инфраструктура для гармоничной агломерации бизнесов, в т.ч. из неродственных секторов для организации производства принципиально нового продукта. Формируется запрос на мультипроектный сервис бизнес-процессов и аутсорсинг операционных задач (бухгалтерский учет, рекрутинг, научные лаборатории и испытательные площадки).</p> <p><i>Характеристика персонала.</i> Персонал подбирается под индивидуальные задачи бизнес-структур и его найм носит проектный характер (т. е. срок работы связан с проектом), активно применяется механизм релокаций, повышение квалификации происходит постоянно через собственные центры компетентностного роста и участие в творческих и технологических соревнованиях (например, хакатоны).</p>
4. Автономная промышленная система	<p><i>Характеристика бизнес-модели.</i> Бизнес-модель предприятия относится к первой версии Индустрии 4.0 и характеризуется умением модели решать тактические и стратегические задачи практически полностью внутри партнерской орбиты (все предприятия, в т. ч. спутники, участвующие в долгосрочных проектах агломерации).</p> <p><i>Потребность в инновационной инфраструктуре.</i> Требуется развитая база для масштабного тестирования продуктов и целых проектов в условиях максимально приближенным к реальным. Имеется ярко выраженный запрос бизнеса на интеграцию научных институтов в практическую плоскость, их переориентацию на стратегические цели и задачи промышленной системы.</p> <p><i>Характеристика персонала.</i> Ключевые кадры менеджмента набираются специальными рекрутерами под запросы конкретного проекта или бизнес-структуры из практиков, имеющих достаточный опыт работы в родственных условиях и проектах. Кадры для исполнительской работы выбираются путем проведения тематических олимпиад, тестов, чемпионатов стартап-проектов</p>

Уровень индустриальной зрелости промышленного предприятия	Характеристика уровня
5. Digital-management промышленная экосистема	<p><i>Характеристика бизнес-модели.</i> Бизнес-модель предприятия относится к высшей версии Индустрии 4.0 и включает в себя полностью оцифрованные бизнес-процессы как производственного, так и управленческого характера. В такой модели отдельные функции управления переданы системе искусственного интеллекта, менеджер ведет диалогические коммуникации с машиной.</p> <p><i>Потребность в инновационной инфраструктуре.</i> Запрос на обеспечение гармоничных партнерских связей между множеством участвующих бизнес-единиц, аутсорсинг вычислительных процессов и сервиса единого информационного пространства между акторами экосистемы. Запрос на разработку рыночной регуляции конкуренции в экосистемах.</p> <p><i>Характеристика персонала.</i> Кадры готовятся с нуля под запросы конкретного звена или сферы экосистемы через систему социального лифта, коллаборации с университетами по соответствующим направлениям, созданием собственных образовательных центров и учебных программ.</p>

Источник: составлено автором по данным [Цифровая экономика..., 2018; Мониторинг развития..., 2020; MoneyTree™, 2019; Клейменова, н.д./2020; Вирабян, 2017; Тарасов, 2018; Пуха, 2017; Шантаренкова, 2017]

В настоящее время в Российской Федерации имеются примеры создания институтов умного роста национальной экономики, которые в своем функциональном назначении выступают в качестве финансовых флагманов и консультационно-компетентностных центров. Рассмотрим более подробно каждый из них:

1. ООО «ВЭБ. Инновации», дочерняя структура государственной корпорации «ВЭБ.РФ» (далее — ГК «ВЭБ.РФ») — данный институт умного роста создан в соответствии с Фе-

деральным законом «О государственной корпорации развития ВЭБ.РФ» и является ключевым финансовым агентом в финансировании создания инновационной инфраструктуры для индустрии 4.0.

Размер финансовой поддержки от фонда: стартовый объём — 300–600 млн руб., предельный целевой объём — 1–2 млрд руб. Основные инструменты финансовой поддержки создания инновационной инфраструктуры для индустрии 4.0 представлены ниже (рисунок 5).

Рис. 5. Основные инструменты финансовой поддержки создания инновационной инфраструктуры для индустрии 4.0 в ООО «ВЭБ. Инновации»
 Источник: [Преимущества инвестирования..., 2019]

2. АО «Российская венчурная компания» (далее — АО «РВК») — ключевой агент на рынке венчурной экосистемы. Занимается широким кругом финансовой, консультативной, инфраструктурной и юридической поддержки стартап-проектов самых разных масштабов. В настоящее время АО «РВК» включает в себя 26 самостоятельных фондов с совокупным объемом капитала 47,2 млрд руб., компания является Управляющим партнером Generation S — платформы по развитию корпоративных инноваций. В 2019 г. платформа признана крупнейшим корпоративным акселератором России и СНГ.
3. АО «Группа компаний «Роснано» — государственный институт развития инноваций в сфере нанотехнологий, альтернативной энергетики, ядерного синтеза. В настоящее время в составе АО ГК «Роснано» входят: фонд развития ветроэнергетики, Первый экологический фонд, CIRTech, Rusnano Sistema, РОСНАНО-СИНТЕЗ, Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий. Имеется 15 наноцентров, объем активных инвестиций — более 38,0 млрд руб.
4. ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» — государственный фонд популяризации венчурного инвестирования и проектного менеджмента, финансовое и правовое содействие развитию высокотехнологичных секторов национальной экономики, развитие продуктового диалога «наука — бизнес». По состоянию на 01.09.2020 г. у фонда имеется 72 региональных представительства, среднегодовой размер финансовой поддержки — 6,2 млрд руб., коэффициент коммерческой реализации проектов — 47,4–50,2 %.
5. Специальные инвестиционные контракты — особые юридические соглашения между инвестором и органами государственного регулирования с целью создания максимально удобных условий ведения бизнеса в форме гарантий стабильности налоговых и регуляторных условий, мер государственной поддержки инновационного проекта. В качестве ключевых

мер поддержки инвесторам в рамках процедуры СПИКа можно отметить:

- гарантии стабилизации регуляторных условий и налоговой нагрузки для инвестора на период реализации проекта;
- применение нулевого налогообложения прибыли в период реализации и инновационного проекта;
- применением ускоренной амортизации в отношении продукции, произведенной в рамках реализации СПИК.

По условиям заключения СПИКа действует Минимальный объем инвестиций по СПИК составляет 750 млн руб., а срок действия такого контракта не должен превышать 10 лет. Регулирование действия СПИКов уполномочен вести Фонд развития промышленности, который основывает механизм его применения Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 20.07.2020)¹ [14].

6. Территории опережающего развития — определенные участки территории РФ, для которой действует особый правовой режим реализации инновационных проектов и сопутствующей предпринимательской деятельности для обеспечения долгосрочного устойчивого развития и привлечения инвестиций, в т. ч. от нерезидентов, под стратегические проекты. На таких территориях применяется 5 %-ая ставка по налогу на прибыль, нулевая ставка по налогу на добычу полезных ископаемых, освобождение от имущественных и иных налогов.

Заключение

Для успешного осуществления технологического перехода от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли жизненное значение имеет наличие компетенций к digital- и creative-thinking у персонала в условиях многозадачности и перманентного изменения координат приоритетов, рисков и угроз для бизнеса. При этом важно понимать, что формирование коммерчески пригодного потенциала цифровых возможностей требует определенного времени и инвестиций. Суммируя при этом фактор опере-

¹ О промышленной политике в Российской Федерации : Федеральный закон N 488-ФЗ от 31.12.2014 (ред. от 20.07.2020) // Законодательство РФ: [сайт] URL: <https://fzrf.su/zakon/o-promyshlennoj-politike-488-fz/> (дата обращения 27.08.2020).

жающего развития получается, что времени на стресс для персонала и менеджмента, при этом раскачку у российских компаний просто нет. о завершении качественного скачка в развитии

Кроме этого менеджменту промышленных промышленной отрасли можно будет говорить индустрий, решивших на качественный скачок только тогда, когда бизнес будет активно участвовать в формировании отдельных потребностей развития, следует помнить, что внедрение собственноручно бизнес-модели «Индустрия 4.0» не означает победу и монополизацию рынка уже среднестатистической перспективе: чтобы быть лидером отрасли, бизнесу придется постоянно ускоряться в технологическом развитии, чтобы получить существенный отрыв, что означает постоянный

Список источников

1. Вирабян, 2017 — Вирабян С. Н. Измерение эффективности сделок по слиянию и поглощению: особенности применения метода DEA / С. Н. Вирабян // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. № 4 (103). С. 58–65. ISSN: 2618-947X.
2. Индикаторы инновационной деятельности, 2019 — Индикаторы инновационной деятельности: 2019 : статистический сборник / Л. М. Гохберг [и др.] ; НИУ ВШЭ. Москва : НИУ ВШЭ, 2019. 376 с.
3. Клейменова, н.д./2020 — Клейменова Л. Индустрия 4.0 в 40 цифрах и фактах / Клейменова Л. ; РБК // РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5daef6429a7947c1bfe43006> (дата обращения: 28.08.2020).
4. Мониторинг развития., 2020 — Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14478>. Дата публикации: 02.10.2020.
5. Преимущества инвестирования., 2017 — Преимущества инвестирования в Российский инновационный сектор / Сколково [и др.]. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/9e4/investment_benefits.pdf. Дата публикации: июнь 2019.
6. Пуха, 2017 — Пуха, Ю. Индустриальная революция 4.0 / Ю. Пуха ; PWC, 2017 // PWC : [сайт]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/pdf/industry-4-0-pwc.pdf>.
7. Тарасов, 2018 — Тарасов И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития / И. В. Тарасов // Стратегии бизнеса = Business Strategies. 2018. № 6 (50). С. 57–63. doi: 10.17747/2311-7184-2018-5-43-49.
8. Цифровая экономика., 2018 — Цифровая экономика и Индустрия 4.0: новые вызовы : труды научно-практической конференции с международным участием / под редакцией А. В. Бабкина. Санкт-Петербург : Политехнический университет, 2018. 573 с. ISBN: 978-5-7422-6131-5. doi: 10.18720/IEP/2018.1.
9. Цифровая экономика РФ, 2017 — Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации" : Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28 июля 2017 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
10. Цифровая экономика, 2020 — Цифровая экономика: 2020 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. ; НИУ ВШЭ. Москва : НИУ ВШЭ, 2020. 112 с. ISBN 978-5-7598-2148-9.
11. Шантаренкова, 2017 — Шантаренкова М. Заметки о цифровом предприятии. Индустрия 4.0 или индустрия 3.1? / М. Шантаренкова // Управляем предприятием : [сайт]. URL: <https://upr.ru/article/cifrovoe-predpriiatie-1/>. Дата публикации 05.12.2017.
12. Industry 4.0, 2018 — Industry 4.0: Global digital operations study 2018 : Global Digital Operations Study 2018 press conference and webcast // PWC : [сайт]. URL: www.pwc.com/industry40 (дата обращения: 28.08.2020).
13. MoneyTree™, 2019 — MoneyTree™. Навигатор венчурного рынка : обзор венчурной индустрии России за 2018 год и первое полугодие 2019 года / PwC ; РБК. 2019. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/003/MoneyTree_2019_rus.pdf.

References

1. Virabyan S. N. Izmereniye effektivnosti sdelok po sliyaniyu i pogloshcheniyu: osobennosti primeneniya metoda DEA [Measuring the efficiency of mergers and acquisitions: features of the DEA method]. S. N. Virabyan.

- Strategicheskiye resheniya i risk-menedzhment* [Strategic decisions and risk management]. 2017. No. 4 (103). Pp. 58–65. ISSN: 2618-947X (in Russian).
2. *Indikatoriy innovatsionnoy deyatelnosti: 2019* [Indicators of innovation: 2019] : statistical collection. L. M. Gokhberg [et al.] ; National Research University Higher School of Economics. Moscow: NRU HSE Publ., 2019. 376 p. (in Russian).
 3. Kleimenova L. Industry 4.0 in 40 figures and facts. Kleimenova L. ; RBC. RBC : [website]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5daef6429a7947c1bfe43006> (date accessed: 08/28/2020) (in Russian).
 4. Monitoring razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii [Monitoring of the Information Society Development in the Russian Federation]. *Rosstat* : [website]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14478>. Date of publication: 10/02/2020 (in Russian).
 5. Preimushchestva investirovaniya v Rossiyskiy innovatsionnyy sektor [Benefits of investing in the Russian innovation sector]. Skolkovo [et al.]. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/9e4/investment_benefits.pdf. Date of publication: June 2019 (in Russian).
 6. Pukha Yu. Industrial'naya revolyutsiya 4.0 [Industrial Revolution 4.0]. Yu. Pooh ; PWC. 2017. PWC : [website]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/pdf/industry-4-0-pwc.pdf> (in Russian) f.
 7. Tarasov I. V. Industriya 4.0: ponyatiye, kontseptsii, tendentsii razvitiya [Industry 4.0: concept & development]. I. V. Tarasov. *Strategii biznesa = Business strategies*. 2018. No. 6 (50). P. 57–63. doi: 10.17747/2311-7184-2018-5-43-49 (in Russian).
 8. *Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: novyye vyzovy* [Digital Economy and Industry 4.0: New Challenges] : Proceedings of a Scientific and Practical Conference with International Participation. Edited by A. V. Babkin. St. Petersburg: Polytechnic University Publ., 2018. 573 p. ISBN: 978-5-7422-6131-5. doi: 10.18720/IEP/2018.1. (in Russian)
 9. *Ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii"* [On the approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation"] : Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-r dated July 28, 2017. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (in Russian).
 10. *Tsifrovaya ekonomika: 2020* [Digital economy: 2020] : a short statistical collection. G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg et al. ; National Research University Higher School of Economics. Moscow: NRU HSE, 2020. 112 p. ISBN 978-5-7598-2148-9 (in Russian).
 11. Shantarenkova M. Zametki o tsifrovom predpriyatii. Industriya 4.0 ili industriya 3.1? [Notes on the digital enterprise. Industry 4.0 or Industry 3.1?]. M. Shantarenkova. *Upravlyayem predpriyatiyem* : [website]. URL: <https://upr.ru/article/cifrovoe-predpriatie-1/>. Date of publication 12/05/2017 (in Russian).
 12. Industry 4.0: Global digital operations study 2018: Global Digital Operations Study 2018 press conference and webcast. PWC : [website]. URL: www.pwc.com/industry40 (date accessed: 08/28/2020).
 13. *MoneyTree™. Navigator venchurnogo rynka* [MoneyTree™. Venture Market Navigator] : overview of the Russian venture capital industry in 2018 and the first half of 2019. PwC; RBC. 2019. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/003/MoneyTree_2019_rus.pdf.

Информация об авторах:

Серебренников Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой теории и систем отраслевого управления РАНХиГС, ResearcherID: D-9810-2018, РИНЦ AuthorID: 433886; **Харитонов Сергей Сергеевич** — кандидат экономических наук, доцент, зам.декана факультета инженерного менеджмента РАНХиГС, РИНЦ AuthorID 465192. РАНХиГС: пр. Вернадского, д. 82, Москва, 119571, Россия.

Information about the authors:

Sergei S. Serebrennikov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ResearcherID: D-9810-2018, RSCI AuthorID: 428058; **Sergey S. Kharitonov** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, RSCI AuthorID 465192. RANEPa, 82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.10.2020; одобрена после рецензирования 21.11.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 10/05/2020; approved after reviewing 11/21/2020; accepted for publication 12/02/2020.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ · ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 80–91.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 80–91.

Научная статья

УДК 338.436.33

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.9

Перспективы внутреннего развития соевого рынка России в условиях мировой экономической турбулентности

Сергей Юрьевич Черников¹, Алина Вячеславовна Щербакова²

1 Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, chernikov.rudn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7524-4438>

2 НИУ ВШЭ, Москва, Россия, ashcherbakova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8489-562X>

Аннотация. Рынок сои в последние годы показывал устойчивый рост во многом благодаря расширению глобального спроса на мясо, соевое масло и биодизельное топливо. Вследствие уникального состава полезных веществ и высокой доли протеина эта сельскохозяйственная культура стала в последние десятилетия незаменимым элементом мировых агропромышленных рынков. Из-за впечатляющих показателей роста рынка в последние десятилетия, а также в связи с постоянно расширяющимся спектром использования продуктов переработки сои, многие эксперты предсказывают рост производства и оборота сои в ближайшие годы. На этом фоне Россия также успешно развивает собственное производство сои, основываясь на государственной поддержке, восстановлении объёмов животноводства и пищевой промышленности и растущем спросе со стороны быстрорастущей экономики Китая. Однако современные масштабные экономические осложнения в мировой экономике имеют потенциал для существенного изменения привычных цепочек поставок и требуют внесения изменений в государственную политику в отношении существующей структуры соевого рынка России.

Ключевые слова: соевый рынок России, соевый шрот, соевое масло, импортозамещение в АПК, структура внутреннего рынка АПК.

Для цитирования: Черников С. Ю. Перспективы внутреннего развития соевого рынка России в условиях мировой экономической турбулентности / С. Ю. Черников, А. В. Щербакова // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 80–91. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.9

JEL: Q13

Original article

Prospects for domestic development of the Russian soybean market in the context of global economic turbulence

Sergei Y. Chernikov³, Alina V. Shcherbakova⁴

3 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, chernikov.rudn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7524-4438>

4 HSE University, Moscow, Russia, ashcherbakova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8489-562X>

Abstract. The soybean market has shown steady growth in recent years, largely due to the expansion of global demand for meat, soybean oil and biodiesel. Due to the unique composition of nutrients and high protein content, this crop has become an indispensable element of the world's agricultural markets in recent decades. Due to the impressive growth rates of the market in recent decades, as well as due to the ever-expanding range of uses of processed soy products, many experts predict an increase in soybean production and turnover in the coming years. Russia is also successfully developing its own soybean production, based on state support, recovery of livestock and food production, and growing demand from the fast-growing Chinese economy. However, the current large-scale economic complications in the global economy have the potential to significantly change the usual supply chains and require changes in government policy regarding the existing structure of the Russian soybean market.

Key words: Russian soybean market, soybean meal, soybean oil, import substitution in agriculture, domestic agricultural market structure.

For citation: Chernikov S. Y. Prospects for domestic development of the Russian soybean market in the context of global economic turbulence. S. Y. Chernikov, A. V. Shcherbakova. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 80–91. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.9

JEL: Q13

Соя является одной из ключевых мировых сельскохозяйственных культур, выращиванием которой уже занято более 131 млн га (около 8 %) [Voora, 2020] из всех пахотных земель в мире. Соевые бобы относятся к числу немногих полноценных растительных продуктов с высоким содержанием качественного протеина и незаменимых аминокислот [Montgomery, 2003] и по этой причине соя исторически стала важным источником белка как для пищевой промышленности, так и для животноводческой отрасли. В мировом масштабе соя по своей важности сопоставима с пшеницей, кукурузой и рисом. Соя является ведущей масличной культурой в мире, по объёму производства существенно превышающей рапс, подсолнечник, оливы и др. [Food Outlook, 2020] Продукты переработки сои обладают крайне широким спектром применения — от сотен конечных и промежуточных пищевых продуктов до биодизельного топлива, фармацевтики и технических

добавок. Соевое масло является вторым самым потребляемым растительным маслом в мире после пальмового⁵. При таком устойчивом положении спроса на соевые белки и готовые соевые продукты питания, на эти цели перерабатывается менее 15 % [Lee, 2016] от общего производства. Примерно 80 % соевых бобов используется для переработки на шрот и жмых, остаток направляется на другие цели [Fraanje, 2020]. Соевый шрот является важнейшим элементом комбикормов (в первую очередь для свиноводства), что делает спрос на сою по существу производным от потребления мяса, чей неуклонный рост в последние десятилетия немало поспособствовал укреплению позиций сои.

5 Consumption of vegetable oils worldwide from 2013/14 to 2019/2020, by oil type. Statista.com : [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/263937/vegetable-oils-global-consumption/>. Release date: May 2020.

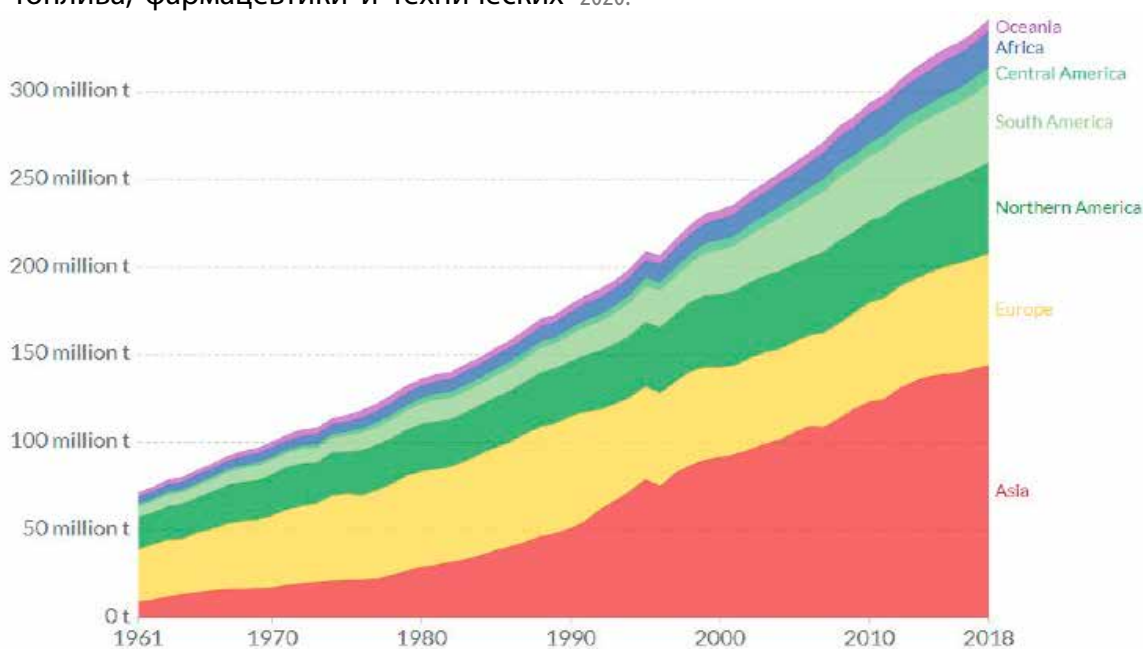

Рис. 1. Производство мяса в мире по регионам

Источник: Ourworldindata.org по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН

Из-за впечатляющих показателей прошлого роста рынка мяса в последние десятилетия, а также с постоянно расширяющимся спектром использования продуктов переработки сои, многие эксперты предсказывают рост этой сельскохозяйственной культуры с совокупным среднесрочным темпом (CAGR) в размере 4–5 % в течение

2019–2025 годов⁷, с общим сохранением регионального производственного ландшафта.

Общая площадь посевов сои в мире составила 122 млн га в 2019 году, а мировое производство достигло 336 млн тонн, прибавив 30 % к уровню 2010 года.

7 Soybean Market — Forecast (2020–2025) // Industryarc : [сайт]. URL: <https://www.industryarc.com/Report/18471/soybean-market-research-report-analysis.html> (дата обращения 14.11.2020).

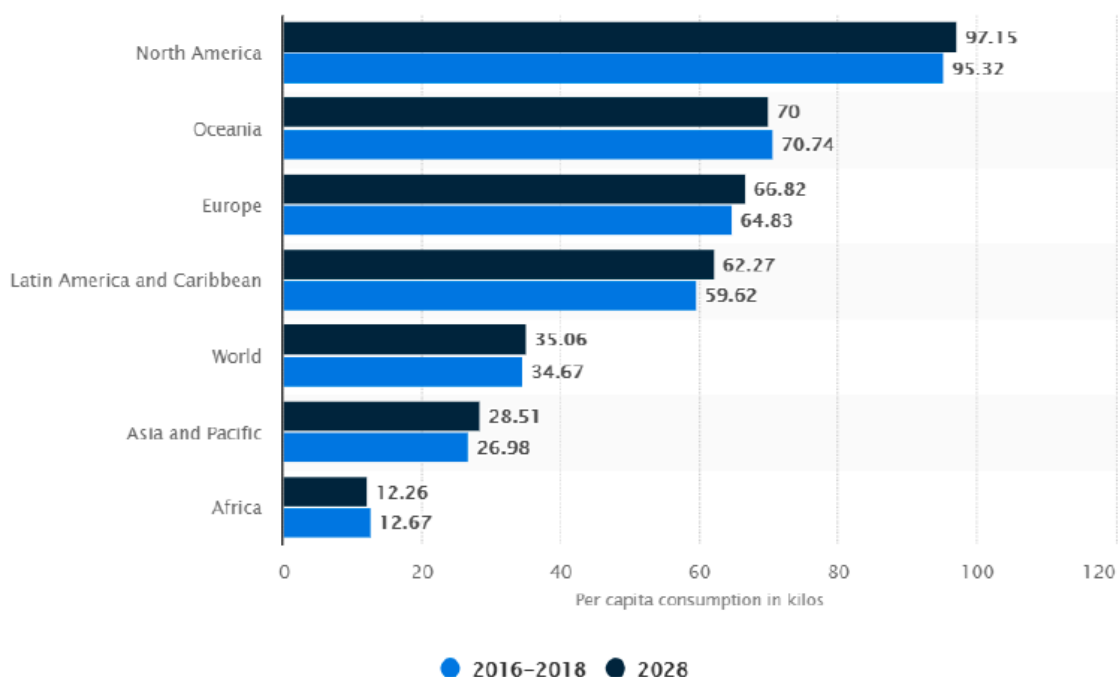

Рис. 2. Потребление мяса на душу населения в мире с 2016 по 2018 год, с прогнозом на 2028 год, по регионам (в килограммах)
 Источник: данные Statista database

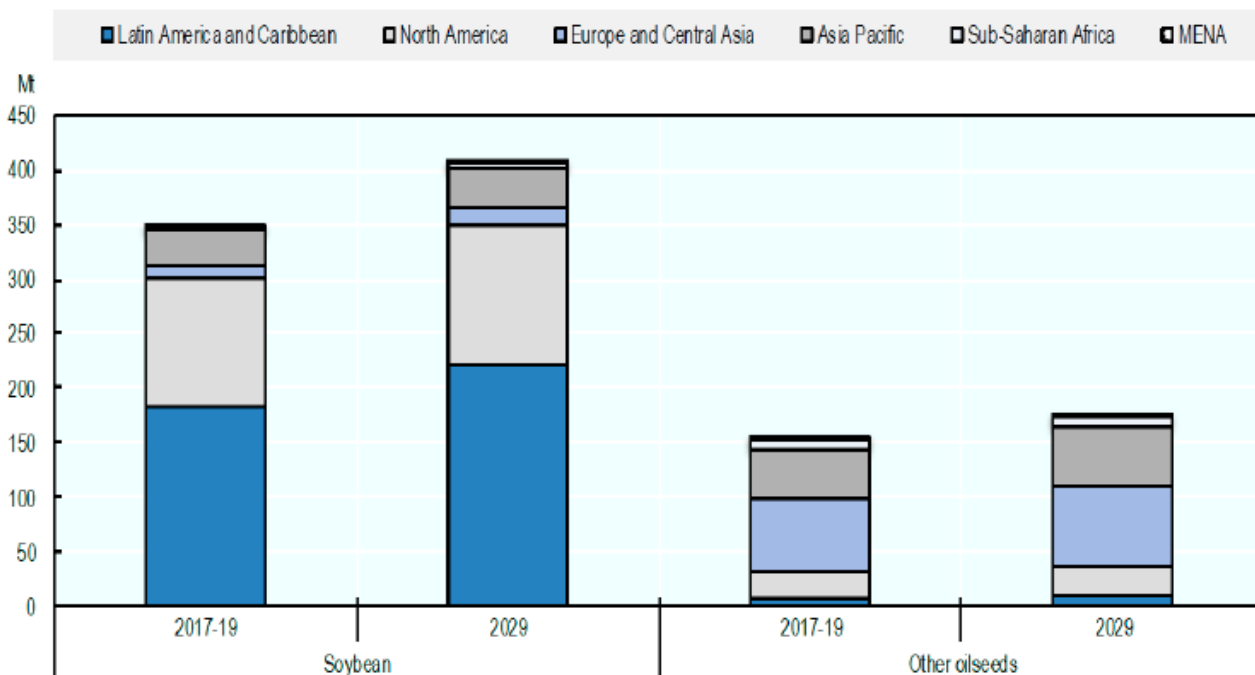

Рис. 3. Производство сои по регионам мира
 Источник: Сельскохозяйственный прогноз ОЭСР-ФАО на 2020–2029 годы, URL: <http://www.agri-outlook.org/documents/oecd-fao-executive-summary-russian.pdf>

Более 80 % мирового производства сои приходится на три страны: Бразилию (36,9 млн га, 124 млн т сои, урожайность 3,3 т/га), США (31 млн га, 124 млн т сои, урожайность 3,2 т/га) и Аргентину (17,5 млн га, 51 млн т, урожайность 3,0 т/га). Необходимо выделить Китай и Парагвай, на которые приходится около 8 % мирового производства сои. В 2019 году в Китае было собрано 18 млн т сои с 9 млн га, в Парагвае — 10 млн т сои с 3,6 млн га.

Мировой объем торговли соей увеличился по отношению к прошлому году с 138 млн т до 152 млн т. Ключевыми странами-экспортерами сои в 2019/20 году ожидаемо стали Бразилия (84 млн т), США (45,6 млн т), Аргентина (8 млн т), Парагвай (5,9 млн т) и Канада (4,25 млн т). При этом важнейшими импортерами сои в том же периоде стали Китай (92 млн т), Страны ЕС (15,1 млн т), Мексика (6 млн т), Аргентина (3,8 млн т) и Египет (3,7 млн т). По прогнозам Министерства сельского хозяйства США (USDA) в 2020/21 мировое производство сои составит 362,8 млн т (+8 % к 2019/20) [Рынок сои..., 2020]. При этом на рынок сои, как и на любое сельскохозяйственное производство, оказывают существенное влияние текущие события и факторы. Так, в 2019/20 году мировое производство сои сократилось из-за значительного сокращения посевных площадей в США. Одновременно, благодаря погодным условиям урожай в Южной Америке достиг рекордных 190 млн т. Несмотря на ожидания частичного восстановления поголовья свиней в Китае, прошлогодняя вспышка африканской свиной чумы продолжает оказывать давление на животноводческий сектор страны, ограничивая спрос на соевый шрот, являющийся доминирующим белковым элементом комбикор-

мов. Политические факторы также существенно влияют на рынок, в частности, торговая война между крупнейшим производителем сои США и крупнейшим покупателем — Китаем. Торговый спор между этими глобальными игроками на рынке начался в середине 2018 и продлился почти полтора года. Затянувшиеся переговоры заставили экстренно переориентировать существенную часть китайских закупок американской сои (около 18 млн т) в 2018–2019 году в Бразилию. Кроме того, карантинные меры, введенные Китаем в 2019 году, обрушили его закупки сои на мировом рынке.

Тем не менее, несмотря на локальные колебания, большинство специалистов регулярно прогнозирует дальнейший рост мирового производства сои, причем на расширение засеваемых её площадей приходится около трети роста мирового производства. Также предполагается, что Бразилия через 10 лет достигнет внутреннего производства в 140 млн тонн и станет крупнейшим производителем в мире, опередив Соединенные Штаты с прогнозируемым производством в 120 млн тонн к 2029 году. Ожидается, что в совокупности на эти страны будет приходиться около двух третей мирового производства сои.

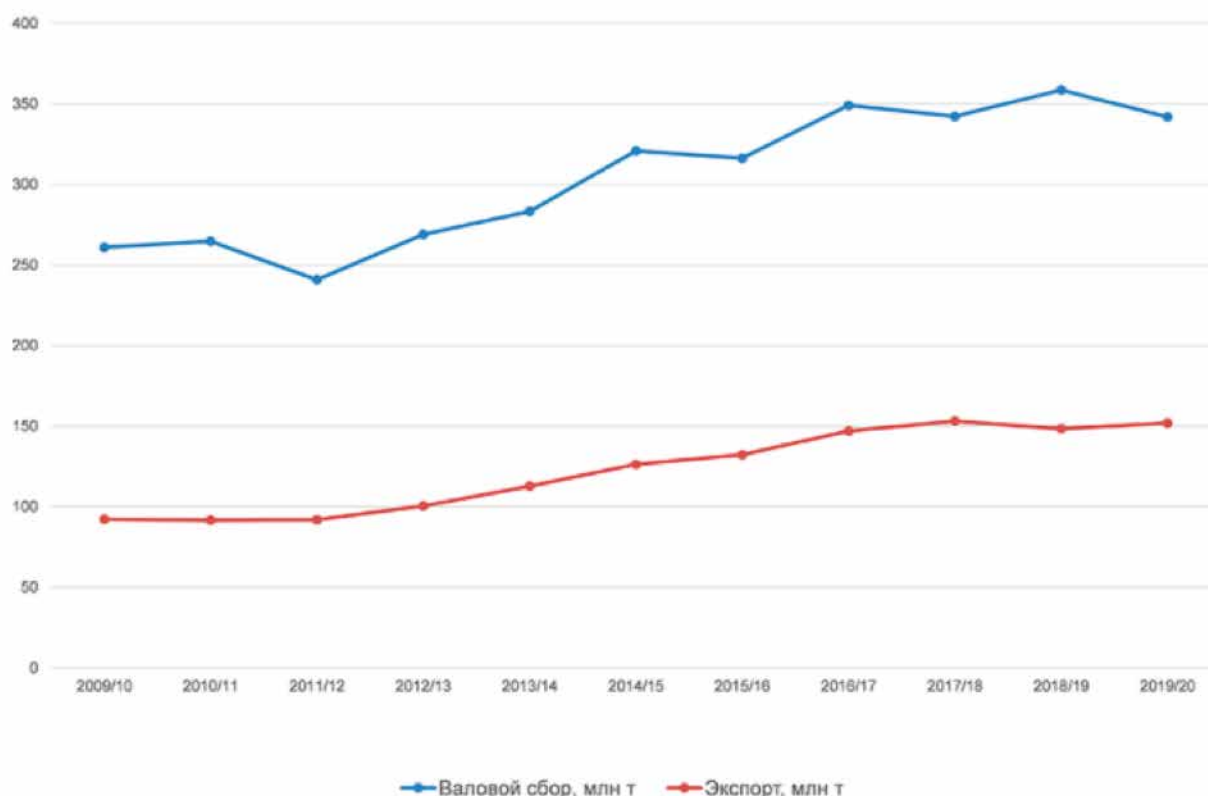

Рис. 4. Динамика мирового рынка сои

Источник: рисунок авторов по данным Министерства сельского хозяйства США (USDA)

При этом важно отметить, что на стороне потребителей в мире существует определённая озабоченность в отношении соевых бобов, связанной с генетическими модификациями семян из США и Южной Америки. В частности, в Европейском союзе поступательно ужесточаются сертификационные требования по производству животноводческой продукции с использованием свободных от ГМО кормов и могут сместить спрос на другие источники белка в пищевых добавках. Также существуют сопутствующие экологические проблемы и связанное с этим беспокойство, особенно в связи с потенциальной связью между обезлесением и увеличением производства сои в Бразилии и Аргентине. Эти опасения особенно важны в силу нарастающего «зелёного» лобби в экономических политиках развитых стран, и в дальнейшем будут стимулировать частный сектор использовать только ранее расчищенные земли для дальнейшего расширения посевов и воздерживаться от дополнительной вырубке лесов.

Наконец, на рынок сои (особенно со стороны мировых цен) воздействует начинающийся период стагнации или даже спада мировой экономики. Безусловно, международные официальные институты, такие как МВФ и Всемирный банк,

сохраняют дежурный оптимизм относительно возможностей для глобального роста в 2021 и дальнейших годах с оговорками относительно «возможных факторов, способных замедлить восстановление». Однако, исследовательские агентства и представители крупнейших корпораций ожидают в лучшем случае медленного восстановления в течение 2–3 лет после окончания пандемических ограничений, с серьёзными просадками по количеству рабочих мест, и, главное, потребительских доходов и расходов¹.

На этом фоне Россия достаточно успешно развивала своё собственное производство сои в последние десятилетия. Изначальный импульс развития дала быстрорастущая экономика Китая с его опережающим ростом спроса на сою, что совпало с общей стабилизацией экономического положения в России. Также в начале двухтысячных годов началось восстановление объёмов животноводства и пищевой промышленности, которые стали предъявлять спрос на производные и добавки из соевых бобов.

¹ Оверченко М. Восстановление мировой экономики будет небыстрым и неровным // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/05/13/830185-vosstanovlenie-ekonomiki>. Дата публикации 13.05.2020.

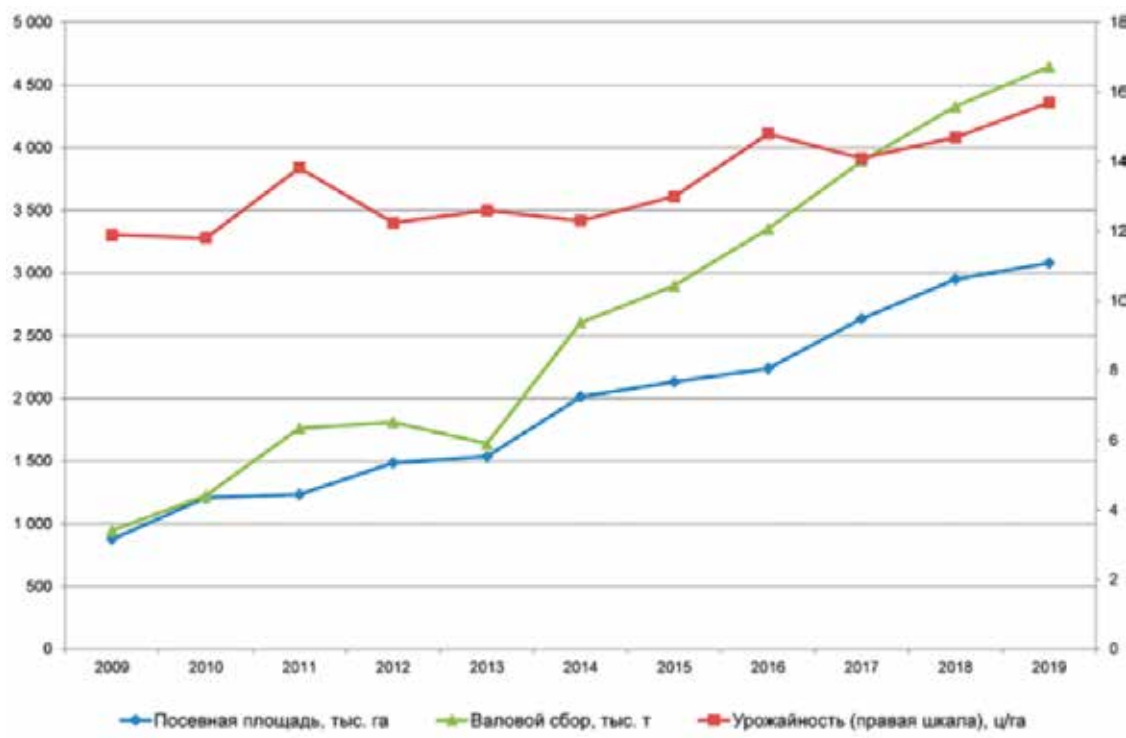

Рис. 5. Динамика российского рынка сои
Источник: рисунок авторов по данным Росстата

В России валовый сбор сои (перед доработкой) вырос более чем в 13 раз за последние 20 лет — до 4,65 млн тонн, при этом также наблюдался двадцатикратный рост в области производства соевого масла и шрота, до 0,72 млн и 2,94 млн тонн соответственно. В 2020 году предполагалось достичь 4,7 млн тонн, в 2021 году — в 5,1 млн тонн, 2022 году — в 5,6 млн тонн. Импорт сои в Россию составил в ценовом выражении около 791 млн долл. США, в то время как экспорт — 278 млн долл. США.

Быстро нарастает экспорт российского свободного от ГМО соевого масла — в 2019 году объёмы достигли 0,6 млн тонн (рекордный показатель, учитывая, что за предыдущие 5 лет объёмы выросли на 72,1 %, а за 10 лет — в 3,7 раза), в первом полугодии 2020 года производство выросло ещё на 12 % относительно января–июня 2019-го¹. Также следует отметить, что объём посевных пло-

¹ Масложировой союз предлагает сохранить прежние условия ввоза соевого шрота в РФ // Milknews — Новости молочного рынка : [сайт]. URL: <https://milknews.ru/index/maslodir-soevyj-shrot.html>. Дата публикации 08.06.2020.

щадей под сою России достаточно сильно коррелирует с динамикой мировой цены на данную культуру. Так, в 2020 году площади снизились на 8 %, что совпало с падением мировых цен в среднем на 14–18%.

Таблица 1. **Топ-5 ведущих стран по экспорту и импорту сои для России**, по материалам Trendeconomy.com

Ведущие источники импорта (%)	Стоимость, млн долл. США	Ведущие направления экспорта (%)	Стоимость, млн долл. США
Бразилия (46)	365	Китай (73)	205
Парагвай (39)	312	Турция (8,17)	22
Аргентина (4,56)	36	Казахстан (6,98)	19,4
Румыния (4,04)	32	Иран (2,69)	7,51
Сербия (3,73)	29	Азербайджан (2,51)	7,02

Источник: таблица составлена авторами по данным сайта Trendeconomy.com. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/Russia/1201> (дата обращения 02.09.2020).

Региональная картина производства и переработки сои России имеет достаточно специфичный вид.

Рис. 6. Структура посевных площадей сои по регионам РФ в 2019 году

Источник: аналитика Российского Соевого Союза

Большая часть урожая обеспечивает ЦФО, в котором также сосредоточено несколько крупных перерабатывающих производств, второе место занимает ДФО. Особое место на соевой карте России занимает Калининградская область с Группой Компаний «Содружество», обеспечивающей более 89 % переработки импортного сырья (1,7 млн из общих 1,9 млн импорта соевых бобов в 2019 г.) с последующим экспортом соевого масла и шрота [Будренина, 2020], причём компания занимает более 80 % российского рынка последнего.

Таблица 2. Валовой сбор сои (в весе после доработки), тыс. ц

	2010	2019	рост, %
Российская Федерация	11 365,91	43 599,56	284
Центральный ФО	800,07	21 304,44	2563
Северо-Западный ФО	0,11	34,22	31009
Южный ФО	2 181,79	4 124,84	89
Северо-Кавказский ФО	358,99	522,58	46
Приволжский ФО	177,66	1 893,50	966
Уральский ФО	7,51	32,75	336
Сибирский ФО	220,25	2 206,44	902
Дальневосточный ФО	7 619,53	13 480,79	77

Источник: Где и сколько сои производится в России? // SoyaNews: [сайт]. URL: http://soyanews.info/news/gde_i_skolko_soi_proizvoditsya_v_rossii.html. Дата публикации 17.04.2020.

С точки зрения перерабатывающих мощностей в стране всего несколько крупных промышленных предприятий — ГК «Содружество», ГК «ЭФКО, ООО «АмурАгроцентр», «Иркутский МЖК», «Приморская соя» (РУСАГРО) и «Соя АНК». При этом существуют также игроки, которые ситуативно переключаются на переработку сои вместо рапса и подсолнечника. Также существует около 15 участников рынка, осуществляющих технологически более простые версии переработки, зачастую для производства соевого жмыха для целей своих животноводческих подразделений в составе холдингов или цепочек ценности. При этом собственного производства продукта наивысшей переработки сои — соевого изолята, содержащего около 90 % протеинов — требующегося для развития именно пищевой промышленности, в России пока нет. Первым производством такого уровня будет МЭЗ Амурский компании «Амурагроцентр», который должен быть запущен в начале 2021 года и покрывает около 25 % потребности внутреннего рынка. Остальные 75 %

будут продолжать поступать из Китая. При этом до 2020 года многие ключевые игроки на рынке анонсировали ввод в строй новых крупных перерабатывающих проектов, таких как крупнейший в Европе завод «Содружество-протеин» по производству соевого белкового концентрата (составного компонента кормов для животноводства), или вышеупомянутый МЭЗ Амурский. Ввод в строй даже части заявленных мощностей может довести мощности переработки до 10 млн тонн в год, что почти в 2 раза перекроет текущий объём отечественных урожаев сои. Следует отметить, что уже в 2020 году мощности российской переработки превышали объём доступных урожаев сои почти на 30 % мощностей (в основном в ЦФО). Сейчас возможности для переработки составляют по разным оценкам около 6 млн тонн в год.

Необходимо также указать на общее восприятие индустрии выращивания и переработки сои как одной из самых рентабельных и перспективных в сельском хозяйстве России, что основывается во многом на присутствии определённой поддержки государства. Одной из первых программ поддержки была «Государственная отраслевая программа по развитию производства и глубокой переработки сои 2003–2010», и с того же года вопросы развития рынка сои переданы Российскому соевому союзу, объединяющему 45 компаний отрасли. Далее поддержка была продолжена благодаря программе «Развитие производства и переработки сои в Российской Федерации на 2011–2013 гг.», которая далее была замещена планом Российского соевого союза «Развитие производства и переработки сои в Российской Федерации на 2015–2020 гг.»¹, содержащим комплекс показателей по импортозамещению соевой продукции различного назначения к 2020 г. Общая направленность всех мероприятий во всех принимаемых государством программ традиционна: стимулирование роста ценового и натурального объёма более глубокой переработки соевых бобов как для пищевых целей так и для создания специализированных высокобелковых добавок в животноводческих кормов для различных отраслей. Наконец, дополнительно принимаются точечные меры по

1 В Минсельхозе РФ повторно рассмотрена Отраслевая Программа «Развитие производства и переработки сои в Российской Федерации на 2015–2020 годы» // Российский соевый союз: [сайт]. URL: <http://www.rossoya.su/public.aspx?n3> (дата обращения 07.08.2020).

улучшению положения отрасли в отдельных регионах, например, постановление Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2020 года № 86 по утверждению порядка предоставления и распределения субсидий региональным бюджетам на стимулирование увеличения производства соевых бобов и семян рапса.

В целом, официальные инстанции и в первую очередь Российский соевый союз крайне оптимистично оценивают тенденции и потенциал (относительно расширения производства сырья и глубокой переработки) экспорта свободной от ГМО сои и импорта ГМО сои и продуктов ее переработки в РФ (по 2026 год).

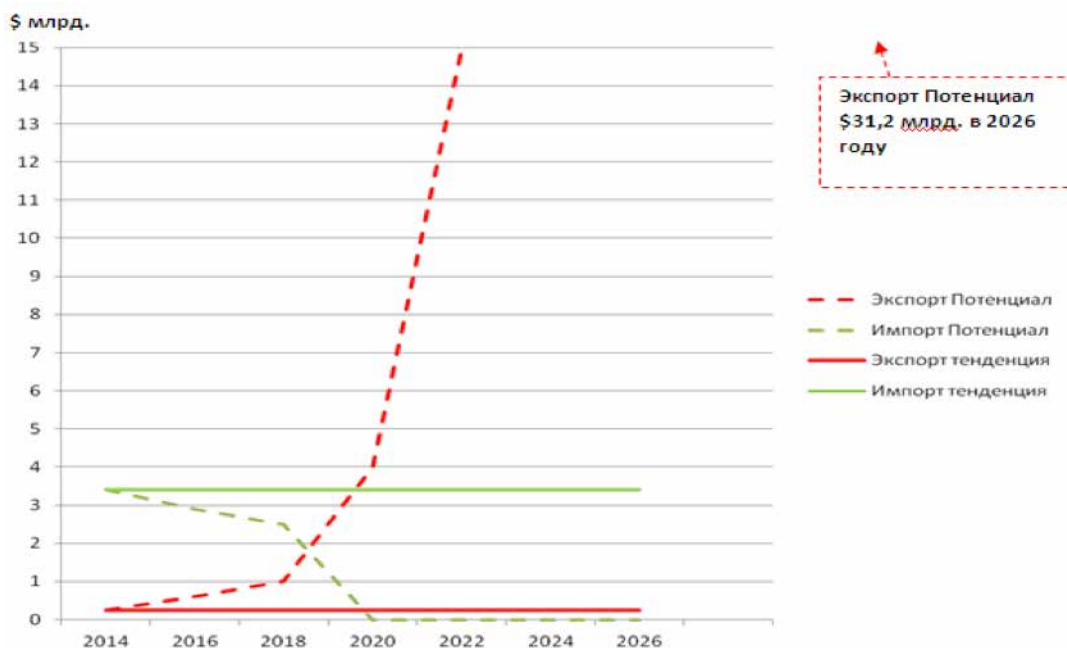

Рис. 7. Тенденции и потенциал развития соевой отрасли

Источник: аналитика Российского Соевого Союза, URL: <http://www.ros-soya.su/public.aspx?DB47E393>

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на позитивные перспективы, отрасль производства сои России находится в своеобразной стадии фрагментации и в целом может служить идеальным академическим примером отсутствия комплексного государственного планирования. В стране существует три слабо связанных производственных блока — калининградский, центральный и дальневосточный. Калининградский блок представлен одной крупнейшей компанией и существует преимущественно в качестве места переработки импортного ГМО сырья для дальнейшего экспорта в страны Азии и ЕС, а также абсолютно доминирует на рынке соевого рынка. Центральный блок обладает мощностями переработки, превышающие объем выращиваемой сои, и ориентирован в основном на внутреннее потребление и экспорт соевого масла. Наконец, дальневосточный блок обладает крайне слабым перерабатывающим потенциалом и ориентирован в основном на экспорт сырья в Китай.

Также, при большом количестве позитивных прогнозов относительно перспектив отрасли сои России, нельзя не отметить их общую экспортную

тональность. Очень часто можно встретить мнения, что в ближайшем будущем необходимы государственные дальнейшие стимулы для расширения площадей и создания перерабатывающих заводов, с дальнейшей целью экспорта как сырья, так и продуктов переработки (прежде всего в Китай).

Современное сельское хозяйство является, прежде всего, структурным и взаимосвязанным комплексом, включающим как выращивание продукта, так и его глубокую переработку. Безусловно, соя является крайне перспективной культурой благодаря большому содержанию полезных веществ и широкому спектру применения как в пищевой промышленности, так и в животноводстве. Однако необходимо учитывать, что продукция её высокого передела должна в первую очередь использоваться внутри страны. Текущая ситуация показывает, что тот же Китай не стремится закупать российский соевый шрот, форсируя развитие собственных перерабатывающих производств и следовательно в долгосрочной перспективе является в первую очередь покупателем сырья. При этом основным поставщиком соевых бобов в Ки-

тай является Бразилия, конкурировать с которой у России в этой нише пока не получится. Бразилия, будучи одним из крупнейших мировых поставщиков соевых бобов, смогла в короткие сроки увеличить своё присутствие на китайском рынке, вытеснив подорожавшие соевые бобы из США. Если в 2017 г. 59 % всех соевых бобов, поставляемых в КНР, поступали из США, а 33 % — из Бразилии, то в 2019 г. на долю Бразилии приходится уже 77 % соевых бобов, импортируемых Китаем, а на долю США — лишь 11 % [Khan, 2019].

Однако в свете происходящих тектонических изменений в мировой экономике становятся все более очевидны перспективы многолетнего и неравномерного понижения покупательной способности населения, как в развитых, так и в развивающихся странах. Традиционно при падении доходов происходит переоценка потребительской корзины домохозяйствами, в том числе и в сфере продуктов питания. Поскольку мировая экономика еще только начала ощущать кризисные явления, крайне сложно предсказать, как именно будут происходить изменения потребительского спроса. Однако при любом сценарии можно уверенно утверждать, что волатильность цен на мировых рынках продукции с низкой добавленной стоимостью (к которым относится сырьё сельскохозяйственных культур) существенно возрастет. Также можно предполагать, что по мере падения доходов населения в их продуктовых корзинах будет уменьшаться именно доля мясных изделий в силу их более высокой цены и обратного действия закона Беннета [Агуэра, 2020]. Учитывая, что спрос на более чем 80 % сои является производным от спроса на мясо, можно ожидать в среднесрочной перспективе серьезных пертурбаций и высокой волатильности ценовой политики на мировом рынке соевых бобов (особенно в силу действия «Эффекта Хлыста»).

Кроме того, существуют еще 2 фактора, связанные с экспортными перспективами для российской сои. Многие исследователи отмечают несомненное преимущество российской сои, заключающееся в отсутствии генных модификаций, и важности этого качества для рынка Китая. Однако сегодня российская соя занимает около 1 % от общего импорта сои КНР. Даже в гипотетических условиях абсолютизации государственной поддержки отрасли, в силу свободной от ГМО природы российской сои и климатических фак-

торов, отечественная соя не сможет существенно потеснить Бразилию и Аргентину на рынке Китая. Принимая же во внимание возможное понижение покупательной способности, в том числе и среди китайских потребителей, можно предположить и неизбежное снижение цен со стороны латиноамериканских поставщиков, ещё больше усиливающее давление на продажи российского сырья.

Относительно же перспектив повышения глубины переработки сои на российских заводах с последующим экспортом продукции с более высокой добавленной стоимостью необходимо отметить, что ключевые потребители сои имеют собственные мощности, которые будут недогружены в условиях снижения спроса, а также будут неизбежно поддерживаться государствами во избежание социальных эффектов безработицы. Учитывая поступательное нарастание протекционизма в мире, отмечаемое на протяжении более пяти лет ВТО, сложно предположить условия, при которых национальное правительства предпочтет закупать российскую продукцию в ущерб работникам собственных производств. Безусловно, такие примеры существуют в практике мировой экономики (в том числе в исполнении Российской Федерации), однако закладывать это в расчеты государственной стратегии развития отрасли слишком рискованно, так как должно совпасть много разных факторов.

Наконец, в условиях наличия большого количества перерабатывающих мощностей и понижения мировой цены на соевое сырьё вследствие постепенного снижения спроса нередко возникает вопрос о необходимости выращивания собственной сои как таковой в силу более высокой её себестоимости. Однако в данном контексте необходимо заметить, что в условиях мировой экономической стагнации приоритетным для государств становится не снижение издержек на ключевую продукцию, а возможность обеспечения населения работой для устойчивости внутреннего спроса и избегания ситуации, при которой продукцию по сниженным ценам может позволить себе лишь часть населения вследствие высокой доли безработных, которым необходимо выплачивать пособия из бюджета.

Безусловно, данные перспективы требуют более тщательных исследований, однако очевидно, что на долгосрочном горизонте ориентация российского производства сои на экспорт содержит

крайне высокие риски. С точки зрения авторов, гораздо более надежным направлением развития является последовательная и комплексная ориентация российской соевого производства на импортозамещающее покрытие внутренних потребностей как животноводства, так и пищевой промышленности.

С этой точки зрения подразумевается приоритетность обеспечения полной загрузки существующих производственных мощностей, а также субсидирования создание новых производств глубокой переработки сои для импортозамещения добавок и продуктов, до сих пор ввозимых из-за границы (приоритетно — соевого изолянта). В текущей ситуации удалённости второго по значимости региона выращивания сои России от основных недогруженных мощностей ЦФО это подразумевает субсидирование логистической составляющей, а также соответствующего изменения тарифно-таможенной политики, например, введения экспортной тарифной квоты или даже моратория на экспорт с целью для повышения конкурентоспособности внутреннего производства на начальной стадии, как это делали в свое время развитые страны при создании различных отраслей своей экономики. Безусловно, с точки зрения развития внутреннего спроса на продукцию переработки сои российскому рынку не хватает национального производства соевого молока, текстурированного соевого белка, соевые изоляты, соевого лецитина, мясных аналогов, сухих завтраков, энергетических продуктов питания — всё это является импортом. При этом с учётом программ правительства по импортозамещению в пищевой промышленности и фармацевтике неизбежно будет продолжаться расти потенциал потребления соевых белков.

Также необходимо расширение поддержки выращивания сои, которое должно выражаться в первую очередь не в субсидиях производителям, а в стимулировании разработки и сертификации семян [Старостина, 2020]. Текущая практика сертификации и последующей эксплуатации новых сортов (которые достаточно быстро устаревают) занимает более 5 лет, в то время как, например, одного из ведущих поставщиков семян сои на российский рынок — Канада¹, сократила срок

сорта до 3х и даже 2х лет. Это крайне важный элемент отрасли, без которого прямые субсидии производителям во многом теряют смысл. Самые современные сорта, как правило, лучше предыдущих и урожайнее предыдущих минимум на 1 % [Чернышова, 2019]. Кроме того, сами компании-селекционеры (ВНИИ сои, ВНИИ масличных культур и Приморский НИИСХ) сегодня не получают серьёзной государственной помощи, и в смысле финансирования, ни в смысле подготовки кадров.

Переориентация российской сои на решение задач импортозамещения позволит заложить фундамент для более уверенного долгосрочного планирования сразу на нескольких направлениях. В первую очередь это животноводство, пищевая промышленность, фармацевтика, а также будет иметь мультипликационный эффект в виде стимулирования НИОКР по улучшению культуры земледелия, расширением обучения специалистов, селекционной работы по созданию новых сортов, дальнейшим импортозамещением в смежных сферах химического производства отечественных протравителей, инокулянтов, фунгицидов и удобрений. Экспортная же составляющая должна осуществляться только по остаточному принципу, и в силу описанных выше изменений в мировой экономике не будет носить определяющего характера.

В заключение следует отметить, что современный кризис ещё раз ярко показал стратегическую значимость сельскохозяйственного комплекса для национальной безопасности государств. В условиях санкционных войн и нарушения глобальных цепочек стоимости обеспечение базовых потребностей собственного населения приобретает важное значение. Безусловно, степень влияния антипандемических мер на продовольственную безопасность в разных регионах отличается. Тем не менее, существующая структура продовольственной системы России продолжают существенно зависеть от мировой экономики, и, следовательно, несёт риск «импорта экономической нестабильности». В связи с этим можно утверждать, что дальнейшее принятие мер превентивного характера дает шанс России укрепить продовольственную безопасность как на национальном, так и на глобальном уровнях в долгосрочной перспективе.

1 Россия. Рынок сои: текущие и прогнозные тенденции // OilWorld : [сайт]. URL: <https://www.oilworld.ru/analytics/exportimport/312729>. Дата публикации 12.08.2020.

Список источников

1. Агуера, 2020 — Агуера В. Мегаволатильность спроса на рынке мяса : Вероник Агуера о том, как COVID-19 повлияет на мировую мясную отрасль / В. Агуера // Агроинвестор. 2020. № 6 (июнь). URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/33812-megavolatilnost-sprosa-na-rynke-myasa-veronik-aguera-o-tom-kak-covid-19-povliyaet-na-mirovuyu-myasnu/>. Дата публикации 03.06.2020.
2. Будренина, 2020 — Будренина Н. В ФАС пожаловались на монополию «Содружества» на рынке сои / Н. Будренина // РБК : [сайт]. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/08/06/2020/5ede04bb9a7947f2bbd2b767>. Дата публикации 08.06.2020.
3. Старостина, 2020 — Старостина Л. Нашествие гибридов. Способна ли отечественная селекция на реванш? / Л. Старостина, А. Трофимов // Агротехника и технологии. 2020. № 6 (ноябрь-декабрь). URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/34839-nashestvie-gibridov-sposobna-li-otechestvennaya-selektsiya-na-revansh/>. Дата публикации 23.11.2020.
4. Чернышова, 2019 — Чернышова Е. Принцесса на бобах. Эксперты прогнозируют рост российского рынка сои / Е. Чернышова, А. Трофимов // Агротехника и технологии. 2019. № 1 (январь-февраль). URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/31104-printsessa-na-bobakh>. Дата публикации 25.01.2019.
5. Food Outlook, 2020 — Food Outlook : Biannual report on global food markets / FAO. June 2020. Food Outlook, 1. Rome. ISBN 978-92-5-132848-4. DOI: 10.4060/ca9509en.
6. Fraanje, 2020 — Fraanje W. Soy: food, feed, and land use change / W. Fraanje, T. Garnett // Table : [сайт]. URL: <https://www.tabledebates.org/building-blocks/soy-food-feed-and-land-use-change>. Дата публикации 30.01.2020.
7. Khan, 2019 — Khan Y. China is sourcing more of its farm goods from other countries, and that's a bad sign for the US / Y. Khan // Business Insider : [сайт]. <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/china-sources-more-farm-goods-brazil-us-trade-war-2019-7-1028403926>. Дата публикации 31.07.2019.
8. Lee, 2016 — Lee T. Major Factors Affecting Global Soybean and Products Trade Projections / T. Lee et al. // Economic Research Service of USDA : [сайт]. URL: <https://www.ers.usda.gov/amber-waves/2016/may/major-factors-affecting-global-soybean-and-products-trade-projections>. Дата публикации 02.05.2016.
9. Montgomery, 2003 — Montgomery K. S. Soy Protein / K. S. Montgomery // The Journal of Perinatal Education, 2003, 12(3): 42–45. doi: 10.1624/105812403X106946.
10. Voora, 2020 — Voora V. Global Market Report: Soybeans / V. Voora, C. Larrea, and S. Bermudez ; The International Institute for Sustainable Development. Manitoba : 2020. URL: <https://www.iisd.org/system/files/2020-10/ssi-global-market-report-soybean.pdf>.

References

1. Aguera V. Megavolatil'nost' sprosa na rynke myasa : Veronik Aguyera o tom, kak COVID-19 povliyaet na mirovuyu myasnuyu otrasl' [Megavolatility of demand in the meat market : Veronique Aguera on how COVID-19 will affect the global meat industry]. V. Aguera. *Agroinvestor*. 2020. No. 6 (June). URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/33812-megavolatilnost-sprosa-na-rynke-myasa-veronik-aguera-o-tom-kak-covid-19-povliyaet-na-mirovuyu-myasnu/>. Date of publication 06/03/2020 (in Russian).
2. Budrenina N. FAS pozhalovalis' na monopoliyu "Sodruzhestva" na rynke soi [The FAS complained about the monopoly of the "Commonwealth" in the soybean market]. N. Budrenina. *RBC* : [website]. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/08/06/2020/5ede04bb9a7947f2bbd2b767>. Date of publication 06/08/2020 (in Russian).
3. Starostina L. Nashestviye gibridov. Sposobna li otechestvennaya selektsiya na revansh? [Invasion of hybrids. Is domestic breeding capable of revenge?]. L. Starostina, A. Trofimov. *Agrotekhnika i tekhnologii* [Agrotechnics and technologies]. 2020. No. 6 (November-December). URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/34839-nashestvie-gibridov-sposobna-li-otechestvennaya-selektsiya-na-revansh/>. Date of publication 11/23/2020 (in Russian).
4. Chernyshova E. Printsessa na bobakh. Eksperty prognoziryuyut rost rossiyskogo rynka soi [Princess on the beans. Experts predict the growth of the Russian soybean market]. E. Chernyshova, A. Trofimov. *Agrotekhnika i*

- tekhnologii* [Agrotechnics and technologies]. 2019.No. 1 (January-February). URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/31104-printsessa-na-bobakh>. Date of publication 01/25/2019 (in Russian).
5. Food Outlook : Biannual report on global food markets. FAO. June 2020. *Food Outlook*, 1. Rome. ISBN 978-92-5-132848-4. DOI: 10.4060/ca9509en.
 6. Fraanje W. Soy: food, feed, and land use change. W. Fraanje, T. Garnett. *Table* : [website]. URL: <https://www.tabledebates.org/building-blocks/soy-food-feed-and-land-use-change>. Date of publication 01/30/2020.
 7. Khan Y. China is sourcing more of its farm goods from other countries, and that's a bad sign for the US. Y. Khan. *Business Insider* : [website]. <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/china-sources-more-farm-goods-brazil-us-trade-war-2019-7-1028403926>. Date of publication 07/31/2019.
 8. Lee T. Major Factors Affecting Global Soybean and Products Trade Projections. T. Lee et al. *Economic Research Service of USDA* : [website]. URL: <https://www.ers.usda.gov/amber-waves/2016/may/major-factors-affecting-global-soybean-and-products-trade-projections>. Date of publication 05/02/2016.
 9. Montgomery K. S. Soy Protein. K. S. Montgomery. *The Journal of Perinatal Education*, 2003, 12(3): 42–45. doi: 10.1624/105812403X106946.
 10. Voora V. Global Market Report: Soybeans. V. Voora, C. Larrea, and S. Bermudez ; The International Institute for Sustainable Development. Manitoba : 2020. URL: <https://www.iisd.org/system/files/2020-10/ssi-global-market-report-soybean.pdf>.

Информация об авторах:

Черников Сергей Юрьевич — кандидат экономических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Scopus AuthorID: 57191344141; РИНЦ AuthorID: 738615.

Щербакова Алина Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Россия. SPIN-код: 9363-9374; ResearcherID: K-7663-2015; Scopus AuthorID: 57209135114.

Information about the authors:

Chernikov Sergey Y. – Candidate of Sci. (Econ), Docent, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198. Scopus AuthorID: 57191344141; AuthorID: 738615.

Shcherbakova Alina V. – Candidate of Sci. (Econ), Docent, HSE University, 20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia. SPIN-code: 9363-9374; ResearcherID: K-7663-2015; Scopus AuthorID: 57209135114.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020; одобрена после рецензирования 02.12.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 11/25/2020; approved after reviewing 12/02/2020; accepted for publication 12/02/2020.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ · ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 92–100.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 92–100.

Научная статья

УДК 330.5.051

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.10

Индекс счастья как альтернатива ВВП

Елена Евгеньевна Румянцева^{1,2}, Александр Николаевич Шеремет^{3,4}

1 Центр экономической политики и бизнеса (ООО), Москва, Россия

2 e.p.centre@mail.ru

3 ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

4 201071sh@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования: количественное измерение состояния «счастья» людей не используется пока на государственном уровне в России в качестве критерия оценки успешности социально-экономического развития страны, хотя данный вопрос обсуждается, а категория счастья присутствует в законодательстве и в образовании, но комплексно и однозначно не раскрывается.

Теоретические исследования: тема счастья занимает одно из центральных мест в философии (Демокрит, Аристипп, Платон, Л. А. Фейербах, В. С. Соловьев и др.), психологии (Э. Динер, М. Чиксентмихайи, М. Финчман, Г. Ховард и др.) социологии (М. Вебера, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.) и в других общественных науках.

Мировой опыт: в ряде стран созданы государственные органы, занимающиеся проблемами счастья. Так, в Таиланде учрежден Центр валового национального счастья, в Венесуэле — Министерство высшего социального счастья, а в Эквадоре — Госсекретариат хорошей жизни и др. С 2012 г. ежегодно публикует Всемирный доклад о счастье, готовящийся независимыми экспертами.

Выводы: в современных условиях особую значимость приобретает внедрение теории экономики счастья в практику проведения междисциплинарных исследований по сравнительным оценкам счастья в его комплексном, а не только субъективном понимании с прогнозированием результатов и их влиянием на дальнейшее совершенствование российского законодательства, формирование более эффективной системы мер государственного регулирования экономики с включением индекса счастья в число основных показателей, отражающих развитие экономики.

Ключевые слова: счастье, благосостояние, продолжительность жизни, экономика, неравенство, экология, государственное регулирование, ООН, междисциплинарный подход.

Благодарности: статья подготовлена при информационной поддержке Компании КонсультантПлюс.

Для цитирования: Румянцева Е. Е. Индекс счастья как альтернатива ВВП / Е. Е. Румянцева, А. Н. Шеремет // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 92–100. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.10

JEL: A13, O10

Original article

Happiness index as GDP alternative

Elena E. Rumyantseva^{5,6}, Aleksey N. Sheremet^{7,8}

5 Economic Policy and Business Center (Ltd co.), Moscow, Russia.

6 e.p.centre@mail.ru

7 ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

8 201071sh@gmail.com

Abstract. Global Relevance of the research: the quantitative measurement of the state of "happiness" of people is not yet used at the state level in Russia as a criterion for assessing the success of the country's socio-economic development, although this issue is being discussed, and the category of happiness is present in legislation and in education, but it is not comprehensively and unambiguously disclosed.

Theoretical research and world experience: the theme of happiness occupies one of the central places in philosophy (Democritus, Aristippus, Plato, L. A. Feuerbach, V. S. Soloviev, etc.), psychology (E. Diner,

M. Chikszentmihalyi, M. Finchman, G. Howard and others) of sociology (M. Weber, T. Parsons, P. Sorokin and others) and in other social sciences. A number of countries have established government bodies to deal with happiness. For example, Thailand has established a Gross National Happiness Center, Venezuela has a Ministry of Higher Social Happiness, and Ecuador has a State Secretariat for the Good Life. Since 2012, annually publishes the World Happiness Report, prepared by independent experts.

Conclusions: in modern conditions, the introduction of the theory of the economics of happiness into the practice of conducting interdisciplinary research on comparative assessments of happiness in its complex, and not only subjective understanding with predicting the results and their impact on the further improvement of Russian legislation, the formation of a more effective system of measures of state regulation of the economy with the inclusion of the index of happiness among the main indicators reflecting the development of the economy.

Key words: happiness, welfare, life expectancy, economy, inequality, ecology, state regulation, UN, cross-disciplinary approach.

Acknowledgments: the work was carried with the information support of the ConsultantPlus Company.

For citation: Rumyantseva E. E. Happiness index as GDP alternative. E. E. Rumyantseva, A. N. Sheremet. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 92–100. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.10

JEL: A13, O10

Значение категории счастья в достижении благосостояния общества

Тема счастья занимает не только одно из центральных мест на стыке философии (в трудах Демокрита, Аристиппа, Диогена, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки, Марка Аврелия, Августина, М. Монтеня, Г. В. Лейбница, Вольтера, К. А. Гельвеция, Д. Дидро, И. Канта, Л. А. Фейербаха, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева), психологии (в работах Э. Динера, М. Чиксентмихайи, М. Селигмана, М. Аргайла, Д. Вэйланта, Д. Канемана, Д. Келтнера, С. Мюррея, Э. Резески, М. Финчмана, С. Хазана, Л. Харкера, Г. Ховарда) и социологии (М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, П. Сорокина, Ф. Тённиса, И. Бонивелла, М. Селигмана), но так или иначе исследуется во всех общественных науках, определяя междисциплинарный подход как значимый в ее дальнейших исследованиях [Румянцева, 2010]. Более того, по мнению ряда российских социологов, счастье в современной интерпретации является в большей степени экономической категорией, т. е., по сути, подлежит стоимостному измерению, очевидно, с опорой на количественное измерение категории «уровень жизни». Например, по мнению Н. В. Качур, «если в советское время представление о личном счастье напрямую было связано с реализацией общественных идеалов служения обществу, то современный человек склонен оценивать состояние счастья, опираясь на критерии экономического характера. В современном сознании прочно утвердилась мысль, что счастье в какой-то степени является товаром и

имеет свою стоимость» [Качур, 2014, с. 3]. П. Сорокин, опираясь на работы многих выдающихся социологов по данной проблеме, предложил прогресс развития общества измерять с помощью количественного определения счастья, несмотря на все многообразие эмоциональных ощущений людьми удовлетворенности своей жизнью и сложность получения объективных оценок. «Всякий прогресс, ведущий к уменьшению счастья или к увеличению страдания, — отмечает он, — не есть прогресс. Страдание никогда не было и не может быть самоцелью, а потому же не может оцениваться как нечто положительное, то есть прогрессивное» [Сорокин, 1988]. В то же время П. Сорокин предостерегает, что в социологических опросах исследователь может столкнуться с такими состояниями интервьюируемых, как «довольная свинья» или «счастливый дурак» [Сорокин, 1988], и ответы таких типов людей (или подгон результатов под мнение заказчика такого типа как фальсификация данных) будут искажать объективную картину измерения счастья в той или иной стране мира в тот или иной момент времени. Достаточно подробно тему счастья как субъективного ощущения раскрыли представили компании «Кока-кола», связав субъективное состояние счастья с потреблением их напитков¹⁰.

В России проводят социологические опросы населения в выявлении уровня его счастья как на уровне всей страны, так и по городам и регионам. Например, в соответствии с данными ВЦИОМ

по России в целом, за 1990–2018 гг. доля людей, ощущающих себя счастливыми, колебалась от 6 до 76 %¹. В соответствии же с результатами социологических опросов, проводимых международной исследовательской ассоциацией Gallup International, которую в России представляет исследовательский холдинг «Ромир», за 2011–2017 гг. доля граждан в стране, ощущающих, по представленным данным, себя счастливыми, варьировалась в диапазоне от 24 до 59 %². Результаты данных социологических опросов не совпали, что отражает проблемы существенных расхождений в методиках оценивания уровней счастья и также достоверности исходной информации.

По мнению ученых, важное значение имеет не только точность трактовки понятия счастье, но и период жизни людей, который в ходе опросов оценивается, что не представляется в современных соцопросах, свидетельствующих о недостаточном уровне их научной зрелости. Например, бразильские исследователи установили, что физическое и психическое здоровье, возраст играют большую роль в субъективных ощущениях счастья — с возрастом уровень счастья людей падает [Luchesi, 2018]. Национальность и вероисповедание также накладывают отпечаток на результаты оценивания доли счастливых людей, поскольку придерживаются не менее 4-х разных концепций счастья [Joshnloo, 2016]. Японские исследователи, анализирувавшие изменения ощущения счастья до и после выборов, пришли к выводу, что счастье — это достаточно устойчивая, а не постоянно меняющаяся категория исследования [Kinari, 2019].

Обобщая выводы, которые были сделаны по трактовке счастья в общественных науках, можно подчеркнуть, что счастье: а) имеет в качестве альтернативы страдания людей; б) является целью общественного развития, отражая прогресс и в его социально-экономической сфере; в) несмотря на субъективность восприятия многими людьми измеримо, но его уровень меняется с течением времени; г) для сравнения условий для создания счастья населения в разных странах из-

меряется не социологическими опросами, а социально-экономическими показателями.

В экономические исследования тема счастья пришла с большим опозданием, и пока не достигла однозначно оформленного в законодательстве и отчетности работы государственных органов исполнительной власти результата, в т. ч. количественного выражения цели (стратегии и тактики) социально-экономического развития многих стран мира, включая Россию. Более того, как полагает И. В. Грузков, до 2019 г. индекс счастья, рассчитываемый в развитых странах мира, не нашел пока теоретической проработки в России, где эта тематика представлена только одной монографией Е. Е. Румянцевой «Экономика счастья», изданной в 2010 г. В то же время, как отмечает И. В. Грузков, не являясь предметом научных дискуссий, счастье не стало пока и стратегической задачей социально-экономического развития современного российского общества [Грузков, 2019, с. 374–375].

Счастье как цель устойчивого развития стран мира: рекомендации ООН

В Королевстве Бутан — одном из беднейших стран мира — с 1972 года измеряют индекс валового национального счастья (Gross National Happiness), который вместо показателя валового национального продукта отражает уровень социального развития, сохранения культуры, состояние окружающей среды и более 70-ти менее важных показателей — например, продолжительность свободного времени, имеющегося у жителей страны, или распространенности негативных эмоций, таких как злость или зависть. Руководящий принцип философии развития Бутана был провозглашен четвертым королем Джигме Сингье Вангчуком в 1974 году и связан с верованием населения страны (буддизм). Правительством Бутана было создано Министерство Счастья, которое провело несколько международных конференций с приглашением многих западных экономистов (включая нобелевских лауреатов по экономике) с целью выработки методик расчета Индекса Общенационального Счастья на основе сочетания экономической ситуации в стране и удовлетворенности жизнью населения. «Правительству, которое не способно дать своему народу счастье, незачем существовать», — гласит один из законов Бутана³. Согласно одному из

1 Лесняк А. Валовое национальное счастье // Expert: [сайт]. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2013/13/valovoe-natsionalnoe-schaste/. Дата публикации 4.04.2013.

2 Индекс счастья : ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ / ВЦИОМ-Спутник // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/index-schastja> (дата обращения 17.07.2020).

3 Парамонов О. Не хочешь — заставим // Lenta.ru : [сайт]. URL: <https://>

последних опросов, 91 % бутанцев, для которых электроника — большая редкость в доме, так как доступа к электричеству не имеет порядка 70 % жителей страны, в своем субъективном восприятии в той или иной степени счастливы⁴.

Опыт Королевства Бутан как инновацию для государственного управления экономикой стали использовать и другие страны мира. В Таиланде учредили собственный Центр валового национального счастья, в Венесуэле — Министерство высшего социального счастья, а в Эквадоре создали Госсекретариат хорошей жизни, в некоторых штатах США, конституцией которых установлена цель достижения всеобщего благоденствия и благ, предпринимаются попытки измерять индекс счастья граждан наряду с привычными экономическими показателями. Правительство Великобритании в 2010 г. выделило 2 млн фунтов стерлингов на измерение «индекса счастья», дополняющего, по мнению премьер-министра Дэвида Кэмерона, расчет внутреннего валового продукта (ВВП)⁵ и признающего тем самым теоретический постулат, что в жизни есть не только деньги, но и общее благосостояние человека⁶. В Испании проводятся исследования, направленные на максимизацию индекса счастья на период до 2030 г. [Sanz, 2018].

На международном уровне 19 июля 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН в рамках 65-й сессии по инициативе Бутана и при соавторстве более 50 государств, в том числе Франции, Великобритании и Японии, приняла резолюцию A/RES/65/309 под названием «Счастье: целостный подход к развитию», в которой с целью наиболее полного учета важности стремления к счастью и благополучию в контексте устойчивого развития предложила государствам-членам разработать новые, более прогрессивные и комплексные показатели социально-экономического развития. В преамбуле к этой декларации сказано о том, что «валовой внутренний продукт по своему характе-

ру не может достоверно свидетельствовать о счастье и благополучии народа той или иной страны и не создан для этого» [Счастье: целостный подход., 2011]. В апреле 2012 г. в рамках 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН прошла международная конференция «Счастье и благополучие: определение новой экономической парадигмы», на которой Генеральный секретарь Пан Ги Мун заявил, что мир «нуждается в новой экономической парадигме, которая признает паритет между тремя основами устойчивого развития. Социальное, экономическое и экологическое благополучие — неделимы. Вместе они определяют глобальный показатель валового счастья». Генеральная Ассамблея в своей резолюции 66/281 от 12 июля 2012 года провозгласила 20 марта Международным днем счастья [Куклина, 2015]. И с этого времени ООН составляет рейтинг уровня счастья (World Happiness Report), в соответствии с которым Сербия (для сравнения) за 2013–2019 гг. поднялась со 106 до 70 места, а Россия испытывала колебания своих позиций в рейтинге, занимая в 2013 г. 68-е место, в 2015 г. — 64-е место, в 2016-м году 56-е место, в 2017 г. — 49-е место, в 2018 г. — 59-е место и в 2019 г. — снова 68-е место, как и в 2013 г. Согласно данному отчету за 2019 г., национальный индекс счастья напрямую связан с качеством государственного управления⁷.

Отражение неделимости социального, экономического и экологического в международных индексах счастья

Если обратиться к истории проведения международных сравнений, то первый международный индекс счастья (Happy Planet Index) был предложен британской организацией «Фонд новой экономики» (New Economic foundation) в 2006 г. В настоящее время в расчет данного индекса входят четыре показателя: неравенство, ожидаемая продолжительность жизни, благополучие и «экологический след» (площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства используемых в странах мира ресурсов, поглощения и переработки наших отходов). В соответствии с расчетами Happy Planet Index в 2006 г. Россия занимала 172-е место из 178 стран, в 2009 г. — 108-е место из 143 стран, в 2018 г. — 116-е место из 140 стран, в т. ч. по неравенству — 44-е место из 140, экологиче-

lenta.ru/articles/2017/03/22/happiness/. Дата публикации 22.03.2017.

4 Там же.

5 Харченко А. Индекс счастья в разгар рецессии // BBC News — Русская служба : [сайт]. URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2009/09/090929_uk_happiness. Дата публикации 29.09.2009.

6 Великобритания решила ввести "индекс счастья" // Lenta.ru : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2010/11/15/happy/>. Дата публикации 15.11.2010.

7 World Happiness Report 2013–2019. URL: <https://worldhappiness.report/archive/> (дата обращения 17.07.2020).

скому следу — 121-е место, благополучию — 58-е место и ожидаемой продолжительной жизни — 89-е место¹. В соответствии с рейтингом Happy Planet Index 2016 г. Сербия занимала 52-е место, а 25-е — Таджикистан, 5-е — Вьетнам, а 1-е — Коста-Рика², что существенным образом отличается от результатов рейтинга World Happiness Report и требует разъяснений.

ООН, как уже отмечалось выше, с 2012 г. ежегодно публикует Всемирный доклад о счастье, готовящийся независимыми экспертами, в соответствии с которым Россия занимала в 2015–2017 г. 59-е место из 156, Королевство Бутан (для анализа его развития) — 97-е место [World Happiness Report, 2015, с. 21], в 2012–2014 гг. Россия занимала 64-е место из 158 стран, а Королевство Бутан — 79-е место [там же, с. 27]. Поэтому название государственного органа Министерством Счастья еще не гарантирует, что оно сделает народ данной страны счастливыми, да еще и в кратчайшие сроки.

На разработку индекса лучшей жизни (The OECD Better Life Index), публикуемого с 2011 г. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ушло более 10 лет. В четвертом издании данного международного исследования за 2017 г. дан анализ 50 показателей благосостояния по 35 странам ОЭСР и 6 странам-партнерам, включая Россию, которая по представленным показателям демонстрирует за 10 лет, по мнению экспертов ОЭСР, явный прогресс [How's Life? 2017].

Индекс качества жизни (Quality-of-life index), публикуемый британской компанией Economist Intelligence Unit в 2005 г. ставил Россию на 105-е место в рейтинге из 111 стран по своему комплексному показателю, учитывающему девять факторов: здоровье, семейное благополучие, общественную жизнь, материальное благополучие, политическую безопасность и свободу, климат и географию, гарантии работы, политические свободы и гендерное равенство, а Сербию — на 84-е место³.

1 Исследование: индекс счастья в России впервые за долгое время оказался выше среднего по планете // Banki.ru : [сайт]. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10282230>. Дата публикации 14.02.2018.

2 Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org>

3 The Economist Intelligence Unit's quality-of-life index. URL: https://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf (дата обращения 17.07.2020)..

По нашему мнению, заслуживает внимания исследователей этой темы замечание В. Попова и А. Салимано, что миллиардеры выбирают для своего проживания именно наиболее счастливые страны — с наивысшим качеством жизни: наименьшим уровнем неравенства и наивысшей их безопасностью, во многом связанной с этим⁴, нередко оставляя страны, в которых они стали миллиардерами, в кризисном состоянии, а большинство населения — в бедности.

Если посмотреть на приведенные выше изменения положения России и Сербии в разных международных рейтингах, то можно увидеть, что результаты существенно различаются, в том числе с данными внутринациональных исследований [Румянцова, 2018], что свидетельствует о необходимости продолжения исследований по данной теме.

Неопределенность раскрытия категории счастья в законодательстве и образовательных программах

Представление категории счастья в современном российском федеральном и региональном законодательстве и образовательных программах отражает уровень теоретической проработанности данной проблемы в целом и в экономической науке в частности.

Рассмотрим эти вопросы на примере России. Наиболее цитируемым в решениях российских судов документом, включающим понятие «счастья», является международная «Конвенция о правах ребенка»⁵. В ней указывается, что каждый ребенок для полного и гармоничного развития личности должен расти «в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания»⁶. Но при этом трактовка счастья не разъясняется и никак не регламентируется, поэтому в правоприменительной практике она имеет многовариатный и одновременно чисто формальный характер: каждый российский судья может трактовать ее по-своему и по-разному для семей с разным до-

4 Экономисты назвали факторы выбора миллиардерами стран для жизни // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/07/2018/5b5b1cbb9a794712fe7be2bc>. Дата публикации 28.07.2018.

5 О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 20.04.2006 (ред. от 17.12.2013). Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете», № 92, 03.05.2006.

6 Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

статком. Это, безусловно, в дальнейшем требует конкретизации и регламентации понятия «счастье ребенка в России» наряду с понятием коррупции с применением системы ответственности за искажение макроэкономических данных как обмане населения в части представления эффективности работы государственных органов [Румянцева, 2017].

В государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» предусмотрен расчет коэффициента пригодности инновационного центра «Сколково» для жизни и работы, который называется в данном документе коэффициентом счастья⁷. При этом мониторинг «коэффициента счастья», методика расчета которого носит закрытый характер, предусмотрен решениями правительства только для одного-единственного предприятия в России, что, на наш взгляд, не должно создавать дискриминацию по отношению к условиям работы всех других российских предприятий.

В законодательстве регионов России понятие счастья почти никак не используется и не раскрывается, хотя в развитии ряда других тематик регионы могут и опережать федеральное законодательство. В некоторых региональных нормативных актах присутствуют суждения о счастье, его трактовка, но, к сожалению, не регламентация условий общественной жизни. Например, в муниципальной программе «Молодежь города» на 2018–2022 годы» небесспорно отмечается, что «понятие "счастье" каждый из нас связывает прежде всего с семьей — счастлив тот, кто счастлив в своем доме»⁸. В Государственном докладе о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2012–2013 годах обращается внимание на другой аспект счастья — здоровье: без здоровья «невозможно ощутить полноценность жизни и оценить счастье. Поэтому забота о собственном здоровье должна быть присуща каждому молодому человеку»⁹. В «Отчете главы города Ставрополя о ре-

зультатах деятельности за 2015 год» говорится о таком достижении города Ставрополя как увеличении индекса счастья в 2015 г.¹⁰, но кем конкретно рассчитанном и по какой методике не конкретизировано, хотя это крайне важно для оценки достоверности результата. В Послании Президента Республики Башкортостан Государственному Собранию от 27.03.96 г. «О повышении эффективности государственной власти в осуществлении преобразований» понятие счастья отделено (не включает) от понятия «достаток» и «духовность». «Но мы едины и убеждены в том, — сказано в данном Послании, — что есть ценности, которые нужно сохранить, — это свобода, демократия, качественно новая государственность с современной экономикой, способные обеспечить народу достаток, счастье и богатую духовную жизнь»¹¹. В «Приоритетных направлениях развития образовательной системы Челябинска на период до 2000 года» представлена, по сути, неверная трактовка приоритетов социализма как социального государства. «Необходим отказ, — сказано в этом документе, — от модели социализма как общественного устройства, в котором заботу о детях и семье, о счастье отдельного человека государство берет на себя, разрушая семью, отлучая детей от родителей, ломая семейные традиции»¹². В «Докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Мордовия о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Мордовия в 2016 году» также дана, по сути, субъективная трактовка счастья А. Шопенгауэра. Как написано в этом Докладе, «девять десятых нашего счастья зависят от здоровья, — сказал немец-

УР № 490-р от 21.07.2014 // Официальный сайт Президента Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru> (дата обращения 17.07.2020)..

10 О результатах деятельности за 2015 год : Отчет главы города Ставрополя : Утвержден Решением Ставропольской городской Думы № 846 от 11.05.2016 // Вечерний Ставрополь, № 92, 20.05.2016.

11 О Послании Президента Республики Башкортостан Государственному Собранию Республики Башкортостан "О повышении эффективности государственной власти в осуществлении преобразований" : Постановление Государственного Собрания Республики Башкортостан НГС-122 от 27 марта 1996 г. // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/17750885/#ixzz6e43blxrb> (дата обращения 17.07.2020).

12 Приоритетные направления развития образовательной системы Челябинска на период до 2000 года : Утверждено Постановлением Главы администрации города Челябинска № 767-п от 14.08.1995 // Вечерний Челябинск, № 166, 01.09.1995 г.

7 Экономическое развитие и инновационная экономика : Государственная программа Российской Федерации : Утверждена Постановлением Правительства РФ № 316 от 15.04.2014 (ред. от 31.03.2018) // СПС КонсультантПлюс..

8 Молодежь города на 2018–2022 годы : Муниципальная программа : Утверждена Постановлением Администрации г. Ижевска № 293 от 04.07.2017 (ред. от 18.04.2018) // СПС КонсультантПлюс..

9 О положении молодежи в Удмуртской Республике в 2012–2013 годах : Государственный доклад : Утвержден Распоряжением Правительства

кий философ Артур Шопенгауэр. Здоровье человека является главной ценностью жизни»¹. Хотя в условиях необходимости противодействия коррупции на всех уровнях управления в таком документе раскрытие понятия счастья ассоциируется с анализом реализации на практике всех конституционных прав и свобод граждан.

И только в «Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Инта» на период до 2020 года» счастье (без конкретизации этого понятия) отнесено к «наивысшим приоритетам ценностного выбора», определяющим принципы социально-экономического развития МОГО «Инта» в Республике Коми².

В российском образовании раскрытию сущности понятия счастья уделено значительно больше внимания, чем в современном российском законодательстве. Проблематика счастья фигурирует как значимая в определении тем сочинений выпускников (т. е. им предлагается самим ее толковать) и в ряде вопросов для подготовки к ЕГЭ. В то же время в Письме Рособнадзора от 17.10.2016 № 10-764 «О направлении уточненных редакций методических документов, рекомендуемых к использованию при организации и проведении итогового сочинения (изложения) в 2016/17 учебном году» дается следующая рекомендация: «Для уяснения смысла терминов и понятий в формулировках тем (судьба, память, принцип, личность, опыт, нравственные ценности, трагедия, счастье, ответственность, честь, выбор, самолюбие, благородство, познание, ориентир, актуальность, классика и др.) в процессе подготовки к сочинению следует обращаться к философскому или психологическому словарям»³. Но, как известно, и в философских, и в психологических словарях понятие «счастье» трактуется чрезмерно вариативно.

1 О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Мордовия в 2016 году : Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Мордовия // Известия Мордовии, № 48, 05.05.2017.

2 Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Инта» на период до 2020 года. Утв. Решением Совета МО городского округа «Инта» № II-28/3 от 28.02.2014 (ред. от 17.04.2018). Первоначальный текст документа опубликован в газете «Искра», № 48–50, 05.03.2014.

3 О направлении уточненных редакций методических документов, рекомендуемых к использованию при организации и проведении итогового сочинения (изложения) в 2016/17 учебном году : Письмо Рособнадзора № 10-764 от 17.10.2016 // СПС КонсультантПлюс.

Во многих учебных материалах для школьников термин «счастье» абсолютно неправильно трактуется как высшая моральная ценность и не связывается с личным и общественным благополучием людей в сравнении по странам мира, с развитием экономики, фактической реализацией прав и свобод граждан [Справочник школьника, 2014, с. 115; Семке, 2013, с. 36] и большинство других изданий по современному курсу обществознания в средней школе. Счастливым может ощущать себя и негодяй, и глупый, интеллектуально недоразвитый человек. Счастье и мораль — категории из разных разделов курса обществознания.

Региональные органы образования также представляют в своих документах определенную трактовку понятия «счастья». Например, в Письме Минобразования Ставропольского края от 15.03.2011 № 01-54/1626 «Об использовании примерной Основной образовательной программы начального общего образования» утверждается, что счастье школьников, их «родных, близких и окружающих людей в первую очередь зависит от желания постоянно работать над собой, стать образованным, духовно воспитанным, трудолюбивым, готовым нести людям добро»⁴.

Такое многообразие трактовок понятия «счастье» в законодательстве, образовании и научных исследованиях уже много десятилетий не создает у населения России никаких четких ориентиров однообразного по ценностным ориентирам позитивного и результативного поведения, формирующего прогресс развития общества, в т. ч. в социально-экономической сфере. Например, в городской Программе военно-патриотического воспитания школьников на 2000–2003 гг. г. Шахты отмечается, что «лишь 1,8 % молодых людей связывают счастье личной жизни с возможностью приносить пользу обществу»⁵. Т. е. неопределенность представленной в современном российском образовании теоретической концепции счастья как высшей моральной ценности человека не работает среди современных российских школьников, которые вне школы руководствуются иными представлениями о счастье, связанные, в основном, с уровнем их достатка.

4 Об использовании примерной Основной образовательной программы начального общего образования : Письмо Минобразования Ставропольского края № 01-54/1626 от 15.03.2011.

5 Программа военно-патриотического воспитания школьников на 2000–2003 гг. Утв. Решением Шахтинской городской Думы от 23.12.1999 № 399.

Выводы

Сравнительный анализ представленных выше рейтингов стран мира по комплексному индексу счастья позволяет сделать вывод о том, что эта прогрессивная деятельность, которая во многом в постановочном и концептуальном плане определяет счастье как цель социально-экономического развития стран мира, должна добавляться как расчетами комплексных национальных индексов счастья, так и аудитом их достоверности, а результаты, если они свободны от давления разных сторон, должны сближаться. Достоверные международные сравнения, представленные в динамике, за ряд лет должны послужить надежной основой для проведения прогрессивных социально-экономических преобразований в отстающих по индексу счастья странах. В связи с этим немаловажное значение имеет трактовка счастья как стратегической цели социально-экономического развития и ее отражение именно в таком обновленном междисциплинарном понимании как в законодательстве, так и в образовательных программах для школьников и ВУЗов.

Список источников

1. Грузков, 2019 — Грузков И. В. Общественное воспроизводство человеческого капитала в парадигме инновационного развития: теория, методология исследования : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2019.
2. Качур, 2014 — Качур Н. В. Фелицитарность современной молодежи: социологический ракурс измерения : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов : Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2014. 151 с.
3. Куклина, 2015 — Куклина Е. 50 оттенков серотонина. Сегодня международный день счастья // Магнитогорский рабочий : [сайт]. URL: <http://www.mr-info.ru/11771-50-ottenkov-serotonina-segodnya-mezhdunarodnyy-den-schastya.html>. Дата публикации 19.03.2015.
4. Румянцева, 2018 — Румянцева Е. Е. Парадоксы современного этапа развития экономики России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 2 (33). С. 46–56. doi: 10.17586/2310-1172-2018-11-2-46-56.
5. Румянцева, 2017 — Румянцева Е. Е. Пробелы российского антикоррупционного законодательства и негласные правила борьбы с коррупцией // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены = Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2017. № 3. С. 116–127. doi: 10.14515/monitoring.2017.3.08.
6. Румянцева, 2010 — Румянцева Е. Е. Экономика счастья. Москва : ИНФРА-М, 2010. 94 с. ISBN: 978-5-16-003880-3.
7. Семке, 2013 — Семке Н. Е. Обществознание. Москва : Эксмо-Пресс, 2013. 192 с. ISBN: 978-5-699-59590-7.
8. Сорокин, 1998 — Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Социологические исследования = Sociological Studies. 1988. № 4. С. 103–109. ISSN: 0132-1625.
9. Справочник школьника, 2014 — Справочник школьника. Обществознание / В. В. Барабанов [и др.]. 2-е изд. переработанное и дополненное. Москва : АСТ, 2014. 318 с. ISBN: 978-5-17-082553-0.
10. Счастье: целостный подход., 2011 — Счастье: целостный подход к развитию : Резолюция 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 19 июля 2011 года // ООН : [сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/65/309> (дата обращения 17.08.2020).
11. Joshanloo, 2016 — Joshanloo M. Conceptions of happiness and life satisfaction: An exploratory study in 14 national groups / M. Joshanloo [et al.] // Personality and Individual Differences. Vol. 102, November 2016, Pp. 145–148. doi: 10.1016/j.paid.2016.06.065.
12. Kinari, 2019 — Kinari Y. Happiness before and after an election: An analysis based on a daily survey around Japan's 2009 election / Y. Kinari [et al.] // Japan and the World Economy. Vol. 49, March 2019, P. 187–194. doi: 10.1016/j.japwor.2018.12.001.
13. Luchesi, 2017 — Luchesi B. M. Factors associated with happiness in the elderly persons living in the community / B. M. Luchesi [et al.] // Archives of Gerontology and Geriatrics. Vol. 74, January 2018, Pp. 83–87. doi: 10.1016/j.archger.2017.10.006.
14. How's Life? 2017 — How's Life? 2017: Measuring Well-being / OECD. Paris : OECD Publishing, 2017. doi: 10.1787/how_life-2017-en.
15. Sanz, 2018 — Sanz M. T. A stochastic dynamical social model involving a human happiness index / M. T. Sanz [et al.] // Journal of Computational and Applied Mathematics, Vol. 340, 1 October 2018. Pp. 231–246. doi: 10.1016/j.cam.2018.02.036.

16. World Happiness Report, 2015 — World Happiness Report 2015 / Editors: John Helliwell, Richard Layard and Jeffrey Sachs. New York : Sustainable Development Solutions Network. 167 p. ISBN: 978-0-9968513-2-9.

References

1. Gruzkov I. V. *Obshchestvennoye vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v paradigme innovatsionnogo razvitiya: teoriya, metodologiya issledovaniya* [Social reproduction of human capital in the paradigm of innovative development: theory, research methodology] : dissertation for scientific art. Rostov-na-Donu : Southern Federal University Publ., 2019 (in Russian).
2. Kachur N. V. *Felitsitarnost' sovremennoy molodezhi: sotsiologicheskii rakurs izmereniya* [Felicity of modern youth: a sociological perspective of measurement] : dissertation for scientific art. Saratov : Saratov State University Publ., 2014. 151 p. (in Russian).
3. Kuklina E. 50 ottenkov serotoninina. Segodnya mezhdunarodnyy den' schast'ya [50 shades of serotonin. Today is the international day of happiness]. *Magnitogorskiy rabochiy* : [website]. URL: <http://www.mr-info.ru/11771-50-ottenkov-serotoninina-segodnya-mezhdunarodnyy-den-schastya.html>. Date of publication 19/03/2015 (in Russian).
4. Rumyantseva E. E. Paradoksy sovremennoy etapy razvitiya ekonomiki Rossii [Paradoxes of the current stage of development of the Russian economy]. *Nauchnyy zhurnal NIU NTMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Scientific journal NRU NTMO. Series Economics and Environmental Management]. 2018. No. 2 (33). Pp. 46–56. doi: 10.17586/2310-1172-2018-11-2-46-56 (in Russian).
5. Rumyantseva E. E. Probely rossiyskogo antikorrupsionnogo zakonodatel'stva i neglasnyye pravila bor'by s korruptsiyey [Gaps in Russian anti-corruption legislation and unspoken rules of fighting corruption]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2017. No. 3. Pp. 116–127. doi: 10.14515/monitoring.2017.3.08 (in Russian).
6. Rumyantseva E. E. *Ekonomika schast'ya* [The Economy of Happiness]. Moscow : INFRA-M Publ., 2010. 94 p. ISBN: 978-5-16-003880-3 (in Russian).
7. Semke N. E. *Obshchestvoznaniye* [Social Science]. Moscow : Eksmo-Press Publ., 2013. 192 p. ISBN: 978-5-699-59590-7.
8. Sorokin P. A. Sotsiologicheskii progress i printsip schast'ya [Sociological progress and the principle of happiness] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 1988. No. 4. P. 103–109. ISSN: 0132-1625 (in Russian).
9. *Spravochnik shkol'nika. Obshchestvoznaniye* [Pupil's reference book. Social studies] V. V. Barabanov [et al.]. 2nd ed. revised and enlarged. Moscow : AST Publ., 2014. 318 p. ISBN: 978-5-17-082553-0 (in Russian).
10. Schast'ye: tselostnyy podkhod k razvitiyu [Happiness: A Holistic Approach to Development] : Resolution of the 65th Session of the UN General Assembly on July 19, 2011. *UN* : [website]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/65/309> (accessed: 08/17/2020) (in Russian).
11. Joshanloo M. Conceptions of happiness and life satisfaction: An exploratory study in 14 national groups. M. Joshanloo [et al.]. *Personality and Individual Differences*. Vol. 102, November 2016, Pp. 145–148. doi: 10.1016/j.paid.2016.06.065.
12. Kinari Y. Happiness before and after an election: An analysis based on a daily survey around Japan's 2009 election. Y. Kinari [et al.]. *Japan and the World Economy*. Vol. 49, March 2019, P. 187–194. doi: 10.1016/j.japwor.2018.12.001.
13. Luchesi B. M. Factors associated with happiness in the elderly persons living in the community. B. M. Luchesi [et al.]. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. Vol. 74, January 2018, Pp. 83–87. doi: 10.1016/j.archger.2017.10.006.
14. *How's Life? 2017: Measuring Well-being*. OECD. Paris : OECD Publishing, 2017. doi: 10.1787/how_life-2017-en.
15. Sanz M. T. A stochastic dynamical social model involving a human happiness index. M. T. Sanz [et al.]. *Journal of Computational and Applied Mathematics*. Vol. 340, 1 October 2018. Pp. 231–246. doi: 10.1016/j.cam.2018.02.036.
16. World Happiness Report 2015. Editors: John Helliwell, Richard Layard and Jeffrey Sachs. New York : Sustainable Development Solutions Network. 167 p. ISBN: 978-0-9968513-2-9.

Информация об авторах:

Румянцева Елена Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, президент ООО «Центр экономической политики и бизнеса». Москва, Россия. РИНЦ AuthorID: 200265.

Шеремет Александр Николаевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем человеческого развития ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Нахимовский проспект, 32, Москва, 117218, Россия. РИНЦ AuthorID: 1071268.

Information about the authors:

Rumyantseva Elena E. – Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Economic Policy and Business Center (Ltd co.), RSCI AuthorID: 200265.

Sheremet Aleksey N. – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher ISESP FCTAS RAS, 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.08.2020; одобрена после рецензирования 20.08.2020; принята к публикации 02.12.2020.

The article was submitted 08/05/2020; approved after reviewing 08/20/2020; accepted for publication 12/02/2020.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ · ECONOMICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 101–111.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 101–111.

Научная статья

УДК 303.064

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.11

Совершенствование теоретических и практических аспектов формирования и развития мегалополисов (городских агломераций) в интересах обеспечения экономической безопасности

Евгений Владимирович Моргунов¹, Сергей Владимирович Чернявский², Олег Леонтьевич Шутов³

1 ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, morgun1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7687-0040>

2 ИПР РАН, Москва, Россия, vols85-85@mail.ru

3 Кубанский институт профессионального образования, Краснодар, Россия, oshutov68@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1626-3708>

Аннотация. Цель работы — обоснование с точки зрения обеспечения национальной и экономической безопасности и высокого качества жизни оптимальной российской стратегии пространственного развития на примере мегалополисов (городских агломераций). Основными методами исследования стали анализ и синтез аналитических и статистических данных по развитию мегалополисов в мире и России. В статье рассмотрены теоретические подходы к формированию и развитию мегалополисов; проведен анализ формирования крупных городов и мегалополисов в России. Сделан вывод, что в условиях малозаселенности территории страны, наилучшей стратегией пространственного развития является опора на построение разветвленной системы малых и средних городских агломераций (широко растянутых мегалополисов).

Ключевые слова: безопасность, город, городская агломерация, мегалополис, население, пространственное развитие, Россия, территория, уровень жизни.

Благодарности: работа подготовлена в рамках выполнения фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы по теме «Социальные, экономические и экологические факторы формирования и развития человеческого потенциала в российских регионах» (№ 0165-2018-0011).

Для цитирования: Моргунов Е. В. Совершенствование теоретических и практических аспектов формирования и развития мегалополисов (городских агломераций) в интересах обеспечения экономической безопасности / Е. В. Моргунов, С. В. Чернявский, О. Л. Шутов // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 101–111. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.11

JEL: C88

Original article

Improvement of theoretical and practical aspects of the formation and development of megalopolises (urban agglomerations) in the interests of ensuring economic security

Evgeniy V. Morgunov⁴, Sergey V. Chernyavskiy⁵, Oleg L. Shutov⁶

4 ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia, morgun1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7687-0040>

5 Institute of market problems of RAS, Moscow, Russia, vols85-85@mail.ru

6 Kuban Institute of Professional Education, Krasnodar, Russia, oshutov68@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1626-3708>

Abstract. The purpose of the work is to substantiate, from the point of view of ensuring national and economic safety and high quality of life, the optimal Russian strategy of spatial development on the example of megalopolises (urban agglomerations). The main research methods were analysis and synthesis of analytical and statistical data on the development of megalopolises in the world and in Russia. The article discusses theoretical approaches to the formation and development of megalopolises; the analysis of the formation of large cities and megalopolises in Russia has been carried out. It is concluded that in the conditions of a sparsely populated territory of the country, the best strategy for spatial development is to rely on the construction of an extensive system of small and medium-sized urban agglomerations (widely stretched megalopolises).

Key words: safety, city, urban agglomeration, megalopolis, population, spatial development, Russia, territory, standard of livingh.

Acknowledgments: the work was carried as part of the implementation of fundamental scientific research of the

state academies of sciences for 2013–2020 on the topic "Social, economic and environmental factors of the formation and development of human potential in Russian regions" (No. 0165-2018-0011).

For citation: Morgunov E. V. Improvement of theoretical and practical aspects of the formation and development of megalopolises (urban agglomerations) in the interests of ensuring economic security. E. V. Morgunov, S. V. Chernyavskiy, O. L. Shutov. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 101–111. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.11

JEL: C88

Введение

В статье рассмотрены теоретические подходы к формированию и развитию мегаполисов, проведен анализ формирования крупных городов и мегаполисов в России. Сделан вывод, что в условиях малозаселённости территории страны, наилучшей стратегией пространственного развития является опора на построение разветвленной системы малых и средних городских агломераций или мегаполисов, широко растянутых по территории страны.

Теоретические подходы к формированию и развитию мегаполисов

После Конференции ООН по развитию населенных пунктов (Ванкувер, Канада, 1976 г.) правительства многих стран, особенно развитых, начали всерьез рассматривать свои города как «формирующие будущее», а урбанизацию как главный драйвер трансформационных изменений.

Ретроспективный и перспективный анализ мирового развития показывает, что урбанизация действительно является одной из наиболее значительных факторов глобальных изменений². Переход ко все более урбанизированному миру представляет собой преобразующую силу, которую можно использовать для более устойчивого развития и решения многих глобальных проблем 21-го века, включая нищету, неравенство, безработицу, ухудшение состояния окружающей среды и др.

Иначе говоря, города превратились в мощную и относительно позитивную силу, которая обеспечивает устойчивое развитие, экономическую безопасность и процветания (рост качества жизни населения), а также города стимулируют инновации, потребление и инвестиции как в развитых, так и в развивающихся странах. Этот драматический сдвиг в сторону городской жизни имеет глубокие последствия для потребления энергии, политики, продовольственной безопасности и человеческого развития.

Так, экономика городов в первую очередь ориентирована на людей: их индивидуальный капитал во всех его формах (социальный, физический, технологический, культурный, научный и т. д.) комбинируется различными инновационными способами, и эта продуктивность приносит пользу всем, распространяя процветание как в самом городе, так и за его пределами: более 80 % мировых товаров и услуг в настоящее время производится в городах и более 80 % прироста производства также приходится на города. Также для городов характерен перманентный и более весомый рост качества медицины, образования и управления по сравнению с сельскими поселениями³.

В тоже время, плохо спланированная урбанизация потенциально может привести к обратным эффектам в городах, особенно в мегаполисах: обострение жилищных проблем, проблем коммуникации, проблем с перенаселенностью, экологических проблем (крупнейшие города мира производят более 70 % всех отходов и дают свыше 80% всего объема выбросов парниковых газов) и в целом приводит не к росту, а снижению качества жизни горожан и снижению эколого-экономической безопасности в городе [Demographia., 2020; Анимациа, 2013].

Также стоит отметить, что по оценке экспертов ООН, 3,5 млрд людей или 50 % мирового населения живёт на территориях, где уровень загрязнения атмосферы выше порога безопасности для здоровья и жизни людей; при этом треть из них (1,3 млрд) проживает в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона, причём в Китае и Южной Корее более 50 % населения подвержено опасному уровню загрязнения атмосферы, а в Индии и Непале — до 75 %. В 2016 г. на загрязнение атмосферы легла ответственность за 10 % смертности в мире (4,2 млн человек) [Доклад о Целях..., 2018].

Иначе говоря, различные виды общественного дисбаланса делают «зарождающееся будущее» слишком многих городов бесперспективным [Доклад о городах мира, 2016], то есть нынешняя

© Моргунов Е. В., Чернявский С. В., Шутов О. Л., 2020

2 World Cities Report, 2016 // United Nations Human Settlements Programme : [сайт]. URL: <http://wcr.unhabitat.org/main-report/>. (дата обращения: 01.09.2020 г.).

3 Рост городов: закономерности и модели / Вольф Кицес // Livejournal : [сайт]. URL: <https://wolf-kitses.livejournal.com/49228.html>. Дата публикации 11.10.2016.

модель урбанизации во многих странах мира, особенно развивающихся, способствующая «точечной» концентрации населения в мегаполисах (многомиллионных агломерациях), является во многих отношениях неустойчивой и экономически небезопасной.

Рассмотрим проблематику становления и развития городов-мегаполисов (многомиллионных агломераций) более подробно. С теоретической точки зрения на начало второй половины 20-го века приходится становление термина «мегаполис». Большинство исследователей сходятся на том, что данная конфигурация городского расселения является результатом интеграции главного города с окружающими его более мелкими городами и поселениями, местами срастающихся, объединенных в единую экономическую и общественную систему интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями; при этом людность мегаполиса по критерию ООН равна не менее 10 млн человек, по отечественному критерию — один и более млн человек [Федякин, 2013].

В тоже время с развитием мегаполисов (многомиллионных агломераций) всё не так просто. По данным Demographia World Urban Areas (2019 г.) с одной стороны более половины населения мира — это городское население (54 %), с другой — в 38-ми мировых мегаполисах (агломерациях) проживает всего 8,4 % населения мира, а

типичный житель мира живет в городской агломерации (районе) с населением приблизительно 625 тыс. человек, а также почти 60 % мирового населения проживает в небольших городах (100 000 жителей и ниже) и в сельской местности.

При этом Азия по-прежнему занимает доминирующее положение в плане урбанизации: почти 58 % населения проживает в крупнейших городских агломерациях (районах). В Азии примерно в пять раз больше жителей крупных городов, чем в Северной Америке, Европе или Африке, и в во-семь раз больше, чем в Южной Америке. С самым «разукрупненным» городским населением являются такие страны как Австралия и Новая Зеландия.

Также существует тенденция прекращения роста мегаполисов при достижении определенного уровня доходности населения. Города, расположенные в странах с высоким уровнем дохода, вытесняются из верхних рейтингов людности: к 2030 году только две «высокодоходные» агломерации (Токио-Йокогама и Сеульская), вероятно, останутся в первой десятке. Все это согласуется с прогнозами Организации объединенных наций, которые указывают на то, что почти весь прирост населения мира в предстоящие десятилетия будет происходить за пределами стран мира с высоким уровнем доходов. 17 крупнейших мировых мегаполисов (по состоянию на 2019 год) приведены в таблице 1.

Таблица 1. 17 крупнейших мегаполисов (агломерации) мира (по состоянию на 2019 год)

Ранг	Мегаполисы (агломерации)	Людность, млн чел.	Площадь, км ²	Государство
1.	Токио-Йокогама	38,505	8 223	Япония
2.	Джакарта	34,365	3 367	Индонезия
3.	Дели (с пригородами)	28,125	2 240	Индия
4.	Манила	25,065	1 813	Филиппины
5.	Сеул-Инчхон	24,315	2 745	Южная Корея
6.	Мумбаи (с пригородами)	23,645	881	Индия
7.	Шанхай	22,125	4 015	Китай
8.	Нью-Йорк (с пригородами)	21,045	11 875	США
9.	Сан-Паулу	20,935	3 043	Бразилия
10.	Мехико	20,395	2 370	Мексика
11.	Гуанчжоу-Фошань	20,130	3 885	Китай
12.	Пекин	19,430	4 144	Китай
13.	Дакка	18,595	453	Бангладеш
14.	Осака-Кобе-Киото	17,150	3 004	Япония
15.	Каир	16,925	1 917	Египет
16.	Москва	16,555	5 698	Россия
17.	Бангкок	16,045	3 043	Таиланд

Источник: [Demographia., 2019]

Как видно из таблицы 1, Москва, вернее, московская агломерация (район) лишь на 16-ом месте. Однако при этом стоит отметить, что территория мегаполисов (агломераций) часто не совпадают с административными границами городов — территория конкретных агломераций определялась в результате изучения фактических спутниковых карт.

На всем протяжении развития урбанистики исследователи стремились выявить, какие факторы конкурентоспособности способствуют росту городов, превращению их в мегаполисы. Так конкурентоспособность города понимается большинством исследователей как степень его привлекательности для коллективных акторов и отдельных индивидов с целью размещения различных видов деятельности на данной городской территории. В частности, по М. Портеру, конкурентоспособность города — это экономическая категория, характеризующая способность городской территории достигать высокого и постоянно растущего уровня жизни за счет повышения производительности использования труда и капитала как действующими, так и новыми предприятиями — создателями добавленной стоимости: на современном этапе мирового развития драйверами добавленной стоимости стал сектор высокотехнологических услуг, интегрированный в различные отрасли экономики (управление, финансы, торговля, промышленность и т. д.) [The Competitiveness of Cities, 2014; Портер, 2002].

Также в последнее время повысилось внимание исследователей к новой категории городов — мировым и глобальным городам (от англ. — world, global cities). В научный оборот термин «мировой» город вошел после публикации в 1966 году книги П. Холла «Мировые города». В число мировых городов Холл включил Лондон, Париж, Рандштад, Рейнско-Рурскую агломерацию, Москву, Нью-Йорк и Токио. Позднее в 1986 году Дж. Фридманом было дано следующее определение мировых городов: крупнейшие центры концентрации капитала и разного рода ноу-хау на основе использования самых современных информационных и коммуникационных технологий, места расположения штаб-квартир транснациональных компаний, фактически управляющие экономиками крупных регионов и являющиеся своего рода глобальным каркасом урбанизации [Hall, 1966; Friedmann, 1986].

С. Сассен в своем исследовании [Sassen, 2001] предложила концепцию мировой экономики, основанной на понятии глобального города, как

сети торгово-финансовых цепочек, звеньями которых являются крупные (глобальные) города. Отличие мирового города от глобального, по мнению Сассен, в том, что мировой город относится к городам огромного размера, а глобальный город — это такой город, который обладает огромной властью или влиянием в мире.

В итоге к концу 20-го века образовалась пространственная структура, в которой отчетливо выделяются три иерархических слоя. Высший слой представлен сетью мировых и глобальных полифункциональных городов, которые осуществляют координацию принятия решений представителями международной экономической элиты. Примером таких городов являются Лондон, Нью-Йорк, Париж, Мумбаи и Токио.

На втором уровне выделяются специализированные города общенационального значения, интегрированные (управленческими связями административного и финансового характера, отношениями производственных операций; а также потоками поставляемой продукции и системой сбыта) в соответствующие сети национального масштаба. Эти национальные подсистемы через возглавляющие их международные города включены в мировую сеть.

На третьем уровне располагаются специализированные города, играющие ведущую роль в субнациональных регионах (областях), объединенные в соответствующие региональные сети.

Существуют и другие классификации мегаполисов; в частности, рейтинг уровня глобализации городов мира. В обследовании в 2014 году участвовали 84 города¹. Они оценивались по 25 культурным, социальным и политическим критериям, сгруппированным в пять главных категорий: уровень деловой активности; человеческий капитал; информационный обмен; культурный уровень; политический вес. Первые 5 мест в этом рейтинге принадлежат Нью-Йорку, Лондону, Парижу, Токио, Гонконгу; Москва заняла 17 место.

Из проведенного анализа можно заключить, что мегаполисы являются не только обширным заселенным пространством, но и комплексной и многоуровневой социально-экономической и политической системой, находящейся в состоянии постоянного взаимобмена с внешней институциональной и нормативной средой, которая оказывает на нее как положительное, так и отрицательное воздействие. В целом значимость

¹ Ежегодный рейтинг городов мира по уровню глобализации по версии А. Т. Kearney. Здесь: The Global Cities Index 2014. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-cities-index/global-cities-index-info>.

мегаполисов в современном социально-экономическом развитии, с одной стороны, и перечисленные серьезные проблемы их развития, с другой, обусловили существенное повышение внимания отдельных стран и мирового сообщества в целом к проблематике обеспечения безопасности и устойчивости этих крупнейших городских систем; в частности благодаря новым градостроительным технологиям, освоенным новаторскими командами, появились такие концепции как «думающий город», «креативный город», «умный город», «ресурсосберегающий город», «город-сад» и т. п. [Бойкова, 2011]

Практика формирования крупных городов и мегаполисов в России. Несмотря на некоторые специфические особенности урбанизацию в России, в целом можно считать российский процесс урбанизации похожим по основным стадиям с мировой урбанизацией — приоритетное развитие больших городов, формирование городских агломераций.

На рубеже 17–18 веков в России существовал только один большой город — Москва, все остальные относились к категории малых — с населением менее 15 тыс. человек. К 1722 году вторым большим городом России стал Петербург, а к 1856 году — Одесса. В 1910 году в стране уже было 23 больших города, а население Петербурга и Москвы превысило 1 млн. Тем не менее в начале 20-го века Россия являлась слабо урбанизированной страной, значительно уступавшей в этом отношении ведущим западноевропейским государствам. Доля городского населения составляла (в современных границах страны) лишь 15 %, в стране преобладали малые города, которых накануне революции было около 75 %. По переписи населения 1926 года в городах и городских поселениях на нашей территории проживало 26,3 млн человек (около 18 % от общей численности 147 027 915 чел.) — лишь на процент больше, чем в 1914-м году [Всесоюзная перепись..., 1927–1929; Миронов, 2012].

Однако уже к переписи 1939 года число городских жителей в абсолютных числах увеличилось по сравнению с 1926-м годом на 20 млн, а доля городского населения почти удвоилась и составила 33 %. Способствовала такому росту форсированная индустриализация, превратившая страну из аграрной в промышленную, а также политика по массовому привлечению сельского населения в города. Урбанизация продолжалась и в последующие годы — в 1970 г. — 62 %, в 1979 — 69 %, а к 1990 году городское население России составило

уже 73 % (108 млн чел.) и Россия стала одной из самых урбанизированных стран мира. Начиная с 1993 года рост числа городов в России прекратился. Наблюдается тенденция снижения численности городского населения: если в 1993 г. число горожан составляло 108,5 млн чел., то в 2000 г. — 106,1 млн чел., а в 2011 г. — 103,7 млн чел. Таким образом, за период 1991–2011 гг. численность городского населения в России уменьшилась на 3,6 %. При этом численность городских поселений в России за 1989–2010 гг. уменьшилась с 3 230 до 2 386².

Таким образом, процессы урбанизации в России за 20-й век прошли три этапа: достаточно быстрый, но лишь немного превосходящий рост всего населения страны в начале века; значительно превосходящий общий рост населения рост урбанизации в советское время, что превратило Россию в городскую страну; наконец, депопуляция городского населения, начиная с 1991 года, что вкупе с демографическим кризисом привело к стагнации доли городского населения в общей численности населения страны в начале 21-го века³.

Иначе говоря в настоящее время российская урбанизация протекает в условиях депопуляции, и идет существенно различными путями в регионах РФ. Это обусловлено разными стадиями эволюции расселения и экономического развития. Можно выделить следующие регионы: постиндустриальные (Москва и с некоторыми оговорками Санкт-Петербург), индустриальные (подавляющее большинство столиц субъектов РФ) и доиндустриальные (Дагестан, Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Тыва, Республика Алтай, многие национальные округа), в которых наблюдается стремление сельского населения, особенно молодежи, уехать на постоянное место жизни в крупный город, так как условия жизни в сельской местности и в городе по бытовым условиям, стандартам трудовой деятельности, доступу к культуре и качеству образования значительно отличаются.

В настоящее время, согласно своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка

2 Городское население России на начало 2010 года — 103,8 миллиона человек, или 73,1 % от общего числа россиян // Демоскоп Weekly. № 407–408, 25.01 – 07.02.2010 : [электронная версия]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/barom01.php> (дата обращения 15.08.2020).

3 Урбанизация в России // Росинфостат : [сайт]. URL: <https://rosinfostat.ru/urbanizatsiya-v-rossii/> (дата обращения 15.08.2020).

городских и сельских поселений» от Минрегионразвития РФ, города страны классифицированы следующим образом: крупнейшие — с населением свыше 1 млн чел.; крупные — от 250 тыс. чел. до 1 млн чел. (в том числе подкатегории от 250 до 500 тыс. и от 500 тыс. до 1 млн чел.); большие — от 100 до 250 тыс. чел.; средние — от 50 до 100 тыс. чел.; малые — до 50 тыс. чел. (в том числе подкатегории до 10 тыс., от 10 до 20 тыс. и от 20 до 50 тыс. чел.)

Согласно данным Росстата от 31.07.2017 г. о численности населения Российской Федерации по муниципальным образованиям в России 15

городов-миллионников, статус крупных городов России (от 250 тыс. человек до 1 млн человек) имеет 63 города; больших (от 100 тыс. человек до 250 тыс. человек) — 92; средних (от 50 тыс. человек до 100 тыс. человек) — 153; малых (менее 50 тыс. человек) — 779.

В таблице 2 представлены сравнительные данные динамики численности населения 15 российских городов-миллионников на 1 января 2018 и 2019 года согласно данным Росстата от 16.08.2019, а также данным региональных отделений Росстата.

Таблица 2. Динамика численности населения 15 самых крупных городов России (мегаполисов) на 1 января 2019 и 2018 гг., чел.

№ п/п	Город	на 1 января 2019 года	на 1 января 2018 года	Динамика	%	Субъект РФ, в состав которого входит город
1	Москва	12 615 882	12 506 468	109 414	0.87	Город ф.з. Москва
2	Санкт-Петербург	5 383 890	5 351 935	31 955	0.60	Город ф.з. Санкт-Петербург
3	Новосибирск	1 618 039	1 612 833	5 206	0.32	Новосибирская обл.
4	Екатеринбург	1 483 119	1 468 833	14 286	0.97	Свердловская обл.
5	Нижний Новгород	1 253 511	1 259 013	-5 502	-0.44	Нижегородская обл.
6	Казань	1 251 969	1 243 500	8 469	0.68	Татарстан
7	Челябинск	1 200 719	1 202 371	-1 652	-0.14	Челябинская обл.
8	Омск	1 164 815	1 172 070	-7 255	-0.62	Омская обл.
9	Самара	1 156 608	1 163 399	-6 791	-0.58	Самарская обл.
10	Ростов-на-Дону	1 133 307	1 130 305	3 002	0.27	Ростовская обл.
11	Уфа	1 124 226	1 120 547	3 679	0.33	Башкортостан
12	Красноярск	1 095 286	1 090 811	4 475	0.41	Красноярский край
13	Воронеж	1 054 111	1 047 549	6 562	0.63	Воронежская обл.
14	Пермь	1 053 934	1 051 583	2 351	0.22	Пермский край
15	Волгоград	1 013 468	1 013 533	-165	-0.01	Волгоградская обл.
	Итого:	33 602 884	33 434 750	168 134	0.50	

Источник: таблица составлена авторами по данным Росстата URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Как видно из таблицы 2, 13 из 15 городов-миллионеров в России согласно текущим оценкам Росстата, имеют численность населения от 1 до 1,6 млн человек, и только 2 города — Санкт-Петербург и Москва соответственно более 5 млн человек и более 12 млн человек. Ближайшими кандидатами в число городов миллионников являются Краснодар, Саратов, Тюмень, Тольятти.

Следует заметить, что в российском законодательстве отсутствует четкое определение термина «мегаполис». В соответствии с Федераль-

ным законом от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Закон о МСУ), все муниципальные образования разделяются в правовом отношении на три типа: поселение (городское или сельское), муниципальный район, городской округ. Город-миллионник — это особый статус. Все города-миллионники (кроме городов федерального значения) по типу муниципального образования являются городскими округами. Соответственно деятельность вла-

стей в них регулируется соответствующими статьями Федерального закона №131-ФЗ. Москва, Санкт-Петербург и с 2014 г. Севастополь являются отдельными субъектами РФ, а на муниципальном уровне в них выделяются внутригородские административно-территориальные единицы, в которых действуют территориальные органы государственной власти федерального значения. Управление регламентируется Федеральными законами №131-ФЗ, №154-ФЗ, а также законами соответствующих субъектов РФ.

В 2016 году специалистами КБ «Стрелка» с целью изучить состояние городов и выявить их слабые места были выполнены расчеты индекса качества городской среды 1 112 российских городов, в том числе и 15 мегаполисов. В зависимости от итогового балла состоянию городской среды присваивалась соответствующая оценка: «плохое» (0–150 баллов), «удовлетворительное» (150–200), «хорошее» (201–250) и «исключитель-

ное» (251–300). Их расчеты показывают, что в 13 из 15 мегаполисов качество городской среды пока далеко не на должном уровне (оценка «плохая»), удовлетворительную оценку получил Санкт-Петербург, а «хорошую» только Москва. Однако при этом по обеспечению качественным жильем Москва по баллам (23 балла) находится на уровне Омска, Самары, Перми и Волгограда, которые по остальным показателям от нее значительно отстают.

Одной из важных задач является привлечение инвестиций в экономику городов, решение которой возможно путем формирования целенаправленной и комплексной инвестиционной политики. Большое значение для развития городов имеют и внебюджетные источники инвестиций. В таблице 3 приводятся сравнительные данные за период 2005–2016 гг. соотношений разных источников доходов над расходами городских бюджетов (необходимых компенсационных вложений).

Таблица 3. Отношение налоговых, неналоговых доходов и дотаций к общей сумме расходов бюджетов городов-миллионников, %

Города	Годы										
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Новосибирск	76,9	63,0	70,8	66,8	64,9	64,2	62,0	62,3	66,0	61,9	60,6
Екатеринбург	56,9	71,1	60,2	70,5	67,2	60,2	60,1	59,8	60,8	57,3	50,9
Нижний Новгород	76,2	73,3	63,6	57,0	61,9	55,8	56,5	62,9	62,7	50,0	42,6
Казань	57,9	64,4	71,2	71,9	70,2	33,5	50,3	65,6	61,2	60,5	58,7
Челябинск	56,3	47,0	54,6	56,1	56,6	64,3	47,2	45,4	41,0	37,2	37,3
Омск	70,3	70,6	72,6	68,0	73,7	70,4	67,2	62,6	48,2	52,4	49,0
Самара	65,9	75,9	80,7	87,7	86,2	79,8	68,5	69,0	60,2	59,5	57,4
Ростов-на-Дону	59,2	62,0	60,7	57,0	57,1	52,5	56,5	61,0	555,6	42,9	40,5
Уфа	75,7	76,1	73,6	58,7	62,4	73,4	64,5	48,3	56,7	55,3	52,4
Красноярск	57,2	52,8	60,3	59,9	63,1	61,1	45,2	49,6	54,8	57,4	55,7
Пермь	68,6	75,4	74,5	70,9	75,6	65,7	67,4	73,0	62,8	62,4	60,1
Воронеж	83,1	75,0	70,8	72,1	71,5	77,3	66,0	68,3	52,9	56,0	41,8
Волгоград	75,8	72,6	73,0	67,8	667,3	63,2	63,2	67,3	55,7	53,4	50,2
Москва	105,5	103,0	94,8	84,0	98,0	95,4	91,4	93,9	94,5	104,5	102,2
Санкт-Петербург	99,9	107,2	80,8	76,8	78,7	81,9	92,8	98,6	92,8	96,6	91,8

Примечание: значение показателя выше 100 % означает наличие бюджетного профицита (превышение доходов над расходами)

Источник: таблица составлена авторами по данным [Человек в мегаполисе, 2018; Кузнецова, 2018]

Одной Приведенные в таблице 3 данные свидетельствуют о падении доходов большинства мегаполисов в кризисные 2011–2012 гг. и в 2015–2016 гг., что говорит о необходимости обеспечить приток инвестиций в наиболее перспективные отрасли этих городов и дать возможность в полной мере использовать создаваемую ими стоимость и таким образом реализовывать их развитие.

Тем не менее российские города-миллионники

в 2017 году обеспечивали 32 % ВВП государства, при этом на Москву, приходится 54 % от общего вклада городов-миллионников, еще 15 % обеспечивает Санкт-Петербург, а 31 % — нестоличные города-миллионники. Валовой продукт столицы в расчете на душу населения более чем в два раза превосходит аналогичный показатель нестолических городов-миллионников (1,3 млн руб. против 0,5 млн руб. в 2017 году в текущих ценах) [Эконо-

мика городов-миллионников., 2019].

В 2017 году «Русский репортер» представил проект «Рейтинг российских мегаполисов». Рейтинг основан на сумме статистических данных, отражающих качество жизни, с одной стороны, и народного доверия (как к городу в целом, так и к отдельным аспектам жизни) — с другой. Одновременно со сбором статистических данных проводился опрос: почему жителям нравится или, наоборот, не нравится их город (Москва и Санкт-Петербург в рейтинге не участвовали). По их расчётам по общему индексу городского развития первые три места занимают Краснодар, Тюмень, Ростов-на-Дону. Наиболее обеспеченными по зарплате являются жители Тюмени, Хабаровска и Екатеринбурга (44–50 тыс. руб. в месяц), остальные мегаполисы имеют среднюю зарплату в пределах 36–39 тыс. руб. Самая высокая безработица в процентах от населения — в Уфе (0,54 %), Красноярске (0,42 %), Екатеринбурге и Перми (0,35 %). Самыми экологически грязными являются Ростов-на-Дону, Краснодар, Тюмень и Пермь (50–53 балла из 100).

Москва существенно опережает все города России, включая и Санкт-Петербург, по всем экономическим показателям: по объёму валового продукта — в 5 раз, по объёму бюджета — почти в 4 раза (по душевым доходам бюджета — в 1,5 раза), по среднедушевым денежным доходам населения — в 1,7 раза. Среднедушевые доходы населения Москвы на август 2017 г. по данным Мосгорстата составляют 67.678 руб., Санкт-Петербурга — 51 571 руб. [Зубаревич, 2012]. В целом же по России среднедушевой доход по данным Росстата составил на август 2017 г. 40 640 руб. При этом следует отметить, что с одной стороны в Москве среднедушевые доходы на сегодняшний день опережают общероссийский уровень в 1,7 раза, с другой — в городе сохраняется исключительно высокий уровень дифференциации доходов. До 30 % москвичей имеют доходы менее 60 % от среднего уровня, а это означает недопустимо высокий уровень в столице относительной бедности.

Однако сегодня, несмотря на достаточное количество негативных характеристик, мегаполисы России по сравнению с другими городами страны, остаются привлекательными для бизнеса и для проживания людей. Они являются лидерами технического прогресса, точками экономического роста, в них сосредоточена основная часть научно-технологического потенциала страны и от стратегии их развития во многом зависят темпы

прироста экономики страны; в целом они вносят высокий вклад в обеспечение экономической безопасности страны и определяют качественные стандарты уровня жизни народонаселения России.

Так, например, Москва как городская агломерация может на равных конкурировать с мировыми мегаполисами по уровню обеспеченности ресурсами (таланты, инфраструктура, финансирование). Она располагает 50 % научного потенциала страны. В столице функционируют 652 научно-производственные организации, 34 крупнейших государственных частных предприятий, 3 нанопарка, 30 технопарков, 1 технополис, 8 наукоградов, 2 особые экономические зоны технико-внедренческого типа «Зеленоград» и «Дубна», 5 государственных научных центров и др. По показателю доли занятых в НИОКР Москва (3,5 %) сопоставима с Парижем (3,8 %) и Берлином (3 %). По показателю доли компаний, осуществлявших технологические инновации, она достигла уровня Южной Кореи (19 %). В июне 2017 г. по результатам исследования корпорации PricewaterhouseCoopers Москва заняла 4 место по проценту готовности к внедрению инноваций — 53 %, у Шанхая — 55 %, у Лондона — 59 %, у Сингапура — 62 %¹ [Тихонов, 2016]. За Москвой значительно отставая по инновациям следуют Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск, Казань, Волгоград, Екатеринбург, Чебоксары, Нижний Новгород.

Заключение

Поданный авторами анализ позволяет выдвинуть следующую гипотезу, требующую более глубоких исследований: в условиях малонаселённости (как в России) территории страны равномерность расселённости лучше (положительно) влияет на такие показатели как ВВП на душу населения, технологическое развитие и качество жизни народонаселения страны, чем концентрация населения в нескольких крупнейших агломерациях, и это без учёта таких важных факторов, как обеспечение национальной (и экономической) безопасности и территориальной целостности малозаселённого государства.

¹ Москва заняла четвёртое место в мировом рейтинге готовности к новым технологиям // Cossa : [сайт]. URL: <http://www.cossa.ru/news/167329/>. Дата публикации: 07.07.2017 г.; ВСГ: Москва стремится стать одним из мегаполисов-лидеров в новой экономике // РИА-новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20180724/1525180760.html>. Дата публикации: 24.07.2018.

Список источников

1. Анимца, 2013 — Анимца Е. Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов / Е. Г. Анимца // *Ars Administrandi*. 2013. № 1. С. 82–96. ISSN: 2218-9173.
2. Бойкова, 2011 — Бойкова М. В. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций / М. В. Бойкова, И. Н. Ильина, М. Г. Салазкин // *Форсайт*. 2011. Т. 5. № 4. С. 32–48. doi: 10.17323/1995-459X.2011.4.32.48
3. Всесоюзная перепись., 1927–1929 — Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки / издание ЦУ Союза ССР. Москва, 1927–1929. 10 т.
4. Миронов, 2012 — Миронов Б. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации / Б. Миронов // *Отечественные записки*. 2012. № 3 (48). С. 259–276. ISSN: 1683-5581.
5. Доклад о городах мира, 2016 — Доклад о городах мира, 2016 год: урбанизация и развитие: зарождающееся будущее // Осуществление решений Конференции ООН по населенным пунктам Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию и укрепление Программы ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) : Доклад Генерального секретаря ООН на 71 сессии Генеральной Ассамблеи / ООН. 2016. 29 с. С. 7, п. С. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/71/347>. Дата публикации: 19.08.2016.
6. Доклад о Целях., 2018 — Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2018 год / ООН. Нью-Йорк, 2018. 38 с. e-ISBN: 978-92-1-363322-9. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2018-RU.pdf>.
7. Зубаревич, 2012 — Зубаревич Н. Социальная дифференциация регионов и городов / Н. Зубаревич // *Pro et contra*. 2012. Т. 16. № 4–5. С. 135–152 с. ISSN: 1560-8913.
8. Кузнецова, 2018 — Кузнецова О. В. Бюджетные возможности городов-миллионников в России как фактор их социально-экономического развития / О. В. Кузнецова // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2018. № 4. С. 75-82. ISSN: 0579-9414.
9. Портер, 2010 — Портер М. Конкуренция / М. Портер. Перевод с английского. Москва : Вильямс, 2010. 592 с. ISBN: 978-5-8459-1584-9.
10. Тихонов, 2016 — Тихонов В. А. Проблемы и особенности форм и видов организации инновационной деятельности в мегаполисе / В. А. Тихонов // *Вестник университета*. 2016. №10. С.164–170. ISSN: 1816-4277.
11. Федякин, 2013 — Федякин И. В. Мегаполис как объект политологического исследования / И. В. Федякин // *Мир и политика*. 2013, октябрь. С. 207–221. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Sientist/2013_10/11.pdf.
12. Человек в мегаполисе, 2018 — Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования / Под ред Б. А. Ревича и О. В. Кузнецовой. Москва : Ленанд, 2018. 640 с. ISBN 978-5-9710-5911-0.
13. Экономика городов-миллионников., 2019 — Экономика городов-миллионников: право на развитие / ООО «КБ Стрелка». 2019. 77 с. // *Strelka-KB* : [сайт]. URL: <https://media.strelka-kb.com/gdpcities> (дата обращения: 01.09.2020 г.).
14. Demographia., 2019 — Demographia World Urban Areas. Annual Edition: 2019. URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (дата обращения: 01.06.2020 г.).
15. Friedmann, 1986 — Friedmann J. The World City Hypothesis / J. Friedmann// *Development and Change*. 1986. Vol. 17. Iss. 1. Pp. 69-83. doi: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x.
16. Hall, 1966 — Hall P. The World Cities / P. Hall. New York : McGraw-Hill, 1966.
17. Sassen, 2001 — Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo / S. Sassen, R. S. Lynd. 447 p. Princeton : Princeton University Press, 2001. ISBN: 9780691070636.
18. The Competitiveness of Cities, 2014 — The Competitiveness of Cities : A report of the Global Agenda Council on Competitiveness / World Economic Forum. Geneva : World Economic Forum Publ., 2014. 60 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_CompetitivenessOfCities_Report_2014.pdf.

References

1. Animitsa E. G. Krupneyshiyе goroda Rossii v kontekste global'nykh urbanizatsionnykh protsessov [The largest cities of Russia in the context of global urbanization processes] E. G. Animitsa. *Ars Administrandi*. 2013. No. 1. P. 82–96. ISSN: 2218-9173 (in Russian).
2. Boykova M. V. Budushcheye gorodov: goroda kak agenty globalizatsii i innovatsiy / M. V. Boykova, I. N. Il'ina, M. G. Salazkin [The future of cities: cities as agents of globalization and innovation]. M. V. Boykova, I. N. Ilyina, M. G. Salazkin. *Forsyth*. 2011. T. 5. No. 4. P. 32–48. doi: 10.17323/1995-459X.2011.4.32.48 (in Russian).

3. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. : kratkiye svodki* [All-Union population census on December 17, 1926 : brief summaries]. Publication of the Central Administration of the USSR. Moscow, 1927–1929. 10 v. (in Russian).
4. Mironov B. Gorod iz derevni: chetyresta let rossiyskoy urbanizatsii [City from a village: four hundred years of Russian urbanization]. B. Mironov. *Otechestvennye zapiski*. 2012. No. 3 (48). Pp. 259–276. ISSN: 1683-5581 (in Russian).
5. World Cities Report 2016: Urbanization and Development: An Emerging Future. *Implementation of the UN Conference on Human Settlements of the UN Conference on Housing and Sustainable Urban Development and Strengthening the UN Human Settlements Program (UN-Habitat)* : Report of the UN Secretary General at 71 session of the General Assembly. UN, 2016. 29 p. P. 7, p. C. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/71/347>. Date of publication: 08/19/2016 (in Russian).
6. *Sustainable Development Goals Report 2018*. UN. New York, 2018. 38p. e-ISBN: 978-92-1-363322-9. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2018-EN.pdf> (in Russian).
7. Zubarevich N. Sotsial'naya differentsiatsiya regionov i gorodov [Social differentiation of regions and cities]. N. Zubarevich. *Pro et contra*. 2012. T. 16. No. 4–5. P. 135–152 p. ISSN: 1560-8913 (in Russian).
8. Kuznetsova O. V. Budget capacities of million-plus cities as a factor of their social-economic development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2018; (4): 75-82. ISSN: 0579-9414 (in Russian).
9. Porter M. *Konkurentsia* [Competition]. M. Porter. Translation from English. Moscow: Williams, 2010. 592 p. ISBN: 978-5-8459-1584-9 (in Russian).
10. Tikhonov V. A. Problemy i osobennosti form i vidov organizatsii innovatsionnoy deyatelnosti v megapolise [Problems and features of forms and types of organization of innovative activity in a megapolis]. V. A. Tikhonov. *Vestnik universiteta*. 2016. No. 10. Pp. 164–170. ISSN: 1816-4277 (in Russian).
11. Fedyakin I. V. Megapolis kak ob"yekt politologicheskogo issledovaniya [Megapolis as an object of political science research]. I. V. Fedyakin. *Mir i politika* [World and Politics]. 2013, October. Pp. 207–221. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Sientist/2013_10/11.pdf (in Russian).
12. *Chelovek v megapolise: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Man in the metropolis: the experience of interdisciplinary research]. Edited by B. A. Revich and O. V. Kuznetsova. Moscow: Lenand Publ., 2018. 640 p. ISBN 978-5-9710-5911-0 (in Russian).
13. *Ekonomika gorodov-millionnikov: pravo na razvitiye* [Economy of cities with a population of one million: the right to development]. KB Strelka LLC. 2019. 77 p. *Strelka-KB* : [website]. URL: <https://media.strelka-kb.com/gdpcities> (accessed: 09/01/2020) (in Russian).
14. *Demographia World Urban Areas. Annual Edition: 2019*. URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (accessed: 06/01/2020 г.).
15. Friedmann J. The World City Hypothesis. J. Friedmann. *Development and Change*. 1986. Vol. 17. Iss. 1. Pp. 69–83. doi: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x.
16. Hall P. *The World Cities*. P. Hall. New York : McGraw-Hill, 1966.
17. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. S. Sassen, R. S. Lynd. 447 p. Princeton : Princeton University Press, 2001. ISBN: 9780691070636.
18. *The Competitiveness of Cities : A report of the Global Agenda Council on Competitiveness*. World Economic Forum. Geneva : World Economic Forum Publ., 2014. 60 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_CompetitivenessOfCities_Report_2014.pdf.

Информация об авторах:

Моргунов Евгений Владимирович — кандидат экономических наук, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Нахимовский проспект, 32, Москва, 117218, Россия. РИНЦ AuthorID: 86043; ResearcherID (WoS): E-2462-2018.

Чернявский Сергей Владимирович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН (ИПР РАН), Нахимовский пр., 47, Москва, 117418, Россия; профессор кафедры теории и систем отраслевого управления Института отраслевого менеджмента РАНХиГС, Проспект Вернадского, 82, стр. 4, корпус 3, Москва, 119571, Россия. РИНЦ AuthorID: 637860; ResearcherID (WoS): B-2780-2018.

Шутов Олег Леонтьевич — кандидат экономических наук, директор Кубанского института профессионального образования, ул. Садовая, 218, Краснодар, Краснодарский край, 350000, Россия.

Information about the authors:

Morgunov Evgeniy V. – Cand. Sci. (Econ). Head of laboratory. ISESP FCTAS RAS, 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russia. RSCI AuthorID: 86043; ResearcherID (WoS): E-2462-2018.

Chernyavskiy Sergey V. – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of market problems of RAS, 47 Nakhimovsky prospect,

Moscow, 117418, Russia; professor, Institute of Industry Management, RANEPА, 82/4 build. 3 Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russia.

Shutov Oleg L. – Candidate of Sci. (Econ.), Director of the Kuban Institute of Professional Education, 218 Sadovaya st., Krasnodar, Krasnodar region, 350000, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020; одобрена после рецензирования 22.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.

The article was submitted 09/02/2020; approved after reviewing 09/22/2020; accepted for publication 12/02/2020.

МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС · MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 112–120.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 112–120.

Научная статья

УДК 331.1

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.12

Проблемы и пути развития системы стратегического управления в ОПК

Катрина Бениковна Доброва

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ, Москва, Россия
kdobrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7249-0924>

Аннотация. Статья посвящена обсуждению принципиальных путей развития системы стратегического управления в ОПК. Главная проблема сегодня — в глубоком несоответствии действующих методов и механизмов стратегического управления ОПК новым жестким внешним условиям, связанным с санкциями, с ускорением НТП, с необходимостью перехода ОПК к инновационному развитию, с развитием процессов военно-гражданской интеграции. Показаны пути создания перспективной системы управления ОПК, соответствующей новым требованиям.

Ключевые слова: жизненный цикл, стратегическое управление, ресурсное обеспечение, закупки, инновационно-эффективная среда, военно-гражданская интеграция.

Для цитирования: Доброва К. Б. Проблемы и пути развития системы стратегического управления в ОПК / К. Б. Доброва // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 112–120. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.12

JEL: J 80

Original article

Problems and ways of development of the strategic management system in the defense industry

Katrina B. Dobrova

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia
kdobrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7249-0924>

Abstract. The article is devoted to the discussion of the fundamental ways of developing the strategic management system in the defense industry. The main problem today is a deep inconsistency of the existing methods and mechanisms of strategic management of the defense industry with the new harsh external conditions associated with sanctions, with the acceleration of scientific and technological progress, with the need for the defense industry to transition to innovative development, with the development of civil-military integration processes. The ways of creating a promising defense industry management system that meet the new requirements are shown.

Key words: life cycle, strategic management, resource provision, procurement, innovation and efficiency environment, civil-military integration.

For citation: Dobrova K. B. Problems and ways of development of the strategic management system in the defense industry. K. B. Dobrova. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 112–120. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.12

JEL: J 80

Кардинальность экономических и социально-политических изменений в Российской Федерации за последние годы оказали существенное воздействие на уровень организации состояния и развития отраслей и предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России. Во время функционирования СССР развитие ОПК основывалось, в основном, на экстенсивном пути и на основе механизмов внешнего административного централизованного государственного управления ОПК. Главенствующие принципы этого такого влияния выступали: пер-

востепенное финансово-бюджетное, кадровое, материально-техническое обеспечение оборонного комплекса, а также организация прямого административного и строго централизованного управления государственными структурами — заказчиков и потребителей выпускаемой продукции ОПК.

На рубеже XX–XXI вв., в период выживания, ни о каких приоритетах ОПК речь уже не шла. Кроме этого, в результате катастрофического сокращения и отсутствия стабильности в финансировании оборонных программ предприятия ОПК. В значительной степени утратили свой уникальный научно-технический, про-

изводственный, кадровый и инновационный потенциал. С середины нулевых все острее стала осознаваться необходимость выбора и реализации стратегий развития отраслей и предприятий ОПК. Стали актуальны проблемы поисков критериев эффективности, организации и перспективного развития предприятий, вопросы управления инновационным и инвестиционным развитием государства и государственного-частного партнерства в развитии отраслей и предприятий ОПК, методов ценообразования на конечную продукцию ОПК, организации инвестиционных проектов по дальнейшему развитию предприятий ОПК.

об адекватности традиционных методов оценки эффективности, управления развитием отраслей ОПК, ориентирующихся в основном не на будущие потребности с учетом всех рисков и неопределенностей, а на прошлый опыт, на развитие вооружений и военной техники (ВВТ), а также ОПК «от достигнутого».

Принципиальный вывод: нужно ориентироваться на новые стратегии. И дело не только в неприемлемости прежних методов в условиях жесткого бюджета. Главная проблема — сильно изменились сами внешние условия, определяющие совершенно новые требования к системе стратегического управления ОПК. Обзор этих условий и требований приведен в таблице 1.

При этом вполне обоснованно встал вопрос

Таблица 1. Новые требования к системе стратегического управления отраслями и предприятиями ОПК

Реальное состояние	Новые условия	Новые требования
Ориентация системы управления ОПК на критерий минимизации издержек производства при заданном качестве продукции в стабильных условиях специализированного производства мало изменяющейся продукции	Ускорение научно-технического прогресса (НТП) и темпов морального старения ВВТ, санкции, ограниченность бюджета. Нестабильные внешние условия. Развитие процессов военно-гражданской интеграции (ВГИ), систем управления жизненным циклом (ЖЦ) ВВТ	Ориентация системы управления ОПК на критерий конечной эффективности продукции по всему ее ЖЦ, на постоянные продукто-технологические и производственно-технологические инновации, на нестабильные внешние условия
Единство методов управления по всем отраслям и предприятиям ОПК	Дифференциация темпов НТП по разным видам ВВТ и отраслям ОПК	Дифференциация методов управления по разным отраслям и предприятиям ОПК
Опора в методах управления на контроль целевых показателей в стабильной системе управления	Усложнение ВВТ, военных технологий, переход к технологическим укладам плодотворных и изменчивых технологий	Перенос акцентов в управлении на методы опережающего планирования, прогнозирования и адаптации
Акцент на контроль целевого расходования средств	Усложнение управляемых систем, внешних условий	Акцент на контроль эффективного расходования средств
Развитие подсистем управления через специализацию по методам управления, критериям, информации	Необходимость интеграции рычагов управления, развитие процессов ВГИ, интеграции решений по ЖЦ ВВТ	Развитие подсистем управления через интеграцию по методам управления, критериям, информации
Ценообразование от затрат, единый метод ценообразования для всех видов продукции ОПК, жесткие фиксированные цены	Дифференциация темпов НТП и темпов морального старения ВВТ по разным видам ВВТ и отраслям ОПК, усложнение ВВТ, процессов производства	Ценообразование от затрат для стабильной продукции, от эффективности — для инновационной продукции, гибкие стимулирующие цены
Оценка затрат бухгалтерскими методами без учета фактора времени	Рост длительности контрактов и проектов в ОПК, рост капиталоемкости продукции ОПК	Оценка затрат инвестиционными методами с учетом фактора времени
ОПК как проект государства, оцениваемый критерием минимума затрат на производство ВВТ и управляемый линейно-функциональными методами	Усложнение продукции ОПК и процессов ЖЦ ВВТ, развитие процессов ВГИ, интеграции решений по ЖЦ ВВТ, рост капиталоемкости продукции ОПК, нерыночный характер ОПК	ОПК как проект государства, требующий оценки и управления методами инвестиционного анализа, проектного и программного управления с учетом всего ЖЦ ВВТ
Акцент на методы и формы административного регулирования	Усложнение ВВТ, ускорение НТП, усложнение процессов ЖЦ ВВТ, процессы ВГИ	Акцент на методы и формы экономического, контрактно-ценового регулирования

Реальное состояние	Новые условия	Новые требования
Закупки продукции ОПК через псевдоконкурсы и псевдоаукционы, неразвитость контрактной системы для ГОЗ, рассмотрение ситуации единственного поставщика как вырожденно-простейшей	Усложнение продукции ОПК и процессов ЖЦ ВВТ, развитие процессов ВГИ, интеграции решений по ЖЦ ВВТ, рост капиталоемкости продукции ОПК, нерыночный характер ОПК (сочетание монополий производителей и заказчиков)	Закупки продукции ОПК через реальные конкурсы и аукционы, создание развитой современной контрактной системы для ГОЗ, рассмотрение ситуации единственного поставщика как самой сложной и ответственной
Административный характер решений и оценки их эффективности при создании и развитии интегрированных структур в ОПК	Усложнение продукции ОПК, развитие процессов ВГИ, интеграции решений по ЖЦ ВВТ, рост капиталоемкости продукции ОПК, нерыночный характер ОПК	Экономический характер решений и оценки их эффективности при создании и развитии интегрированных структур в ОПК
Схема бюджетирования — от планируемых затрат, кассовый принцип формирования бюджетов	Усложнение ВВТ, ускорение НТП, усложнение процессов ЖЦ ВВТ, процессы ВГИ, санкции, ограниченность бюджета	Схема бюджетирования — от результатов и эффективности, принцип формирования бюджетов — по начислению

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

Вывод из анализа состояния проблемы — имеющиеся кардинальные противоречия между существующими способами, формам текущего и стратегического планирования, неэффективного управления развитием ОПК и реалиями нового этапа технологического развития ВВТ и ОПК и вызовами внешней среды. Как следствие этих противоречий, растут издержки в ОПК и по ЖЦ ВВТ, падает эффективность ВВТ, затрудняются процессы военно-гражданской интеграции, распространения двойных технологий. Организация системы управления в ОПК на сегодняшний день неспособна оперативно реагировать на динамику изменений, происходящих на уровне технологического базиса ОПК, а значит и эффективно принимать управленческие решения в области развития этого базиса, его интеграцией с технологическим базисом гражданских отраслей.

Представляется, что системы управления развитием отраслей и предприятий ОПК должны базироваться на следующих принципах.

1. Должна быть учтена основная функция отраслей и предприятий ОПК — обеспечение в достаточном размере оборонных потребностей государства, причем не только и не столько в закупке продукции отрасли для текущих нужд обороны, сколько в обеспечении ее высокого инновационного и производственно-технологического потенциала для обеспечения высоких мобилизационных возможностей ОПК, высоких темпов ее развития.

2. Должен быть обеспечен переход отраслей и предприятий ОПК на инновационный, интенсивный путь развития, обеспечивающий развитие предприятий ОПК в современных сложных экономических условиях.

3. Государственные институты должны участвовать в разработке и внедрении внешней микроэкономической политики, политики управления предприятиями ОПК, как основной заказчик продукции оборонного комплекса, так и как основной собственник большинства предприятий ОПК.

В качестве основных элементов такой политики могут быть следующие составляющие:

- ясная и прозрачная политика организации ресурсного обеспечения оперативных закупок по госзаданию и по военно-техническому сотрудничеству продукции ОПК;
- обеспечение эффективной среды функционирования отраслей и предприятий ОПК (налоговой, кредитной, имущественной и т. д.);
- привлечение инвестиций (государственных, внутриотраслевых, внешних) в развитие инновационного и производственно-технологического потенциала отраслей и предприятий ОПК;
- управления в рамках самих отраслей и предприятий ОПК;
- формирование эффективной инновационной среды на рынках закупок и ценообразования на произведенную продукцию ОПК.

Основными задачами стратегического управления развитием отраслей и предприятий ОПК должны быть:

- формирование оптимальных механизмов и стимулов, обеспечивающих интенсивное инновационное развитие отраслей и предприятий ОПК в современных условиях;
- организация условий для обеспечения эф-

фактивности механизмов оптимального ресурсного обеспечения текущих закупок выпускаемой инновационной продукции отраслей и предприятий ОПК;

- методов разрешения многообразных функциональных и системных проблем стратегии развития отраслей и предприятий ОПК.

Очень важным условием развития ОПК становится не только текущий прирост экономических результатов предприятий, но и формирование новых экономических институтов, новых устойчивых ожиданий предприятий ОПК, новых устойчивых отраслевых тенденций развития.

Будущее, при этом, должно стать сопоставимым с настоящим, инвестиционные риски должны стать сравнимыми с текущими. Инвестиционная политика ОПК, как и других отраслей, на-

правляемая и регулируемая экономическими и стимулами государства, должна стать внятной и эффективной [Клейнер, 2007; Клейнер, 2010; Полтерович, 2005]. Управление ОПК должно обеспечивать при этом не только текущую эффективность предприятий, но и обеспечение потенциала этой эффективности. Этот потенциал должен оцениваться с учетом накопления и использования инноваций, с учетом устойчивости предприятий к различным внешним и внутренним рискам, с учетом возможности обеспечения эффективной работы отраслей в условиях неустойчивой и нестабильной внешней среды.

Характерные черты облика перспективной системы стратегического управления отраслями и предприятиями ОПК, соответствующей новым требованиям, показаны в таблице 2.

Таблица 2. Характерные черты перспективной системы стратегического управления отраслями и предприятиями ОПК

Элементы стратегии	Содержание
1. Дифференциация стратегий и методов управления по разным стратегическим зонам продукции и технологий ВВТ	Разделение стратегий, методов управления и инновационной политики по зонам стабильной продукции, продукции с «продуктовыми» инновациями, продукции с технологическими инновациями. Для первой зоны — акцент на организационно-производственные инновации по снижению издержек, для третьей — акцент на инновации в сфере технологий ВВТ по повышению военно-экономической эффективности ВВТ, для второй — применение смешанных стратегий
2. Акцент на косвенные экономические формы регулирования в ОПК	Перенос акцента с методов нормативно-технического и административного управления на методы экономического регулирования через цены, налоги, инвестиции, гарантии, формы экономической поддержки, с методов административного контроля действий на методы контроля и поощрения результатов и эффективности
3. Инвестиционные подходы при оценке затрат, эффективности решений, при обосновании цен, при управлении ОПК	Оценка любых вложений и издержек в ОПК, в закупки продукции ОПК как инвестиций, а результатов функционирования ОПК в форме выпуска, развития ВВТ, обеспечения эффективности системы ВВТ — как эффективности этих инвестиций. Рассмотрение коммерческой эффективности предприятий ОПК как эффективности их участия в инвестиционных проектах по развитию ОПК, закупкам ВВТ, управлению ЖЦ ВВТ. Перенос акцентов с методов ведомственного и отраслевого управления на методы проектно-инвестиционного управления
4. Перенос акцента от методов экстраполяционного планирования на методы ситуационного адаптивного планирования	Вместо методов экстраполяционного планирования развития ОПК «от достигнутого», от ресурсов — планирование развития ОПК от конечной эффективности разрабатываемой и производимой продукции. Нацеленность планирования на инновации, на постоянную адаптацию к изменяющимся внешним условиям. Акцент не на текущую оценку эффективности решений, а на стратегическую оценку потенциала этой эффективности
5. Развитие контрактной системы в ОПК на принципах баланса прав и ответственности, экономического регулирования	Отказ от норм ФЗ-44 для сферы ГОЗ, создание для ГОЗ специальной, контрактной системы. Строгое разделение полномочий и ответственности между заказчиками и исполнителями контрактов в ОПК. Система закупок ВВТ, учитывающая особенности продукции ОПК (ее нерыночный характер, уровень ее инновационности, сложности т. д.). Четкое закрепление в контрактах экономических требований и стимулов для исполнителей контрактов по ГОЗ
6. Активное участие предприятий ОПК в обеспечении эффективности ЖЦ ВВТ	Расширение и углубление ответственности и стимулов для предприятий ОПК в части обеспечения эффективности ЖЦ ВВТ по видам ВВТ (от разработок до снятия с производства), партий ВВТ (от выпуска до утилизации). Развитие контрактных форм сопровождения предприятиями ОПК ЖЦ ВВТ, вплоть до введения контрактов ЖЦ ВВТ

Элементы стратегии	Содержание
7. Развитие процессов военно-гражданской интеграции, распространения двойных технологий	Использование возможностей ВГИ, применения двойных технологий, диверсификации производства для повышения эффективности ОПК, обеспечения импортной независимости предприятий ОПК. Развитие процессов распространения двойных технологий spin-on и spin-off между ОПК и гражданскими отраслями. Развитие лицензионной политики, политики учета и защиты интеллектуальной собственности в ОПК
8. Ценообразование от эффективности выпускаемой продукции	Цены для стабильной продукции — от инвестиционной оценки затрат и доходов производителей с учетом их динамики, рисков, стимулов по снижению издержек. Цены для инновационной продукции — от инвестиционной оценки ее эффективности. Цены на контракты ЖЦ — от инвестиционной оценки эффективности ЖЦ [4]
9. Развитие системы инвестирования в ОПК, финансирования ОПК	Детальная оценка эффективности инвестиций в ОПК развитыми методами инвестиционного анализа. Политика привлечения внешних инвестиций в развитие ОПК. Проектные методы в реализации инвестиций. Инвестиционное обоснование режимов финансирования ОПК. Перенос акцента в контроле с целевого на эффективное расходование средств
10. Развитие интегрированных структур (ИС) — органов экономического управления ОПК	Оценка эффективности ИС с позиции их конечной эффективности. Регулирование трансфертного ценообразования в ИС ОПК. Институциональные методы оценки эффективности ИС через сопоставление трансакционных издержек рыночного регулирования и прямого управления. Система экономического управления в рамках ИС ОПК.
11. Акцент на развитие интеграционных процессов в системе управления ОПК	От развития систем управления в ОПК по пути специализации — к их развитию по пути интеграции. Интеграция решений в ФЦП по развитию ОПК и в ГПВ, интеграция решений по ЖЦ ВВТ, интеграция в сфере двойных технологий, интеграция ценовой, финансовой, бюджетной, инвестиционной и технической политики.

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

Но на пути создания новой системы управления отраслями и предприятиями ОПК немало сложностей. Одна из них — неприемлемость для них типичных для рыночных секторов механизмов технологического развития, основанные на принципах самоорганизации и саморазвития

Для современных отраслей оборонной промышленности во всех развитых странах характерно наличие форм весьма несовершенной конкуренции, наличие монополистов-производителей. Более того, по своей сути рынок военной продукции не только монополистический, но и монополистический, характеризующийся фактически одним потребителем — заказчиком, самостоятельно определяющим свои потребности. Таким образом драйвером прогресса и развития технологических новаций в военно-ориентированных отраслях является не только рынок, но и потребности заказчиков военной продукции, реализуемые через различные системы программного планирования и управления развитием ВВТ.

Сущность и структура подобных систем в большинстве передовых странах одинакова. В основе их лежит создание инструментов выявления главных потребностей в различных видах ВВТ, трендов динамики этих потребностей и удовлетворяющих эти потребности технологий и изделий, с созданием организационных систем фи-

нансирования оборонных целей, систем управления разработками и закупками ВВТ. По сути, эти системы как бы выполняют роль действующих в гражданских секторах рыночных механизмов развития технологий. Однако показатели реальной эффективности этих систем, как правило, несколько меньше эффективности рыночных механизмов организации процессов стимулирования и саморазвития [Ansoff, 1982; Мартино, 1977].

Это обусловлено, во-первых, с доминирующим монопольным влиянием субъектов военно-ориентированных отраслей промышленности, во-вторых, с монопольным положением частных видовых заказчиков ВВТ, далеко не всегда мотивированных во внедрении распространении собственных технологических достижений в аналогично-смежные, возможно и даже преимущественно военные отрасли, и, в-третьих, с некоторой «замедленностью» имеющихся организационно-экономических механизмов программного планирования и управления развитием ВВТ. По результатам действия этих причин актуальные задачи технологического развития технологического оборонного комплекса находятся в стагнации. Это характерно для военно-ориентированных отраслей всех развитых стран.

В технологическом базисе военно-ориентированных отраслей в развитых странах явно на-

блюдается нарастание изменчивости технологий, нарастают тенденции интеграции и диффузии технологий. А системы управления отраслями, системы управления развитием и закупками ВВТ этого часто «не замечает» [Федорович, 2013]. Как следствие, фактически формирующиеся цены и затраты на ВВТ часто очень далеки от прогнозируемых, а реальная эффективность и ВВТ, и военного производства часто не совпадает с расчетной.

Вполне аналогичные недостатки можно отметить и в отечественной системе планирования и управления развитием ВВТ и ОПК. Системы управления оказываются неспособными адекватно реагировать на изменения, происходящие на уровне технологического базиса оборонного комплекса, и, соответственно, эффективно управлять развитием этого базиса, его интеграцией с технологическим базисом гражданских отраслей.

И главным моментом становится формулировка и реализация новых стратегий в управлении функционированием и развитием ОПК. А в этой связи тоже есть вопросы. Их суть в том, что проблемы развития систем управления в ОПК необходимо рассматривать в свете общих тенденций и процессов изменения условий отраслевого управления в стране в целом и в связи с развитием систем отраслевого управления в гражданских отраслях.

До 1992 г. фонды всех отраслей принадлежали государству. Производство планировалось и управлялось Госпланом, министерствами в рамках единой централизованной системы административного управления, инвестирования средств в развитие экономики. Система была неэффективной, неинновационной, но достаточно целостной.

В 1990 г. была ликвидирована старая структура отраслевого управления. Это привело к дезорганизации большинства отраслевых рынков. Вместо репрофилирования министерств в центры по анализу и индикативному регулированию отраслевых рынков, они были либо ликвидированы, либо превратились в некие управляющие центры с весьма неясными функциями.

Отраслевые комплексы превратились в совокупности предприятий с частным и частично — с государственным капиталом. Были нарушены многие технологические цепочки отраслей. Именно это стало главным препятствием разви-

тия многих отраслей. Можно выделить некоторые важные следствия нарушения технологических цепочек отраслей [Мезоэкономика развития, 2011]:

- затрудненность развития конкуренции производителей;
- низкий уровень взаимного доверия субъектов отраслей и, как следствие, резкое снижение инвестиционной активности производителей;
- резкое отставание инновационных процессов от процессов производства, явное превалирование факторов экстенсивного развития;
- снижение уровня интенсивности межотраслевых взаимодействий;
- нарушение воспроизводственного цикла производства предприятий;
- исчезновение потенциальных «точек роста» отраслей, и; как следствие, — снижение эффективности локальных проектов и невозможность перехода к так называемой «проектной экономике» [Макаров, 2010].

Многие попытки улучшения систем отраслевого регулирования за счет различных макроэкономических регуляторов (налоговых, ценовых, инвестиционных) ни к чему реальному в период 1990–начала 2000 гг. так и не привели. Отрасли из единых регулируемых комплексов начали превращаться достаточно размытые структурные элементы экономики.

Место внешнего государственного регулирования стали занимать процессы самоорганизации частных производителей, посредников, инвесторов, но никак не внешнего государственного управления. Выделяют характерные условия функционирования экономики этот период [Дементьев, 2002]:

- неустановившийся характер рынков;
- возрастание роли плохо прогнозируемых несистематических рисков;
- нарастание расхождений между реальной стоимостью ценных бумаг, недвижимости и номинальной оценкой их стоимости;
- высокий уровень, неравномерность и неоднородность инфляции;
- неустойчивость банковской системы (высокие и нестабильные ставки, доминирование коротких кредитов);
- полная неразвитость системы кредитова-

ния реального производства, проектного кредитования;

- высокая стоимость капитала, смещение соотношений стоимостей собственного и заемного капитала.

В конце 1990-х — начале нулевых годов началось становление некоторых структур управления отраслями. Отрасли начали регулироваться как определенные системные комплексы. Получили развитие новые мезоэкономические структуры отраслей — холдинги и другие интегрированные структуры, ассоциации производителей и т. д.

Все эти особенности, типичные для всех отраслей, имеют некоторые особенности для ОПК. К ним, прежде всего, можно отнести следующие:

- большее сохранение технологических цепочек производителей и механизмов отраслевого управления в период кризиса;
- более высокий уровень снижения финансирования предприятий ОПК (вследствие их нерыночного характера);
- устойчивая консервация старых путей экстенсивного развития и административных методов управления (вследствие сохранившихся механизмов прежнего отраслевого управления).

Одна из наиболее ярких особенностей ОПК — высокая роль корпораций как типичных для ОПК интегрированных структур отраслевого управления. В целом, следует подчеркнуть, тенденция развития в ОПК таких структур вполне объективна, но для того, чтобы управление отраслями с помощью интегрированных отраслевых структур было эффективным, необходимо соблюдение ряда ключевых условий.

В условиях рынка совершенной конкуренции схема управления производством и его развитием вполне понятна. Рынок задает цену спроса, и задача производителя — быстрая и адекватная реакция на эту цену.

В стабильных отраслях цена спроса, как правило, достаточно устойчива, и конкуренция производителей развивается больше по пути экономии издержек. В отраслях со сложной многоуровневой системой взаимоотношений потребителей и производителей определяющее значение имеет изменяющаяся цена спроса. Конкуренция здесь развивается в основном по пути отслеживания и реакции на изменения цен спроса. И схемы

управления в этих отраслях должны быть весьма разными.

Управление в ОПК как в отраслях нерыночной природы с помощью интегрированных отраслевых структур может быть признано эффективным, если механизмы управления будут:

- достаточно успешно выполнять функции рынка в части определения цен спроса потребителей и цен производителей;
- обеспечивать условия и стимулы для быстрой и эффективной реакции разработчиков и производителей на изменение цен спроса, на потребности в снижении издержек производства, обеспечивать быстрое и эффективное уравнивание цен спроса и предложения;
- обеспечивать наиболее эффективное общественное использование инвестиционных ресурсов, направляемых на развитие регулируемых отраслей и отдельных предприятий;
- обеспечивать приемлемый уровень издержек управления регулируемых отраслей и предприятий, меньший, чем издержки рыночных трансакций.

Одним из ключевых вопросов при этом становится применение развитых методов инвестиционного анализа для обоснования текущих управленческих решений и для обоснования самих систем корпоративного управления отраслями через интегрированные отраслевые структуры. Базовыми требованиями к этим методам можно считать следующие:

а) возможность адекватной абсолютной и относительной оценки эффективности инвестиционных решений по развитию регулируемых отраслей и предприятий, а также текущих управленческих решений;

б) возможность адекватной инвестиционной оценки цен спроса, предложения, эффективных равновесных цен на продукцию;

в) возможность адекватной инвестиционной оценки эффективности самих систем корпоративного управления, в том числе эффективность систем закупки продукции регулируемых отраслей и предприятий.

К сожалению, таких оценок для создаваемых и функционирующих в ОПК интегрированных структур никто не проводит.

В целом можно резюмировать, что давно наз-

ревшие проблемы создания эффективной системы управления в ОПК вполне могут быть решены, но для этого требуется очень серьезная подготовка. И главная опасность при этом — продолжение политики частных несвязанных улучшений в частных подсистемах управления, новых непрерывных штопок тришкиного кафтана.

Новая система стратегического управления в ОПК должна потребовать решительной ломки стереотипов, коренной структурной реорганизации все подсистем. Она также потребует разработки адекватного ей методического и аппарата, создания необходимой нормативно-правовой базы, глубокой перестройки организационных структур управления.

С институциональной точки зрения следует учитывать важное обстоятельство. Система стратегического управления ОПК не может создаваться путем совершенствования по отдель-

ности частных ее подсистем. Это — абсолютно тупиковый путь. Она должна создаваться при условии соответствующих изменений в системах программного планирования развития ВВТ, разработки и реализации ГОЗ, финансирования, бюджетирования, ценообразования, контрактации, постановки ВВТ на производство и т. д.

Можно констатировать — необходимо глубокое реформирование системы стратегического управления ОПК на принципах комплексного применения институциональных и инвестиционных подходов, методов военно-экономического анализа, экономического инжиниринга и оптимизации. А это означает необходимость разработки и реализации на государственном уровне целостного инновационно-институционального проекта реформирования системы управления для ОПК.

Список источников

1. Дементьев, 2002 — *Дементьев В. Е.* Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория / В. Е. Дементьев // *Российский экономический журнал = Russian Economic Journal*. 2002. № 4. С. 71–82. ISSN: 0130-9757.
2. Клейнер, 2010 — *Клейнер Г. Б.* Развитие теории экономических систем и ее применение в корпоративном и стратегическом управлении / Г. Б. Клейнер. Препринт # WP/99/2010. Москва : ЦЭМИ РАН, 2010. 47 с.
3. Клейнер, 2007 — *Клейнер Г. Б.* Системная парадигма и экономическая политика / Г. Б. Клейнер // *Общественные науки и современность = Social sciences and contemporary world*. 2007. № 2, с. 141–149; № 3, с. 99–114. ISSN: 0869-0499.
4. Макаров, 2010 — *Макаров В. Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов / В. Л. Макаров [и др.]. Москва : Бизнес-Атлас, 2010. 272 с. ISBN 978-5-9900421-5-5.
5. Мартино, 1977 — *Мартино Д.* Технологическое прогнозирование. Москва : Прогресс, 1977. 592 с.
6. Мезоэкономика развития, 2011 — *Мезоэкономика развития / Под редакцией Г. Б. Клейнера.* Москва : Наука, 2011. 805 с.
7. Мельников, 2018 — *Мельников Г. Н.* Цена обороны и оборона цены. О кризисе ценообразования в сфере гособоронзаказа и путях решения проблем / Г. Н. Мельников // *Флот — XXI век : [сайт]. URL: http://blackseafleet-21.com/news/17-08-2018_tsena-oborony-i-oborona-tseny-o-krizise-tsenoobrazovanija-v-sfere-gosoboronzakaza-i-putja*. Дата публикации 17.08.2018.
8. Полтерович, 2005 — *Полтерович В. М.* Стратегия институциональных реформ. Препринт # WP/2005/190. Москва : ЦЭМИ РАН, 2005. 51 с.
9. Федорович, 2013 — *Федорович В. А.* США: военная экономика (организация и управление) / В. А. Федорович, В. Б. Муравник, О. И. Бочкарев. Москва : Международные отношения, 2013. 616 с. ISBN: 978-5-7133-1428-6.
10. Ansoff, 1982 — *Ansoff H. I.* Understanding and Managing Strategic Change / H. I. Ansoff, A. Bosman, P. Storm. Amsterdam : Elsevier, 1982. ISBN: 0444864059.

References

1. Dementyev V. E. Teoriya natsional'noy ekonomiki i mezoekonomicheskaya teoriya [Theory of national economy and mesoeconomic theory]. V. E. Dementyev. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal = Russian Economic Journal*. 2002. No. 4. P. 71–82. ISSN: 0130-9757 (in Russian).
2. Kleiner G. B. Razvitiye teorii ekonomicheskikh sistem i yeye primeneniye v korporativnom i strategicheskom upravlenii [Development of the theory of economic systems and its application in corporate and strategic management]. G. B. Kleiner. Preprint # WP/99/2010. Moscow : CEMI RAS Publ., 2010. 47 p. (in Russian).
3. Kleiner G. B. Sistemnaya paradigma i ekonomicheskaya politika [System paradigm and economic policy]. G. B. Kleiner. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and contemporary world*. 2007. No. 2, p. 141–149; No. 3, p. 99–114. ISSN: 0869-0499 (in Russian).
4. Makarov V. L. *Sotsial'nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov* [Social clustering. Russian challenge]. V. L. Makarov [et al.]. Moscow : Biznes-Atlas Publ., 2010. 272 p. ISBN 978-5-9900421-5-5 (in Russian).
5. Martino D. *Tekhnologicheskoye prognozirovaniye* [Technological forecasting]. Moscow : Progress Publ., 1977. 592 p. (in Russian).
6. *Mezoekonomika razvitiya* [Development mesoeconomics]. Edited by G. B. Kleiner. Moscow : Nauka Publ., 2011. 805 p. (in Russian).
7. Melnikov G. N. Price of defense and defense of price. On the crisis of pricing in the field of state defense orders and ways to solve problems. G. N. Melnikov. *Flot – XXI vek* : [website]. URL: <http://blackseafleet-21.com/news/17-08-2018-tsena-oborony-i-oborona-tseny-o-krizise-tsenoobrazovaniya-v-sfere-gosoboronzakaza-i-putja>. Publication date 08/17/2018 (in Russian).
8. Polterovich V. M. *Strategiya institutsional'nykh reform* [Strategy of institutional reforms]. Preprint # WP/2005/190. Moscow : CEMI RAS Publ., 2005. 51 p. (in Russian).
9. Fedorovich V. A. *SShA: voyennaya ekonomika (organizatsiya i upravleniye)* [USA: military economy (organization and management)]. V. A. Fedorovich, V. B. Muravnik, O. I. Bochkarev. Moscow : Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2013. 616 p. ISBN: 978-5-7133-1428-6 (in Russian).
10. Ansoff H. I. *Understanding and Managing Strategic Change*. H. I. Ansoff, A. Bosman, P. Storm. Amsterdam : Elsevier, 1982. ISBN: 0444864059.

Информация об авторе:

Добрава Катрина Бениковна — профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ, Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия. Author ID (РИНЦ): 855985.

Information about the authors

Dobrova Katrina B. – Professor of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries. Moscow Aviation Institute (National Research University), 4 Volokolamskoye shosse, Moscow, 125993, Russia. Author ID (RCSI): 855985.

Статья поступила в редакцию 11.08.2020; одобрена после рецензирования 27.08.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 08/11/2020; approved after reviewing 08/27/2020; accepted for publication 12/02/2020.

МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС · MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 121–130.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 121–130.

Научная статья

УДК 338.24

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.13

Оптимизация оборачиваемости запасов компании

Сергей Викторович Носков

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

noskov50@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6221-6128>

Аннотация. Оптимизация запасов компании позволяет сократить величину оборотных средств в запасах и связанных с ними основных средств. Все это вызывает рост показателя рентабельности активов. Однако сокращение величины запасов на отдельных этапах воспроизводственного процесса компании связано с увеличением текущих затрат на предшествующих этапах, что ведет к снижению прибыли и рентабельности. Наличие противоположных по действию факторов изменения рентабельности активов требует оптимизации оборачиваемости запасов. Методы оптимизации запасов многообразны и включают как эвристические, так и экономико-математические. Выбор метода оптимизации зависит от выполняемых функций отдельными подразделениями компании, их функциональных возможностей, используемых процессов и технологий. Экономико-математические методы и модели анализа и оптимизации запасов основываются на выявлении и формализации взаимосвязей оборачиваемости запасов с другими экономическими, технико-экономическими и финансовыми показателями компаний. Принятие оптимальных решений в управлении запасами основывается на экономических закономерностях их изменения от влияющих факторов. Целью исследования является оптимизация оборачиваемости запасов по критерию максимальной рентабельности активов компании. Используются теоретические положения экономической теории и менеджмента, методы аппроксимации данных и компьютерная программа. Результатами исследования являются обоснование условий и факторов успешной оптимизации запасов, ее целесообразности, разработка и апробация метода оптимизации оборачиваемости запасов компании по строительству инженерных коммуникаций. Проведен ретроспективный анализ основных экономических показателей деятельности компании по строительству инженерных коммуникаций. Определены показатели рентабельности активов как результативного признака в экономико-математической модели аппроксимации и оборачиваемости запасов как факторного признака. Метод оптимизации оборачиваемости запасов компании по критерию максимальной рентабельности активов может быть использован в практической деятельности организаций национальной экономики.

Ключевые слова: запасы, основные и оборотные средства, рентабельность, методы, оптимизация.

Для цитирования: Носков С. В. Оптимизация оборачиваемости запасов компании / С. В. Носков // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 121–130. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.13

JEL: M21, C60

Original article

Optimization of the company's inventory turnover

Sergey V. Noskov

Samara State University of Economics, Samara, Russia.

noskov50@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6221-6128>

Abstract. Optimization of the company's inventory allows you to reduce the amount of working capital in inventory and associated fixed assets. All this causes an increase in the rate of return on assets. However, a decrease in the amount of stocks at certain stages of the company's reproduction process is associated with an increase in operating costs at the previous stages, which leads to a decrease in profits and profitability. The presence of opposite factors in the effect of changes in the profitability of assets requires optimization of inventory turnover. Methods for optimizing stocks are diverse and include both heuristic and economic and mathematical. The choice of the optimization method depends on the functions performed by individual divisions of the company, their functionality, the processes and technologies used. Economic and mathematical methods and models for analyzing and optimizing stocks are based on identifying and formalizing the relationships between stocks turnover and other economic, technical, economic and financial indicators of companies. Making optimal decisions in inventory management is based on the economic patterns of their change from influencing factors. The aim of the study is to optimize inventory turnover by the criterion of the maximum profitability of the company's assets. The theoretical provisions of economic theory and management, methods of data approximation and a computer program are used. The

results of the study are the substantiation of the conditions and factors for the successful optimization of reserves, its feasibility, the development and testing of a method for optimizing the inventory turnover of a company for the construction of engineering communications. A retrospective analysis of the main economic indicators of the company's activities in the construction of engineering communications was carried out. The indicators of return on assets as an effective indicator in the economic and mathematical model of approximation and inventory turnover – as a factor indicator have been determined. The method of optimization of the company's inventory turnover by the criterion of maximum return on assets can be used in the practical activities of organizations of the national economy.

Key words: reserves, fixed and circulating assets, profitability, methods, optimization.

For citation: Noskov S. V. Optimization of the company's inventory turnover. S. V. Noskov. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 121–130. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.13

JEL: M21, C60

Введение

В условиях падения роста мировой и отечественной экономик выявление и использование резервов повышения эффективности деятельности компаний является актуальным. Существуют резервы снижения величины оборотных средств в запасах и связанных с запасами основных средств. Оптимизация запасов позволяет сократить основные и оборотные средства, а также издержки содержания запасов.

Вопросы управления запасами в национальной экономике рассматривались в работах многих авторов. Развитие теории управления запасами и ее концепций, их достоинства и недостатки, а также методы оптимизации управления запасами рассматривались в работе Подрезовой В. А. [Подрезова, 2019].

В статьях формулировались цели управления запасами и политика снабжения, направленная на снижение полных расходов на заказ и содержание запасов [Кабардов, 2018]. Проводился анализ особенностей систем управления запасами, определялись факторы процесса управления, разрабатывались методики пополнения запасов сырья, основанные на оценке его качества [Матафонова, 2017; Пугачев, 2016].

В работах авторов большое внимание уделялось моделям управления запасов и их особенностям, предлагались математические модели управления [Мироседи, 2016; Хисматуллина, 2018].

Во многих исследованиях рассматривались проблемы автоматизации управления запасами на отечественных предприятиях и используемые цифровые технологии [Матвеева, 2019]. Подчеркивалась важная роль реструктуризации расходов на обслуживание запасов и организации их

эффективного контроля, использования систем с фиксированным интервалом поставки, классификации видов запасов и издержек управления [Винникова, 2019; Зиновьева, 2019; Двас, 2016]. Кроме того, исследовались ключевые показатели эффективности управления запасами, определялся экономический размер заказа [Иванина, 2019; Федоров, 2016].

Существует много методов оптимизации запасов, которые отличаются научным подходом, использованием математических методов поиска оптимальных решений, сложностью и возможностью широкого применения в практической деятельности российских компаний. Кроме того, необходимы анализ условий и факторов успешной оптимизации запасов и оценка ее целесообразности.

Целью исследования является оптимизация оборачиваемости запасов, разработка доступного метода ее определения. К задачам исследования относятся проведение анализа показателей деятельности компании по строительству инженерных коммуникаций, имеющих значение в постановке задачи оптимизации; определение управленческих и экономических предпосылок оптимизации запасов; разработка метода оптимизации.

Материалы и методы

Основным методом исследования являются положения экономической теории. В экономической теории рассматриваются факторы предпринимательской деятельности и ресурсный подход к составляющим процесса производства. Одним из факторов производственной деятельности являются запасы на всех ее стадиях. Запасы представляют собой важный элемент оборотных средств предприятий. Анализ основных экономических показателей деятельности предприятия по строительству инженерных коммуникаций

с расчетом рентабельности активов и оборачиваемости запасов проводился на основе данных бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах компании. Использовались такие положения менеджмента организации как целеполагание в стратегическом планировании, функциональный и процессный подходы. Моделирование экономических зависимостей основывалось на математической статистике, аппроксимации данных, матричных вычислениях и методах оптимизации. Расчеты по оптимизации проводились с использованием компьютерной программы.

Результаты

В настоящее время компании решают задачи управления запасами, которые заключаются в следующем [Эрдэнэбат, 2017]:

- иметь достаточное количество запасов для быстрого реагирования на потребительский спрос и сведения к минимуму транспортных расходов;
- минимизировать инвестиции в запасы, объекты и оборудование для снижения затрат на складирование и хранение.

Организации, участвующие в тестировании по бенчмаркингу в логистике, сообщают, что 59% затрат на их материально-техническое обеспечение приходится на складские расходы. Сохранение оптимального количества запасов может повлиять на процесс экономии затрат времени и ресурсов.

Как организация может оптимизировать запасы, чтобы избежать чрезмерных расходов на их содержание и удовлетворить спрос? Отчет о лучших практиках показывает, что решение заключается в создании программы оптимизации запасов, ориентированной на эффективные процессы, соответствующие технологии и регулярную оценку.

Условиями успешной оптимизации запасов и оборотных средств являются поддержка высшего руководства, периодические оценки, управление уровнями обслуживания и партнерство с поставщиками [Кузнецова, 2016]:

Как рекомендуют службы логистики передовых компаний следует начать с переориентации ролей, обязанностей и ответственности как внутри самой организации, так и внутри организаций поставщиков. Определение и отображение логистических процессов и интеграция с процессами поставщиков — это два ключа к достижению луч-

шей координации, интеграции и оптимизации. Четко определенный процесс выполнения заказов имеет решающее значение для оптимизации запасов и выявления пробелов в эффективности их использования [Романовская, 2016].

Присвоение владения процессом определенному структурному подразделению компании (логистика, производство, маркетинг, персонал, IT, сервис) фокусирует внимание и помогает управлять реализацией разработанных стратегий [Филина, 2019]. Отображение процессов позволяет их ориентировать на улучшение и устанавливать стандартизированные межфункциональные процессы с общими целями среди заинтересованных сторон. Следует разрабатывать графики планирования и прогнозирования продаж и операций, а также поддерживать уровни и политику закупок, чтобы максимизировать возможности их улучшения. Поступая таким образом, можно создать основу для получения лучших результатов оптимизации запасов.

Чтобы достичь более низкого уровня запасов при сохранении или улучшении обслуживания клиентов, также необходимо учитывать внешнюю среду. Для этого выполняются и настраиваются программы сотрудничества со своими партнерами по цепочке поставок, чтобы помочь, например, поставщикам оптимизировать свои процессы и интегрировать их в процессы и цели компании.

В многочисленных исследованиях по оптимизации ресурсов компании эта деятельность начинается с определения функций и функциональных возможностей, необходимых для минимизации инвестиций в запасы и улучшения обслуживания клиентов. Затем оценивается, как эффективно внедряются технологии логистики, производства, продаж. Используя инструменты и обучение, можно заложить фундамент для максимально эффективного инвестирования в технологии и методы управления запасами.

Автоматизация оптимизации запасов и внедрение технологий в процесс их планирования позволяет организациям поддерживать оптимальный ассортимент запасов. Хотя оптимизация запасов имеет стратегический компонент, динамический характер рынка требует связывания эффективной технологии оптимизации запасов с операционными процессами и системами организации. События, которые быстро выведут устаревший страте-

гический взгляд на оптимизацию запасов, включают в себя новые представления о продуктах, изменение моделей спроса и альтернатив поиска. Необходимо, чтобы эти технологические новации выполнялись не один раз, а были постоянными и эволюционировали с течением времени.

Измерение и непрерывное улучшение являются основой для успеха стратегии оптимизации запасов. Необходимо установить ключевые показатели эффективности, чтобы обеспечить соблюдение процессов, измерить и оценить их развитие, а также повысить ожидания для роста эффективности.

Передовые организации контролируют оптимизацию запасов с помощью адаптируемых показателей эффективности поставщика, обслуживания клиентов и внутренних бизнес-процессов. Если организация не достигает поставленных целей или, когда эффективность не соответствует ее потенциалу, то разрабатываются программы со связанными метриками для повышения эффективности. Ключом является принятие гибкой стратегии и показателей, которые могут быть скорректированы по мере изменения окружающей среды.

Оптимизация запасов — это процесс научного определения наилучших уровней запасов по какому-либо критерию оптимальности в логистике, который является достаточно сложным. Но современные инструменты позволяют компаниям выполнять работу по оптимизации запасов быстрее, точнее и с большим влиянием на бизнес. Фактически, лидеры отрасли полагают, что оптимизация запасов может повысить прибыльность за счет более низких запасов, более высоких норм заполнения и, в конечном счете, более удовлетворенных производства и клиентов.

Четыре фактора способствовали росту оптимизации запасов за последнее десятилетие: успех инициатив по реинжинирингу операций; более полное согласование спроса и предложения; сосредоточение внимания на показателях эффективности логистики и цепочки поставок; наличие экономико-математических моделей управления запасами и программного обеспечения.

Итак, оптимизация запасов научно определяет их оптимальные целевые уровни для логистики и цепочки поставок с учетом ограничений, установленных менеджерами на основе разработанных стратегий.

В настоящее время компании устанавливают цели управления запасами различными способами. Используемые методы можно рассматривать в следующем континууме от полностью эвристических до глобально оптимальных [Матафонова, 2017а].

На простейшем уровне некоторые компании по-прежнему не устанавливают официальные целевые показатели управления запасами. Вместо этого они используют интуитивные методы управления запасами. Для всех, кроме самых простых продуктов, этот подход, основанный на знаниях экспертов, является крайне неэффективным. Более распространенным подходом является использование целевых показателей, что включает определение сроков поставки и времени содержания запасов на складе для каждого элемента запасов. Хотя эмпирические правила понятны, у них есть два серьезных ограничения. Во-первых, они основываются на среднем спросе, а не его изменчивости. Во-вторых, эти подходы являются перспективными, тогда как цели оптимизации запасов фактически выглядят обратными, потому что являются результатом производственных решений, принятых в более ранние периоды.

Одноэтапные вычисления — это значительное улучшение по сравнению с эмпирическими правилами, но все еще имеющие значительные ограничения. Во-первых, рассматривается только один элемент запасов в одном месте, а результирующее решение проблем с запасами часто сводится к прямому вычислению. Поскольку каждый элемент запасов рассматривается отдельно, то не учитывается его влияние на остальные элементы. Поэтому, ошибочно думать об одноэтапных решениях как о реальной оптимизации. На самом деле эти решения упрощают проблему в той мере, в которой может быть выполнен один расчет.

Программное обеспечение оптимизации запасов с несколькими эшелонами представляет собой современный подход для оптимизации их уровней в цепочке поставок. Эти модели имеют значительно больше степеней свободы, потому что моделирование нескольких этапов позволяет моделировать другие элементы запасов, включая текущий запас, подготовительный и страховой запасы по всей цепочке поставок. Это, казалось бы, небольшое изменение открывает возможность повысить эффективность логистики и цепочки поставок, а также снизить общий объем запасов.

Для успешной оптимизации запасов необходима их развернутая классификация для конкретной компании. Это означает, что совокупный запас делится на виды и элементы. Так, основными видами запасов производственной компании являются: запасы в пути, оплаченные, но не прибывшие на склад компании; производственные запасы; запасы незавершенного производства; запасы готовой продукции (товарные запасы); товары, отгруженные потребителю, но не оплаченные.

Далее каждый из указанных видов запасов делится на такие элементы, как текущий запас (циклический), подготовительный и страховой. Кроме того, компания со специфическими условиями потребления и местоположения может формировать сезонные запасы.

Оптимизация запасов применяется как на тактическом, так и стратегическом уровнях планирования, а при их совместном использовании создается цикл оптимизации запасов. На тактическом уровне цели управления запасами устанавливаются еженедельно или ежемесячно в зависимости от изменчивости спроса и предложения. Каждый раз, когда система запускается, она обновляет свои целевые показатели запасов на основе обновленной информации о спросе и поставке. Таким образом, в отличие от одноэтапного вычисления, которое выполняется в автономном режиме, система ввода-вывода автоматизирует создание целевых показателей запасов в недельном или месячном циклах. Эти обновленные цели позволяют группе планирования сосредоточиться только на действительно проблемных запасах, потому что их подавляющее большинство будет обрабатываться на основе обычного процесса планирования.

На стратегическом уровне тактическое решение сразу доступно для ответа на любые возникающие вопросы. По сути, стратегические вопросы, которые не могли быть решены в прошлом, теперь можно легко получить, поскольку данные доступны и результат может быть реализован в следующем тактическом решении. Менеджеры значительно недооценивают частоту, с которой эти стратегические решения, связанные с запасами, принимаются.

Оптимизация запасов применима ко всем, кроме простейших цепочек поставок. Она зависит от относительной важности уровней запасов

и обслуживания, а также других инициатив, которые может предпринять компания. Вопрос о целесообразности оптимизации запасов зависит от следующих логистических и производственных аспектов:

- количественного сокращения общего объема запасов;
- внедрения стратегии отсрочки поставок;
- повышения уровня обслуживания внутренних и внешних потребителей без увеличения запасов;
- оценки влияния уровня запасов на рост рентабельности активов;
- осуществления запуска новых продуктов и бизнес-процессов;
- консолидации логистических, производственных и распределительных операций;
- обновления целевых показателей управления запасами.

Решение любой из поставленных задач является основанием для оптимизации запасов и повышения эффективности логистики и цепочки поставок.

Экономико-математические модели управления запасами многочисленны и касаются анализа запасов, включая многофакторный, организации поставок JIT, планирования норм и нормативов, контроля состояния и оптимизации.

ЭММ и модели анализа, оптимизации запасов основываются на выявлении и формализации взаимосвязей оборачиваемости запасов (коэффициента оборачиваемости и длительности оборота) с другими экономическими, технико-экономическими и финансовыми показателями компаний. Принятие оптимальных решений в управлении запасами основывается на экономических закономерностях их изменения от влияющих факторов. Теоретические основы управления запасами позволяют сделать несколько выводов, актуальных для данной тематики. Так, установлено многочисленными исследованиями, что содержание запасов связано с наличием текущих затрат по их хранению и транспортно-заготовительных расходов в составе материальных затрат, а также единовременных вложений в основные средства складского назначения и оборотные средства в запасах [Минакова, 2017; Потылицына, 2020].

Указанные текущие и единовременные затраты по формированию и содержанию запасов сырья, материалов и полуфабрикатов имеют раз-

ные единицы измерения, что требует приведения единовременных затрат к текущим, которое осуществляется на основе показателя их доходности в альтернативных проектах. Недостатком формулы приведенных затрат является сложность определения расходов по содержанию запасов, в отдельных случаях — транспортно-заготовительных расходов и основных средств складского назначения. Возможен иной подход к определению показателя, испытывающего наибольшую зависимость от изменения оборачиваемости производственных запасов. Таким показателем является рентабельность активов. В прибыли учитывается изменение материальных затрат, следовательно, себестоимости продукции, а в показателе акти-

вов — изменение величины основных и оборотных средств, связанных с содержанием запасов [Фомичева, 2018]. Апробация предположения проведена в компании по строительству инженерных коммуникаций.

Исходные данные о факторном (оборачиваемости запасов) и результативном (рентабельности активов) признаках экономико-математической модели нелинейной функции за 2010–2019 годы предприятия по строительству инженерных коммуникаций ООО «НОВА» представлены в таблице¹.

¹ Отчетность организации ООО «НОВА». URL: <https://www.list-org.com/company/13050> (дата обращения: 09.09.2020).

Таблица. Исходные данные о рентабельности активов и оборачиваемости запасов (млрд руб.)

Показатели	Годы					
	Активы	Запасы	Выручка	Чистая прибыль	Рентабельность активов, %	Оборачиваемость, оборотов/год
2010	3,29	0,80	5,03	0,021	0,64	6,29
2011	4,56	1,29	6,02	0,035	0,77	4,67
2012	6,65	1,77	11,22	0,249	3,74	6,34
2013	6,74	2,31	14,04	0,722	10,71	6,08
2014	9,12	2,82	16,63	0,723	7,93	5,90
2015	8,38	4,00	12,74	0,212	2,53	3,19
2016	10,57	3,52	10,32	0,212	1,06	2,93
2017	14,63	5,32	13,11	0,075	0,51	2,46
2018	21,17	7,40	25,30	0,135	0,64	3,42
2019 (оценка)	29,78	10,35	35,21	0,124	0,42	3,40

Источник: таблица составлена автором по данным настоящего исследования

Анализ табличных данных позволяет дать предварительное заключение о том, что максимальное значение рентабельности активов компании достигается при оборачиваемости ее запасов, равной 6 оборотов/год. Для более точной оценки оптимальной оборачиваемости запасов проведена аппроксимация фактических данных полиномом 5 степени. Аппроксимация в данном случае не является регрессией, поэтому не требует расчета ее математико-статистических характеристик. Ее назначение – это подтверждение очевидных выводов из анализа табличных данных. Чем выше степень полинома, тем точнее приближение теоретических значений к табличным. Однако возможно искажение вида кривой между эмпирическими точками.

Экономико-математическое моделирование

зависимости рентабельности активов компании от изменения оборачиваемости запасов проведено в компьютерной программе:

x — транспонированная матрица значений оборачиваемости запасов, число оборотов/год;
 y — транспонированная матрица значений рентабельности активов, %;
 s — матрица коэффициентов полиномиальной функции;
 $f(x)$ — уравнение полиномиальной функции.

$$x := [2.46 \ 2.93 \ 3.19 \ 3.40 \ 3.42 \ 4.67 \ 5.90 \ 6.08 \ 6.29 \ 6.34]^T$$

$$y := [0.51 \ 1.06 \ 2.53 \ 0.42 \ 0.64 \ 0.77 \ 7.93 \ 10.71 \ 0.64 \ 3.74]^T$$

$$s := \text{regress}(x, y, 5) s = \begin{bmatrix} 204.967 \\ -334.27 \\ 207.017 \\ -60.794 \\ 8.484 \\ -0.451 \end{bmatrix}$$

$$f(x) = 204.967 - 334.27 \cdot x + 207.017 \cdot x^2 - 60.794 \cdot x^3 + 8.484 \cdot x^4 - 0.451 \cdot x^5$$

Качество аппроксимации устанавливалось по индексу корреляции (I):

$$I := \sqrt{1 - \frac{\text{var}(f(x))}{\text{var}(y)}}, \quad I = 0.472,$$

где $\text{var}(f(x))$ — дисперсия теоретических значений функции;
 $\text{var}(y)$ — дисперсия эмпирических значений y .

Значение индекса корреляции показывает удовлетворительное качество аппроксимации.

Оптимальное значение оборачиваемости запасов компании равно 5,8 оборота в год, а максимальное значение рентабельности активов — 9,38 %.

$$g = 5 \quad hi := \text{maximize}(f, g) = 5.833 \quad f(5.833) = 9.381$$

График теоретических значений рентабельности активов от изменения оборачиваемости запасов показан на рисунке.

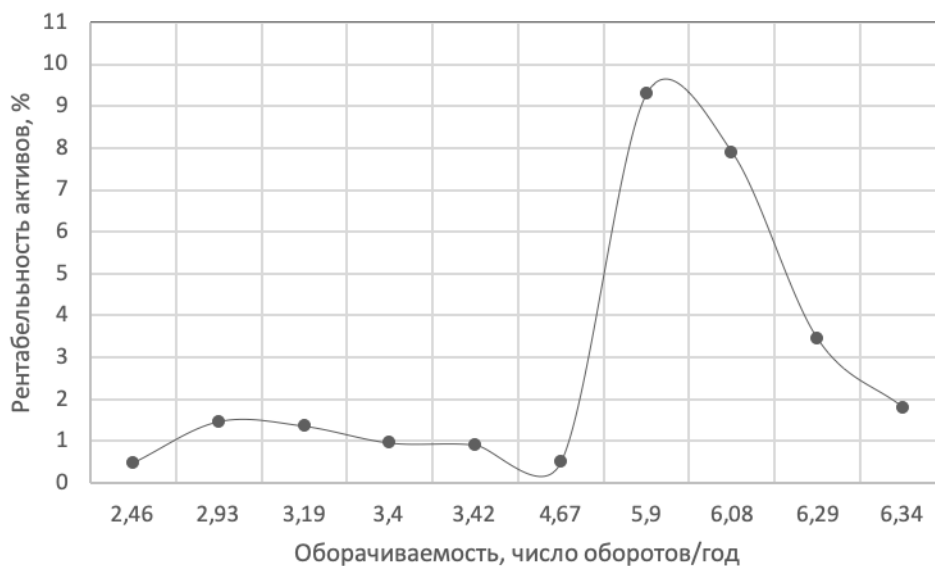

Рис. График теоретических значений зависимости рентабельности активов от оборачиваемости запасов
 Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Как следует из представленного графика, всякое отклонение оборачиваемости запасов от 5,8 оборотов/год вызывает падение рентабельности активов компании. Таким образом, решена задача оптимизации оборачиваемости запасов по критерию максимальной рентабельности активов компании.

Обсуждения

Высказанная гипотеза о влиянии оборачиваемости запасов компании на рентабельность ее активов подтверждена проведенным анализом данных компании по строительству инженерных коммуникаций и практическими расчетами индекса корреляции. Ограничением исследования является наличие других условий и факторов изменения рентабельности активов компании как синтетического показателя эффективности ее деятельности. Исключение других, не связанных с запасами факторов изменения рентабельности активов, может проводиться на основе глубокого

производственно-коммерческой деятельности компании. Обобщенные результаты исследования включают анализ взаимосвязи показателей рентабельности и оборачиваемости всех запасов компании в логистическом, производственном и сбытовом циклах, моделирование данной зависимости на основе аппроксимации и оптимизацию оборачиваемости в компьютерной программе.

Выводы

Проблема оптимизации запасов является актуальной для повышения эффективности компаний всех видов экономической деятельности в условиях снижения темпов роста национальной экономики. Для успешной оптимизации запасов необходимо наличие определенных предпосылок: поддержка высшего руководства; периодические оценки; управление уровнями обслуживания и партнерство с поставщиками; использование процессного подхода с целью отображения процессов их координации и интеграции.

Современными факторами, промотирующими усилия по поиску оптимальных решений в управлении запасами, являются развитие теории и практики менеджмента, гибкое и динамичное согласование спроса и предложения, использование ключевых показателей эффективности бизнес-процессов и функций управления, наличие и широкое использование математических моделей и программных продуктов.

В работе реализована поставленная цель исследования — оптимизация оборачиваемости запасов компании по критерию максимальной рентабельности ее активов.

Рекомендации

Экономико-математическая модель оптимизации запасов рекомендуется к использованию организациями всех видов экономической деятельности. Основным направлением будущих исследований является разработка экономико-математической модели оптимизации запасов в цепях поставок, относящихся к разным собственникам.

Список источников

1. Винникова, 2019 — *Винникова И. С.* Эффективное управление товарными запасами организации / И. С. Винникова, Е. А. Кузнецова, К. Д. Мурыгин // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования.* 2019 № 3 (37). С. 140–146. ISSN: 2311-410X.
2. Двас, 2016 — *Двас А. Г.* Издержки управления запасами и методы их снижения // *Интернет-журнал Науковедение.* 2016. № 5 (36). С. 18. eISSN: 2223-5167. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/78EVN516.pdf>.
3. Зиновьева, 2019 — *Зиновьева О. Г.* Модель управления запасами торгового предприятия / О. Г. Зиновьева, П. В. Сухина, С. П. Королева // *Экономика и бизнес: теория и практика = Economy and business: theory and practice.* 2019. № 4–1. doi: 10.24411/2411-0450-2019-10483.
4. Иванина, 2019 — *Иванина П. В.* Ключевые показатели эффективности в управлении запасами // *E-Scio.* 2019. №5 (32). eISSN: 2658-6924. URL: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%9F-%D0%92.pdf>.
5. Кабардов, 2018 — *Кабардов А. С.* Управление запасами / А. С. Кабардов и др. // *Современные инновации.* 2018. №1 (23). С. 9-11. ISSN: 2412-8244.
6. Кузнецова, 2016 — *Кузнецова Ю. В.* Проблема понятия оборотных средств и эффективность их использования / Ю. В. Кузнецова // *Вестник науки и образования.* 2016. №11 (23). С. 54–58. ISSN: 2312-8089.
7. Матафонова, 2017 — *Матафонова А. А.* Управление запасами: системы // *Инновационная наука = Innovation science.* 2017. №5. С. 118. ISSN: 2410-6070.
8. Матафонова, 2017а — *Матафонова А. А.* Управление запасами: модель Уилсона / А. А. Матафонова // *Инновационная наука = Innovation science.* 2017а. №5. С. 116. ISSN: 2410-6070.
9. Матвеева, 2019 — *Матвеева М. А.* Цифровизация процессов управления запасами на предприятии / М. А. Матвеева // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук = International journal of humanities and natural sciences.* 2019. №12-3. С. 91–93. ISSN: 2500-1000. doi: 10.24411/2500-1000-2019-11939.
10. Минакова, 2017 — *Минакова И. В.* Новации в управлении запасами промышленных предприятий / И. В. Минакова, И. В. Бабенко // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования.* 2017. № 8 (26). С. 90–100. ISSN: 2311-410X.
11. Мироседи, 2016 — *Мироседи С. А.* Управление оптимальным объемом запасов / С. А. Мироседи, Т. Г. Мироседи, А. Ю. Севрюк // *Инновационная наука = Innovation science.* 2016. № 12–1. С. 150–152. ISSN: 2410-6070.
12. Подрезова, 2019 — *Подрезова В. А.* Теоретические подходы к управлению запасами / В. А. Подрезова // *Общество, экономика, управление = Society, economy, management.* 2019. №2 (4). С. 50–53. ISSN: 2618-9852.
13. Потылицына, 2020 — *Потылицына А. А.* Теоретические аспекты планирования аудита материально-производственных запасов / А. А. Потылицына // *StudNet.* 2020. № 3 (3). С. 481-484. eISSN 2658-4964.
14. Пугачев, 2019 — *Пугачев А. И.* Управление запасами сырья / А. И. Пугачев // *Инновационная наука = Innovation science.* 2016. № 5–2 (17). ISSN: 2410-6070. С. 160-161.

15. Романовская, 2019 — *Романовская Е. В.* Оптимизация управления запасами в цепи поставок на основе процессного подхода / Е. В. Романовская и др. // Вестник Мининского университета = Vestnik of Minin University. 2016. № 1–1 (13). С. 13. eISSN: 2307-1281.
16. Федоров, 2016 — *Федоров Л. С.* Управление запасами на уровне экономики и отраслей / Л. С. Федоров // Инновации и инвестиции. 2016. № 5. С. 93–97. ISSN: 2307-180X.
17. Филина, 2019 — *Филина С. В.* Концептуальные основы внедрения процессного менеджмента в торговых предприятиях потребительской кооперации / С. В. Филина // Бизнес Информ. 2019. №10 (501). С. 26–265. ISSN: 2222-4459. doi: 10.32983/2222-4459-2019-10-260-265.
18. Фомичева, 2018 — *Фомичева Т. А.* Детерминированный анализ динамики рентабельности активов в аспекте определяющих ее факторов / Т. А. Фомичева, А. В. Ключин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе = Models, systems, networks in economics, engineering, nature and society. 2018. № 4 (28). С. 86–93. ISSN: 2227-8486.
19. Хисматуллина, 2018 — *Хисматуллина А. М.* Математическая модель задачи управления запасами / А. М. Хисматуллина, М. О. Еремина // Вестник науки и образования. 2018. № 5 (2). С. 57–60. ISSN: 2312-8089.
20. Эрдэнэбат, 2017 — *Эрдэнэбат М.* Оптимизационный подход к стохастической задаче управления запасами / М. Эрдэнэбат и др. // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование = modern technologies. System analysis. Modeling. 2017. №3 (55). С. 106–110. ISSN: 1813-9108. doi: 10.26731/1813-9108.2017.3(55).106-110.

References

1. Vinnikova I. S. Effektivnoye upravleniye tovarnymi zapasami organizatsii [Effective management of the organization's inventory]. I. S. Vinnikova, E. A. Kuznetsova, K. D. Murygin. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement]. 2019 No. 3 (37). P. 140–146. ISSN: 2311-410X (in Russian).
2. Dvas A. G. Izderzhki upravleniya zapasami i metody ikh snizheniya [Costs of inventory management and methods of their reduction]. *Internet-journal Naukovedenie*. 2016. No. 5 (36). P. 18. eISSN: 2223-5167. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/78EVN516.pdf> (in Russian).
3. Zinov'yeva O. G. Model' upravleniya zapasami torgovogo predpriyatiya [Model of inventory management of a trading enterprise]. O. G. Zinov'yeva, P. V. Sukhina, S. P. Koroleva. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2019. No. 4–1. doi: 10.24411/2411-0450-2019-10483 (in Russian).
4. Ivanina P. V. Klyuchevyye pokazateli effektivnosti v upravlenii zapasami [Key performance indicators in inventory management]. *E-Scio*. 2019. No. 5 (32). eISSN: 2658-6924. URL: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%9F.-%D0%92.pdf> (in Russian).
5. Kabardov A. S. Upravleniye zapasami [Inventory management]. A. S. Kabardov et al. *Sovremennyye innovatsii* [Modern innovations]. 2018. No 1 (23). P. 9–11. ISSN: 2412-8244 (in Russian).
6. Kuznetsova Yu. V. Problema ponyatiya oborotnykh sredstv i effektivnost' ikh ispol'zovaniya [The problem of the concept of working capital and the efficiency of their use]. Yu. V. Kuznetsova. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. 2016. No.11 (23). P. 54-58. ISSN: 2312-8089 (in Russian).
7. Matafonova A. A. Upravleniye zapasami: sistemy [Inventory management: systems]. *Innovatsionnaya nauka = Innovation science*. 2017. No. 5. P. 118. ISSN: 2410-6070 (in Russian).
8. Matafonova A.A. Upravleniye zapasami: model' Uilsona [Inventory management: Wilson's model]. A. A. Matafonova. *Innovatsionnaya nauka = Innovation science*. 2017a. No. 5. P. 116. ISSN: 2410-6070 (in Russian).
9. Matveeva M. A. Tsifrovizatsiya protsessov upravleniya zapasami na predpriyatii [Digitalization of inventory management processes at an enterprise]. M. A. Matveeva. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International journal of humanities and natural sciences*. 2019. No. 12-3. P. 91–93. ISSN: 2500-1000. doi: 10.24411/2500-1000-2019-11939 (in Russian).
10. Minakova I. V. Novatsii v upravlenii zapasami promyshlennykh predpriyatiy [Innovations in the management of stocks of industrial enterprises]. I. V. Minakova, I. V. Babenko. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement]. 2017. No. 8 (26). P. 90–100. ISSN: 2311-410X (in Russian).

11. Mirosedi S. A. Upravleniye optimal'nym ob'yemom zapasov [Management of the optimal volume of reserves]. S. A. Mirosedi, T. G. Mirosedi, A. Yu. Sevryuk. *Innovatsionnaya nauka = Innovation science*. 2016. No. 12–1. P. 150–152. ISSN: 2410-6070 (in Russian).
12. Podrezova V. A. Teoreticheskiye podkhody k upravleniyu zapasami [Theoretical approaches to inventory management]. V. A. Podrezova. *Obshchestvo, ekonomika, upravleniye = Society, economy, management*. 2019. No. 2 (4). P. 50–53. ISSN: 2618-9852 (in Russian).
13. Potylitsyna A. A. Teoreticheskiye aspekty planirovaniya audita material'no-proizvodstvennykh zapasov [Theoretical aspects of planning the audit of inventories]. A. A. Potylitsyna. *StudNet*. 2020. No. 3 (3). S. 481-484. eISSN 2658-4964 (in Russian).
14. Pugachev A. I. Upravleniye zapasami syr'ya [Raw materials inventory management]. A. I. Pugachev. *Innovatsionnaya nauka = Innovation science*. 2016. No. 5–2 (17). ISSN: 2410-6070. S. 160-161.
15. Romanovskaya E. V. Optimizatsiya upravleniya zapasami v tsepi postavok na osnove protsessnogo podkhoda [Optimization of inventory management in the supply chain based on the process approach]. E. V. Romanovskaya et al. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2016. No. 1–1 (13). С. 13. eISSN: 2307-1281 (in Russian).
16. Fedorov L. S. Upravleniye zapasami na urovne ekonomiki i otrasley [Inventory management at the level of the economy and industries]. L. S. Fedorov. *Innovatsii i investitsii [Innovations and investments]*. 2016. No. 5. P. 93–97. ISSN: 2307-180X (in Russian).
17. Filina S. V. Kontseptual'nyye osnovy vnedreniya protsessnogo menedzhmenta v torgovykh predpriyatiyakh potrebitel'skoy kooperatsii [Conceptual framework for the implementation of process management in trade enterprises of consumer cooperation]. S. V. Filina. *Business Inform*. 2019. No. 10 (501). P. 26–265. ISSN: 2222-4459. doi: 10.32983/2222-4459-2019-10-260-265 (in Russian).
18. Fomicheva T. A. Determinirovanny analiz dinamiki rentabel'nosti aktivov v aspekte opredelyayushchikh yeye faktorov [Deterministic analysis of the dynamics of profitability of assets in terms of its determining factors]. T. A. Fomicheva, A. V. Klyuzhin. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, systems, networks in economics, engineering, nature and society*. 2018. No. 4 (28). P. 86–93. ISSN: 2227-8486 (in Russian).
19. Khismatullina A. M. Matematicheskaya model' zadachi upravleniya zapasami [Mathematical model of the inventory management problem]. A. M. Khismatullina, M. O. Eremina. *Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]*. 2018. No. 5 (2). P. 57–60. ISSN: 2312-8089 (in Russian).
20. Erdenebat M. Optimizatsionnyy podkhod k stokhasticheskoy zadache upravleniya zapasami [Optimization approach to the stochastic problem of inventory control]. M. Erdenebat et al. *Sovremennyye tekhnologii. Sistemnyy analiz. Modelirovaniye = modern technologies. System analysis. Modeling*. 2017. No. 3 (55). P. 106–110. ISSN: 1813-9108. doi: 10.26731/1813-9108.2017.3(55).106-110 (in Russian).

Информация об авторе:

Носков Сергей Викторович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга, логистики и рекламы. Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. ResearcherID: U-8947-2019; Author ID (РИНЦ): 38521.

Information about the authors

Noskov Sergey V. – Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Marketing, Logistics and Advertising. Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russia. ResearcherID: U-8947-2019; Author ID (RCSI): 38521.

Статья поступила в редакцию 11.09.2020; одобрена после рецензирования 24.09.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 09/11/2020; approved after reviewing 09/24/2020; accepted for publication 12/02/2020.

МЕНЕДЖМЕНТ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС · MANAGEMENT: A MODERN PERSPECTIVE

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 131–141.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 131–141.

Научная статья

УДК 796.062

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.14

Стратегические приоритеты развития студенческих спортивных клубов

Екатерина Александровна Еремина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, eremeaa@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие студенческих спортивных клубов является стратегическим приоритетом на государственном уровне, отраженном в задачах Концепции развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года и Межотраслевой программы развития студенческого спорта. Однако существующие методические разработки и научные исследования в области развития студенческих спортивных клубов затрагивают отдельные аспекты деятельности клубов, но при этом абсолютно не раскрывают вопросы стратегического управления. В данной статье представлены результаты исследования развития студенческих спортивных клубов, оценивающего деятельность клубов по направлениям: организационное развитие, спортивно-массовая работа, уровень автономности клуба, маркетинг и продвижение клуба. Исследование направлено на определение ключевых проблем, тормозящих развитие клубов, а также на выявление типов клубов по уровню развития с применением инструмента кластерного анализа. Результаты позволяют определить стратегические приоритеты развития клубов и сформировать рекомендации по стратегическому управлению клубами. Материалы и выводы исследования могут быть использованы Ассоциацией студенческих спортивных клубов России, руководителями студенческих спортивных клубов, руководителями структурными подразделениями образовательных организаций, отвечающих за спортивно-массовую работу для управления развитием студенческих спортивных клубов.

Ключевые слова: стратегический подход, стратегическое управление, стратегия развития, спортивный менеджмент, студенческий спорт, студенческий спортивный клуб.

Для цитирования: Еремина Е. А. Стратегические приоритеты развития студенческих спортивных клубов / Е. А. Еремина // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 131–141. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.14

JEL: M14, Z20

Original article

Strategic priorities of student sports clubs' development

Ekaterina A. Eremina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, eremeaa@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is caused by the fact that students sports clubs development is a strategic priority at the governmental level, reflected in the strategic planning documents of student sport development in Russia. However, the existing methodological documents and scientific research in the field of student sports clubs' development affect certain aspects of the clubs' activities, but at the same time they absolutely do not disclose the issues of strategic management. This article presents the results of a research of student sports clubs development, which evaluates the activities of clubs in the following areas: organizational development, sports work, club autonomy, marketing and promotion. The aim of the research is finding the key problems that hinder the development of clubs, as well as identifying the types of clubs by their level of development with the usage of cluster analysis. The results allow to determine the strategic directions for the clubs' development and formulate recommendations for the strategic management of clubs. The materials and conclusions of the study can be used by the Association of Student Sports Clubs of Russia, heads of student sports clubs, heads of structural divisions of educational organizations responsible for sports to manage the student sports clubs' development.

Key words: strategic approach, strategic management, development strategy, sports management, student sports, student sports club.

For citation: Eremina E. A. Strategic priorities of student sports clubs' development. E. A. Eremina. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 131–141. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.14

JEL: M14, Z20

Введение

В настоящий момент развитие студенческого спорта является одним из важнейших направлений развития физической культуры и спорта в РФ. Цели и задачи развития студенческого спорта отражаются в таких документах стратегического планирования, как Концепция развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года и Межотраслевая программа развития студенческого спорта². Одной из поставленных задач является «расширение сети студенческих спортивных клубов»³, что говорит о приоритетности формирования и развития студенческих спортивных клубов (далее — ССК).

В то же время, остается неопределенной роль ССК в развитии студенческого спорта в целом, их значимость как элемента системы студенческого спорта, а также отсутствует единое понимание сущности студенческих спортивных клубов и не сформирован единый подход к управлению ими. Данная неопределенность вызвана многообразием форм организации ССК, а также многообразием моделей спортивно-массовой работы со студентами. Ассоциация студенческих спортивных клубов России (далее — АССК) выделяет три формы ССК: структурное подразделение образовательной организации, общественное объединение и некоммерческая организация, которые обладают неравными возможностями развития, а выбор формы зависит от степени поддержки ССК образовательной организацией. С другой стороны, в практике, связанной не только с АССК, спортивно-массовая работа в образовательных организациях может осуществляться в разных формах либо спортивного клуба, либо студенческого спортивного клуба [Ольховский, 2015]. Теоретические подходы к формированию модели управления студенческим спортом, предлагаемые российскими авторами, либо не рассматривают ССК как значимый элемент спортивной системы образовательной организации [Лубышева, 2016], либо недостаточно учитывают тенденции развития ССК, определяемые АССК России [Бу-

ров, 2016], либо чрезмерно приближают модель студенческого спорта к принципам спортивной индустрии [Козьмик, 2015], что является потенциально хорошим направлением для развития ССК, но на данный момент нерелевантным. Тем не менее, ни указанные научные работы, ни документы в области развития студенческого спорта, не дают четкого ответа на вопрос, какую роль играют ССК.

Необходимость решения данной проблемы отражается в такой задаче развития АССК, как «формирование единой модели студенческого спортивного клуба»⁴. Но для успешной реализации модели, необходимо учитывать значимость стратегического управления в развитии клубов. В то же время уровень разработанности данной проблематики находится на крайне низком уровне. Существующие разработки в области развития ССК, а именно «Методические рекомендации по развитию студенческого спорта»⁵ и «Методическое пособие по созданию и развитию студенческого спортивного клуба»⁶ не раскрывают вопросы стратегического управления. Что касается научных разработок в области развития ССК, то в работах российских авторов также затрагиваются лишь некоторые аспекты деятельности клубов, но практически отсутствуют работы, посвященные вопросам стратегического развития ССК. В публикациях, затрагивающих данную проблематику, описывается практика деятельности отдельных клубов [Кузьмин 2016; Матвеева, 2018], но не предлагаются научно-обоснованные методики по стратегическому управлению ССК.

В связи с этим, возрастает значимость проведения научного исследования, позволяющего сформировать рекомендации по стратегическому управлению ССК. Целью исследования является формирование рекомендаций по определению стратегических приоритетов развития ССК.

© Еремина Е. А., 2020

2 Межотраслевая программа развития студенческого спорта : Приказ Минспорта России N 981, Минобрнауки России N 1321 от 27.11.2019 // СПС КонсультантПлюс.

3 Концепция развития студенческого спорта в РФ на период до 2025 года : Приказ Минспорта России N 1007 от 21.11.2017 // СПС КонсультантПлюс.

4 Резолюция Всероссийского форума студенческих спортивных клубов. URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2019/01/10/8f40a0116fbae645acab22c58aaa045c/rezolyutsiya-vserossijskogo-foruma-studencheskih-sportivnyih-klubov.pdf>. Дата публикации 10.11.2018 г.

5 Методические рекомендации по развитию студенческого спорта (утв. Минобрнауки России 29.06.2016, Минспортом России 28.06.2016) // СПС КонсультантПлюс.

6 Студенческий спортивный клуб: начало : Методическое пособие по созданию и развитию студенческого спортивного клуба / Е. О Раскин [и др.]; Университет ИТМО. Санкт-Петербург : Университет ИТМО, 2016. 84 с. URL: <https://kronbars.itmo.ru/images/pages/10/Sportsclub.pdf>.

Материалы и методы

В рамках исследования был проведен мониторинг 105 студенческих спортивных клубов РФ, входящих в АССК России (всего в Ассоциацию входит 361 клуб). Была собрана информация по следующим направлениям деятельности клубов:

- организационное развитие ССК (организационная структура и наличие элементов управления);
- спортивно-массовая работа ССК (организация спортивных мероприятий, секций, подготовка сборных команд, а также реализация проектов АССК и формирование корпоративной культуры в клубе);
- уровень автономности ССК (источники финансирования и партнерское взаимодействие);
- маркетинг и продвижение ССК (формирование бренда ССК и SMM-продвижение).

По результатам мониторинга был составлен рейтинг 80 студенческих спортивных клубов, на

основе данных которого проведен иерархический кластерный анализ, и сделаны выводы о типах ССК по уровню развития.

Результаты

Проблемы развития студенческих спортивных клубов

В ходе мониторинга ССК было проанализировано 116 комментариев, указанных руководителями относительно имеющихся в клубах проблем, и проведена их систематизация с использованием метода тематических сетей (рисунок 1). Основные области проблем ССК — это организационные проблемы, в частности, низкий уровень взаимодействия с образовательной организацией и отсутствие необходимой поддержки, а также низкая заинтересованность студентов в участии в деятельности студенческих спортивных клубов.

Указанные организационные проблемы связаны с тремя факторами, определяющими особенности и уровень развития студенческих спортивных клубов, которые будут рассмотрены далее.

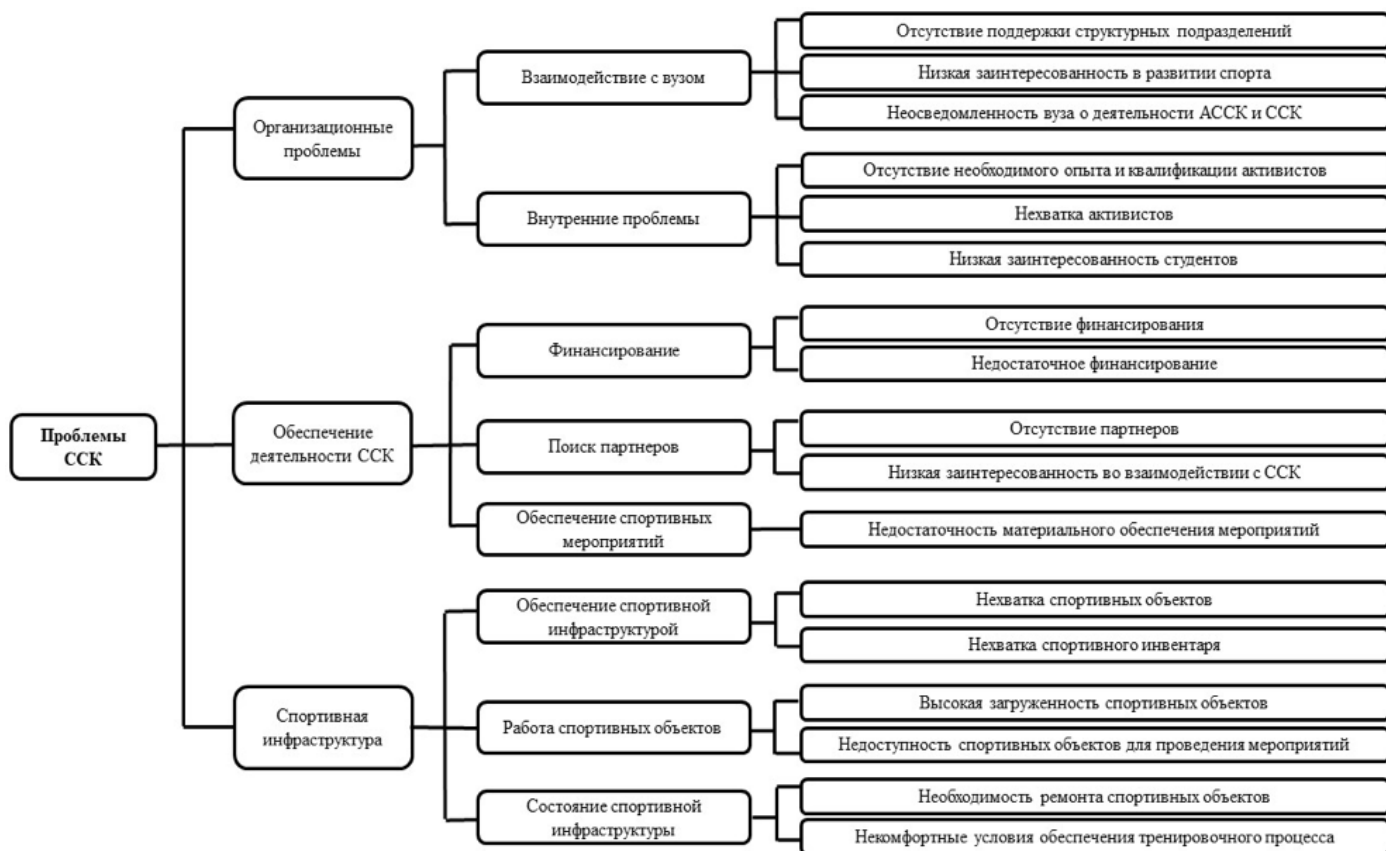

Рис. 1. Проблемы развития студенческих спортивных клубов

Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

1. Второстепенная роль ССК в системе студенческого спорта образовательной организации

В ходе мониторинга анализировалось взаи-

модействие ССК с другими структурными подразделениями. Большинство клубов взаимодействуют с учебными подразделениями (94,62 %) и спортивными клубами (51,61 %), причем взаи-

имодействие реализуется следующим образом: учебные подразделения ответственны за организацию учебного процесса, организацию секций и формирование сборных команд, а студенческий спортивный клуб ответственен за организацию и проведение спортивно-массовых мероприятий для студентов. Данное разделение полномочий подчеркивает дополняющую роль ССК, которая также обозначена в методических рекомендациях по развитию студенческого спорта, где клубы позиционируются как органы студенческого самоуправления¹.

Для выявления значимых функций, выполняемых ССК, были проанализированы организационные структуры клубов. К наиболее распространенным направлениям деятельности в ССК относятся те, которые направлены на организацию, проведение и освещение, а именно: фото-/видеосъемка (66,67 %), ивент-менеджмент (50,00 %), спортивный менеджмент подразделений (44,05 %), менеджмент волонтерского корпуса (47,62 %), медиа-менеджмент (42,86 %). Недостаточно распространены такие направления деятельности, как PR (26,19 %), маркетинг (16,67 %), дизайн (22,62 %), менеджмент образовательных программ и корпоративной культуры (10,71 %) и фандрайзинг (3,5 %). Данные направления ха-

рактерны преимущественно для ведущих ССК, и в целом позволяют существенно повысить узнаваемость бренда ССК и качество спортивно-массовых мероприятий. В настоящий момент АССК России стремится увеличивать долю ССК, в которых осуществляются эти направления, что отражено в таких задачах АССК, как «позиционирование каждого ССК как бренда»². В таком случае, значимость ССК для развития студенческого спорта, заключается в более высоком потенциале к выстраиванию коммуникаций, повышению имиджа студенческого спорта и повышению качества оказываемых физкультурно-спортивных услуг за счет применения современных управленческих инструментов и повышения компетентности активистов в области спортивного менеджмента.

2. Низкая автономность студенческих спортивных клубов

Среди всех форм организации, некоммерческая организация (с регистрацией юридического лица) предоставляет клубам некоторую автономность, однако текущий уровень развития клубов подразумевает высокую степень зависимости от образовательной организации. Для большинства клубов (74,19 %) основным источником финансирования являются бюджетные средства образовательной организации (рисунок 2).

1 Методические рекомендации по развитию студенческого спорта (утв. Минобрнауки России 29.06.2016, Минспортом России 28.06.2016) // СПС КонсультантПлюс.

2 Резолюция Всероссийского форума студенческих спортивных клубов. URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2019/01/10/8f40a0116fbae645acab22c58aaa045c/rezolyutsiya-vserossijskogo-foruma-studencheskih-sportivnyih-klubov.pdf>. Дата публикации 10.11.2018 г.

Рис. 2. Источники финансирования студенческих спортивных клубов
Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

В то же время, одной из задач Межотраслевой программы развития студенческого спорта является «разработка предложений по повышению

эффективности использования существующих бюджетных и увеличению внебюджетных источников финансового обеспечения студенческо-

го спорта»³. Среди возможных внебюджетных источников финансирования, руководители студенческих спортивных клубов выделяют грантовую (26,88 %) и спонсорскую поддержку, коммерческую деятельность (8,60 %), членские взносы и пожертвования (6,45 % и 7,53 % соответственно).

Другой проблемой, связанной с финансированием, является выделение средств на различные направления работы образовательной организации, связанной с физической культурой и спортом: учебная работа (реализация дисциплины «физическая культура»), воспитательная работа и спортивно-массовая работа. В связи с данным разделением, все средства, которые могут быть использованы для развития студенческого спорта, поступают в образовательную организацию не централизованно и в разные структурные подразделения, что провоцирует дублирование финансовых затрат на идентичные цели подразделений. Это снижает эффективность использования ресурсов [Слободянюк, 2014]. В данном случае также наглядным является пример «Крон-

веркских Барсов»⁴, в котором вся спортивно-массовая работа (в том числе и по организации занятий по физической культуре) сосредоточена под брендом ССК, что позволяет рационально использовать бюджетные средства, а наличие зарегистрированной НКО позволяет также подавать проекты для грантовой поддержки.

3. Низкий уровень взаимодействия ССК с субъектами системы студенческого спорта

В методических рекомендациях по развитию студенческого спорта отражена система, в которой студенческие спортивные клубы напрямую взаимодействуют только с АССК, но никак не связаны с такими важными субъектами, как РССС, студенческие спортивные лиги⁵. Такой подход приводит к тому, что в развитии ССК заинтересована только АССК, и на практике более 50 % клубов функционируют исключительно в рамках системы АССК (рисунок 3), не налаживая связи с другими субъектами.

4 Презентация студенческого спортивного клуба «Кронверкские Барсы» / Университет ИТМО, 2018. URL: <https://kronbars.itmo.ru/images/pages/22/kronbars2018.pdf> (дата обращения: 05.11.2019 г.).

5 Методические рекомендации по развитию студенческого спорта (утв. Минобрнауки России 29.06.2016, Минспортом России 28.06.2016) // СПС КонсультантПлюс.

3 Межотраслевая программа развития студенческого спорта : Приказ Минспорта России N 981, Минобрнауки России N 1321 от 27.11.2019 // СПС КонсультантПлюс.

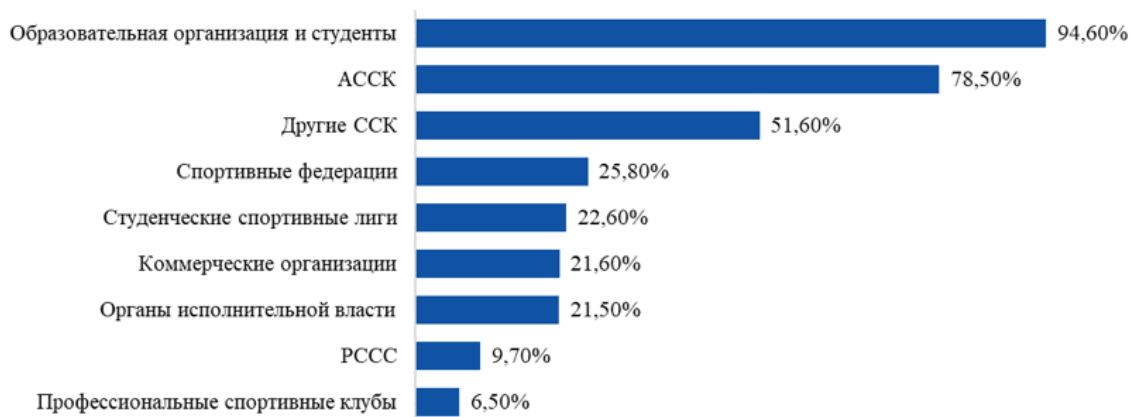

Рис. 3. Партнерское взаимодействие студенческих спортивных клубов с другими субъектами системы студенческого спорта
Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Стоит сказать, что основным упущением в системе студенческого спорта, является отсутствие внимания к особенностям спортивной сферы как объекта управления. К таким особенностям относятся: многообразие субъектов спортивной сферы и отношений между ними [Chelladurai, 2013], потребность в постоянном взаимодействии спортивных организаций [Shillbury, 2012], а также взаимозависимость элементов спортив-

ной системы [Ноуе, 2015]. Данные характеристики говорят о том, что в вопросах стратегического развития спортивные организации должны ориентироваться не только на внутреннее развитие, но и на содействие развитию спорта в целом и учет интересов заинтересованных сторон. С учетом этих особенностей, можно сделать вывод, что ССК, как основной субъект, напрямую взаимодействующий со студентами как активной группой

потребителей физкультурно-спортивных услуг, может способствовать развитию всей системы студенческого спорта, если в своей деятельности будет опираться на интересы других субъектов, и вовлекать их в текущие процессы.

Поэтому, для выхода студенческих спортивных клубов на новый уровень развития, необходимо уделить внимание выбору стратегических направлений развития, нацеленных как на формирование внутреннего потенциала и повышение автономности, так и на повышение заинтересованности других субъектов во взаимодействии с ССК.

Анализ стратегического развития студенческих спортивных клубов

В рамках исследования была выдвинута следующая гипотеза: текущий уровень развития ССК позволяет формировать единые рекомендации по разработке стратегических направлений развития. В целях проверки гипотезы автором был составлен рейтинг 80 студенческих спортивных клубов. Методика рейтинга основывалась на методике оценки деятельности клубов в рамках конкурса «Лучший студенческий спор-

тивный клуб»¹, однако включала также наличие элементов управления в клубе, наличие бюджета и источников финансирования, и оценивала деятельность по 4 разделам — организационное развитие ССК, спортивно-массовая работа ССК, уровень автономности ССК, маркетинг и продвижение ССК, каждый из которых оценивался в 125 баллов. Была собрана информация об организационных структурах клубов, результатах спортивно-массовой работы (количество спортивно-массовых мероприятий и корпоративных мероприятий, секций, сборных команд и видов спорта, находящихся в ведении ССК), наличии бюджета и источника финансирования деятельности ССК, количестве партнеров, а также о формировании бренда и SMM-продвижении клубов. На основе данных рейтинга был проведен иерархический кластерный анализ с применением пакета RStudio. В качестве метода анализа выбран метод Уорда, в качестве метрики используется Евклидово расстояние. По результатам кластерного анализа, было выявлено 5 кластеров по уровню развития (рисунок 4).

1 Положение о проведении Всероссийского конкурса «Лучший студенческий спортивный клуб 2018–2019 г.»

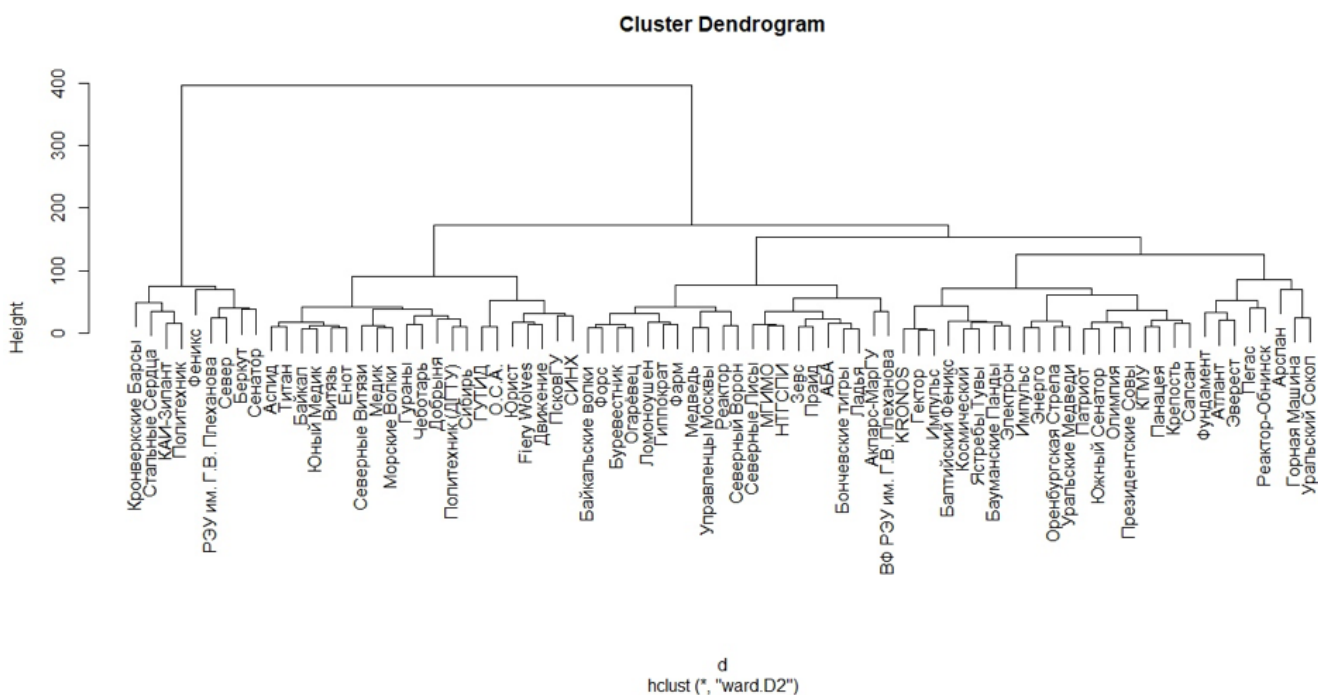

Рис. 4. Кластеры студенческих спортивных клубов по уровню развития
Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Сравнительный анализ кластеров по направлениям деятельности представлен на рисунке 5. Первый кластер включает в себя ведущие студен-

ческие спортивные клубы РФ («Беркут», «КАИ-Зиглант», «Кронверкские Барсы» и др.), которые по трем направлениям показали результаты выше 90

баллов из 125. Второй кластер («Арслан», «Горная Машина» и др.) существенно отстает от ведущего, однако показывает высокие результаты спортивно-массовой работы – выше 70 баллов. Третий («Балтийский Феникс», «Ястребы Тувы» и др.) и четвертый («Бончевские Тигры», «Буревестник» и др.) кластеры показывают примерно равные результаты в области организационного развития (54 балла), маркетинга и продвижения ССК (42 и 41 балл соответственно), однако в 3 кластере наблюдаются низкие показатели автономности (20 баллов). Самые низкие показатели наблюдаются у пятого кластера и не превышают 35 баллов по всем направлениям («Аспид», «Морские Волки» и др.), а сами клубы больше схожи с органами студенческого самоуправления.

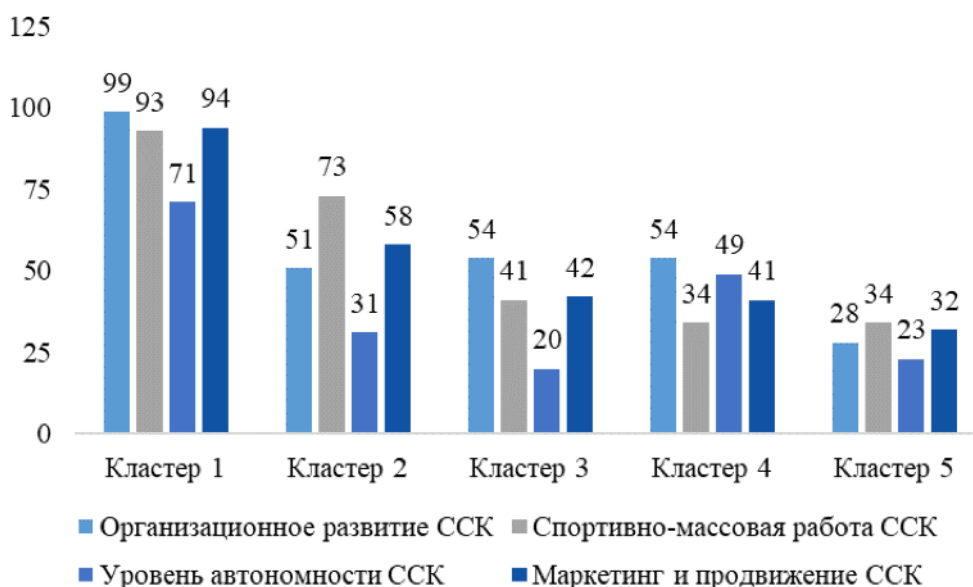

Рис. 5. Сравнительный анализ студенческих спортивных клубов по кластерам
 Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Далее приводится подробное описание направлений деятельности клубов в кластерах.

1. Организационное развитие ССК

Что касается организационной структуры ССК, то все кластеры, кроме 5 кластера, имеют в своих структурах большинство направлений, связанных с областью спортивного менеджмента. Должность ивент-менеджера наиболее распространена в 1, 3 и 4 кластерах (88,89 %, 62,50 % и 71,43 % соответственно), однако во 2 кластере встречается только у 25,00 % клубов. Должности менеджера спортивных секций и сборных команд, а также спортивных организаторов подразделений встречается преимущественно в 1 кластере (88,89 % и 77,78 % соответственно), что связано с большим количеством активистов и развиваемых видов спорта в клубах. Менеджмент волонтерского корпуса относительно развит в клубах 1 и 4 кластера (66,67 % и 52,38 % соответственно). Что касается направлений «маркетинг и продвижение» и «медиа», то должности фотографа/видеографа и SMM-менеджера широко распространены и превышают 60 % во всех кластерах, кроме 5

кластера (33,35 % и 23,81 % соответственно). Позиция PR-менеджера распространена в клубах 1 и 4 кластера (88,89 % и 57,14 % соответственно), а спортивные маркетологи встречаются только в клубах 1 кластера (44,54 %), что говорит о низком уровне данного направления в ССК в целом. Что касается элементов управления развитием ССК, то основные отличия касаются наличия элементов стратегий. В 1 кластере 88,89 % клубов имеют разработанные стратегии развития, в кластерах 2 и 3 стратегии разработаны более чем у 60 % клубов. В 4 и 5 кластере меньшая часть клубов имеют стратегии развития (33,33 % и 19,05 % соответственно) — это означает, что клубам в данных кластерах следует оказывать методическую поддержку в разработке стратегий.

2. Спортивно-массовая работа ССК

Между показателями спортивно-массовой работы клубов 1 кластера и остальных, имеется существенный разрыв. В первую очередь, секции и сборные команды распространены только в клубах 1 кластера (в среднем 18 секций и 14 сборных команд), клубы 2 кластера имеют в своем веде-

нии в среднем 7 секций и 10 сборных команд, а во всех остальных случаях ССК не имеют достаточно полномочий для организаций секций и сборных команд, и за это отвечают другие структурные подразделения. Это может быть связано с тем, что во всех клубах 1 кластера в структуре имеются штатные сотрудники, в то время как остальные клубы развиваются преимущественно силами активистов. Количество спортивно-массовых мероприятий в год и охватываемых видов спорта также сильно выше у клубов 1 кластера (43 мероприятия и 26 видов спорта), в клубах 2 кластера проводится в среднем 15 мероприятий в год и развивается 15 видов спорта, в то время как для остальных кластеров данные показатели не превышают 10 в обоих случаях.

3. Уровень автономности ССК

Что касается источников финансирования, то во всех кластерах более 85 % клубов финансируется за счет бюджетных средств образовательной организации. Среди внебюджетных источников, наиболее распространена грантовая поддержка — 66,67 % среди клубов 1 кластера, 42,86 % среди клубов 4 кластера, для остальных кластеров не превышает 25 %. Коммерческая деятельность встречается только у клубов 1 кластера (44,54 %), а спонсорская (партнерская) поддержка и пожертвования заинтересованных лиц более характерны для клубов 4 кластера (42,85 % и 28,57 % соответственно). В целом, для клубов всех кластеров целесообразен поиск путей расширения внебюджетных источников финансирования.

Среди партнерского взаимодействия, наибольшее распространение ожидаемо имеет взаимодействие с образовательной организацией, студентами, и АССК — характерно для более 75 % клубов. Однако, взаимодействие с другими студенческими спортивными клубами распространено в меньшей степени — более распространено в клубах 3 кластера (68,75 %), для клубов 1, 2 и 4 кластера составляет 55,56 %, 50,00 % и 57,14 %

соответственно, а среди клубов 5 кластера с другими ССК взаимодействуют только 42,86 %. Установление партнерских отношений за пределами АССК наиболее характерно для 1 кластера — более 50 % клубов взаимодействуют со всеми субъектами студенческого спорта (студенческие спортивные организации, спортивные организации, органы исполнительной власти, коммерческие организации). В клубах 2 и 4 кластера относительно распространено партнерство со спортивными организациями (50,00 % и 47,62 % соответственно), также в 4 кластере 57,14 % клубов взаимодействуют с коммерческими организациями. Клубы 3 и 5 кластера демонстрируют низкие показатели взаимодействия за пределами системы АССК, не более 13 % клубов в этих кластерах взаимодействуют с другими субъектами.

4. Маркетинг и продвижение ССК

По данному направлению анализировались, в первую очередь, элементы брендинга студенческих спортивных клубов, поскольку формирование брендов ССК является одним из приоритетов АССК России. Говоря об элементах бренда клуба, то наиболее распространен логотип, который разработан у 100 % клубов в 1, 2, 3 и 4 кластерах, и у 90,48 % клубов в 5 кластере. Такие элементы брендинга, как маскот (талисман) и слоган, распространены только в 1 кластере — 77,78 % и 88,89 % клубов соответственно, в остальных кластерах менее 40 %. Что касается других элементов брендинга, в частности наличие бренд-легенды, наружного брендинга на мероприятиях или в зданиях образовательной организации, то они также распространены в 1 кластере (66,67 %) и во 2 кластере (50,00 %), в остальных же кластерах распространение менее 25 %.

Представленная оценка направлений деятельности клубов позволяет предложить возможные стратегические приоритеты развития для каждого кластера (табл. 1).

Таблица 1. Стратегические приоритеты студенческих спортивных клубов по кластерам

Кластер	Организационное развитие ССК	Спортивно-массовая работа ССК	Уровень автономности ССК	Маркетинг и продвижение ССК
Кластер 1	Развитие спортивного маркетинга	Повышение количества секций и сборных команд под брендом ССК	Взаимодействие со спортивными организациями	Продвижение бренда ССК

Кластер	Организационное развитие ССК	Спортивно-массовая работа ССК	Уровень автономности ССК	Маркетинг и продвижение ССК
Кластер 2	Развитие менеджмента волонтерского корпуса и подразделений	Совершенствование деятельности актива ССК по всем направлениям спортивно-массовой работы	Взаимодействие со студенческими спортивными и коммерческими организациями	Развитие отдельных элементов брендинга
Кластер 3	Развитие PR-деятельности и менеджмента подразделений	Совершенствование системы спортивно-массовых мероприятий и расширение видов спорта	Налаживание взаимодействия за пределами системы АССК	
Кластер 4	Развитие менеджмента спортивных секций и сборных команд		Взаимодействие со студенческими спортивными и органами исполнительной власти	
Кластер 5	Формирование менеджерских позиций, формирование четкой организационной структуры	Налаживание взаимодействия со структурными подразделениями для проведения мероприятий	Взаимодействие с другими студенческими спортивными клубами	Формирование бренда ССК

Источник: составлено автором по данным настоящего исследования

Таким образом, по результатам кластерного анализа, выдвинутая гипотеза «текущий уровень развития студенческих спортивных клубов позволяет формировать единые рекомендации по разработке стратегических направлений развития» отвергается.

Обсуждение

Выводы, сделанные в ходе исследования, позволяют выделить два аспекта, значимых для студенческого спортивного клуба:

1. Необходимо ориентироваться не только на развитие самого клуба, но и на обеспечение эффективного взаимодействия со стейкхолдерами, которых целесообразно вовлекать в процесс развития. В процесс стратегического управления ССК целесообразно включить элементы-стейкхолдер менеджмента для того, чтобы выявлять интересы и ожидания субъектов студенческого спорта и налаживать взаимодействие в соответствии с ними. Для ССК можно выделить внутренних стейкхолдеров (образовательная организация и студенты) и внешних стейкхолдеров (другие организации в системе студенческого спорта).

2. Необходимо учитывать разнородность ССК, особенности развития которых на каждом уровне формируют определенные стратегические приоритеты и возможности. На основе принадлежности к кластеру может проводиться анализ ключевых факторов успешности, а также выявляться конкурентные преимущества клуба или же отстающие показатели развития в сравнении с клубами своего кластера. Это позволит объективно оценивать текущее развитие клуба с учетом исходных характеристик и условий функциони-

рования, и, соответственно, ставить достижимые цели. В рамках выявления внешних стейкхолдеров также целесообразно ориентироваться на принадлежность к кластеру, поскольку для каждого кластера характерны группы организаций, с которыми осуществляется более активное взаимодействие.

Проблематика стратегического развития ССК остается слабо разработанной по причине отсутствия целостности системы студенческого спорта, в которой каждый субъект занимается своим кругом задач и не затрагивает интересы других организаций, а также по причине неясного статуса самих ССК, что лишает их необходимой свободы и четких ориентиров в развитии. Следует определить ССК как центральный субъект системы студенческого спорта, наиболее близкий к студентам как к ключевым потребителям, и координировать стратегические приоритеты ССК с приоритетами субъектов студенческого спорта. В особенности данная рекомендация касается АССК — поскольку одной из задач Ассоциации является «оказание методической помощи студенческим спортивным клубам»¹, целесообразно сформировать четкие приоритеты Ассоциации и в соответствии с ними содействовать стратегическому управлению отстающих клубов. В частности, применение кластерного анализа для оценки и сравнения показателей развития ССК может стать важным шагом для реализации задач АССК России, среди которых выделяется «создание

¹ Устав Общероссийской молодежной общественной организации «Ассоциация студенческих спортивных клубов России», утв. 20.09.2019 г.

единой цифровой платформы АССК России для работы всех студенческих клубов России»¹. Если применить к этой задаче стратегический подход, то можно также содействовать развитию самих ССК, открывая им доступ к данным рейтинга и результатам кластерного анализа. Это позволит клубам самостоятельно проводить сравнительный анализ и определять те направления деятельности, которые требуют улучшения для повышения конкурентоспособности и выхода на новый уровень развития.

Выводы

По результатам исследования можно сделать вывод, что большинство студенческих спортив-

1 Резолюция Всероссийского форума студенческих спортивных клубов. URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2019/01/10/8f40a0116fbae645acab22c58aaa045c/rezolyutsiya-vserossijskogo-foruma-studencheskih-sportivnyih-klubov.pdf>. Дата публикации 10.11.2018 г.

ных клубов находятся на низком уровне развития, что вызвано текущими особенностями системы студенческого спорта. Также разнородность студенческих спортивных клубов не позволяет формировать единых рекомендаций по определению стратегических направлений развития клубов, что необходимо учитывать в дальнейшем при реализации такой задачи АССК, как «разработка единой модели студенческого спортивного клуба»². Единая модель в таком случае должна стать своего рода эталоном и конечной целью развития, по мере достижения которой отстающим клубам необходимо оказывать методическую помощь, выявлять их уровень развития и помогать определять релевантные стратегические приоритеты.

2 Там же.

Список источников

1. Буров, 2016 — Буров А. Г. Модель развития студенческого спортивного клуба / А. Г. Буров [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2016. № 9. С. 36–38. ISSN: 0040-3601.
2. Козьмик, 2015 — Козьмик В. Н. Кластерный подход развития студенческого спорта в РФ в современных рыночных условиях / В. Н. Козьмик // Экономика и предпринимательство = Journal of Economy and entrepreneurship. 2015. № 12–2 (65). С. 991–996. ISSN: 1999-2300.
3. Кузьмин, 2016 — Кузьмин С. М. Проект по разработке маркетинговой стратегии студенческого спортивного клуба СПбПУ «Черные медведи» / С. М. Кузьмин // Информатика и кибернетика (СОМCON-2016) : сборник докладов студенческой научной конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016. 348 с. С. 313–315. ISBN: 978-5-7422-5403-4.
4. Лубышева, 2016 — Лубышева Л. И. Интеграция деятельности спортивного клуба и кафедры физической культуры в контексте развития студенческого спорта в вузе / Л. И. Лубышева, Н. В. Пешкова // Теория и практика физической культуры. 2016. № 5. С. 90–92 ISSN: 0040-3601.
5. Матвеева, 2018 — Матвеева М. С. Стратегия развития студенческого спортивного клуба / М. С. Матвеева, А. Н. Клименко // Современные проблемы физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры : материалы XVII Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. 331 с. С. 48–51.
6. Ольховский, 2015 — Ольховский Р. М. Модели организации спортивного клуба, способы создания и ресурсное обеспечение / Р. М. Ольховский // Спортивно-массовая работа и студенческий спорт: возможности и перспективы : Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2015. 218 с. С. 26–29. ISBN: 978-5-7937-1179-1.
7. Слободянюк, 2017 — Слободянюк Н. В. Ключевые аспекты механизма финансирования студенческих спортивных клубов в образовательных организациях (на примере учреждений высшего образования) / Н. В. Слободянюк // Экономика знаний: теория и практика. 2017. № 4. С. 40–56. eISSN: 2587-6082
8. Chelladurai, 2013 — Chelladurai P. A personal journey in theorizing in sport management / P. Chelladurai // Sport Management Review. 2013. 16(1):22–28. DOI: 10.1016/j.smr.2011.12.003.
9. Hoye, 2015 — Hoye R. Sport management: principles and applications / R. Hoye [et al.]. New York: Routledge, 2015. 405 p. ISBN: 978-1-13883960-1.
10. Shillbury, 2012 — Shillbury D. Competition: the heart and soul of sport management / D. Shillbury // Journal of sport management. 2012. 26:1–10.

References

1. Burov A. G. Model' razvitiya studencheskogo sportivnogo kluba [Model of development of student sports club]. A. G. Burov [and others]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2016. No. 9. P. 36–38. ISSN: 0040-3601 (in Russian).
2. Kozmik V. N. Klasternyy podkhod razvitiya studencheskogo sporta v RF v sovremennykh rynochnykh usloviyakh [Cluster approach to the development of student sports in the Russian Federation in modern market conditions]. V. N. Kozmik. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2015. No. 12–2 (65). P. 991–996. ISSN: 1999-2300 (in Russian).
3. Kuzmin S. M. Proyekt po razrabotke marketingovoy strategii studencheskogo sportivnogo kluba SPbPU "Chernyye medvedi" [Project for the development of a marketing strategy for the student sports club of SPbPU "Black Bears"]. S. M. Kuzmin. *Informatika i kibernetika (COMCON-2016)* [Computer Science and Cybernetics (COMCON-2016)]: Proceedings of the student scientific conference. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2016. 348 p. Pp. 313–315. ISBN: 978-5-7422-5403-4 (in Russian).
4. Lubysheva L. I. Integratsiya deyatelnosti sportivnogo kluba i kafedry fizicheskoy kul'tury v kontekste razvitiya studencheskogo sporta v vuze [Integration of the activity of the sports club and the department of physical culture in the context of the development of student sports at the university]. L. I. Lubysheva, N. V. Peshkova. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2016. No. 5. P. 90–92 ISSN: 0040-3601 (in Russian).
5. Matveeva M. S. Strategiya razvitiya studencheskogo sportivnogo kluba [Strategy for the development of a student's sports club]. M. S. Matveeva, A. N. Klimenko. *Sovremennyye problemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy trenirovki, ozdorovitel'noy i adaptivnoy fizicheskoy kul'tury* [Modern problems of physical education, sports training, health-improving and adaptive physical culture]: Proceedings of the 17th International scientific-practical conference. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2018. 331 p. Pp. 48–51 (in Russian).
6. Olkhovskiy R. M. Modeli organizatsii sportivnogo kluba, sposoby sozdaniya i resursnoye obespecheniye [Models of organizing a sports club, methods of creation and resource provision]. R. M. Olkhovskiy. *Sportivno-massovaya rabota i studencheskiy sport: vozmozhnosti i perspektivy* [Sports work and student sports: opportunities and prospects]: Proceedings of an international scientific and practical conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2015. 218 p. Pp. 26–29. ISBN: 978-5-7937-1179-1 (in Russian).
7. Slobodyanyuk N. V. Klyuchevyye aspekty mekhanizma finansirovaniya studencheskikh sportivnykh klubov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh (na primere uchrezhdeniy vysshego obrazovaniya) [Key aspects of the financing mechanism of student sports clubs in educational organizations (on the example of higher education institutions)]. N. V. Slobodyanyuk. *Ekonomika znaniy: teoriya i praktika* [Knowledge Economy: Theory and Practice]. 2017. No. 4. P. 40–56. eISSN: 2587-6082 (in Russian).
8. Chelladurai P. A personal journey in theorizing in sport management. P. Chelladurai. *Sport Management Review*. 2013. 16(1):22–28. DOI: 10.1016/j.smr.2011.12.003.
9. Hoye R. *Sport management: principles and applications*. R. Hoye [et al.]. New York: Routledge, 2015. 405 p. ISBN: 978-1-13883960-1.
10. Shillbury D. Competition: the heart and soul of sport management. D. Shillbury. *Journal of sport management*. 2012. 26:1–10.

Информация об авторе:

Еремина Екатерина Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Information about the author:

Eremina Ekaterina A. – St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia.

Статья поступила в редакцию 31.08.2020; одобрена после рецензирования 23.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.
The article was submitted 08/31/2020; approved after reviewing 09/23/2020; accepted for publication 12/02/2020.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24)'. С. 142–158.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24)': 142–158.

Научная статья

УДК 332.1, 336.512

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.15

Влияние нецелевого использования бюджетных средств на уровень социальной напряженности

Марина Николаевна Лукьянова^{1,2}, Елена Валерьевна Афанасьева^{1,3}, Юлия Андреевна Короткова^{1,4},
Алина Анатольевна Рожкова^{1,5}, Илья Леонидович Шалаев^{1,6}

1 Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

2 MNLUkyanova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2028-8542>

3 elena_2.88@mail.ru

4 ms.korotkova1123@mail.ru

5 alina-220699@mail.ru

6 ilja25@mail.ru

Аннотация. Целью данной работы является оценка влияния нецелевого использования бюджетных средств на социальную напряженность в субъектах Российской Федерации. Объектом исследования — нецелевое использование бюджетных средств в отдельных субъектах Российской Федерации. Предметом работы выступает связь между нецелевым использованием бюджетных средств в субъектах Российской Федерации и социальной напряженности в них. Методы исследования — сравнительный анализ, ранжирование, теория вероятностей и математическая статистика. В результате исследования на основе расчета коэффициентов корреляции выявлено наличие взаимосвязей исследуемых параметров на примере четырех регионов Российской Федерации, сделана их оценка.

В работе проведен анализ статистических данных Министерства финансов, ГАС «Управление», Федеральной службы государственной статистики и региональных рейтингов по управлению финансами, индексу социальной напряженности и протестной активности. По итогам эмпирического исследования были выбраны четыре наиболее подходящих региона Российской Федерации для изучения влияния нецелевого использования бюджетных средств на социальную напряженность: Республика Дагестан, Архангельская область, г. Санкт-Петербург и Краснодарский край. Для составления алгоритма исследования предложены показатели-индикаторы социальной напряженности, к которым относятся уровень рождаемости и безработицы в регионе, естественный прирост населения, миграционные потоки, протестная активность и продолжительность жизни, на основании которых были рассчитаны интегральные коэффициенты социальной напряженности в исследуемых регионах.

Проведенный корреляционный анализ по данным за 2014–2018 гг. показал, что из всех рассматриваемых регионов в Краснодарском крае и в Архангельской области прослеживается слабая связь между нецелевым использованием бюджетных средств и социальной напряженностью. В республике Дагестан и городе Санкт-Петербурге имеется ярко выраженная отрицательная связь между данными показателями, что приводит к тому, что они не влияют друг на друга.

Ключевые слова: регион; социальная напряженность; нецелевое использование; бюджетные средства; эффективность управления; корреляция; контрольно-счетные органы.

Благодарности: статья подготовлена в рамках научного исследования, проведенного временным творческим студенческим коллективом Финансового университета в 2019—2020 гг.

Для цитирования: Лукьянова М. Н. Влияние нецелевого использования бюджетных средств на уровень социальной напряженности / М. Н. Лукьянова и др. // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 142–158. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.15

JEL: H11, R11, R58

Original article

The influence of inappetent use of budget funds on the level of social tension in the regions of the Russian Federation

Marina N. Lukyanova^{7,8}, **Elena V. Afanasyeva**^{1,9}, **Julia A. Korotkova**^{1,10}, **Alina A. Rozhkova**^{1,11}, **Ilya L. Shalaev**^{1,12}⁷ Financial University, Moscow, Russia.⁸ MN Lukyanova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2028-8542>⁹ elena_2.88@mail.ru¹⁰ ms.korotkova1123@mail.ru¹¹ alina-220699@mail.ru¹² ilja25@mail.ru

Abstract. The goal of this research is to assess the impact of misuse of budget funds on social tension in the subjects of the Russian Federation. The object of the research is the misuse of budgetary funds in certain subjects of the Russian Federation. The subject of this work is the relationship between the misuse of budgetary funds in the subjects of the Russian Federation and social tension in them. Research methods are comparative analysis, ranking, probability theory and mathematical statistics. As a result of the study, based on the calculation of the correlation coefficients, the presence of interrelationships of the revealed parameters on the example of four regions of the Russian Federation, and their assessment was made.

The research analyzes the statistical data of the Ministry of Finance, SAS "Management", the Federal State Statistics Service and regional ratings on financial management, the index of social tension and protest activity. Based on the results of the empirical study, four most suitable regions of the Russian Federation were selected to study the impact of inappropriate use of budget funds on social tension: the Republic of Dagestan, the Arkhangelsk Region, Saint-Petersburg and the Krasnodar Territory. To make the research algorithm, indicators of social tension were proposed, which include the birth rate and unemployment rate in the region, natural population growth, migration flows, protest activity and life expectancy, on the basis of which integral coefficients of social tension in the considered regions were calculated.

Correlation analysis which based on data for 2014–2018 showed that in the Krasnodar Territory and in the Arkhangelsk Region of all the regions under consideration, there is a weak relationship between the misuse of budget funds and social tension. In the Republic of Dagestan and the city of Saint Petersburg, there is a pronounced negative relationship between these indicators, which leads to the fact that they do not affect each other.

Key words: region, social tension, misuse, budget funds, management efficiency, correlation, control and accounting bodies.

Acknowledgments: the article was prepared as part of a scientific study conducted by the temporary creative student team of the Financial University in 2019–2020.

For citation: Lukyanova M. N. The influence of inappetent use of budget funds on the level of social tension in the regions of the Russian Federation. M. N. Lukyanova [et al.]. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24)': 142–158. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.15

JEL: H11, R11, R58

Введение (обоснование)

В статье рассматривается специфика влияния функционирования бюджетно-финансовой системы государства на общественно значимые результаты. Дается оценка влияния отдельных видов нарушений в сфере бюджетного законодательства на стабильность экономической ситуации в регионах, а также обоснованности решений в распределении бюджетных средств с учетом их

социально-экономических последствий.

Распределение и целевое расходование бюджетных ресурсов выполняет социальную функцию, восполняя тем самым «провалы» рынка, стимулирует экономическую активность населения и бизнеса в соответствии с вырабатываемыми направлениями экономической политики. Получившая в последнее время тенденция нецелевого расходования бюджетных средств может препятствовать органам федеральной, региональной и муниципальной власти качественно исполнению своих полномочий. Такие собы-

тия как рост социальной напряженности могут ухудшить результативность выполнения национальных целей, увеличить риски невыполнения государственных проектов и целевых программ. Как следствие, возможно нанесение ущерба здоровью и интересам как отдельных граждан и социальных групп, так и обществу в целом.

Неэффективное и нерезультативное использование бюджетных средств, включая их нецелевое расходование и нерациональное использование, присутствует на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации. Во время мировых финансовых кризисов данная тенденция, оказывающая влияние на все зоны публичного управления, воздействует на все сферы социальной, экономической и хозяйственной жизнедеятельности.

Актуальность данного исследования обусловлена проблемами в области нецелевого использования бюджетных средств в субъектах Российской Федерации. Основная задача исследования заключается в определении силы и направленности воздействия на социально-экономическое развитие регионов, так как именно правильное и рациональное распоряжение средствами бюджета является одним из факторов их экономического роста и благополучия. На сегодняшний день система распоряжения бюджетными средствами, которая смогла бы эффективно решать все стоящие перед страной задачи, ещё не сложилась.

Современная исследовательская мысль в последнее десятилетие не раз касалась данной проблематики, что находит отражение в многочисленных научных публикациях. В работе Н. Бураков с соавторами решает задачу федеративного развития с применением кластерного анализа, для чего предлагают авторскую методику [Бураков, 2019]. Данная методика предусматривает построение регионального индекса экономического развития и ранжирования субъектов Российской Федерации. Разработчиками предпринимается попытка выделения отдельных групп (кластеров) регионов как объектов федеральной политики регионального развития и регулирования пространственной структуры экономики страны. При этом оценка данных производится в динамике, с акцентом на экономический потенциал развития российских регионов, под которыми авторы подразумевают факторы и закономерности устойчивого роста регионального звена

российской экономики. Социальный аспект исследования выражен в выявлении закономерностей с целью обоснования решений по вопросам адресной поддержки территорий через систему публичных нефинансовых институтов и инструментов федеральной политики, таких как национальные проекты и государственные программы. Н. С. Козырь демонстрирует новые подходы к составлению рейтингов региона в национальной экономике [Козырь, 2019]. Безусловно, актуальным выглядит аспект, вскрытый в статье С. П. Земцова и Ю. А. Смелова [Земцов, 2018], когда политика регионов рассматривается как фактор регионального развития. В конечном итоге это влияет на интегральную готовность и инвестиционную привлекательность, что справедливо отражено в классической формулировке сложностей инновационных изменений государственной системы любой страны [Валентей, 2018].

Нецелевое использование бюджетных средств находится в фокусе внимания высших должностных лиц государства. Особое внимание данному вопросу уделяется на регионах, подчеркивается необходимость недопущения нецелевого использования бюджетных средств при закупке оборудования и техники, строительстве, выполнении социальных обязательств и планов капиталовложений. Принципы подотчетности и открытости использования государственных средств, а также движение всех видов бюджетных ресурсов должно четко прослеживаться на всех уровнях управления [Сергомасова, 2011].

Контроль за использованием бюджетных средств всегда находился в фокусе внимания государства на всех этапах его исторического развития. Так, в конце XVIII века Павлом I была введена новая должность государственного казначея, который осуществлял контроль над всеми денежными потоками в существующей ранее казначейской системе. Таким образом, одной из важнейших проблем в бюджетной системе Российской Федерации является нецелевое использование бюджетных средств и влияние данного фактора на социальную напряженность в регионах.

Целью данной работы является оценка влияния нецелевого использования бюджетных средств на социальную напряженность в субъектах Российской Федерации. Методами исследования выступили сравнительный анализ, ранжирование, тео-

рия вероятностей и математическая статистика. В процессе работы также проводились эмпирические исследования отдельных составляющих нецелевого использования бюджетных средств, проводились расчеты статистических коэффициентов для выявления и оценки связи.

Понятие нецелевого использования бюджетных средств глубоко укоренилось в практике. Его определение в строгой форме представлено в статье 306.4 Бюджетного Кодекса Российской Федерации: «нецелевое использование бюджетных средств — это «направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной ро-

списью, лимитами бюджетных обязательств ...»¹.

Материалы и методы

Социальная напряженность — социальный феномен, формирующийся на основе неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим или политическим положением. Этот феномен характеризуется тем, что на уровне различных групп в обществе появляется атмосфера массового беспокойства, острого эмоционального возбуждения. Обобщенная информация о социальной напряженности в субъектах РФ отражается в ранжированных перечнях, которые составляют рейтинговые агентства. Они рассчитывают и оценивают качество управления региональными финансами, уровень нецелевого использования бюджетных средств и измеряют социальную напряженность в субъектах РФ (таблица 1).

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СПС КонсультантПлюс.

Таблица 1. Обобщенные сведения о социальной напряженности и нецелевом использовании бюджетных средств в субъектах РФ

Название	Рейтинг «Качество управления региональными финансами» ¹	Рейтинг социальной напряженности ²	«Рейтинг протестной активности регионов России на февраль 2019» ³	Интегральный рейтинг социальной напряженности ⁴	Рейтинг корпоративных регионов ⁵	Рейтинг ГАС «Управление» и Федеральной службы государственной статистики ⁶
Разработчик	Министерство финансов (низкое качество управления)	Комитет гражданских инициатив	АНО «Институт региональной экспертизы»	Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР), 2017 г.	По версии сайта «Федерал Пресс» (города)	ГАС «Управление» и Федеральная служба государственной статистики
Регионы-лидеры	Республика Марий Эл	Республика Удмуртия	Волгоградская область	Приморский край	Нальчик	Республика Коми
	Еврейская автономная область	Краснодарский край	Архангельская область	Свердловская область	Сочи	—
	Орловская область	Москва	Москва	Москва	Владивосток	Ленинградская область
	Кабардино-Балкарская республика	Санкт - Петербург	Красноярский край	Хабаровский край	Санкт-Петербург	-
	Псковская область	Республика Дагестан	Тамбовская область	Республика Бурятия	Махачкала	Архангельская область

Источники: составлено авторами по [Нагайцев, 2010; Лаптева, 2018; Быковский, 2005]

1 Министерство финансов (низкое качество управления)

2 Комитет гражданских инициатив

3 АНО «Институт региональной экспертизы»

4 Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР), 2017 г.

5 по версии сайта «Федерал Пресс» (города)

6 ГАС «Управление» и Федеральная служба государственной статистики

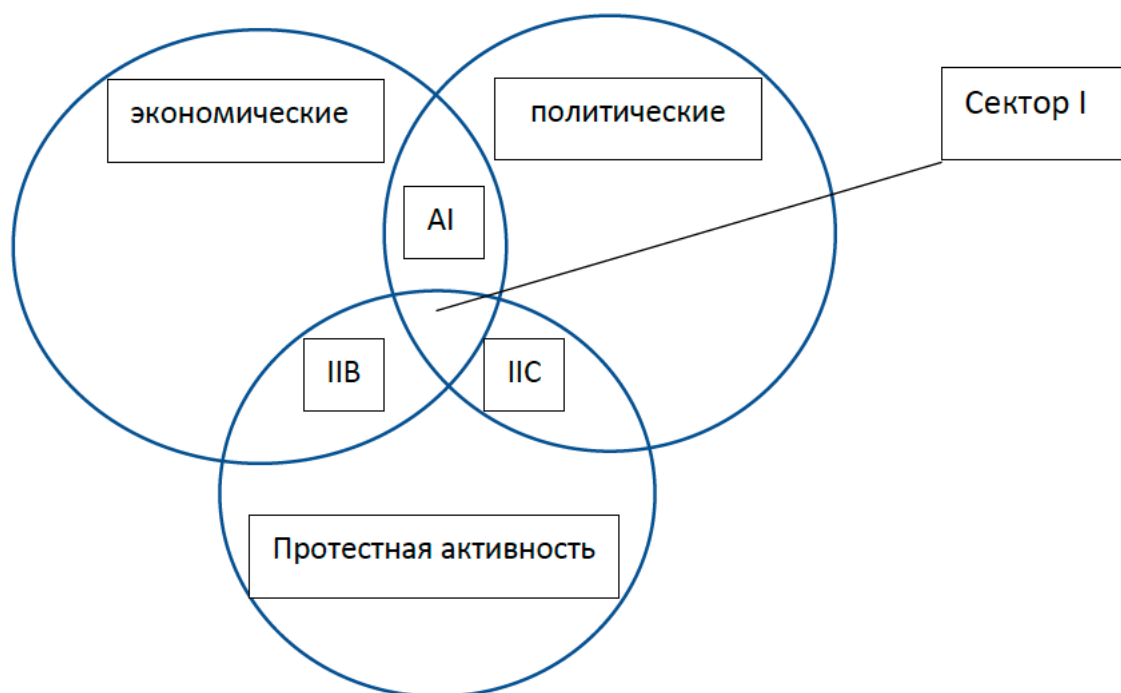

Рис. 1. Факторы социальной напряженности, их взаимодействие друг с другом

Источник: Индекс социально-экономической и политической напряженности в регионах России за I полугодие 2018 // Комитет гражданских инициатив : [сайт]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3946/>. Дата публикации: 19.11.2018.

Комитет гражданских инициатив оценивает социальную напряжённость по экономическим и политическим факторам, а также протестной активности [Нагайцев, 2010]. В совокупности с помощью данных факторов возможно рассчитать оценку социальной напряженности в субъектах РФ по отдельным показателям (рисунок 1).

В первом полугодии 2016 г. и первом полугодии 2017 г. лидерами по суммарным рискам (политические, экономические) являлись Кемеровская область, Кировская область, Омская область, Челябинская область и Республика Коми. По суммарным рискам (экономические факторы и социальные протесты) особо отличились Краснодарский край и Астраханская область. Совокупность политических рисков и протестности в первом полугодии 2016 и 2017 гг. преобладали в Республике Бурятия, г. Москве, Республике Крым, г. Севастополе, а также в Республике Дагестан и в Чувашской Республике.

Обратимся к рейтингу протестной активности регионов России, который был составлен АНО «Институт региональной экспертизы». Данный рейтинг рассчитывается исходя из совокупности показателей, разделенных на две группы. Первая группа — количественные показатели, которые в свою очередь делятся на два блока: социально-экономический протест и политический протест.

Каждый из блоков оценивается по шкале от 0 до 5, где 0 — полное отсутствие протестной активности граждан, а 5 — максимальный уровень протестной активности, ставящий под угрозу стабильность региональной власти. Исходя из этого, каждый регион в сумме получает от 0 до 10 баллов (сумма показателей социально-экономического и политического протеста). Соответственно, чем выше балл, тем выше уровень протестной активности в субъекте РФ. Вторая группа — качественные показатели.

Социальная напряженность региона — это хаотичный, нестабильный процесс. Однако некоторые регионы России показывают стабильно высокий уровень общественной нестабильности вследствие многих факторов. Обратим внимание на Интегральный рейтинг регионов по уровню социальной напряжённости, составленный Центром экономических и политических реформ (ЦЭПР) в 2017 г. На лидирующих позициях данного рейтинга выступили Приморский край, Свердловская область, Москва, Хабаровский край, Республика Бурятия, Самарская область, Ростовская область. Завершает представленный ЦЭПР список Республика Адыгея и Чеченская республика¹.

¹ Эксперты назвали регионы — лидеры по социальной напряженности // Центр стратегических оценок и прогнозов : [сайт]. URL: <http://csef.ru/>

Для оценки напряженности в регионах, необходимым условием является выявление общественного мнения посредством социальных опросов. Соответствующая методика утверждена Постановлением Правительства от 25 мая 2019 г. № 662 и предполагает проведение социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах РФ². Разрабатываемые опросы представляют данные о фактических значениях параметров оценки коррупции в регионах, качественно-количественные оценки и оценки структуры коррупции, причин и условий ее возникновения и эффективности борьбы с ней.

Первое место занимает г. Москва, где за 2017 г. было совершено 184 преступления коррупционной направленности. Популярное мнение о коррумпированности Москвы среди жителей регионов, уверенность, что «все деньги идут в Москву» подтвердилось данным рейтингом. На втором месте оказалась Московская область, где количество преступлений составило 102. Тройку регионов с самым большим количеством преступлений по статье 290 УК РФ замкнул Санкт-Петербург с числом преступлений — 84. На 4 месте оказался Краснодарский край с 79 преступлениями. В прокуратуре Краснодарского края посчитали средний размер взятки за истекшие девять месяцев 2017 г. Минимальная сумма составила 368,8 тыс. руб., максимальная — почти семь млн руб. На пятом месте расположилась Самарская область, уступив Краснодарскому краю всего на 3 преступления, хотя предыдущие четыре субъекта более очевидны для сферы коррупции. Один из самых громких скандалов связан с главой муниципального района Нефтегорский Самарской области.

С целью изучения социального аспекта напряженности граждан и общества, обратимся к данным официального сайта государственной автоматизированной системы «Управление» и рейтингу Федеральной службы государственной статистики. Рассматривая такой показатель, как «удовлетворенность населения качеством авто-

мобильных дорог в муниципальных образованиях» по итогам 2017 г. и 2018 г., можно выделить следующие закономерности:

1. Субъекты Российской Федерации: Ленинградская область, Республика Коми, Архангельская область, Новгородская область входят в Топ 10 регионов с самой низкой удовлетворенностью населения качеством автомобильных дорог в муниципальных образованиях на протяжении двух последних лет (2017 и 2018 гг.). Положительные результаты в данных регионах находятся в диапазоне от 13 % до 25 % от числа опрошенных. Хотя стоит заметить, что наблюдается рост удовлетворенности качеством автомобильных дорог в регионах аутсайдерах.

2. В среднем минимальные значения показателя у регионов аутсайдеров растут на 21 % в год.

Безусловно, настроения населения по поводу качества автомобильных дорог, являющихся одним из самых наглядных индикаторов эффективности использования бюджетных средств, отражаются на общем отношении к деятельности органов исполнительной власти данных субъектов РФ.

Случаи нецелевого использования бюджетных средств, выявленных контрольно-счетными органами региона, имеют самые разнообразные формы, особенности их проявления на практике региональных органов власти и органов местного самоуправления требуют детального анализа.

В 2019 г. Генеральная Прокуратура назвала регионы-лидеры по нарушению бюджетного законодательства за 2018 г. Наибольшее число уголовных дел за нарушения бюджетного законодательства и законов о закупках было возбуждено по инициативе прокуроров в Краснодарском крае (количество таких правонарушений в 2018 г. составило 78), Москве и Рязанской области. В ходе проведения внешнего государственного финансового контроля по состоянию на 2018 г. установлено 15 118 фактов различных нарушений в работе объектов контроля на сумму 7 485 419,1 тыс. руб., из которых 971 факт правонарушений бюджетного законодательства РФ, по которым предусмотрены бюджетные и (или) административные меры принуждения на сумму 2 130 549,1 тыс. руб., в т. ч. нецелевое использование бюджетных средств — 270 фактов на сумму 3 815,4 тыс. руб.³

[ru/politica-i-geopolitica/223/eksperty-nazvali-regiony-lidery-po-soczialnoj-napryazhennosti-7455](http://politica-i-geopolitica/223/eksperty-nazvali-regiony-lidery-po-soczialnoj-napryazhennosti-7455). Дата публикации 18.02.2017.

² Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации № 662 от 25.05.2019 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905300017> (дата обращения: 30.09.2020).

³ 22 апреля 2019 года состоялось очередное пленарное заседание

В структуре выявленных нарушений 28 процентов приходится на случаи нецелевого расходования бюджетных средств: завышения стоимости работ и услуг, а также иных показателей при осуществлении строительных и ремонтных работ, несоблюдения порядков и условий предоставления или расходования межбюджетных трансфертов, субсидий, порядков утверждения и ведения бюджетных смет, формирования и финансового обеспечения выполнения государственного (муниципального) задания, факты невыполнения или неполного выполнения государственного (муниципального) задания. Так, объём бюджетных ассигнований муниципального дорожного фонда Старошербиновского сельского поселения Щербиновского района на 2018 г., который составил 17 144,9 тыс. руб. при утверждённом объёме бюджетных ассигнований дорожного фонда всего Краснодарского края на 2018 г. в сумме 29 048 874,9 тыс. руб.¹ [Зборовский, 2010].

законодательного собрания Краснодарского края // Контрольно-счетная палата Краснодарского края : [сайт]. URL: <https://kspkuban.ru/?p=4398>. Дата публикации 25.04.2019.

1 О краевом бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов (с изменениями на 28 ноября 2018 года) : Закон Краснодарского края N 3722-КЗ от 20 декабря 2017 года // Техэксперт : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556088999> (дата обращения: 16.04.2020).

Несмотря на то, что бюджетные средства муниципального дорожного фонда малы по сравнению с региональным, остаётся важным следующий факт важности правильного их расходования, а также сильного влияния на социальную стабильность в регионе.

Результаты анализа практики нецелевого использования бюджетных средств

Контрольно-ревизионная инспекция и контрольно-счетная палата Архангельской области проводят ежегодные проверки и мониторинг соблюдения бюджетного законодательства, правомерного использования средств областного бюджета. По результатам осуществления финансового контроля 79 объектов Контрольно-счётной палатой области в 2016 г. было выявлено нецелевое использование бюджетных на сумму 101,1 млн руб.² В 2017 г. проверено 98 объектов контроля и выявлено нарушений бюджетного и иного законодательства на сумму 2 696,0 млн руб., в т. ч. нецелевого использования бюджетных средств на сумму 82,3 млн руб. По сравнению с 2016 г. нарушения в сфере нецелевого использования бюджетных средств сократились на 35 %.

2 Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Архангельской области за 2016 год / Контрольно-счетная палата Архангельской области. URL: <http://kspao.ru/Activities/ActivitiesReports/document06.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

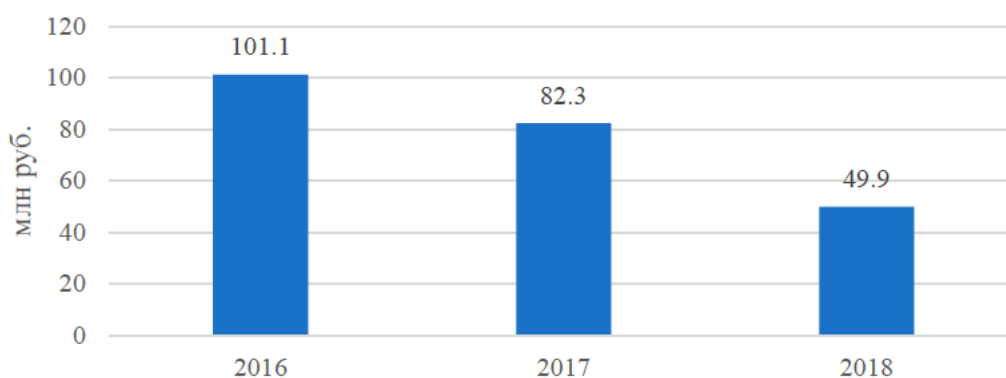

Рис. 2. Динамика нецелевого использования бюджетных средств Архангельской области в 2016–2018 гг. (млн руб.)

Источник: составлено авторами по данным Контрольно-счетной палаты Архангельской области

В рамках осуществления деятельности Министерства строительства области в 2017 г. был зафиксирован факт нецелевого использования бюджетных средств в размере 3,9 млн руб. на строительство объекта Берегоукрепления участка рукава Быстрокурки. При строительстве детских дошкольных учреждений в Архангельской области в городе Вельск и Каргопольском муниципальном районе. Так, в городе Вельск было

совершено 19 нарушений бюджетного законодательства на сумму 17,4 млн руб., в т. ч. нецелевое использование составило 0,2 млн руб. В Каргопольском муниципальном районе сумма нецелевого использования средств достигла 8,6 млн руб. и было зафиксировано 24 нарушения бюджетного законодательства. В Архангельской области при реализации ведомственной Министерства ТЭК и ЖКХ Программы по Переселению граждан

из аварийного жилищного фонда был совершен ряд нарушений, которые привели к нецелевому использованию средств в размере 42,2 млн руб. в 6 муниципальных образованиях (рисунок 3).

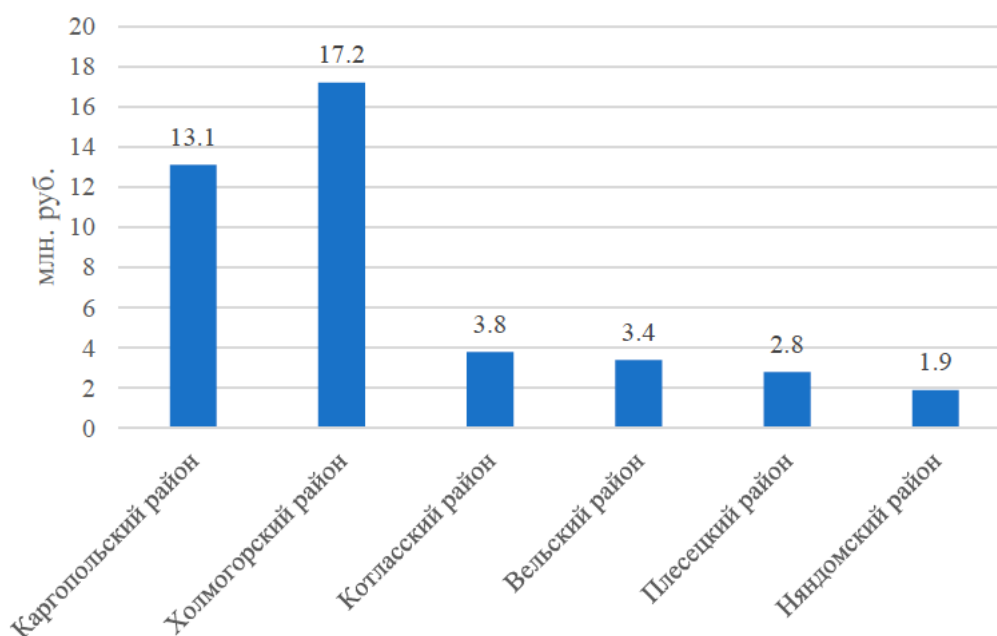

Рис. 3. Нецелевое использование бюджетных средств муниципальными образованиями при реализации Программы переселения граждан из аварийного жилищного фонда
Источник: составлено авторами по данным Контрольно-счетной палаты Архангельской области

В Плесецком муниципальном районе была проведена проверка соблюдения бюджетного законодательства, по итогам которой не по целевому назначению было потрачено 1,9 млн руб. при реализации программы «Газификация Архангельской области на 2012–2014 гг.», при реализации программы «Развития энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Архангельской области (2014–2020 гг.)» — 1,0 млн руб. В рамках проверки расходования субсидии на софинансирование мероприятий по ремонту автомобильных дорог местного значения, установлено нецелевое использование на сумму 1,8 млн руб.³

При проверке Архангельского политехнического техникума было выявлено 75 нарушений, в т.ч. нецелевое использование средств бюджета области на сумму 4,2 млн руб., как известно, были оплачены фактически не выполненные работы по устройству кровли, ремонту тира.

По результатам проверки Контрольно-счетной палаты области в 2018 г. из общей суммы выявленных нарушений нецелевое использование

средств составило 49,9 млн руб., сумма ущерба, которая подлежит к возврату в бюджет, составила 208,5 млн руб. В рамках деятельности Министерства ТЭК и ЖКХ Архангельской области при проверке процесса реализации государственной программы «Формирование современной городской среды в Архангельской области (2018–2022 гг.)» выявлено нецелевое использование средств областного бюджета на сумму 138,1 тыс. руб. В 2018 г., как и в 2017 г., была проведена проверка реализации программы «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда». При мониторинге заселения граждан в жилые помещения и регистрацию в них после признания непригодными жилищные условия было выявлено нецелевое использование средств муниципальными образованиями Козьминское в размере 9,5 млн руб. и Мезенское в размере 8,4 млн руб. По результатам проверки в садоводческом некоммерческом товариществе «Васюки» Приморского муниципального района выявлены нарушения, в т.ч. денежные средства в сумме 4,4 млн руб. израсходованы СНТ «Васюки» не по целевому назначению⁴.

3 Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Архангельской области за 2017 год / Контрольно-счетная палата Архангельской области. URL: <http://kspao.ru/Activities/ActivitiesReports/document07.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

4 Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Архангельской области за 2018 год / Контрольно-счетная палата Архангельской области. URL: <http://kspao.ru/Activities/ActivitiesReports/document08.pdf> (дата

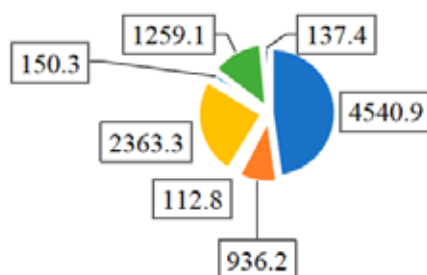
В рамках деятельности Министерства строительства и архитектуры области была проведена проверка расходования средств на строительство школы на 90 мест в д. Погост Вельского района. Установлены факты нецелевого использования на сумму 10,1 млн руб. в части приёмки и оплаты фактически не выполненных работ.

По итогам проверок в 2018 г. Контрольно-счетной палатой Архангельской области было составлено 37 протоколов об административных правонарушениях, в т. ч. 28 протоколов по нецелевому использованию бюджетных средств. В период с 2016 по 2018 г., исходя из данных проверок КСП Архангельской области, видно, что нецелевое использования бюджетных средств в Архангельской области сократилось на 51,2 млн руб. или на 50,6 %. Нецелевое использование бюджетных средств наблюдается в таких сферах, как строительство, ТЭК, ЖКХ, образование. Основной

тенденцией является то, что суммы нецелевого использования средств более чем на 10 млн руб. зафиксированы при использовании средств муниципальными образованияами, в их число входят Плесецкий, Каргопольский, Холмогорский, Вельский районы Архангельской области. Это свидетельствует о проблемах при осуществлении управления и контроля за использованием средств на муниципальном уровне.

Также предметом исследования стала Республика Дагестан как одна из наиболее интересных с точки зрения нецелевого использования средств. В соответствии с годовым отчетом Счетной палаты за 2018 г. всего выявлено нарушений в ходе осуществления внешнего государственного финансового контроля на 9 362,6 млн руб., из которых 87,2 млн руб. потрачено по нецелевым направлениям, помимо этого на 49,1 млн руб. была завышена стоимость выполненных работ, что также можно рассматривать как нецелевое использование бюджетных средств (рис.4).

обращения: 25.02.2020).

- нарушения при формировании и исполнении бюджетов
- нарушения ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской отчетности
- нарушения в сфере управления и распоряжения государственной (муниципальной) собственностью
- нарушения при осуществлении государственных (муниципальных) закупок и закупок отдельными видами юридических лиц

Рис. 4. Структура нарушений, выявленных Счетной палатой Республики Дагестан в 2018 г., млн руб.

Источник: составлено авторами по данным Отчетов о деятельности Республики Дагестан / Счетная палата Республики Дагестан. URL: <http://spdag.ru/activities/5>.

Прокуратура в 2017 г. раскрыла дело о трех работниках администрации Левашинского района Дагестана, подозреваемых в хищении более 89 млн руб., за что суд заключил их под стражу. Вынесенное прокуратурой района ходатайство о заключения под стражу главного бухгалтера, бухгалтера и кассира администрации Левашинского муниципального района было удовлетворено Советским районным судом города Махачкалы. Было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159

(мошенничество в особо крупном размере) и ч. 2 ст. 292 (служебный подлог) УК РФ. По версии следствия, вышеуказанные работники администрации похитили денежные средства на сумму более 89 млн руб., внося в отчеты ложные сведения о начислении и уплате взносов на различных причинах: обязательному социальному страхованию по беременности и родам, временной нетрудоспособности, по ранним срокам беременности вымышленным лицам, которые не являлись работ-

никами муниципальных учреждений Левашинского района.

По данным ГУ МВД по Республике Дагестан, в 2019 г. в Дагестане сотрудников администрации одного из районов заподозрили в нецелевом расходовании бюджетных средств. Сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по РД было установлено, что глава финансового управления администрации одного из районов Дагестана, сговорившись с главным бухгалтером указанного органа местного самоуправления, в ходе исполнения муниципального контракта о выполнении работ по ремонту и асфальтированию дорожного полотна одной из улиц произвели нецелевое расходование бюджетных денежных средств. Они направили на цели, не соответствующие условиям их получения, бюджетные средства в размере 3 124,3 тыс. руб.

Контрольно-Счётной Палатой г. Санкт-Петербурга в 2016 г. выявлено нецелевое использование государственных средств на сумму 424,0 млн руб. В общем объеме нарушений и недостатков, выявленных Палатой в 2017 г. при реализации полномочий по проведению внешнего государственного финансового контроля, составил 78 255,7 млн руб., в т. ч. в:

- контрольной деятельности — 13 402 млн руб.;
- экспертно-аналитической деятельности — 64 853,7 млн руб.

В ходе контрольной деятельности объем нецелевого использования бюджетных средств составил 281,2 млн руб.¹

В 2018 г. в результате внешнего государственного финансового контроля, в ходе проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий Контрольно-счётной палатой выявлено 3556 нарушений и недостатков. В целом объем финансовых нарушений составил 32 873,4 млн руб., в т. ч. в:

- контрольной деятельности — 25 754,2 млн руб.;
- экспертно-аналитической деятельности — 7 119,2 млн руб.

Неправомерное направление бюджетных

средств и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям их получения, что, в соответствии с положениями ст. 306.4 БК РФ, признается нецелевым использованием бюджетных средств в общей сумме 219,5 млн руб., в т. ч:

Комитет по благоустройству г. Санкт-Петербурга — 89,6 млн руб.;

- СПб ГБУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» — 54,7 млн руб.;
- Местная администрация ВМО поселка Комарово — 16,9 млн руб.;
- Местная администрация ВМО муниципальный округ Светлановское — 16 млн руб.;
- Местная администрация ВМО муниципальный округ Сампсониевское — 14,5 млн руб.;
- Местная администрация ВМО муниципальный округ Дворцовый округ — 8,5 млн руб.;
- МБУ муниципального образования Смольнинское «Досуговый центр "Зеленый слон"» — 3,5 млн руб.

По результатам анализа динамики нецелевого использования бюджетных средств г. Санкт-Петербурга за 2016–2018 гг. можно сделать вывод о том, что наблюдается устойчивая тенденция к снижению объём нецелевого использования бюджетных средств в городе федерального значения, что, несомненно, является важным показателем при рассмотрении вопроса нецелевого использования бюджетных средств.

Обсуждения

Социальная напряженность является мерой общественного благополучия, четко отражает эффективность регионального управления в любом государстве. Социальная напряженность — это индикатор нарастающего социального кризиса, предшествующий моменту наступления конфликта. Носителем данной категории выступает социальная группа, имеющая определенные потребности. Данное явление часто возникает по субъективным причинам, например, вследствие неуверенности в будущем благополучии и спокойствии. Отсутствие своевременных мер по сглаживанию социальной напряженности приводит общество к более острой форме противостояния — социальному конфликту [Нагайцев, 2010].

Противоположным понятием в той или иной степени является индекс потребительской уве-

¹ Отчёты Контрольно-счётной палаты Санкт-Петербурга // Контрольно-счётная палата Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: <https://ksp.org.ru/rubric/633200012/Otchet—o—rabote—Kontrolno—schetnoy—palaty> (Дата обращения: 26.04.2020).

ренности, отражающий совокупные потребительские ожидания населения, измеряемый официальными органами статистики. Приверженцы такого взгляда, такие как И. Лаптева, Л. Трусова, Е. Гришина [Лаптева, 2018] раскрывают предметное поле, используя термины «потребительских настроений», «уверенность потребителей», «потребительских ожидания», «потребительское доверие» и прибегают к расчету их индексов (коэффициентов). Узость данного подхода характеризуется наличием потребительской зависимости от текущей величины расходов на потребление, что нашло отражение в научной работе А. Безрукова, Д. Петухова [Безруков, 2018], в которой «изучаются вопросы покупательской способности доходов населения в России в современный период, в том числе под влиянием валютного кризиса». Работа В. Быковского по-своему рассматривает вопрос через призму деятельности органов местного самоуправления. В рассматриваемых им регионах Восточной Сибири «организована работа по отслеживанию рейтингов исполнительных и представительских структур органов власти», данная работа реализована на уровне округов и муниципальных образований, говорит о результативности работы губернатора, депутатов законодательных органов субъекта Российской Федерации, глав местных администраций, депутатов в городах и районах [Быковский, 2005]. В целом по Г. Зборовскому напряженность рассматривается как «социологический», а не экономический феномен, и после обобщения интегрируется в категорию «региональное социальное пространство» [Зборовский, 2010]. В тоже время Е. Дмитриев говорит о смене мышления, настаивая на замене традиционной парадигмы «социального пространства» на «информационно-коммуникационное пространство» [Дмитриев, 2010].

Так как не существует единого («правильного») подхода к изучаемой проблематике, считаем уместным предложить авторскую методику расчета зависимости социальной напряженности от неправильного (нецелевого) использования бюджетных средств, а также оценить степень взаимного влияния данных показателей, произведя соответствующие расчеты. На основе экспертного метода, предлагается включить в расчет сводного индекса следующие показатели, влияющие на социальную напряженность:

- а) естественный прирост/убыль населения на 1000 чел., чел.;
- б) коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения;
- в) число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения, единиц;
- г) уровень безработицы (по методологии Международной организации труда);
- д) ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- е) рейтинг протестной активности.

Коэффициент социальной напряженности (КСН) рассчитывается по следующей формуле (1):

$$КСН = (15 - ЕНД) \times (1000 - КМП) \times ЧЗП \times УБ \times ОПЖ \times 10^{-6} \quad (1),$$

- где
- ЕНД — естественный прирост/убыль населения на 1000 чел., чел.,
- КМП — коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения,
- ЧЗП — число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения, единиц,
- УБ — уровень безработицы (по методологии Международной организации труда),
- ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни при рождении,
- РПА — рейтинг протестной активности.

Таблица 2. Показатели социальной напряженности в Краснодарском крае 2014–2019 гг.

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	январь 2019 г.
Естественный прирост/убыль населения на 1000 чел., чел.	0,6	0,5	0,3	–0,5	–0,5	
Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения	84,36	105,29	100,51	62,54	84,56	

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	январь 2019 г.
Число зарегистрированных преступлений на 100000 чел. населения, единиц	1 276	1 376	1 297	1 215	1 216	
Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда)	5,7	6	5,8	5,7	5,2	
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	71,74	72,29	72,28	72,53	72,83	
Рейтинг протестной активности ¹	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	7
Коэффициент социальной напряженности	6 880	7 743	7 190	7 299	6 534	

Источник: составлено авторами по данным Краснодарстата

1 По данным рейтинга АНО «Институт региональной экспертизы»

Коэффициент социальной напряженности в Краснодарском крае имеет нестабильные значения в период с 2014 по 2018 г., самый высокий коэффициент наблюдался в 2015 г. Начиная с 2017 г., коэффициент имеет тенденцию к значительному снижению.

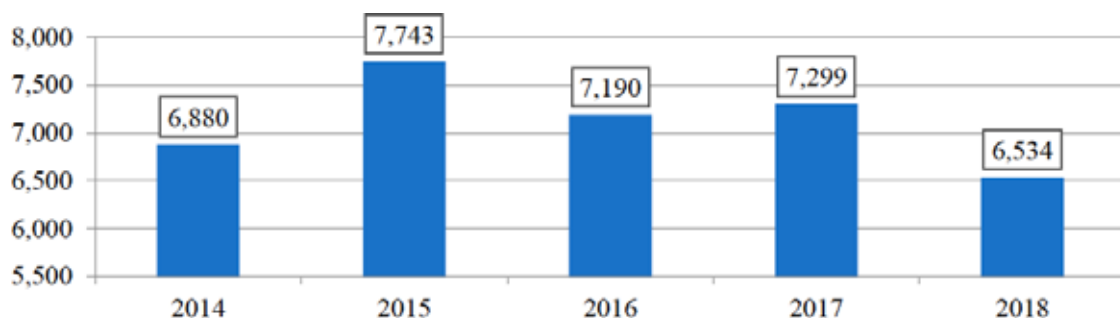

Рис. 5. Динамика коэффициента социальной напряженности 2014–2018, Краснодарский край

Источник: рассчитано авторами по данным настоящего исследования

На основе предложенной методики рассчитан коэффициент социальной напряженности в Архангельской области за период с 2014 по 2018 гг., беря за основу естественный прирост населения в регионе, коэффициент миграционного прироста, число зарегистрированных преступлений, уровень безработицы, ожидаемую продолжительность жизни (рисунок 6).

Коэффициент социальной напряженности в Архангельской области демонстрирует нестабильную динамику. С 2015 г. коэффициент значительно вырос, в 2015 г. достиг пика. Снижение

продолжилось в течение 2016–2017 гг., затем вновь стал расти, не вернувшись к значениям минимума (2014 г.) рассматриваемого периода.

В республике Дагестан Коэффициент социальной напряженности с 2014 по 2018 гг. демонстрирует положительную динамику по сравнению с Краснодарским краем и Архангельской областью.

В городе Санкт–Петербурге коэффициент социальной напряженности демонстрирует стабильную динамику стагнации. Лишь в 2015 г. наблюдается резкий, но недолговременный рост (рисунок 8).

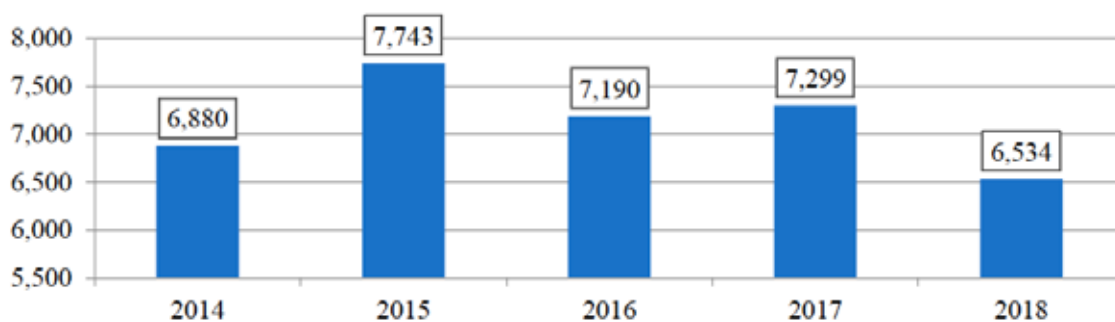

Рис. 6. Динамика коэффициента социальной напряженности 2014–2018, Архангельская область
Источник: рассчитано авторами по данным настоящего исследования

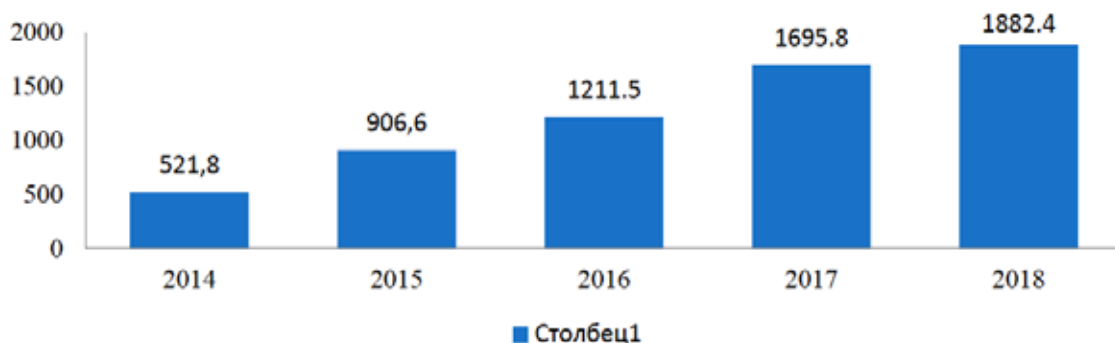

Рис. 7. Динамика коэффициента социальной напряженности 2014–2018, Республика Дагестан
Источник: рассчитано авторами по данным настоящего исследования

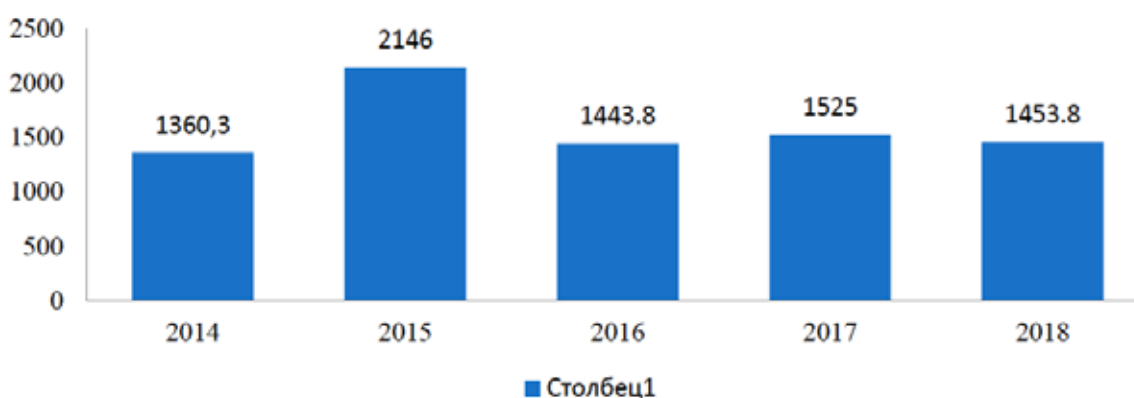

Рис. 8. Динамика коэффициента социальной напряженности 2014–2018, Санкт-Петербург
Источник: рассчитано авторами по данным настоящего исследования

Таблица 3. Распределение мест по рейтингу протестной активности январь 2019 г.

Регион	Январь 2019
1. Краснодарский край	7
2. Архангельская область	7
3. Санкт—Петербург	5
4. Республика Дагестан	1

Источник: по данным рейтинга АНО «Институт региональной экспертизы».

Неблагоприятное положение Архангельской области и Краснодарского края по критерию социальной напряженности подтверждается рейтингом АНО «Институт региональной экс-

пертизы» от января 2019 г., в котором субъекты РФ также занимают «лидирующие позиции» (таблица 3).

По итогам проведенного расчета коэффициента социальной напряженности, самыми неблагополучными по данному критерию являются Архангельская область и Краснодарский край.

Для того, чтобы определить степень влияния нецелевого использования бюджетных средств на социальную напряженность в исследуемых регионах, рассчитаем коэффициент корреляции на основе статистических показателей с 2014 по 2018 гг. на примере Архангельской области, представленных в таблице 4.

Таблица 4. Данные для расчета влияния нецелевого использования бюджетных средств на социальную напряженность в Архангельской области

Год	Нецелевое использование, млн руб. (x) ¹	Социальная напряженность (y) ²	X ²	y ²	XY
2014	31,8	13 877,4	1 011,24	192 582 230,8	441 301,3
2015	34,2	16 056,2	1 169,64	257 801 558,4	549 122
2016	101,1	15 364,9	10 221,21	236 080 152	1 553 391
2017	82,3	14 565	6 773,29	212 139 225	1 198 700
2018	49,9	15 111,4	2 490,01	228 354 410	754 058,9
Σ	299,3	74 974,9	21 665,39	11 26 957 576	4 496 573

Источник: рассчитано авторами по данным настоящего исследования

1 По данным отчетов контрольно-счетной палаты Архангельской области

2 По данным расчетов сводного индекса авторов, рис. 6.

Рассчитаем параметры уравнения регрессии, а именно выборочные средние:

$$x = \frac{\sum x_i}{n} = \frac{299,3}{5} = 59,86$$

$$y_{cp.} = \frac{\sum y_i}{n} = \frac{74974,9}{5} = 14994,98$$

$$xy_{cp.} = \frac{\sum xy_{ij}}{n} = \frac{4496573}{5} = 899314,6$$

Выборочная дисперсия:

$$s^2(x) = \frac{\sum (x_i)^2}{n} - (x_{cp.})^2 = \frac{21665,39}{5} - (59,86)^2 = 749,8584$$

$$s^2(y) = \frac{\sum (y_i)^2}{n} - (y_{cp.})^2 = \frac{1126957576}{5} - (14994,98)^2 = 542090,0336$$

Среднеквадратичное отклонение:

$$S(x) = \sqrt{s^2(x)} = \sqrt{749,8584} \approx 27,38$$

$$S(y) = \sqrt{s^2(y)} = \sqrt{542090,0336} \approx 736,27$$

Рассчитываем показатель тесноты связи. Таким показателем является выборочный линейный коэффициент корреляции, который рассчитывается по формуле:

$$r_{xy} = \frac{xy_{cp.} - x_{cp.}y_{cp.}}{S(x)S(y)} = \frac{899314,6 - 59,86 * 14994,98}{27,38 * 736,27} = 0,085069$$

Коэффициент корреляции равен 0,085069, следовательно, связь между двумя показателями низкая отрицательная.

Таким образом, в Архангельской области нецелевое использование бюджетных средств не влияет на социальную напряженность в регионе, взаимосвязь между двумя этими показателями слабая обратная связь.

По данным за 2014–2018 гг. рассчитаем показатель тесноты связи между социальной напряженностью и нецелевым использованием бюджетных средств в Краснодарском крае. Таким показателем является выборочный линейный коэффициент корреляции, который рассчитывается по формуле:

$$r_{xy} = \frac{xy_{cp.} - x_{cp.}y_{cp.}}{S(x)S(y)} = \frac{157924,06 - 21,8 * 7129,2}{19,76 * 406,36} = 0,303924$$

Коэффициент корреляции равен 0,303924, следовательно связь между двумя показателями положительная. Таким образом, в Краснодарском крае нецелевое использование бюджетных

средств слабо влияет на социальную напряженность в регионе.

Рассчитаем выборочный коэффициент корреляции в Санкт-Петербурге:

$$r_{xy} = \frac{x_{\text{ср}}y_{\text{ср}} - x_{\text{ср}}y_{\text{ср}}}{S(x)S(y)} = \frac{445869 - 290,48 * 1585,78}{83,06 * 284,94} = -0,624$$

Коэффициент корреляции равен $-0,624$, следовательно, можно проследить сильную, отрицательную связь между двумя показателями. В Санкт-Петербурге нецелевое использование бюджетных средств не влияет на социальную напряженность в регионе, взаимосвязь между двумя этими показателями сильная отрицательная.

Коэффициент корреляции в республике Дагестан равен $-0,79832$, также в данном регионе установлена связь сильная отрицательная между двумя показателями. Таким образом, в республике Дагестан нецелевое использование бюджетных средств влияет на социальную напряженность в регионе, однако взаимосвязь между двумя этими показателями носит обратный характер: рост значения первого приводит к снижению уровня второго.

Заключение (выводы)

В работе проведен анализ статистических данных Министерства финансов, ГАС «Управление», Федеральной службы государственной статистики и региональных рейтингов по управлению региональными финансами, индексу социальной напряженности и протестной активности, по итогам которых были выбраны четыре наиболее подходящих региона Российской Федерации для исследования влияния нецелевого использования бюджетных средств на социальную напряженность: Республика Дагестан, Архангельская область, г. Санкт-Петербург и Краснодарский край. В этих регионах согласно статистическим данным наблюдается высокий уровень социальной напряженности, а также проблемы с целевым использованием бюджетных средств.

Проанализировав отчеты контрольно-счетных органов рассматриваемых регионов, был сделан вывод о том, что наибольший объем нецелевого использования бюджетных средств наблюдается в Санкт-Петербурге и Республике Дагестан (бо-

лее 150 млн руб. в год). Также на основе анализа статистических данных и рейтингов были выявлены показатели социальной напряженности, к которым относятся уровень рождаемости и безработицы в регионе, естественный прирост населения, миграционные потоки, протестная активность и продолжительность жизни. Был проанализирован расчёт коэффициентов социальной напряженности в исследуемых регионах РФ. Высокий коэффициент наблюдается в Архангельской области и Краснодарском крае, самый низкий — в Санкт-Петербурге.

Проведенный корреляционный анализ по данным за 2014–2018 гг. показал, что из всех рассматриваемых регионов в Краснодарском крае и в Архангельской области прослеживается слабая связь между нецелевым использованием бюджетных средств и социальной напряженностью. В республике Дагестан и городе Санкт-Петербурге имеется ярко выраженная отрицательная связь между данными показателями, что приводит к тому, что они не влияют друг на друга.

Таким образом, по результатам исследования было выявлено, что нецелевое использование бюджетных средств напрямую не влияет на социальную напряженность в субъектах Российской Федерации. В субъектах, где уровень социальной напряженности самый высокий прослеживается слабая связь с нецелевым использованием бюджетных средств, что позволяет сказать о том, что данные показатели незначительно влияют друг на друга. Более того, в регионах, где большой объем нецелевого использования бюджетных средств наблюдается низкий коэффициент социальной напряженности, иными словами, чем больше коэффициент социальной напряженности, тем меньше бюджетные средства используются не по назначению.

Список источников

1. Безруков, 2019 — Безруков А. В. Статистическое моделирование и прогнозирование изменения индекса потребительской уверенности / А. В. Безруков, Д. М. Петухова // Экономика и предпринимательство. 2019. № 10 (111). С. 199–201. ISSN: 1999-2300.
2. Бураков, 2019 — Бураков Н. Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации / Н. Бураков, Е. Бухвальд, А. Кольчугина // Федерализм. 2019. № 3. С. 149–171. ISSN: 2073-1051. doi: 10.21686/2073-1051-2019-3-149-171.

3. Быковский, 2005 — *Быковский В. А.* Социальная напряженность на муниципальном уровне: методика оценки работы администрации / В. А. Быковский // Социологические исследования = Sociological Studies. 2005. № 10 (258). С. 22–25. ISSN: 0132-1625.
4. Валентей, 2018 — *Валентей С. Д.* Готовность региональных экономик к модернизации / С. Д. Валентей, А. Р. Бахтизин, А. В. Кольчугина // Федерализм. 2018. № 3 (91). С. 143–156. ISSN: 2073-1051.
5. Дмитриев, 2010 — *Дмитриев Е. И.* От парадигмы социального пространства к парадигме информационно-коммуникационного пространства / Е. И. Дмитриев // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 131–138. ISSN: 2077-9674.
6. Зборовский, 2010 — *Зборовский Г. Е.* Региональное социальное пространство как социологический феномен / Г. Е. Зборовский // Социум и власть. 2010. № 4. С. 11–20. ISSN 1996-0522.
7. Земцов, 2018 — *Земцов С. П.* Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов / С. П. Земцов, Ю. А. Смелов // Журнал Новой экономической ассоциации = The Journal of the New Economic Association. 2018. № 4 (40). С. 84–108. ISSN: 2221-2264 (Print). doi: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4.
8. Козырь, 2019 — *Козырь Н. С.* Регион в национальной экономике: подходы к составлению рейтингов // Региональная экономика: теория и практика = Regional economics: theory and practice / Н. С. Козырь. 2019. Т. 17. № 3 (462). С. 418–434. ISSN: 2073-1477, eISSN: 2311-8733. doi: 10.24891/re.17.3.418.
9. Лаптева, 2018 — *Лаптева И. П.* Подходы к оценке факторов потребительского поведения / И. П. Лаптева, Л. Н. Трусова, Е. Н. Гришина // Статистика и экономика = Statistics and economics. 2018. № 3. С. 30–39. ISSN: 2500-3925. doi: 10.21686/2500-3925-2018-3-30-39.
10. Нагайцев, 2010 — *Нагайцев В. В.* Уровень социальной напряженности и конфликтности в системе показателей социального благополучия населения региона / В. В. Нагайцев, Е. В. Пустовалова // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2–2. С. 209–213. ISSN: 1564-9443, eISSN: 1561-9451.
11. Сергомасова, 2011 — *Сергомасова А. В.* Особенности организации аудита эффективности в органах государственного финансового контроля / А. В. Сергомасова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2011. № 9 (273). С. 42–45. ISSN: 2079-6714, eISSN: 2311-9411.

References

1. Bezrukov A. V. Statisticheskoye modelirovaniye i prognozirovaniye izmeneniya indeksa potrebitel'skoy uverenosti [Statistical modeling and forecasting changes in the consumer confidence index]. A. V. Bezrukov, D. M. Petukhova. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship]. 2019. No. 10 (111). Pp. 199–201. ISSN: 1999-2300 (in Russian).
2. Burakov N. Regional'nyy indeks ekonomicheskogo razvitiya i ranzhированиye sub'yektov Rossiyskoy Federatsii [Regional index of economic development and ranking of constituent entities of the Russian Federation]. N. Burakov, E. Bukhvald, A. Kolchugina. *Federalism*. 2019. No. 3. P. 149–171. ISSN: 2073-1051. doi: 10.21686/2073-1051-2019-3-149-171 (in Russian).
3. Bykovsky V. A. Sotsial'naya napryazhennost' na munitsipal'nom urovne: metodika otsenki raboty administratsii [Social tension at the municipal level: a methodology for assessing the work of the administration]. V. A. Bykovsky. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2005. No. 10 (258). Pp. 22–25. ISSN: 0132-1625 (in Russian).
4. Valentey S. D. Gotovnost' regional'nykh ekonomik k modernizatsii [Readiness of regional economies for modernization]. S. D. Valentey, A. R. Bakhtizin, A. V. Kolchugina. *Federalism*. 2018. No. 3 (91). Pp. 143–156. ISSN: 2073-1051 (in Russian).
5. Dmitriev E. I. Ot paradigmy sotsial'nogo prostranstva k paradigme informatsionno-kommunikatsionnogo prostranstva [From the paradigm of social space to the paradigm of information and communication space]. E. I. Dmitriev. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac]. 2010. no. 1. Pp. 131–138. ISSN: 2077-9674 (in Russian).
6. Zborovskiy G. E. Regional'noye sotsial'noye prostranstvo kak sotsiologicheskii fenomen [Regional social space as a sociological phenomenon]. G. E. Zborovskiy. *Sotsium i vlast' = Society and power*. 2010. No. 4. P. 11–20. ISSN 1996-0522 (in Russian).
7. Zemtsov S. P. Factors of regional development in Russia: geography, human capital or regional politics [Factors of regional development in Russia: geography, human capital or regional politics]. S. P. Zemtsov, Yu. A. Smelov. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*. 2018. No. 4 (40). Pp. 84–108. ISSN: 2221-2264 (Print). doi: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4 (in Russian).
8. Kozyr N. S. Region v natsional'noy ekonomike: podkhody k sostavleniyu reytingov [Region in the national economy: approaches to compiling ratings] N. S. Kozyr. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional*

- economics: theory and practice*. 2019. V. 17. No. 3 (462). Pp. 418–434. ISSN: 2073-1477, eISSN: 2311-8733. doi: 10.24891/re.17.3.418 (in Russian).
9. Lapteva I. P. Podkhody k otsenke faktorov potrebitel'skogo povedeniya [Approaches to assessing factors of consumer behavior]. I. P. Lapteva, L. N. Trusova, E. N. Grishina. *Statistika i ekonomika = Statistics and economics*. 2018. No. 3. P. 30–39. ISSN: 2500-3925. doi: 10.21686/2500-3925-2018-3-30-39 (in Russian).
 10. Nagaytsev V. V. Uroven' sotsial'noy napryazhennosti i konfliktnosti v sisteme pokazateley sotsial'nogo blagopoluchiya naseleniya regiona [The level of social tension and conflict in the system of indicators of social well-being of the region's population]. V. V. Nagaytsev, E. V. Pustovalova. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University]. 2010. No. 2–2. Pp. 209–213. ISSN: 1564-9443, eISSN: 1561-9451 (in Russian).
 11. Sergomasova A. V. Osobennosti organizatsii audita effektivnosti v organakh gosudarstvennogo finansovogo kontrolya [Features of the organization of efficiency audit in the state financial control bodies]. A. V. Sergomasova. *Bukhgalterskiy uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* [Accounting in budgetary and non-commercial organizations]. 2011. No. 9 (273). S. 42–45. ISSN: 2079-6714, eISSN: 2311-9411 (in Russian).

Информация об авторах:

Лукьянова Марина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Государственный финансовый контроль и казначейское дело», РИНЦ AuthorID 371257; **Афанасьева Елена Валерьевна, Короткова Юлия Андреевна, Рожкова Алина Анатольевна и Шалаев Илья Леонидович** — студенты факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), Ленинградский просп., 49, Москва, 125993 (ГСП-3), Россия.

Information about the authors:

Lukyanova Marina Nikolaevna – Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Financial Control and Treasury, RSCI AuthorID 371257; **Afanasyeva Elena Valerievna, Korotkova Yulia Andreevna, Rozhkova Alina Anatolyevna & Shalaev Ilya Leonidovich** – students of the Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), 49 Leningradsky Prospect, Moscow, 125993 (GSP-3), Russia.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020; одобрена после рецензирования 17.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.
The article was submitted 09/02/2020; approved after reviewing 09/17/2020; accepted for publication 12/02/2020.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 159–166.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 159–166.

Научная статья

УДК 336.761

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.16

Влияние закона о категоризации инвесторов на развитие частного инвестирования в России

Михаил Михайлович Нечепаяев

ИП Нечепаяев М. М., Санкт-Петербург, Россия

ne4epaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4002-8863>

Аннотация. Для защиты неквалифицированных инвесторов с мая 2019 года Госдумой разрабатывается законопроект о категоризации инвесторов. Формулировка этого закона в первом чтении вызвала сильную критику со стороны профессиональных и рядовых участников финансового рынка. После такой реакции закон претерпел серьезные изменения, но однозначного мнения на счет роли и необходимости этого законопроекта все еще нет. Центральный банк считает, что закон защитит начинающего инвестора от необдуманных рисков, а профессиональные инвесторы полагают, что он спровоцирует отток новых клиентов с фондовой биржи. В связи с этим данная статья направлена на анализ нового закона о категоризации инвесторов и его роли в развитии частного инвестирования в России. В ней разобраны нововведения, которые положительно влияют на фондовый рынок, а также изменения, с которыми не согласны участники финансового рынка. Материалы статьи представляют практическую ценность как для начинающего, так и для профессионального инвестора.

Ключевые слова: фондовый рынок, инвестирование в России, категоризация инвесторов, неквалифицированный инвестор, экзамен.

Для цитирования: Нечепаяев М. М. Влияние закона о категоризации инвесторов на развитие частного инвестирования в России / М. М. Нечепаяев // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 159–166. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.16

JEL: G18

Original article

Impact of the law on the categorization of investors on the development of private investment in Russia

Mikhail M. Nechepaev

Individual businessman Nechepaev M. M., St. Petersburg, Russia.

ne4epaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4002-8863>

Abstract. The state Duma has been developing a draft law on categorizing investors since May of 2019 to protect unqualified investors. The wording of this law in the first reading caused strong criticism from professional and ordinary participants of the financial market. After this reaction, the law has undergone major changes, but there is still no clear opinion about the role and necessity of this bill. The Central Bank believes that the law will protect the novice investor from reckless risks, however professional investors believe that it could provoke an outflow of new clients from the stock exchange. The purpose of this paper is to analyze the new law on categorization of investors and its role in the development of the private investment in Russia. It examines innovations that have a positive impact on the stock market, as well as changes that financial market participants do not agree with. The materials of the article are of practical value for both beginners and professional investors.

Key words: stock market, investment in Russia, categorization of investors, unqualified investor, exam.

For citation: Nechepaev M. M. Impact of the law on the categorization of investors on the development of private investment in Russia. M. M. Nechepaev. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 159–166. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.16

JEL: G18

Введение

29 мая 2019 года был принят в первом чтении законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные

законодательные акты Российской Федерации. Конкретнее данный законопроект касался части введения регулирования категорий инвесторов — физических лиц [О внесении изменений..., 2018]. Планируемые изменения вызвали резкое

недовольство участников рынка. По их мнению, Центральный банк таким образом сильно ограничивает набор инструментов для начинающих инвесторов, что может снизить интерес к фондовой бирже новых клиентов и отпугнуть от российского рынка постоянных. Центральный банк, в свою очередь, считает, что данным законопроектом он защищает неквалифицированных розничных инвесторов, которые только начинают свой путь на фондовом рынке, который полон риска. В первом чтении этот закон сильно ограничивал возможности частного инвестора, по мнению крупнейших игроков рынка брокерских услуг. В Госдуму были направлены письма от многих профессиональных участников биржевой торговли, а также двух саморегулируемых организаций финансового рынка с недовольствами от нововведений и предложениями о правках. Профессиональные участники были также приглашены для обсуждения поправок данного закона. По словам председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку Анатолия Аксакова, новый текст, подготовленный ко второму чтению изменен на 90 % и отвечает всем основным требованиям профучастников.

19 июня 2020 года Банк России принял решение снизить ключевую ставку до 4,5 %, установив ее на минимально историческом уровне¹. Соответственно, вслед за ключевой ставкой такие общепринятые финансовые инструменты, как депозиты или вклады, тоже понизили свой процент доходности. По мнению представителей ЦБ, подобные изменения должны стимулировать больший интерес людей к инвестициям в рынок ценных бумаг. И это оправдано. Кроме снижения ключевой ставки, большую роль сыграла очень быстро охватившая весь мир пандемия коронавируса Covid-19 и ряд других негативных тенденций мировой экономики [Дудин, 2020]. Карантинные ограничения замедлили развитие ряда секторов экономики. Если в марте динамика роста экономической активности заметно снизилась, то уже в апреле произошел глубокий спад [Тринадцать тезисов..., 2020]. Акции большинства компаний фондового рынка сразу существенно снизили стоимость, что спровоцировало боль-

шой интерес новых инвесторов, желающих поучаствовать в этой вселенской распродаже. В презентации Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР) по данным «ТАСС» на 13 июля 2020 года количество частных инвесторов на Московской бирже выросло на 39 % за 6 месяцев, достигнув 5,4 миллионов². На Санкт-Петербургской бирже число активных клиентов по итогам мая увеличилось в 10 раз, а за последние 2 месяца удвоилось, что отмечает президент Ассоциации «НП РТС» Роман Горюнов³. Справедливо заметить, что число новых игроков на фондовом рынке растет, в связи с чем ЦБ считает своей главной задачей защитить начинающих инвесторов от рисков, которых они, в силу отсутствия опыта, не понимают и от возможных убытков, связанных с этими рисками. Согласно международным исследованиям, уровень финансовой грамотности граждан России значительно ниже населения ряда других стран с развитой экономикой [Семко, 2019]. Председатель ЦБ Эльвира Набиуллина уверена, что принятие данного законопроекта привлечет больше новых частных инвестиций, а не сдержит их. «Пока все в порядке, люди хотят, чтобы им были доступны все инструменты, но, как только рискованный инструмент приносит потери, люди разочаровываются и забывают, что действовали на свой страх и риск, и рассчитывают на возмещение убытков», — сказала она в ходе заседания комитетов Госдумы⁴.

Актуальность исследования проблемы принятия законопроекта о категоризации инвесторов обусловлена возрастающим интересом к фондовому рынку новых частных инвесторов. ЦБ в первом чтении предлагал ввести четыре категории инвесторов вместо двух. Для каждой категории инвесторов предусмотрены свои критерии и список разрешенных финансовых инструментов. Для перехода из одной категории в другую помимо необхо-

1 Банк России принял решение снизить ключевую ставку на 100 б.п., до 4,5 % годовых / Пресс-служба Банка России // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=19062020_133000Key.htm Дата публикации 19.06.2020.

2 Количество частных инвесторов на Мосбирже за полгода выросло на 39 % // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8953795>. Дата публикации 13.07.2020.

3 Роман Горюнов про запреты для инвесторов и торги иностранными ценными бумагами // Financial One : [сайт]. URL: <https://fomag.ru/news/roman-goryunov-pro-zaprety-dlya-investorov-i-torgi-inostrannymi-tsennymi-bumagami/>. Дата публикации 02.06.2020.

4 ЦБ договорился с депутатами о правилах работы инвесторов на бирже // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/06/11/832467-tsb-dogovorilsya>. Дата публикации 11.06.2020.

димого опыта и определенной суммы на счету, инвестор обязан пройти тестирование на знание инструментов и возможных рисков. Проводить тестирование и определять к какой категории принадлежит инвестор должны будут брокеры, форекс-дилеры и другие профучастники рынка в зависимости от того, чьим клиентом он является. По мнению многих крупных игроков финансового рынка принятие данного закона лишит пользователей около 70 % доступных инструментов и сократит приток клиентов на 30–40 %. Большое влияние этот закон оказывает на иностранные финансовые инструменты и ограничивает их использование без прохождения определенного тестирования. В связи с этим может произойти отток частных инвесторов к иностранным брокерам из-за нежелания сдавать экзамены и следовать каким-либо иным требованиям, что может быть серьезным ударом для Санкт-Петербургской биржи.

Степень разработанности проблемы

Различные аспекты проблемы развития частного инвестирования в России анализируются в ряде работ российских исследователей. Особенности инвестиционных процессов детально рассматриваются доктором экономических наук, профессором В. В. Ивановым в монографии «Современные финансовые рынки» [Иванов, 2014, с. 576] Развитие частного инвестирования в России анализируются в ряде статей профессором кафедры банков и финансовых рынков СПбГЭУ Поповой Е. М. [Попова, 2016; Руденко, 2019]. Проблеме категоризации частных инвесторов посвящена работа Д. А. Жилюка и А. Ю. Скороход [Жилюк, 2020]. Несмотря на изученность определенных аспектов интересующей проблемы, степень разработки в целом остается довольно низкой. Это связано с тем, что проект все еще находится в разработке. Однако, как отмечает председатель комитета по финансовому рынку Анатолий Аксаков⁵, существенных изменений в законе больше не планируется. Отсутствие исчерпывающих работ по данному вопросу определяют новизну данного исследования, а острая актуальность проблемы стимулирует интерес к более глубокому ее изучению.

Анализ изменений законопроекта о категоризации инвесторов

После возросшей критики крупных игроков фондового рынка Центральный Банк внес существенные правки в законопроект. В ходе открытого обсуждения данного законопроекта с участием председателя Комитета Госдумы по финансовому рынку Анатолием Геннадьевичем Аксаковым, удалось выяснить определенные детали этих нововведений⁶. Так, вместо четырех категорий было решено оставить две: квалифицированный и неквалифицированный инвестор. Категория будет присваиваться в соответствии с размером имущества, опытом работы, образования и знаний. Следует рассмотреть критерии для получения статуса квалифицированного инвестора, которые не собираются меняться в новом законопроекте. Для того чтобы получить данную квалификацию, необходимо выполнить хотя бы одно из следующих условий:

- проработать в компании — профучастника рынка ценных бумаг не менее двух лет
- иметь на счету как минимум 6 миллионов рублей. Опыт инвестирования в данном случае роли не играет
- необходимо совершать как минимум одну сделку в месяц и как минимум десять сделок в течение года при объеме как минимум 6 миллионов рублей. Насколько эти сделки успешны, роли тоже не играет.
- также можно стать квалифицированным инвестором, имея экономическое образование. Подойдет квалификационный аттестат ФСФР или аттестаты различных международных организаций, подтверждающих данную квалификацию.

Суть нововведения в том, что для неквалифицированного инвестора ряд определенных, высоко рискованных инструментов будет доступен только после тестирования. Положительное прохождение теста на дает статус квалифицированного инвестора, но открывает доступ к определенным финансовым инструментам. В случае положительного результата он сможет совершить маржинальные сделки или приобрести производные финансовые инструменты (такие,

5 ЦБ договорился с депутатами о правилах работы инвесторов на бирже // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/06/11/832467-tsb-dogovorilsya>. Дата публикации 11.06.2020.

6 Закон о категоризации инвесторов: все, что вы хотели спросить // Finversia : [сайт]. URL: <https://www.finversia.ru/publication/zakon-o-kategorizatsii-investorov-vse-cto-vy-khoteli-sprosit-77923>. Дата публикации 08.07.2020.

как фьючерсы или опционы), облигации без высокого рейтинга, иностранные акции, акции, не включенные в котировальные списки бирж или торгуемые на внебиржевом рынке. Тестирование представляет собой несколько вопросов по каждой группе инструментов (6–7 групп). Ответы на эти вопросы позволят понять, насколько тестируемый может осознать предполагаемую степень риска сделки, и проверить его знания и опыт. Тестирование состоит из двух блоков — понимание финансового инструмента инвестором и его самооценка. Результаты блока по самооценке могут влиять на блок понимания инструмента, уменьшая количество вопросов в нем, если опыт тестируемого достаточно высокий. Клиент также имеет возможность пройти тест повторно в случае отрицательного результата даже с соответствующими разъяснениями брокера по предыдущему тесту. Но, даже если инвестор не смог пройти тест, он все равно имеет право совершить сделку по запрещенному инструменту по так называемому «праву последнего слова», но с некоторым ограничением: данная сделка не должна превышать 100 тысяч рублей или стоимости одной ценной бумаги или одного лота в том случае, если стоимость одной ценной бумаги или лота превышает 100 тысяч рублей¹.

Также изменения нового варианта законопроекта предотвратили массовый делистинг на Санкт-Петербургской бирже². В предыдущей версии планировалось оставить только акции, вошедшие в утвержденные Центральным Банком фондовые индексы. Остальные задумывалось снять с биржи в течение шести месяцев. Таким образом, при принятии предыдущей версии закона планировалось провести делистинг около 800 ценных бумаг иностранных эмитентов из 1300, торгующихся на Санкт-Петербургской бирже. Теперь существует ряд «дедушкиных оговорок». Согласно этим оговоркам иностранные ценные бумаги, которые не соответствуют нововведениям, но были допущены к публичному обращению до вступления закона в силу, имеют право про-

должать находиться в публичном обращении. Эта оговорка также касается всех признанных квалифицированных инвесторов до принятия закона. Они сохраняют свой статус и после его принятия. И третья оговорка касается тех ценных бумаг и инструментов, которые клиент приобретал хотя бы раз до вступления закона в силу. По ним инвестору не будет нужно проходить тестирование. Данные оговорки — один из самых важных достигнутых компромиссов между ЦБ и профучастниками рынка, что говорит о достаточно лояльном отношении регулятора и его готовности идти навстречу частному инвестору.

Если рассматривать опыт зарубежных развитых стран, то там деятельность инвесторов регулирует право и осуществляет их защиту путем деления на схожие категории. В США уровень квалификации инвестора определяет также тестирование, но любой американский инвестор может купить российские или бразильские акции без какого-либо тестирования. Более консервативная Европа, которая руководствуется директивой MIFID, предусматривает более жесткие требования. Но экзаменом европейское тестирование назвать тоже нельзя. Оно представляет собой недлинные опросы, ориентированные в основном на подтверждение инвестором понимания рисков и готовность к работе. Национальная финансовая ассоциация России с участием других профучастников рынка разработала примерные тесты, в основу которых также легли принципы директивы MIFID с учетом особенностей российского финансового рынка. В связи с этим есть вероятность, что Россия также пойдет по пути европейского формата тестирования с короткими и несложными вопросами.

Перспективы влияния законопроекта о категоризации инвесторов на развитие частного инвестирования

Центральный банк не прогнозирует оттока российских инвесторов к иностранным брокерам и уменьшения торговой активности. Но не все профучастники фондового рынка разделяют позитивное мнение ЦБ. Президент «ФИНАМ» Владислав Кочетков рассказывает, что в ходе исследования, которое они провели не только среди своих клиентов, но и в социальной сети «Телеграм» (общее число ответивших около 3 тысяч человек) выяснилось, что 60 % опрошенных собираются уйти к иностранному брокеру, если от

1 Закон о категоризации инвесторов: все, что вы хотели спросить // Finversia : [сайт]. URL: <https://www.finversia.ru/publication/zakon-o-kategorizatsii-investorov-vse-cto-vy-khoteli-sprosit-77923>. Дата публикации 08.07.2020.

2 Новый закон о категоризации инвесторов. Что он значит для рынка // РБК : [сайт]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ef0c8759a7947bb93577604>. Дата публикации 25.06.2020.

них потребуют проходить тестирование³. Канал Finversia-TV тоже провел опрос в июле 2020 года, на который ответили более 500 респондентов. Опрос показал, что в случае вступления в силу закона, 14 % опрошенных намерены получить статус квалифицированного инвестора, 20 % готовы работать с доступными неквалифицированным инвесторам инструментами, 4 % будут искать другие внебиржевые варианты инвестирования, а 39 % готовы уйти к иностранным брокерам. Остальные 23 % еще не готовы принять решение до вступления закона в силу.

Многих инвесторов беспокоит, что новый закон запретит покупать ценные бумаги иностранных компаний, что усложнит выполнение одного из главных правил инвестора — диверсификация портфеля. Частично это обосновано, так как нововведения вводят определенные ограничения на иностранных эмитентов. Банк России, в соответствии с критериями качества и надежности, утверждает перечень фондовых индексов. Те иностранные бумаги, которые входят в утвержденный список этих индексов, будут доступны к публичному обращению. Данный список уже определен и включает в себя более четырех тысяч ценных бумаг. Также в публичном обращении будут находиться иностранные ценные бумаги, которые были допущены биржей до даты принятия законопроекта, и ETF, состоящие из ценных бумаг, которые входят в утвержденные иностранные фондовые индексы. Таким образом, после официального опубликования закона для неквалифицированных инвесторов сохраняется достаточно широкий спектр выбора и возможностей для диверсификации. Одно из опасений, что закон запретит основной массе инвесторов участвовать в первичных размещениях — не оправдалось. Законопроект не запрещает неквалифицированным инвесторам участвовать в IPO российских компаний. Участие также не потребует тестирования, если в момент IPO акции будут находиться в котировальном списке биржи. Таким образом, сохраняется один из основных смыслов и значений фондового рынка для Российского инвестирования — в привлечении фондирования для развития Российских компаний. Но после вступления

закона в силу неквалифицированный инвестор не сможет участвовать в первичном обращении иностранных компаний. Центральный банк считает, что таким образом частный инвестор России будет поддерживать реальную экономику своей страны, а не иностранных государств. Это будет хорошим инструментом повешения стабильности отечественного рынка, так как российский финансовый рынок является одним из наиболее волатильных в мире [Иванов, 2014].

Другим финансовым инструментом, который может стать стимулом работы на фондовом рынке, является индивидуальный инвестиционный счет. Сейчас органы власти и профессиональные участники рынка активно работают над законодательной инициативой, которая повысит экономическую привлекательность ИИС второго типа. По данным РБК на 13 июля 2020 г. на заседании по развитию финансового рынка при Совете Федерации глава ЦБ Эльвира Набиуллина поддержала предложение повысить взнос на ИИС до 3 миллионов рублей в год, а также разрешить частичное снятие средств без потери налоговых льгот. Она предлагает разрешить изъятие средств с ИИС, которые находятся на этом счете больше трех лет, а также в случае, если человек оказался в трудной жизненной ситуации или берет ипотеку. Эти условия отличаются от существующих сегодня и значительно повышают привлекательность использования данного финансового инструмента. Также на заседании обсуждается вопрос предоставления возможности инвестору открытия нескольких ИИС, но в поправках рассматриваемого закона пока такая возможность не предусматривается. В настоящий момент популярность ИИС растет. На Московской бирже по состоянию на 15 мая 2020 г. количество зарегистрированных индивидуальных счетов стало больше 2 миллионов. Только за первый квартал их количество увеличилось на 407 тысяч.

Автор считает, что частные инвесторы заинтересуются ИИС еще больше с 1 января 2021 года, когда вступит в силу закон о внесении изменений в налоговый кодекс, согласно которому инвесторам придется платить налоги с депозитов и облигаций [О внесении изменений..., 2020]. В таком случае больше взглядов устремятся в сторону фондового рынка и в большей части в сторону индивидуальных инвестиционных счетов, которые сохранят целый ряд налоговых льгот.

³ Закон о категоризации инвесторов: все, что вы хотели спросить // Finversia : [сайт]. URL: <https://www.finversia.ru/publication/zakon-o-kategorizatsii-investorov-vse-chto-vy-khoteli-sprosit-77923>. Дата публикации 08.07.2020.

В целом, фондовый рынок России достаточно разнообразен. С каждым годом он показывает положительную динамику развития системы регулирования рынка, как на уровне законодательно-правовой базы, так и на уровне регулятивного инструментария. Конечно, многие из таких новаций в законодательстве можно назвать только полумерами, но статистика показывает, что даже такие изменения рынок встречает весьма положительно, откликаясь ростом количества участников рынка и увеличением объемов инвестиций в экономику нашей страны [Руденко, 2019].

Выводы

Новый законопроект вносит определенные ограничения на неквалифицированного инвестора в выборе финансовых инструментов, полный набор которых он может получить только после прохождения тестирования на знания и опыт.

По мнению автора, несмотря на ограничения, у частного инвестора остается достаточно обширный круг возможностей. Многие начинающие инвесторы могут даже не заметить существенных изменений. В то же время без положительных результатов тестирования они не смогут воспользоваться техническими финансовыми инструментами, риски которых они не понимают, что спасет их от финансовых потерь, к которым они не были готовы. Если же инвестор разбирается в сложных технических инструментах и, например, стремится захеджировать свои риски за счет покупки фьючерсов или опционов, прохождение тестирования не составит для него проблем. Конечно, появляется больше возможностей заработать, если для этого есть

больше инструментов, но существуют успешные инвесторы, которые работают на одной акции и получают высокий доход. Таким образом, даже в ограниченном рынке возможности все равно остаются.

Банк России разработал для ИИС дополнительные комфортные условия, которые могут послужить компенсацией возможным неудобствам будущих инвесторов. В целом, в процессе подготовки нововведений в законопроект ЦБ проявил себя лояльно, готовым обсуждать спорные вопросы и идти на встречу частному инвестору. В связи с этим, на мой взгляд, итоговый вариант тестирования, вызывающий сейчас резко негативную реакцию, не должен быть сложным, и его прохождение не составит труда инвестору, который готов работать с тем или иным финансовым инструментом. Таким образом, закон о категоризации инвесторов не должен сильно повлиять на отток к иностранным брокерам профессиональных участников фондового рынка, но сможет защитить от необдуманных действий начинающего неопытного частного инвестора. Получение доступа к запрещенным инструментам будет стимулировать таких инвесторов повышать уровень финансовой грамотности, что, в свою очередь, является важным фактором экономического развития страны. В связи с этим, автор склоняется к выводу, что данный законопроект несет в себе больше позитивных, чем негативных аспектов и вступление его в силу должно положительно повлиять на развитие частного инвестирования в России.

Список источников

1. Дудин, 2020 — Дудин М. Н. Коронавирус COVID-19 — «джокер», который может привести мировую экономику в глубокую рецессию / М. Н. Дудин, Н. В. Лясников // Вестник МИРБИС. 2020. № 2. С. 6–13. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.2.1.
2. Жилюк 2020 — Жилюк Д. А. Категоризация частных инвесторов: новые риски и возможности / Д. А. Жилюк, А. Ю. Скороход // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 4 (124). С. 42–47. ISSN: 2311-3464.
3. Иванов 2014 — Иванов В. В. Современные финансовые рынки : монография / [В. В. Иванов и др.] под ред. В. В. Иванова. Москва : Проспект, 2014. 576 с. ISBN: 978-5-392-13128-0.
4. О внесении изменений..., 2018 — О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Законопроект № 618877-7 : зарегистрирован в САДД ГД 28.12.2018 // СОЗД : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/618877-7#bh_histras (дата обращения: 11.07.2020).
5. О внесении изменений..., 2020 — О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации : Федеральный закон № 102-ФЗ от 01.04.2020 // Официальный интернет-портал

правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010079> (дата обращения: 15.07.2020).

6. Попова 2016 — *Попова Е. М.* Стимулирование инвестиционной деятельности на фондовом рынке России / Е. М. Попова, Ю. Н. Львова // *Архитектура финансов: антикризисные финансовые стратегии в условиях глобальных перемен : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции.* Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2016. 696 с. С. 480–484. ISBN: 978-5-7310-3812-6.
7. Руденко 2019 — *Руденко С. А.* Инвестиционные инструменты рынка капитала: новации и стимулы / С. А. Руденко, Е. М. Попова // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* № 2 (116), 2019. С.18–25. ISSN: 2311-3464.
8. Семеко, 2019 — *Семеко Г. В.* Финансовая грамотность в России: проблемы и пути их решения / Г. В. Семеко // *Экономические и социальные проблемы России = Economic and Social Problems of Russia.* 2019 № 1. С. 70–98. doi: 10.31249/espr/2019.01.04.
9. Тринадцать тезисов., 2020 — Тринадцать тезисов об экономике: июнь 2020 / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Выпуск 12. Дата публикации 23.06.2020. URL: http://www.forecast.ru/ ARCHIVE/Mon_13/2020/0001072020.pdf.

References

1. Dudin M. N. Koronavirus COVID-19 – «dzhoker», kotoryy mozhnet privesti mirovuyu ekonomiku v glubokuyu retsessiyu [Coronavirus COVID-19 – a "joker" that can lead the world economy into a deep recession]. M. N. Dudin, N. V. Lyanikov. *Vestnik MIRBIS.* 2020. No. 2. P. 6–13. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.2.1 (in Russian).
2. Zhilyuk D. A. Kategorizatsiya chastnykh investorov: novyye riski i vozmozhnosti [Categorization of private investors: new risks and opportunities]. D. A. Zhilyuk, A. Yu. Skorokhod. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics]. 2020. No. 4 (124). P. 42–47. ISSN: 2311-3464 (in Russian).
3. Ivanov V. V. *Sovremennyye finansovyye rynki* [Modern financial markets]. [V. V. Ivanov et al.] under the editorship of V. V. Ivanov. Moscow : Prospect Publ., 2014. 576 p. ISBN: 978-5-392-13128-0 (in Russian).
4. O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «O rynke tsennykh bumag» i otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii [On amendments to the Federal Law "On the Securities Market" and certain legislative acts of the Russian Federation] : Draft Law No. 618877-7 : registered in the SADD State Duma on December 28, 2018. SOZD : [website]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/618877-7#bh_histras (accessed: 07/11/2020) (in Russian).
5. O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation] : Federal Law No. 102-FZ dated 01.04.2020. *Publication.pravo.gov.ru* : [website]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010079> (accessed: 15.07.2020) (in Russian).
6. Popova E. M. Stimulirovaniye investitsionnoy deyatelnosti na fondovom rynke Rossii [Stimulation of investment activity in the stock market of Russia]. E. M. Popova, Yu. N. Lvova. *Arkhitektura finansov: antikrizisnyye finansovyye strategii v usloviyakh global'nykh peremen* [Architecture of finance: anti-crisis financial strategies in the context of global changes] : proceedings of the VII International scientific-practical conference. St. Petersburg: SPbGEU Publ., 2016.696 p. S. 480–484. ISBN: 978-5-7310-3812-6 (in Russian).
7. Rudenko S. A. Investitsionnyye instrumenty rynka kapitala: novatsii i stimuly [Investment instruments of the capital market: innovations and incentives]. S. A. Rudenko, E. M. Popova. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics]. No. 2 (116), 2019. P. 18–25. ISSN: 2311-3464 (in Russian).
8. Semeko G. V. Finansovaya gramotnost' v Rossii: problemy i puti ikh resheniya [Financial literacy in Russia: problems and ways to solve them] G. V. Semeko. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii = Economic and Social Problems of Russia.* 2019 No. 1. P. 70–98. doi: 10.31249/espr/2019.01.04 (in Russian).
9. Trinadtsat' tezisov ob ekonomike: iyun' 2020 [Thirteen Theses on Economics: June 2020]. *Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting.* Issue 12. Date of publication 06/23/2020. URL: http://www.forecast.ru/ ARCHIVE/Mon_13/2020/0001072020.pdf (in Russian).

Информация об авторе:

Нечепаяев Михаил Михайлович — независимый исследователь; индивидуальный предприниматель; Россия, Санкт-Петербург.

Information about the authors

Nechepayev Mikhail M. – independent researcher; individual businessman, Russia, St. Petersburg.

Статья поступила в редакцию 23.08.2020; одобрена после рецензирования 15.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.

The article was submitted 08/23/2020; approved after reviewing 09/15/2020; accepted for publication 12/02/2020.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 167–177.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 167–177.

Научная статья

УДК 17.026

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.17

Taedium vitae или иммортологическая тривиализация смерти

Владимир Владимирович Варава

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, vladimir_varava@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается морально-психологический феномен «Taedium vitae», который трактуется в новом ключе. Традиционное понимание этого явления как «отвращения к жизни» и «пресыщения жизнью» трансформируется сегодня в новое экзистенциальное состояние, которое обозначается как «усталость быть человеком». Этико-антропологические границы человека — это границы «человека смертного», конституирующие его духовную и собственно человеческую идентичность. «Постчеловеческая» эпоха — это отказ от всяческих традиционных идентичностей, в том числе и от идентичности через смертность. В этом контексте широкое распространение различных «иммортологических проектов» является наиболее ярким показателем того, что современная форма «Taedium vitae» становится некоей «нормой» человека «эпохи пустоты». Высказывается идея о том, что иммортализм является метапарадигмой современного символического бессмертия, основанной на радикально секулярной тривиализации смерти. Феномен «тривиализации смерти» трактуется как сведение смерти на исследовательский уровень наряду с другими научными феноменами исключительно материального характера; и как переход от традиционной религиозно-философской метафизики смерти к ее «физике» (иммортализм). Делается вывод, что иммортализм, как бы устраняя смерть является наиболее приемлемой технологией для идеологии человека, уставшего быть самим собой.

Ключевые слова: Taedium vitae, смерть, тривиализация смерти, иммортология, танатология, Death Studies, русская философия, этика, эпоха пустоты.

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Н. Ф. Федоров. Энциклопедия (с онлайн-версией)». Проект № 18-011-00953 А.

Для цитирования: Варава В. В. Taedium vitae или иммортологическая тривиализация смерти / В. В. Варава // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 167–177. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.17

Original article

Taedium vitae or immortological trivialization of death

Vladimir V. Varava

Financial University, Moscow, Russia, vladimir_varava@list.ru

Abstract. The article examines the moral and psychological phenomenon «Taedium vitae», which is interpreted in a new way. The traditional understanding of this phenomenon as «aversion to life» and «satiety with life» is being transformed today into a new existential state, which will be designated as «tiredness of being human». The ethical and anthropological boundaries of man are the boundaries of «mortal man» that constitute his spiritual and, in fact, human identity. The «posthuman» era is a rejection of all traditional identities, including identity through mortality. In this context, the wide spread of various «immortological projects» is the most striking indicator that the modern form of «Taedium vitae» is becoming a kind of «norm» for a person of the «era of emptiness». The idea is expressed that immortalism is a metaparadigm of modern symbolic immortality based on a radically secular trivialization of death. The phenomenon of «trivialization of death» is interpreted as the reduction of death to the research level along with other scientific phenomena of an exclusively material nature; and as a transition from the traditional religious-philosophical metaphysics of death to its «physics» (immortalism). It is concluded that immortalism, as if eliminating death, is the most acceptable technology for the ideology of a person who is tired of being himself.

Key words: Taedium vitae, death, trivialization of death, immortology, thanatology, Death Studies, Russian philosophy, ethics, the era of emptiness.

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the RFBR project "N. F. Fedorov. Encyclopedia (with online version)". Project No. 18-011-00953 A.

For citation: Varava V. V. Taedium vitae or immortological trivialization of death. V. V. Varava. Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 167–177. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.17

Введение

После заката советской идеологии возобновились многие традиционные религиозно-философские дискурсы, в том числе и дискурс смерти. Нельзя сказать, что в советский период было наложено полное табу на танатологическую проблематику. Правильнее говорить об *особом советском отношении к смерти*, в котором произошло не столько вытеснение смерти из целостного контекста жизни и рефлексии, сколько свершилась какая-то невероятная трансформация ее традиционного образа и способов ее осмысления, при парадоксальном сохранении корневой связи с традицией. Но советская смерть — это отдельная тема.

Современный гипертрофированный интерес к теме смерти в различных аспектах, кроме философского, превышает все мыслимые и разумные пределы. Сам этот интерес уже может стать предметом глубинного морально-психологического и социологического анализа. Но результат один: или мы слишком много думаем и говорим о смерти, или слишком мало — в любом случае мы думаем и говорим не так. И современные попытки научить человека «правильно умирать», то есть привить ему правильную «культуру умирания» или хотя бы говорения о ней ни к чему не приводят. А почему? А потому, что, как было сказано выше, в этом современном разговоре, как правило, отсутствует философия. Но и отсутствие философии тоже весьма симптоматично.

«Танатологический бум», которым отмечена современная культура, лишь отчасти является перверсивной реакцией на умолчание смерти в советскую эпоху. Здесь есть причины, собственно, не связанные с советским прошлым. Это особое духовное мироощущение, имеющее новые этические установки. Сформировалось определенное мироощущение, в котором все более определяющим является не просто исследование смерти, повышенный к ней интерес и ее коммерциализация, но перевод, как говорится теории в практику. Об этом речь идет в работах И. В. Вишева [Вишев, 1990], Д. Кейтлин [Даути, 2018], В. Ф. Купревича [Купревич, 1993], С. В. Роганова [Роганов, 2005], Д. Хапаевой [Хапаева, 2020] и др.

Методологическая основа

Методологической основой исследования являются общенаучные методы и принципы позна-

ния, компаративный анализ различных иммортологических текстов. В центре внимания феномен иммортологии, имеющий различные ракурсы, среди которых наиболее важным является практическая направленность этого движения. В этом смысле иммортология в статье понимается как метапарадигма современного символического бессмертия, основанная на радикально секулярной *тривиализации* смерти. Это явление исследуется в двух аспектах: сведение смерти на исследовательский уровень наряду с другими научными феноменами исключительно материального характера; и переход от традиционной религиозно-философской метафизики смерти к ее «физике» (иммортология как достижение физического бессмертия).

В исследовательском пространстве сегодня наблюдается явная диспропорция между эмпирической танатологией и собственно философией. *Эмпирические исследования смерти* (Death Studies и Mortality Studies) имеют весьма широкий диапазон: здесь культурно-антропологические, историко-археологические, некросоциологические, лингво-культурологические, текстологические, демографические, психологические, психотерапевтические, патологоанатомические, биомедицинские, технологические и прочие ракурсы и аспекты. В этих исследованиях значительное место занимают иммортологические проекты, особенность которых в том, что свою эпистемологическую базу они строят на естественнонаучных фактах. По крайней мере, они это декларируют.

Общей чертой данных исследований является не только принципиальное отсутствие философского воззрения на проблему, но и тотальная *десакрализация*, и соответственно, *десемантизация* смерти. Ярким примером являются бестселлеры Кейтлин Даути — сотрудница крематория, главы похоронного бюро в Лос-Анджелесе, популярного YouTube-блогера, которая с иронией и шокирующей откровенностью рассказывает о своих рабочих буднях так, как будто речь идет о самой простой в мире вещи — человеческой смерти. Задача — снять всякий «ореол таинственности» и величия со смерти, избавиться от страха, низведя смерть в разряд банальностей скучной повседневности [Даути, 2018].

Причины подобного легковесного и в то же время *танатопатийного*, то есть «заворожен-

ного смертью» сознания современного общества, обстоятельно рассмотрены в книге Д. Хапаевой «Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма». В частности, исследователь отмечает «удивительную концептуальную продуктивность танатопатии», которая проявилась в создании значительного количества танатологической лексики. Еще двадцать лет назад, — отмечает она, — таких понятий, как танатофилия (особая тяга к могилам и кладбищам), танатотуризм, танатография, танатовосприимчивость, попросту не существовало. Все они — порождение современного интереса к смерти, ее притягательности» [Хапаева, 2020, с. 98].

Можно сказать, что *нехватка философии* порождает и танатопатию, и иммортологические утопии одновременно. И чем острее эта нехватка, тем невероятнее иммортологические фантазии. К тому же, современный чрезвычайно развитый гедонизм, окрыленный биотехнологическими «достижениями», порождает уже нечто, похожее не «иммортологическое безумие» или «иммортологический невроз». Есть *традиционная иммортология*, о которой необходимо сказать особо, и к которой в данном случае вообще нет вопросов. Она основывается на религиозном, этическом и, в целом, философском контексте, вне которого немислима.

Вот каким образом современный исследователь философской иммортологии. О. С. Пугачев характеризует предметное поле: «Смерть есть не только и даже не столько «предмет» физического мира, сколько мира морального, того, что связан с человеческими чувствами и сознанием, добром и злом, а поэтому идея бессмертия столь же естественна, сколько естественно разделение в душе человека и вне ее лежащем мире, добра и зла, правды и лжи. Если за смертью стоит, как ее понятийное продолжение и «углубление», понятие небытия, то понятие жизни также имеет свое продолжение, что и выражается термином «иммортализм» или бессмертие» [Пугачев, 2001, с. 5].

Этот подход, для которого бессмертие есть, прежде всего, предмет моральной философии, а даже не теологии, был с наибольшей сильной представлен в русской философии именно ее религиозными мыслителями: В. С. Соловьевым, Н. Ф. Федоровым, Н. А. Бердяевым, С. Н. Карсавиным, С. Н. Булгаковым, Е. Н. Трубецким, С. Л. Франком, И. А. Ильиным и др. Можно сказать, что он

был присущ и крупным русским писателям-мыслителям Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, И. А. Бунину, А. П. Платонову.

Так же есть то, что можно назвать «нормальной» медициной, целью которой всегда была помощь человеку в лечении различных заболеваний, профилактика здоровья, возможность продления жизни и т. д. Заслуги основателя научной геронтологии И. И. Мечникова хорошо известны. Но нормальная медицина никогда не ставит перед собой беспочвенных целей, например, абсолютного здоровья и вечной молодости и уж тем более достижения физического бессмертия. В этом плане концепция «личного бессмертия», разрабатываемая И. В. Вишевым значительна отличается как от классической геронтологии и, возникшей на ее почве ювенологии, как и от традиционных религиозно-философских иммортологических доктрин [Вишев, 1990].

С нормальной психоментальной и духовно-нравственной позиции очевидно, что никто не хочет стареть, болеть и умирать, и это естественно. Противоестественно, прежде всего с моральной точки, обратное. Но как бы человек не ценил молодость, здоровье и долгую жизнь эти вещи, взятые в аспекте вечности, то есть вечная молодость, вечное здоровье и вечная жизнь были бы скорее проклятием, нежели благом. Есть какая-то абсолютно непостижимая, но высшая трагическая мудрость в том, чтобы человек старел, болел и умирал.

Это есть то, что называется просто: страданием. И в этом круге его страданий свершается нечто бесконечно значимое для его духовного бытия. И желание обратного означает отказ от человеческого. В этом плане современную иммортологию можно рассматривать как ту форму духовного мироощущения, в основе которого — экзистенциальная исчерпанность и *усталость быть человеком*. Мы полагаем, что уместно эту современную форму экзистенциальной усталости или исчерпанности обозначить традиционным понятием «*Tedium vitae*», имеющим широкий диапазон употреблений — от философских и литературных до морально-психологических и психопатологических.

Tedium vitae изначально трактуется как «отвращение к жизни», переходящее затем в «пресыщенность жизнью». Здесь наблюдается своеобразная эволюция: *от отвращения к пресыщен-*

ности, и уже отвращение от пресыщенности, и пресыщенность до отвращения. Это фиксируется в словарной дефиниции следующим образом: «В новое время эти слова стали употребляться для обозначения пресыщения жизнью, опустошенности, душевной усталости, овладевавших человеком, несмотря на его материальное благополучие» [Бабичев, 1988, с. 785].

В таком значении *Taedium vitae* тождественно понятию «экзистенциальной фрустрации», которое широко распространено в современную «эпоху пустоты». Его появление фиксирует уже В. С. Соловьев в XIX веке. В своей докторской диссертации «Критика отвлеченных начал он писал следующее: «Хотя слишком часто встречаются люди, полагающие единственную цель своего существования в материальных наслаждениях, но это всегда и неизбежно оказывается иллюзией, ибо как только достигается это мнимое счастье, то есть постоянная возможность удовлетворять вполне все материальные хотения (а они имеют тесные пределы), так необходимо является пресыщение, скука, внутренняя пустота, а за нею отвращение к жизни, *taedium vitae*, и очень часто как последнее заключение — самоубийство, печальное, но убедительное доказательство высшей природы человека» [Соловьев, 1911, с. 18].

Итак, психологическая трактовка *Taedium vitae* — депрессия, поэтическая — меланхолия. Сейчас в «постчеловеческую» эпоху можно наблюдать сильнейшую трансформацию этого характерного и типичного для человека состояния отвращения к жизни, которое время от времени случается с разными, особенно с творческими людьми. Сегодняшнее отвращение от жизни приобретает иную форму: человек устал быть именно собой, человеком. Он устал не от жизни, а от самого себя, от своей традиционной идентичности, от своей смертности. Виновен ли он в этом? Или это некий исторический «фатум», очередной виток экзистенциальных депрессий? Время покажет.

Но очевидно, что потеря идентичности, ставшей повсеместным явлением, свидетельство этого процесса. Дело здесь не в свободе от каких-то внешних условий, вообще не в свободе выбора, а в экзистенциальной усталости человека быть самим собой. Вот почему сегодня так агрессивна «атака на смерть», поскольку, как это ни парадоксально, именно смерть является последним

пристанищем человеческой подлинности, самой человечности.

Сегодня *изгнание смерти*, о котором писали многие, в том числе Ж. Бодрийяр, становится всеобщим фактом жизни. И поэтому неудивительна та интенсивность в исследованиях смерти (*Death Studies*), и тот интерес в обществе (культ смерти), поскольку это есть перверсивная форма умолчания (табуирования) смерти под видом ее экспликации (экзгибиционизма). Неумение включать философию в дискурс смерти, нежелание философии в качестве ценностного и бытийного основания для разговора о смерти подменяется всплеском «исследований» и коммерческой продукцией.

В начале XX века многие чуткие художники и мыслители видели эту атаку на смерть, это стремление вычеркнуть смерть и связанный с ней трагизм жизни из становящегося все более массовым и гедонистическим общества. В качестве примера один из наиболее важных эпизодов первого романа Джеймса Джойса «*Stephen Hero*» — это полемика героя (самого автора) с ректором духовного учебного заведения, в котором прозвучала такая фраза со стороны Стивена: «Почему бы не объявить смерть уголовным преступлением?»

Она возникла как реакция на крайне косные и консервативные взгляды ректора на современное искусство, в том числе на творчество Ибсена. Современное искусство, полагает он, опасно и греховно, оно заглядывает в inferнальные бездны, это культ красоты, чистый эстетизм, оно пессимистично и трагично и заводит, в конце концов, «в самые гнусные мерзости». Все это неприемлемо с религиозной точки зрения.

После долгих и достаточно бесплодных со стороны ректора попыток переубедить Стивена в его эстетической позиции, он говорит: «Да, мы счастливы. Даже англичане стали убеждаться в безумии этих болезненных трагедий, этих жалких, несчастных, нездоровых трагедий. На днях я читал, что один драматург был вынужден заменить последний акт в своей пьесе, потому что там заканчивалось катастрофой — каким-то жутким убийством, самоубийством или чьей-то смертью».

Следует ответ: «Почему бы не объявить смерть уголовным преступлением? — спросил Стивен. У них слишком робкий подход. Гораздо проще взять быка за рога и покончить с этим раз навсегда» [Джойс, 2014, с. 141–142].

Это писалось где-то между 1904 и 1914 гг., на заре эпохи радикального табуирования, профанирования и тривиализации смерти, чем отмечена современность. Джойс удивительно тонко уловил эту наступающую атмосферу «умолчания смерти», из которой исключалось все истинное, глубокое, а значит трагичное. И казалось бы, религия должна стоять на страже этих истин, но увы, она стала обслуживать массовые потребительские вкусы, создавая прецедент «эвтаназийной культуры», в которой главное — изгнание смерти из горизонта «счастливой» жизни.

Отечественный философ-танатолог и писатель Сергей Роганов писал в своем программном манифесте «Homo mortem» о парадоксальной угрозе гибели самой смерти, ее неизбежности, которая происходит в борьбе за «продолжительность жизни». Вот как он об этом размышляет: «Человечество легко научилось решать «нелепые» смертные проблемы. Либо гибнет неизбежная глубокомысленность, так же, как, например, неизбежно погиб Homo sapiens со всей своей неизбежностью под ударами тех самых зубоскалов, которые разобрались с ним не хуже, чем когда-то с Господом разбирался сам Homo sapiens, либо гибнет «неизбежность смерти» — борьба за «продолжительность жизни» грозит перевернуть наш стареющий мир.

Правда, в погоне за продолжительностью человеческой жизни можно потерять того, кому так необходимо продлить присутствие под солнцем. Как знать, может, все-таки человек никак не может без собственной смерти в итоге?!

Рождение — несомненная предпосылка появления новых членов земного сообщества. Аборт — бесчеловечен, но кто знает, не превратятся ли со временем рецепты «земного бессмертия» в тот же аборт, только место человеческого зародыша займет человеческая смерть» [Роганов, 2005, с. 281–282].

Бессмертие как аборт смерти! Весьма нетривиальный ход мысли. Это своего рода *смерть смерти*, за которой кроется отнятие у человека последней возможности быть самим собой. Смерть, как это ни парадоксально, является последним храном человека, храном его сокровенного, которое может быть утрачено в погоне за долголетием и бессмертием. И такая ситуация закономерна: она отражает уже сформировавшуюся сугубо извращенную интенцию отказа от человеческой

исключительности. Провозглашенная постмодернистами «смерть человека», которая означала метафизическую деконструкцию смертельно наскучившей рационалистической антропологии с ее дуализмом «души/тела», то есть бессмертной души и смертного тела оборачивается уже практической биологической трансформацией человека.

Имморталогический порыв в этом контексте можно рассматривать как реакцию на экзистенциальную истощенность человека (*Taedium vitae*), на его *усталость быть самим собой* и нести крест своей участи. Бремя легко, если понятен смысл бремени; но бремя невыносимо, если оно чужое, чуждое и непонятное. Чудовищность современного состояния в том, что человек стал чужим самому себе, своей потаенной сущности, которая, несмотря на непроясненность, всегда была его родной сущностью.

Быть человеком не так уж просто. Здесь необходимо то, что П. Тиллих назвал «мужеством быть». Это не моральная, но экзистенциальная добродетель. Быть — не значит быть «хорошим» и «добрым» в моральном смысле. Просто быть, удерживая себя в границах человечности, уже требует больших душевных и нравственных сил. Но более всего требуется экзистенциальное мужество в стоянии перед ничто: собственным ничто и ничто другого (близкого) человека. Известная строчка И. Бродского «Смерть — это то, что бывает с другими» приобретает сугубо интровертивный характер личной глубоко экзистенциальной вовлеченности в «ситуацию ничто».

Человек прежних эпох обладал таким мужеством. Современный, выросший в гедонистическом порядке сущего, такое мужество утрачивает. Поэтому он быстро утомляется от трудного, страшного, но скучного и абсолютно непонятного ему бытия, и постоянно убегает от него в искусственный медийный мир. Последний тоже не долговечен, и так же страшен и скучен, когда подходит к своему завершению. Конец эпохи *media* не за горами. Вот почему бросок в иммортализм, который как бы избавляет от традиционных «депрессивных», на самом деле этико-экзистенциальных состояний, связанных с переживанием смерти и смертности, воспринимается как спасение.

Здесь в самый раз вспомнить Л. П. Карсавина, в частности его «Поэму о смерти». Философ говорит о сознании современного ему человека, ко-

торое настроено лишь на скольжение по поверхности бытия и лишенном глубинного нравственного измерения, которое единственно и раскрывает истинный смысл страданий и смерти. «Ужас несовершенного нашего существование не в том, что мы умираем, — говорит он, — а в том, что не хотим умирать и, непрестанно умирая, никак умереть не можем» [Карсавин, 1992, с. 206].

Это, конечно, парадокс, более того, жуткий антигуманизм, который в его статье «О так называемом “бессмертии души”» звучит прямо-таки устрашающе: «Во всем своем несовершенстве человек может достичь самого порога истинного миропонимания, всецелого и всецело действительного лишь чрез смерть. Это новое отношение к миру и себе звучит отголоском «свершенного» в предсмертных словах Франциска: “Добро пожаловать, сестра моя, Смерть”».

Если смерть мыслится лишь в «линейной» и одномерной перспективе как обрыв существования, всегда несвоевременный и жуткий, тогда остается лишь игнорирование вопроса о смерти или полагание на «бессмертие» как на спасение. Однако дело здесь совсем в другом. В работе «О личности» Карсавин говорит: «совершенное бессмертие как истинная жизнь через истинную смерть» [там же, с. 88].

Это не апология смерти, но, наоборот, апология жизни, чья истинная сущность может быть постигнута лишь через смерть. И боящийся смерти и страданий человек лишается такой возможности, обрекая себя на возможно более длительное, и, как ему кажется, более здоровое физически, но не менее унылое существование. О боязни боли и страдания современным человеком писал и Н. А. Бердяев. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» он во многом характеризует уже сегодняшнего человека: «Современный цивилизованный человек не выносит жестокости, страданий и боли ... он начал больше бояться боли и страданий, стал более изнеженным, менее мужественным и бесстрашным, менее выносливым, т. е. духовно ослабел» [Бердяев, 2003, с. 284].

Центральной, считает Бердяев, является проблема смерти, а проблема бессмертия вторична, и она обычно неверно ставилась. В духе Карсавина пишет Бердяев следующее: «Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных

над обыденностью и пошлостью жизни. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь лишена была бы смысла... Самое слово «бессмертие» не точно и означает отрицание таинственного факта смерти. Вопрос же о бессмертии души принадлежит совершенно устаревшей метафизике» [там же, с. 360]. И далее: «Смерть — предельный ужас и предельное зло — оказывается единственным выходом из дурного времени в вечность, и жизнь бессмертная и вечная оказывается достижимой лишь через смерть. Последнее упование человека связано со смертью, столь обнаруживающей власть зла в мире!» [там же, с. 361].

Вот она — подлинная антиномия, раскрываемая лишь философски: «Смерть имеет положительный смысл. Но смерть вместе с тем самое страшное и единственное зло» [там же, с. 364]. Таково истинное значение смерти, которое игнорируется иммертолизмом в его различных вариациях. Но современный иммертолизм, к тому же, начисто лишен той наивной, но романтической и благородной героики бессмертия, которую можно обнаружить в русском космизме, в его так называемой естественнонаучной ветви.

Интересно в этом контексте, что говорил, например, В. Ф. Купревич, крупный советский ученый, конечно же, материалист и атеист, апеллировавший лишь к биологии в вопросах жизни и смерти, но при этом не лишенный некоторой окрыленности, которое выводит его рамки серого и унылого казенного материализма советской науки. В статье «Долголетие: реальность мечты» он пишет: «Ушел из жизни А. Эйнштейн, не завершив единую теорию поля. Умер старик крестьянин, не успев разгадать тайну плодородия земли. Можно ли смириться с тем, что смерть их была «своевременной», а проблемы эти пусть решит эстафета поколений? Меня, старого ученого, угнетает тот покорный фатализм, с которым многие относятся к неизбежности смерти» [Купревич, 1993, с. 348].

Здесь ученый рассуждает как человек, как смертный. И его рассуждения носят характер нравственного вопрошания. Он выходит на границы аксиологической нейтральности, свойственной науке и ставит те вопросы, которые не входят в традиционный этос науки. Возможно, что он как человек испытал не только сильный

страх смерти, но то состояние, которое Саймон Кричли называет «ужасом аннигиляции», полагая, что именно он, а не традиционный страх смерти определяет современную жизнь. Но в конечном счете, свое нравственное негодование В. Ф. Купревич переводит в аргументы как ученого-биолога. Он считает, что смерть — явление историческое, что она не изначально в природе. Возникнув на определенном этапе развития жизни, смерть стала важнейшим двигателем эволюции. Однако, с возникновением общества и человека разумного смерть теряет свою изначальную функцию. В основе жизненных форм *протопласт* — «зародыш бессмертия». Это вещество способно к постоянному обновлению и к неограниченным изменениям свойств в процессе обмена материей и энергией с внешней средой. Способность протопласта к самообновлению, его стойкость и постоянство поистине безграничны, что дает основания для биологического оптимизма.

В. Ф. Купревич весьма пафосно и многообещающе называет смерть «*историческим анахронизмом*», из чего следует, что бессмертие неизбежно: «С возникновением общества человек вышел из-под власти естественного отбора. Организм его сложился в далеком прошлом и, по-видимому, на долгие времена. А смерть? Она стала в данном случае историческим анахронизмом. Как фактор, способствующий улучшению природы человека смерть не нужна. С точки зрения общества, она вредна. Исходя из задач, стоящих перед человечеством, просто нелепа. Кто же захочет закрепить эту нелепость на вечные времена?»

...Смертный человек бросает вызов времени и пространству. Он выходит один против бесконечной вселенной, чтобы обрести тайну вечной жизни. Обрести и подарить потомкам» [там же, с. 350, 347].

Чтобы это произошло, нужно, говорит Купревич: «познать причины старения организма. Для того что бы установить предел возможной ее продолжительности, нужно узнать первопричину смерти. Тот механизм ее, который, повторяю, был порожден в процессе эволюции» [там же, с. 350]. Ни много ни мало — «узнать первопричину смерти!» Звучит весьма философично, так как греки говорили о первопричине сущего. Но все дело в том, что первопричина эта полагается лишь в биологическом (эволюционном) контексте, в истинности которого автор убежден абсо-

лютно, будучи эволюционистом-догматиком.

Не нужно говорить, что смерть, в сущности, не биологический феномен, поэтому искать ее «первопричину» в эволюции так же бессмысленно, как научить шимпанзе писать стихи. Но это отдельная история, и здесь дело в другом, более важном аспекте, который совершенно игнорируется сторонниками биологического имморализма. Речь идет о смысле, о том, что человек жив смыслом, и что ни биология, ни эволюция к этому не имеют ровно никакого отношения. А смерть и смертность связаны, прежде всего, со смыслом, а не с биологической организацией человека.

Одно из наиболее сильных и серьезных размышлений о несовместимости бессмертия и бессмысленной жизни представлено Владимиром Соловьевым в его известной работе «Смысл любви». Необходимо подробнее остановиться на ней, так как данный тип аргументации, как правило, не принимается в расчет, поскольку остается неизвестной. Но именно в этой работе раскрыта абсолютная нелепость имморализма с позиций смысла жизни.

Соловьев формулирует аксиоматическое положение: «*бессмертие совершенно несовместимо с пустотой нашей жизни*», которое обосновывает следующим образом: «Для большинства человечества жизнь есть только смена тяжелого механического труда и грубочувственных, оглушающих сознание удовольствий. А то меньшинство, которое имеет возможность деятельно заботиться не о средствах только, но и о целях жизни, вместо этого пользуется своей свободой от механической работы главным образом для бессмысленного и безнравственного времяпровождения» [Соловьев, 1991, с. 129].

Для подтверждения последних слов о пустоте и безнравственности «всей этой мнимой жизни» он ссылается на «Анну Каренину», «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцерову сонату» и делает такой жесткий, но абсолютно правдивый вывод, что «для такой жизни смерть не только неизбежна, но и крайне желательна: можно ли без ужасающей тоски даже представить себе бесконечно продолжающееся существование какой-нибудь светской дамы, или какого-нибудь спортсмена, или карточного игрока? Несовместимость бессмертия с таким существованием ясна с первого взгляда?» [там же, с. 130].

Кто из имморталистов когда-либо так ставил вопрос? Им даже и в голову не может прийти, что для пустой жизни, каковой она является по существу, смерть желательна и необходима, что это и есть единственный способ избавиться от пустоты дней. И при чем здесь биология?! Скучность естественнонаучных аргументов поражает! Как будто речь идет о червях и лягушках, а не о человеке.

Далее Соловьев разгоняет свою рефлексию уже до предельного уровня. «Но при большем внимании, — пишет он, — такую же несовместимость мы должны будем признать и относительно других, по-видимому, более наполненных существовании. Если вместо светской дамы или игрока мы возьмем, на противоположном полюсе, великих людей, гениев, одаривших человечество бессмертными произведениями или изменивших судьбу народов, то увидим, что содержание их жизни и ее исторические плоды имеют значение лишь как данные раз и навсегда, а при бесконечном продолжении индивидуального существования этих гениев на земле потеряли бы всякий смысл. Бессмертие произведений, очевидно, несколько не требует и даже само по себе исключает непрерывное бессмертие произведших их индивидуальностей. Можно ли представить себе Шекспира, бесконечно сочиняющего свои драмы, или Ньютона, бесконечно продолжающего изучать небесную механику, не говоря уже о нелепости бесконечного продолжения такой деятельности, какую прославились Александр Великий или Наполеон» [там же, с. 130].

Смелость данной мысли граничит с ее невероятной мудростью, с пониманием истинной участи человека, смысла его конечной и ограниченной деятельности. Только бездумное сознание, не понимающее истинных границ жизни и мысли, может предлагать неограниченное существование во времени и пространстве. Кого? Зачем? Для чего? Соловьев резюмирует: «Очевидно, что искусство, наука, политика, давая содержание отдельным стремлениям человеческого духа и удовлетворяя временным историческим потребностям человечества, вовсе не сообщают абсолютного, самодовлеющего содержания человеческой индивидуальности, а потому и не нуждаются в ее бессмертии» [там же, с. 130].

Продолжив мысль Соловьева, можно сказать, что физического бессмертия, основанного на «науке», желают те, которые не понимают важность

вопроса о смысле жизни и смысле деятельности, и вообще никогда не ставящие вопроса о самом понимании и непонимании. То есть, идущие мимо философии, полагаясь лишь на науку. Здесь можно вспомнить Канта, который в известной работе «Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики» очень точно говорил о границах разума и науки. И не только, конечно, Кант об этом говорил.

Сегодняшний иммортализм и гедонизм очевидно связаны причинно-следственными, а точнее, порочно-следственными связями, в основании которых неумная тяга к бесконечно-бессмысленному продлению пустого существования, реализуемого с помощью биотехнологий. Конечно, сама по себе жизнь есть огромная ценность, и никто не хочет расставаться с ней добровольно. И смысла в конечной жизни может быть мало или не быть вовсе, это все равно не отменяет ценности жизни, которая коренится в ее все побеждающей витальности. Но речь идет именно о конечной жизни, парадокс которой в том, что она может свершаться и без «смысла». Но спроецировать и продлить эту конечную бессмысленную жизнь в бесконечность — значит обречь себя, даже в проекции, на бесконечную бессмысленность. Более чудовищной вещи вряд ли можно себе представить.

Понимание гибельности научно-технического наступления на жизнь в ситуации отсутствия «осмысляющего мышления» было присуще Хайдеггеру, о чем он много говорил и писал. В частности, в своей речи 1955 года «Отрешенность» он предчувствовал угрозу научной модификации жизни, что приведет к опустошению ее сущности. Хайдеггер приводит слова лауреата Нобелевской премии химика Стэнли, который сказал следующее: «Близок час, когда жизнь окажется в руках химика, который сможет синтезировать, расщеплять и изменять по своему желанию субстанцию жизни». Комментируя эти слова, Хайдеггер пишет: «Мы приняли к сведению это утверждение, мы даже восхищаемся дерзостью научного поиска, при этом не думая. Мы не останавливаемся, чтобы подумать, что здесь с помощью технических средств готовится наступление на жизнь и сущность человека, с которым не сравнится даже взрыв водородной бомбы» [Хайдеггер, 1991, с. 108].

Это очень пророческие слова, ибо сегодняшнее «наступление на жизнь», предпринимаемое иммортализмом, действительно не сравнимо

с взрывом водородной бомбы, поскольку оно полностью выхолащивает ее человеческое содержание, стремясь заполнить техническим, то есть нечеловеческим. В этом то же проявление нежелания и усталости быть человеком, начатки которого Хайдеггер усмотрел в современном ему феномене «бегства от мышления». Современный человек, говорит он, спасается бегством от мышления, результатом чего является преобладание «вычисляющего мышления» над «осмысляющим раздумьем». Именно вычисляющее мышление, калькуляция вместо раздумья привела к бездумному господству техники.

Хайдеггер видит выход из этой ситуации в том, что он называет «отрешенностью от вещей» и «открытостью для тайны». Именно это не позволит человеку отречься от своей глубочайшей сущности, что и будет спасением этой сущности. Хайдеггер глубоко почувствовал угрозу по отношению к сущности человека, которую вытесняет калькуляция, равнодушие к размышлению и полная бездумность, дав нам в качестве спасительных инструментов отрешенность и открытость — отрешенность от вещей и открытость для тайны. Это может показаться метафизическим романтизмом, особенно сегодня, когда вычисление практически полностью вытеснило раздумье. Но иного пути нет, кроме пути философии, которая сегодня одна может остановить это смертоносное наступление научно-технического безумья, ставшего иммортологическим безумием.

Заключение

Современная экзистенциальная исчерпанность человека (*Taedium vitae*) — это не антропологическая «смерть человека» в постмодернизме, это и не «экзистенциальный вакуум», диагностированный в логотерапии, это не сартровская «тошнота», это и не пресыщенность усталого гедониста потребительского общества. Это ранее не проявлявшее себя, прежде всего, этическое чувство, в основании которого лежит нежелание быть более человеком. Человек устал от самого себя. Это парадокс! Он хочет жить, у него никуда не пропала воля к жизни, она даже еще и возрос-

ла сегодня. Но он не хочет жить в традиционных этико-антропологических рамках человека.

В этом новом состоянии нет никакого суицидального аспекта, присущего всем ранее известным меланхолическим и депрессивным состояниям, отрицающим жизнь. Сегодня не отрицание жизни, но отрицание человеческой жизни, за которым стоит отрицание человека. Произошла фундаментальная трансформация *Taedium vitae*: если традиционное пресыщение жизнью влечет к ее отрицанию, то есть к смерти, то современное пресыщение человеком ведет к отрицанию смерти, а значит и человека, чья фундаментальная этико-антропологическая и метафизическая сущность конституируется смертностью. Бегство в бессмертие — это бегство от человека, от самого себя.

Вот почему мы видим, как интенсивно распространяются различные идеологии с приставкой «пост». Поэтому такое упование на биотехнологии, которые смогут, наконец-то полностью вытравить человеческое в человеке и заменить его механизмом. То, что это бессмысленно и безумно — очевидно; то, что это абсолютно утопично — тоже понятно. Но главное здесь — это увидеть смену этического мироощущения современности. Это действительно нечто новое. Возможно, это самый радикальный духовной поворот, вернее, отворот от человека, за которым отвращение к человеку, отвращение к тому, чтобы быть человеком.

Еще раз повторим, что быть человеком — это во многом быть смертным, что возможно пережить лишь духовно-нравственным усилием. Иммуортиализм поэтому, как бы устраняя смерть, и является наиболее приемлемой технологией для идеологии человека, уставшего быть самим собой. Либо человек найдет новый этико-витаальный импульс для своего смертного бытия, либо он исчезнет. В контексте постгуманистических проектов такая альтернатива уже не кажется надуманной.

Список источников

1. Бабичев, 1998 — *Бабичев Н. Т.* Словарь латинских крылатых слов: 2 500 единиц / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. Москва : Русский язык, 1988. 960 с.
2. Бердяев, 2003 — *Бердяев Н. А.* Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 704 с. ISBN : 5-17-019070-0, ISBN : 966-03-1545-7.

3. Вишев, 1990 — *Вишев И. В.* Проблема личного бессмертия / И. В. Вашев. Новосибирск : Наука. 1990. 248 с. ISBN: 5-02-029600-7.
4. Даути, 2018 — *Даути К.* Когда дым застилает глаза : Провокационные истории о своей любимой работе от сотрудника крематория / К. Даути ; Перевод с английского К. В. Банникова. Москва : Эксмо, 2018. 256 с. ISBN: 978-5-699-95292-2.
5. Джойс, 2014 — *Джойс Дж.* Герой Стивен / Дж. Джойс ; Перевод с английского С. Хоружего. Санкт-Петербург : Азбука, 2014. 352 с. ISBN: 978-5-389-08113-0.
6. Карсавин, 1992 — *Карсавин Л. П.* Религиозно-философские сочинения / Л. П. Карсавин. Т. 1. Москва : Ренессанс, 1992. 325 с. ISBN: 5-8396-0092-X.
7. Купревич, 1993 — *Купревич В. Ф.* Долголетие: реальность мечты // Русский космизм : Антология философской мысли. Москва : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с. С. 347–352. ISBN: 5-7155-0641-7.
8. Пугачев, 2001 — *Пугачев О. С.* Введение в иммортологию: историко-философский и этический анализ / О. С. Пугачев. Пенза : РИО ПГСХА, 2001. 152 с.
9. Роганов, 2005 — *Роганов С. В.* Евангелие человекобога посмертно. Собственноручно / С. В. Роганов. Москва : АСТ, 2005. 349 с. ISBN: 978-5-17-024764-6.
10. Соловьев, 1911 — *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Санкт-Петербург : Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911 ; Директ-Медиа, 2012. Т. 2. 414 с. ISBN: 978-5-8889-3918-1.
11. Соловьев, 1991 — *Соловьев В. С.* Смысл любви // Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. Москва : Искусство, 1991. 701 с. С. 99–161. ISBN: 5-210-02462-8.
12. Хайдеггер, 1991 — *Хайдеггер М.* Отрешенность // Разговор на проселочной дороге : Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдеггер. Москва : Высшая школа. 1991. 192 с. С. 102–112. ISBN: 5-06-002425-3.
13. Хапаева, 2020 — *Хапаева Д.* Занимательная смерть : Развлечения эпохи постгуманизма. Москва : Новое литературное обозрение, 2020. 328 с. ISBN: 978-5-4448-1185-6.

References

1. Babichev N.T. *Slovar' latinskikh krylatykh slov: 2 500 yedinit* [Dictionary of Latin winged words: 2,500 units]. N. T. Babichev, J. M. Borovsky. Moscow : Russkiy yazyk Publ., 1988.960 p. (in Russian).
2. Berdyaev N. A. *Opyt paradoksal'noy etiki* [Experience of paradoxical ethics]. N. A. Berdyaev. Moscow : AST Publ. ; Kharkov : Folio Publ., 2003. 704 p. ISBN: 5-17-0190707-0, ISBN: 966-03-1545-7 (in Russian).
3. Vishev I. V. *Problema lichnogo bessmertiya* [The problem of personal immortality]. I. V. Vashev. Novosibirsk : Nauka Publ.. 1990 .248 p. ISBN: 5-02-029600-7 (in Russian).
4. Doughty K. *Kogda dym zastilayet glaza : Provokatsionnyye istorii o svoey lyubimoy rabote ot sotrudnika krematoriya* [When the smoke covers your eyes : Provocative stories about your favorite job from a crematorium employee]. K. Doughty ; Translated from English by K. V. Bannikov. Moscow : Eksmo Publ., 2018.256 p. ISBN: 978-5-699-95292-2 (in Russian).
5. Joyce J. *Geroy Stiven* [Hero Stephen]. J. Joyce ; Translated from English by S. Khorunzhiy. St. Petersburg : Azbuka Publ., 2014.352 p. ISBN: 978-5-389-08113-0 (in Russian).
6. Karsavin L. P. *Religiozno-filosofskiye sochineniya* [Religious and philosophical writings]. L. P. Karsavin. V. 1. Moscow: Renaissance Publ., 1992. 325 p. ISBN: 5-8396-0092-X (in Russian).
7. Kuprevich V. F. *Dolgoletie: real'nost' mechty* [Longevity: the reality of a dream]. *Russkiy kosmizm : Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1993. 368 p. Pp. 347–352. ISBN: 5-7155-0641-7 (in Russian).
8. Pugachev O. S. *Vvedeniye v immortologiyu: istoriko-filosofskiy i eticheskiy analiz* [Introduction to immortality: historical-philosophical and ethical analysis]. O. S. Pugachev. Penza : RIO PGSKhA Publ., 2001.152 p. (in Russian).
9. Roganov S. V. *Yevangeliye chelovekoboga posmertno. Sobstvennoruchno* [The Gospel of the Man-God Posthumously. With my own hand]. S. V. Roganov. Moscow : AST Publ., 2005. 349 p. ISBN: 978-5-17-024764-6 (in Russian).
10. Soloviev V. S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of abstract principles]. *Collected works of Vladimir Sergeevich Soloviev*. St. Petersburg : Knigoizdatel'skoye Tovarishchestvo "Prosveshcheniye" Publ., 1911 ; Direct-Media Publ., 2012. Vol. 2. 414 p. ISBN: 978-5-8889-3918-1 (in Russian).
11. Soloviev V. S. *Smysl lyubvi* [The meaning of love]. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. V. S. Soloviev. Moscow : Iskusstvo Информация об авторе:

Варава Владимир Владимирович — доктор философских наук, профессор. ФГБОУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993 (ГСП-3), Россия. Член Союза писателей России. РИНЦ AuthorID: 285099.

Information about the authors

Varava Vladimir V. – Doctor of Philosophy, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), 49 Leningradsky Prospect, Moscow, 125993 (GSP-3), Russia. Member of the Writers' Union of Russia. RCSI AuthorID: 285099.

*Статья поступила в редакцию 19.08.2020; одобрена после рецензирования 16.09.2020; принята к публикации 02.12.2020.
The article was submitted 08/19/2020; approved after reviewing 09/16/2020; accepted for publication 12/02/2020.*

СОЦИОЛОГИЯ · SOCIOLOGY

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 178–188.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 178–188.

Научная статья

УДК 81.272

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.18

Проблема сохранения родного языка среди хакасов

Ольга Леонидовна Лушникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, oltolt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

Аннотация. Актуальность проблемы сохранения родного языка среди хакасов вызвана сокращением населения, владеющего хакасским языком, поэтому фокус данной статьи направлен на выяснение роли хакасского языка в жизни современных хакасов. Статья построена на результатах социологического опроса городских и сельских хакасов (n=280). Выявлена разница в уровне владения хакасским языком среди городских и сельских жителей. Определено, что социокультурная среда оказывает влияние на языковое поведение, в частности основной язык места рождения. Доказано уменьшение роли хакасского языка как средства общения в повседневной жизни, причем не только среди городских, но и среди сельских хакасов. Выявлено, что изучение языка в школе или университете не является показателем высокого уровня владения им. Ключевыми факторами, определяющими знание языка, является то, на каком языке человек разговаривал в детстве, и на каком языке общается в кругу семьи. С одной стороны, сделан вывод о вытеснении хакасского языка из повседневной жизни, но, с другой стороны, отмечается усиление его роли в сохранении языковой идентичности. Материалы статьи представляют практическую значимость для органов региональной власти при формулировании политики по сохранению хакасского языка.

Ключевые слова: языковая идентичность, хакасы, родной язык, языковое поведение.

Благодарности: исследование выполнено в рамках Государственного задания «Оценка этноязыковой ситуации в Хакасии» на 2020 г. (утвержденного 29.12.2019 № 100-1151).

Для цитирования: Лушникова О. Л. Проблема сохранения родного языка среди хакасов / О. Л. Лушникова // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 178–188. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.18

Original article

The problem of preserving of mother tongue among Khakass people

Olga L. Lushnikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, oltolt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

Abstract. The relevance of the problem of preservation of mother tongue among of Khakass people is caused by a decrease in the number of people speaking the Khakass language. The focus of this article is to determine the role of the Khakass language in the life of contemporary Khakass people. The base of the article is the results of a sociological survey of urban and rural Khakass people (n=280). There is difference by the level of knowledge of Khakass language among urban and rural residents. The socio-cultural environment impacts language behavior, in particular the main language of the place of birth. The role of Khakass language is reduced in everyday life is proved not only among urban but also among rural people. Learning of Khakass language at school or university isn't an indicator of the high level of language proficiency. The key factors are main language in the place of the birth and main language within the family. On the one hand, the Khakass language has been displaced from everyday life, but on the other hand, its role in preserving the language identity has been strengthened. The article's materials are of practical significance for regional authorities in formulating policies for the preservation of the Khakass language.

Key words: language identity, urban Khakass people, rural Khakass people, mother tongue, linguistic behavior.

Acknowledgments: the study was carried out within the framework State task "Assessment of the ethno-linguistic situation in Khakassia" during 2020. (approved on 29.12.2019 No. 100-1151).

For citation: Lushnikova O. L. The problem of preserving of mother tongue among Khakass people. O. L. Lushnikova. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 178–188. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.18

Введение

По мнению исследователей, с исчезновением языка исчезает и народ [Хапаева, 2016, с. 442]. Язык — не просто средство общения, фундамент культуры любого народа [Ореховская, 2019, с. 37], единое духовно-культурное пространство национального бытия [Шаймарданов, 2020, с. 262], он содержит в себе безграничные потенциальные возможности его духовного, культурного, эстетического, интеллектуального развития и совершенствования [Хакназаров, 2019, с. 88]. Родной язык является средством приобщения к этнической культуре народа [Масленченко, 2020, с. 242], основой для межкультурного диалога [Кючуков, 2019, с. 253], помогает в утверждении и закреплении национального самосознания [Ильясова, 2020, с. 54].

Общеизвестно, что сфера функционирования русского языка, который является более полифункциональным, обслуживающим почти все области общественной жизни, возрастает с каждым днем [там же, с. 52]. Национальные языки, наоборот, утрачивают свою функциональную роль, поскольку вытесняются не только из производственной сферы, но из бытового обслуживания [Пивнева, 2014, с. 64]. Особенно это актуально для современных хакасов.

Хакасы составляют всего около 12 % от всей численности населения региона², что ускоряет процессы ассимиляции с этническим большинством — русскими, которые составляют 80,3 % от общего числа жителей республики³. Снижается численность хакасов, владеющих хакасским языком: в межпереписной период их число уменьшилось на 17,2 %⁴. Несмотря на то, что большая часть коренного этноса сосредоточена в сель-

ской местности⁵, каждый четвертый брак (26,2 %) среди сельских хакасов — национально-смешанный [Кривоногов, 2011, с. 206], нередко дети в таких семьях плохо владеют хакасским языком или вообще не говорят на нем. Исследователи отмечают, что часто язык большинства превращается в доминирующий, часто становясь языком межнационального общения, а остальные языки (языки меньшинств) превращаются в маргинальные с ощутимо редуцированной сферой функционирования и последующим возможным вытеснением вплоть до полного исчезновения [Ореховская, 2019, с. 38]. В Хакасии, по мнению исследователей, использование родного языка является преимущественно разрешительным или добровольным [Боргоякова, 2011].

Некоторые исследователи подчеркивают необходимость языкового образования, которое служит важной социальной функцией [Кариманова, 2020, с. 158], причем особая роль отводится школе, поскольку объем общения в школе более широкий, чем в семье [Ильясова, 2020, с. 54]. Вместе с тем существуют объективные препятствия для изучения родного языка, в ч. отсутствуют современные учебные пособия для изучения языка как родного [Боргоякова, 2020, с. 26], нет художественной и детской литературы [Сафин, 2020, с. 21] и т. д. Согласно данным различных исследований, отсутствует объективная необходимость в знании родного языка: в повседневной жизни в нем большой необходимости [Рахматуллина, 2020, с. 72], его использование является прерогативой узкого круга специалистов [Пивнева, 2014, с. 63], в дальнейшей жизни родной язык не поможет ни в хороший институт поступить, ни на работу устроиться [Хапаева, 2016, с. 443] и т. п.

Большая часть хакасов сосредоточена в сельской местности, поэтому, переселяясь в городскую (преимущественно, русскоговорящую) среду, хакасы начинают «забывать» свой язык. Как отмечают исследователи, стирание границ между хакасским субэтносом и другими этносами в городе происходит значительно быстрее, чем в деревне [Тиникова, 2020, с. 148]. А, учитывая высокие темпы сельско-городской миграции, можно предположить, что удельный вес городских хакасов будет увеличиваться, что приведет к еще

© Лушникова О. Л., 2020

2 Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. Москва : Статистика России, 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1. С. 575.

3 Там же.

4 Высчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва : Статистика России, 2004. С. 17, 99, 124, 158. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Москва : Статистика России, 2013. Т. 4.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Кн. 1.); Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. Москва : Статистика России, 2013. Т. 4.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. С. 19, 117, 143, 213.

5 Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. Москва : Статистика России, 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1. С. 575.

большему уменьшению числа владеющих хакасским языком. Фокус данной статьи направлен на сравнительный анализ роли хакасского языка среди городских и сельских хакасов. Основные задачи: определить уровень владения хакасским языком; понять, как используется язык в повседневной жизни; выяснить отношение к хакасскому языку как к родному; выявить ключевые факторы, определяющие знание языка.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования послужили материалы социологического опроса представителей хакасской национальности, проживающих в Республике Хакасия. Для опроса были выбраны муниципальные образования, где проживает большая часть хакасов: г. Абакан (19 тыс. чел.) и Аскизский район (18,5 тыс. чел.). Выборка квотная: по полу и возрасту (n=280). Метод опроса — формализованное интервью по месту жительства. Обработка данных осуществлялась с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19. Использовался регрессионный анализ и анализ корреляций (по Пирсону).

Уровень владения хакасским языком

Под влиянием доминирующего языка снижа-

ется уровень знания родного языка. В данном исследовании мы предлагали респондентам, во-первых, оценить, насколько хорошо они знают язык («хорошо», «не очень хорошо», «плохо», «не знают»), во-вторых, определить свой уровень владения («говорят, пишут, читают», «изъясняются на бытовом уровне», «понимают», «не разговаривают»), в-третьих, продемонстрировать знание языка (перевести текст с хакасского на русский). Результаты показали следующее.

Городские хакасы немного выше оценивают свой уровень знания языка: из них 37,9 % ответили, что хорошо знают язык, однако свободно говорящих, пишущих и читающих оказалось немного меньше — 34,3 %. Кроме того, с переводом текста справилась лишь четверть (24,3 %) городских респондентов, тогда как среди сельских хакасов таковых больше половины (58,6 %). В целом, уровень знания родного языка среди хакасов, проживающих в сельской местности, значительно выше, чем у городских: свободно владеющих — 68,6 %, 15 % могут изъясняться на бытовом уровне, и еще 12,1 % понимают хакасскую речь, хотя и не разговаривают (рисунок 1).

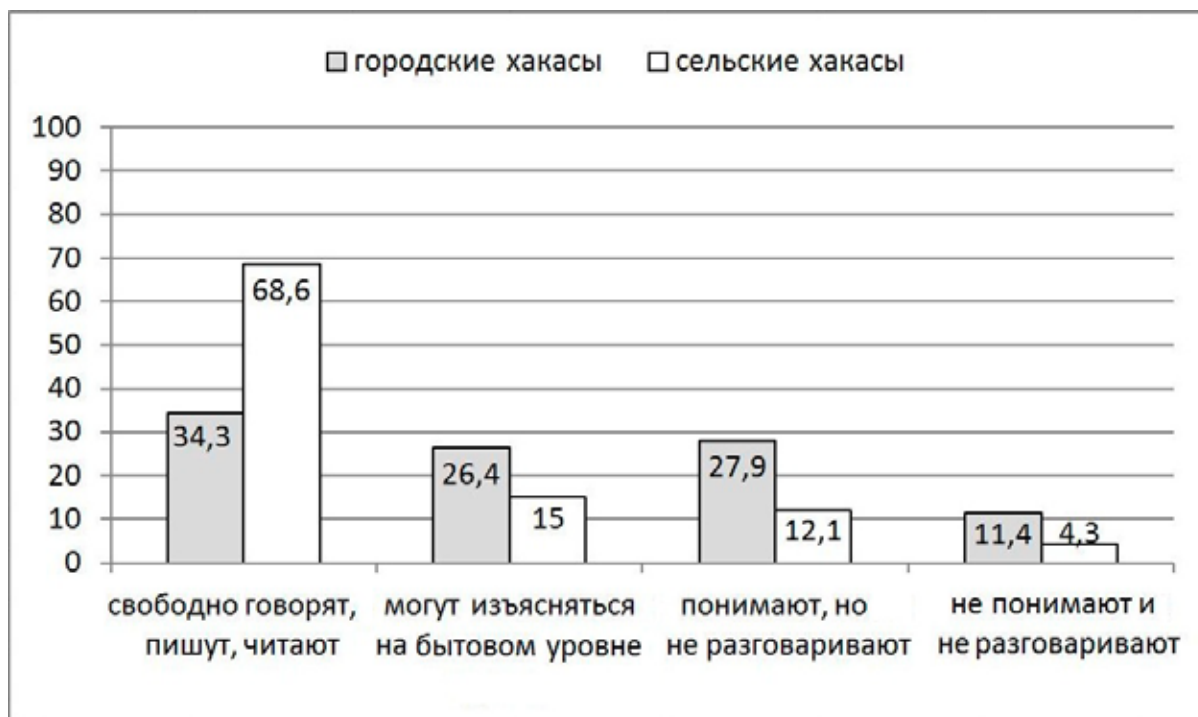

Рис. 1. Уровень владения родным языком среди городских и сельских хакасов, в % от ответивших

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Данные нашего исследования в некотором смысле согласуются с результатами других исследований, согласно которым, среди сельских хакасов свободно владеющих хакасским языком больше, чем среди городских (53,9 % и 34,7 %) [Кривоногов, 2011, с. 147]. В сельской местности хакасский язык, вероятнее всего, является основным средством общения в повседневной жизни, поскольку там проживает большая часть хакасов, поэтому и число свободно владеющих

языком больше. В моноэтничной и монопольной социокультурной среде уровень владения родным языком чаще всего высокий, поскольку без знания языка человек не может полноценно функционировать в данном сообществе. Данное исследование показало, что уровень владения хакасским языком варьируется в зависимости от того, каким был основным разговорный язык в месте рождения респондента (коэффициент корреляции по Пирсону $r=0,654^{**}$) (рисунок 2).

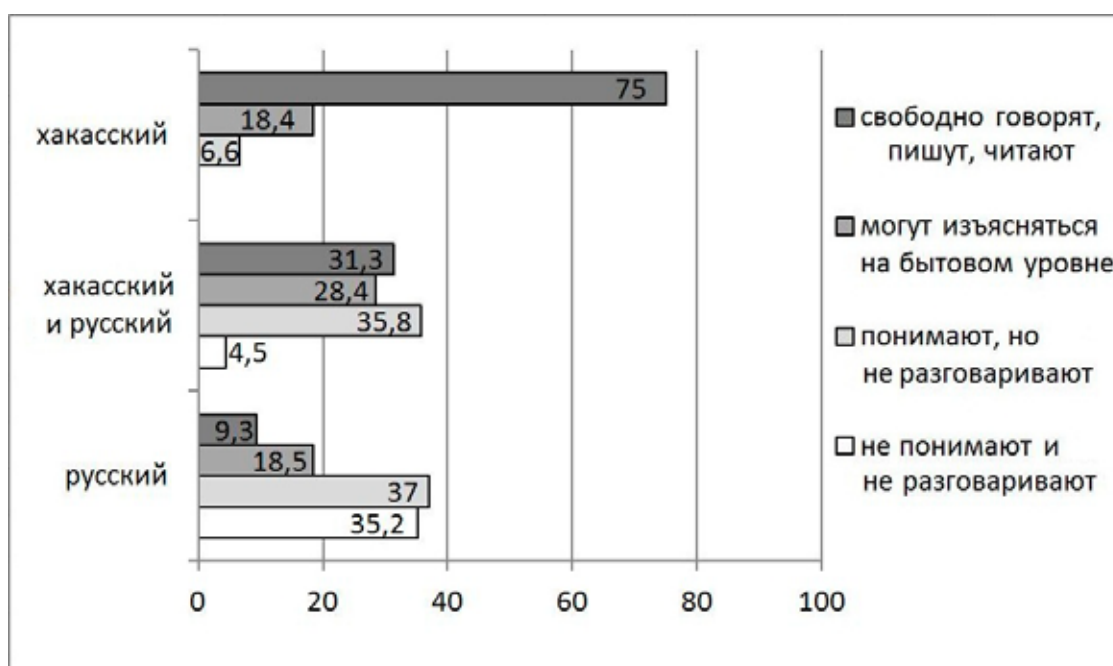

Рис. 2. Уровень владения родным языком в зависимости от основного разговорного языка места рождения респондентов, в % от ответивших
 Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

По рисунку 2 видно, что среди родившихся в местах, где основным разговорным языком был хакасский язык, три четверти свободно владеют родным языком и еще 18,4 % могут изъясняться на бытовом уровне. В условиях смешанного населения владеющих языком (свободно или на бытовом уровне) больше половины (59,7 %). Среди респондентов, родившихся в русскоговорящих местах, таковых чуть больше четверти — 27,8 %, при этом одна треть (37,0 %) опрошенных владеет языком только на уровне понимания, а другая треть (35,2 %) вообще не знает языка.

Использование хакасского языка в повседневной жизни

По мнению исследователей, вовлечение в урбанизационные процессы способствует потере родного языка в пользу русского [Сафин, 2019, с. 666]. Полученные в нашем исследовании результаты подтверждают это (рисунок 3).

Действительно городские хакасы по сравнению с сельскими реже используют родной язык в качестве средства общения. Удельный вес респондентов, которые в повседневной жизни общаются только на хакасском языке, варьируется от 2,9 % до 12,9 %, предпочтительным же в общении является русский язык. Вместе с тем среди сельских хакасов оказалось немного респондентов, которые в общении предпочитают родной язык: даже в кругу семьи на хакасском языке разговаривает всего треть опрошенных (36,6 %). Хотя, по мнению исследователей, именно в семье необходимо говорить с детьми на родных языках [Ткачук, 2020, с. 148]. Больше половины сельчан в общении склонны использовать и хакасский, и русский языки. Это свидетельствует о том, что даже в моноэтничной и монопольной среде родной язык вытесняется из повседневной жизни.

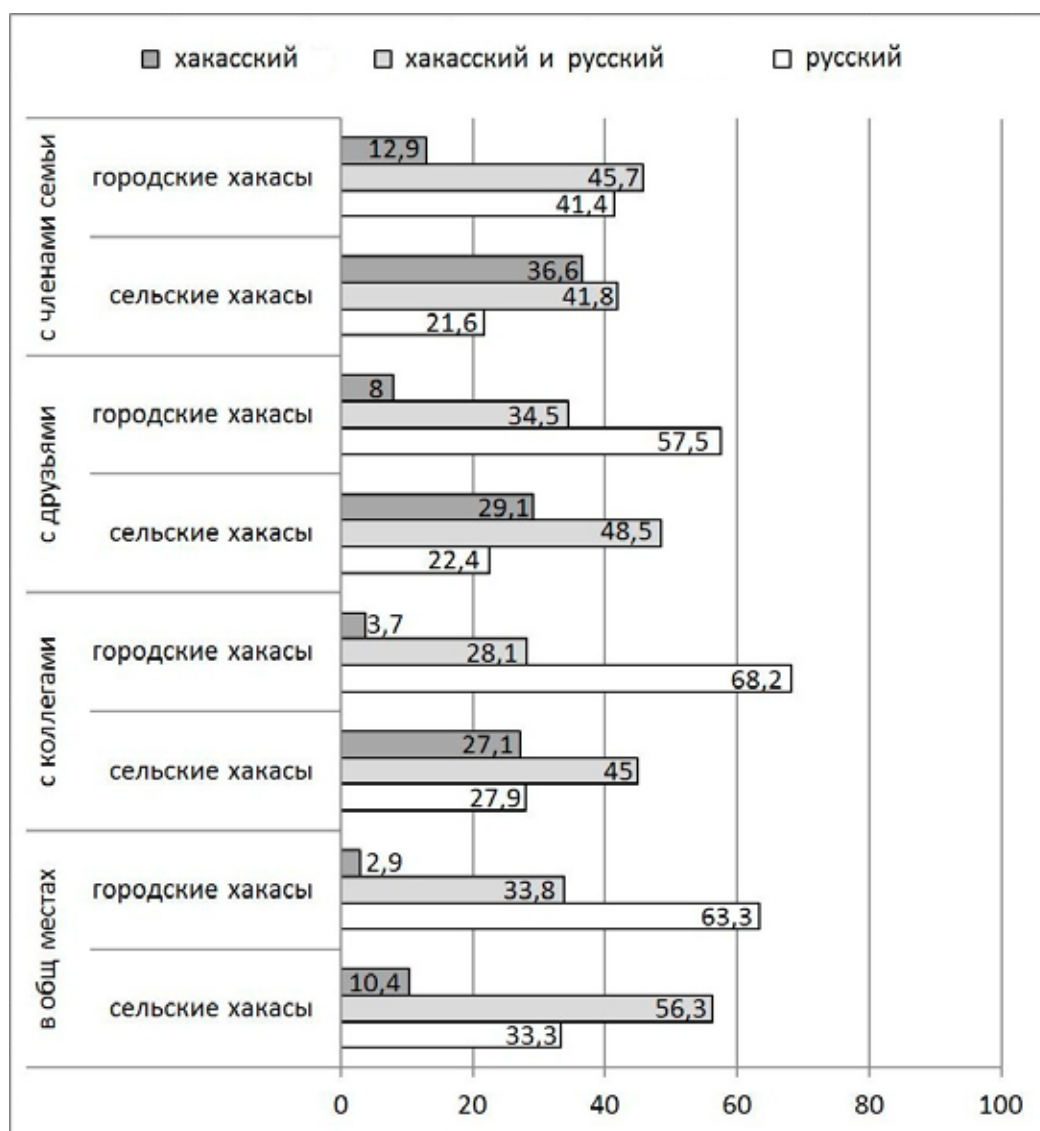

Рис. 3. Основной язык общения городских и сельских хакасов с разными категориями лиц, в % от ответивших

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Родной язык

Логично было бы предположить, что доминирование русского языка повлияет на установки людей по отношению к хакасскому языку как родному. Однако результаты исследований доказывают другое. Например, по данным А. В. Гусейновой, 61,0 % городских и 74,2 % сельских хакасов считают своим родным языком хакасский [Гусейнова, 2014, с. 139].

Результаты нашего исследования тоже показали, что преобладающая часть хакасов признает своим родным языком хакасский: 71,2 % городских и 82,0 % сельских хакасов. Причем, частота использования (язык, на котором чаще разговариваю) не является доминирующим основанием для определения языка в качестве родного, для большинства опрошенных родной

язык — это, прежде всего, язык родителей (так считают 89,3 % городских и 72,1 % сельских хакасов). Вместе с тем исследование показало, что отношение к хакасскому языку как к родному варьируется от уровня владения им: коэффициент корреляции по Пирсону $r=0,537^{**}$ (рисунок 4). Другими словами, чем лучше респонденты владеют хакасским языком, тем более они склонны считать его родным.

Исследователи отмечают, что наряду с уменьшением свободно говорящих на хакасском языке происходит усиление признания его в качестве родного [Боргоякова, 2019, с. 344]. Они объясняют это убеждениями о «правильном» языковом поведении, не связанном с реальными практическими действиями.

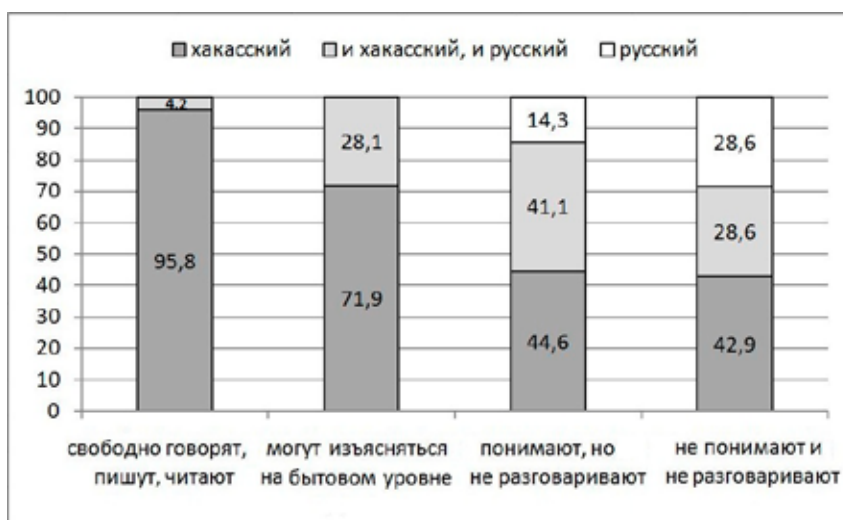

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какой язык Вы считаете родным?» среди опрошенных с разным уровнем владения хакасским языком, в % от ответивших

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

Изучение хакасского языка

Казалось бы, в условиях исчезновения родного языка необходимо предпринимать меры по созданию условий для его изучения. Однако результаты проведенного исследования показали,

что факт изучения хакасского языка (в начальной, основной школе, училище, колледже, техникуме, университете) не является определяющим фактором, который влияет на знание языка

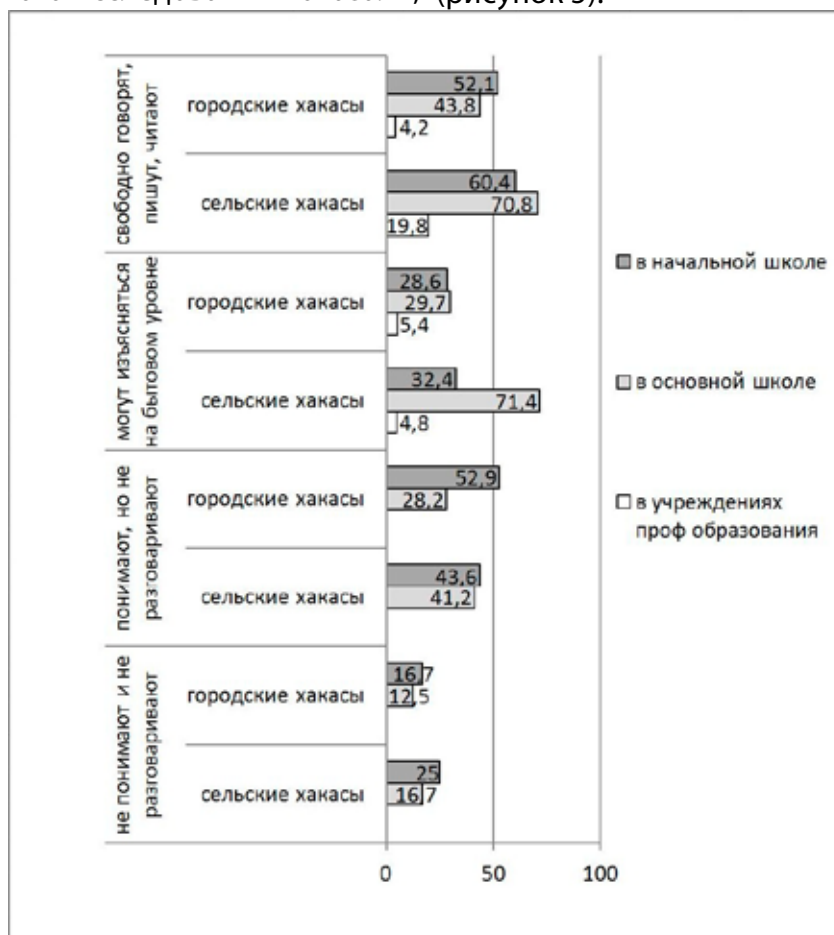

Рис. 5. Удельный вес изучавших хакасский язык среди опрошенных с разным уровнем владения, в % от ответивших

Источник: рисунок автора по данным настоящего исследования

По рисунку 5 видно, что среди опрошенных с разным уровнем владения достаточно много респондентов, которые изучали хакасский язык на той или иной ступени образования. По мнению исследователей, ожидать активного использования родного языка в различных сферах жизнедеятельности не приходится, в данном случае можно ожидать только восстановления знания языковых правил и знания самого языка до уровня пассивного владения [Ильясова, 2020, с. 53]. Можно предположить, что отсутствие крайней необходимости знать родной язык не стимулирует использовать его в качестве средства общения, т.е. «закреплять» на практике, в результате чего некогда освоенные знания постепенно утрачиваются. Данные исследования о состоянии языковой ситуации среди представителей коренных малочисленных народов Севера свидетельствуют об отсутствии заинтересованности в изучении родного языка. На вопрос «Если будут созданы условия, Вы будете изучать родной язык?» почти половина ответила опрошенных ответила отрицательно [Галямов, 2020, с. 118]. Однако если от знания родного языка будет зависеть их экономическое и социальное благополучие, две трети ответили, что будут изучать родной язык [там же с. 119].

Результаты нашего исследования показали, что 75,0 % не владеющих хакасским языком выражают желание изучать родной язык. Примечательно, что среди сельских хакасов больше тех, кто хочет и планирует изучать хакасский язык (40,6 %), а среди городских больше тех, кто хочет выучить, но у них пока нет возможности (58,3 %). В общем, каждый четвертый хакас не хочет учить родной язык, объясняя это отсутствием времени (20,6 %), денег (2,9 %), просто нежеланием (20,6 %), другими причинами (8,8 %), тем, что он в жизни не пригодится (8,8 %), либо вообще не затрудняется с ответом на этот вопрос (38,8 %).

Для того чтобы понять, что же в конечном итоге является определяющим в знании родного языка, мы выделили несколько факторов, от которых оно может зависеть: во-первых, язык, на котором человек разговаривал в детстве, во-вторых, знание языка родителями, в-третьих, язык общения в кругу семьи, в-четвертых, факт изучения языка (в школе, учреждении профессионального образования, на курсах), в-пятых, основной разговорный язык в месте рождения, в-шестых, основной разговорный язык в месте проживания (таблица).

Таблица. Регрессионная модель

№ п/п	Факторы	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	p
		В-коэффициент	Стд. ошибка	β-коэффициент		
1	Язык, на котором разговаривал в детстве	0,548	0,059	0,450	9,353	0,000
2	Знание языка родителями	0,410	0,083	0,173	4,960	0,000
3	Язык общения дома	0,317	0,056	0,253	5,666	0,000
4	Изучение языка (в школе, университете и т. д.)	0,634	0,162	0,129	3,913	0,000
5	Основной разговорный язык в месте рождения	0,142	0,056	0,112	2,513	0,013
6	Основной разговорный язык в месте проживания	-0,031	0,041	-0,024	-0,074	0,456

Источник: таблица автора по данным настоящего исследования

Регрессионный анализ показал следующее: коэффициент множественной корреляции $R=0,859^{**}$, полученная модель объясняет 73,0 % дисперсии. При этом коэффициент является статистически достоверным, поэтому данные могут быть содержательно интерпретированы. Оказалось, что больше всего уровень владения хакасским языком коррелирует с переменной «язык детства» ($\beta=0,450$) и «язык общения дома» ($\beta=0,253$). В меньшей степени уровень владения связан со знанием языка родителями ($\beta=0,173$), изучением языка ($\beta=0,129$) и основным языком места рождения ($\beta=0,112$). Значения переменной «язык места проживания» не являются статистически значимыми, поэтому не подлежат интерпретации.

Заключение

Данные настоящего исследования показали неоднозначные результаты. С одной стороны, хакасский язык вытесняется из повседневной жизни хакасов. Сокращается число свободно говорящих людей, увеличивается число владе-

ющих языком не в совершенстве. Все реже хакасы используют родной язык в качестве средства общения, причем не только городские, но и сельские, хотя в сельской местности проживает большая часть хакасов. Изучение языка не приводит к его распространению, а лишь закрепляет знание языковых правил. Но, с другой стороны, у хакасов присутствует осознание значимости своего родного языка и необходимости его изучения. Как сельские, так и городские жители (не владеющие языком) выражают желание изучать хакасский язык. И самое главное, современные хакасы считают его своим родным языком, несмотря на то, что не знают его, не говорят на нем и даже не понимают. Это свидетельствует о том, что хакасский язык по-прежнему играет значимую роль в определении этнической идентичности хакасов, другими словами, создает ощущение сопричастности к своему этносу. Можно сказать, что хакасский язык даже «при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [Костомаров, 1991, с. 11].

Список источников

1. Боргоякова, 2019 — *Боргоякова Т. Г.* Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики республики Хакасия / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики = Philology. Theory & Practice*. 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 342–347. doi: 10.30853/filnauki.2019.11.72
2. Боргоякова, 2011 — *Боргоякова Т. Г.* Преимущества билингвизма и проблемы билингвального образования в Республике Хакасия / Т. Г. Боргоякова // *Миноритарные языки в поликультурном пространстве России : Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием*. Абакан : ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. С. 6–15. ISBN 978-5-7810-0847-6.
3. Боргоякова, 2020 — *Боргоякова Т. Г.* Языковая политика Республики Хакасия в дискурсе и реализации / Т. Г. Боргоякова // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири = Preservation and development of Siberian indigenous languages and cultures : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (1-2 октября 2020, Абакан)*. Абакан : ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2020. С. 22–27.
4. Галямов, 2020 — *Галямов А. А.* Анализ состояния языковой ситуации среди представителей коренных малочисленных народов Севера на примере города Ханты-Мансийска за 2019 год / А. А. Галямов // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 63-5. С. 116–120. doi: 10.18411/lj-07-2020-180
5. Гусейнова, 2014 — *Гусейнова А. В.* Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия : Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Абакан, 2014. 176 с.
6. Ильясова, 2020 — *Ильясова Р. С.* Современное состояние чеченско-русского двуязычия / Р. С. Ильясова // *Известия Чеченского государственного университета*. 2020. № 2(18). С. 50–55. ISSN: 2587-9626. doi: 10.36684/12-2020-18-2-50-55
7. Кариманова, 2020 — *Кариманова Д. И.* Обучение на родном языке в национальных республиках современной России // *Социально-гуманитарные знания как фактор изменений современного общества : Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции*. Москва : МГПУ, 2020. 417 с. С. 157–163. ISBN: 978-5-4263-0893-0.
8. Костомаров, 1991 — *Костомаров В. Г.* Еще раз о понятии «родной язык» // *Русский язык в СССР*. 1991. № 1. ISSN: 0131-6133.
9. Кривоногов, 2011 — *Кривоногов В. П.* Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы / В. П. Кривоногов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 251 с. ISBN 978-7091-0487-7.
10. Кючуков, 2019 — *Кючуков Х.* Родной язык и культура в детском саду — база для межкультурного

- диалога // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. К 20-летию кафедры методики преподавания истории, обществознания и права : Сборник научных статей / Под редакцией А. А. Сорокина. Москва: Книгодел, 2019. 628 с. С. 251–263. ISBN: 978-5-9659-0200-2.
11. Масленченко, 2020 — *Масленченко А. С.* Родной язык как способ формирования этнической культуры у младших школьников (на примере бурятского языка) / А. С. Масленченко // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур : Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары : Среда, 2020. 420 с. С. 240–242. ISBN: 978-5-907313-08-8. doi: 10.31483/a-79.
 12. Ореховская, 2019 — *Ореховская Н. А.* Сохранение национального языка как фактор национальной безопасности в глобальном мире / Н. А. Ореховская // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 37–46. ISSN: 0869-8120.
 13. Пивнева, 2014 — *Пивнева Е. А.* Пути возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры / Е. А. Пивнева // Труды КарНЦ РАН. Серия Гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 58–65. ISSN: 1997-3217.
 14. Рахматуллина, 2020 — *Рахматуллина З. Н.* Роль и значение языка в формировании этнической идентичности / З. Н. Рахматуллина // Этнодиалоги. 2020. № 2 (60). С. 70–75. ISSN: 2071-8349. doi: 10.37492/ETNO.2020.60.2.003
 15. Сафин, 2020 — *Сафин Ф. Г.* Школьное образование как фактор сохранения родного языка в многонациональном регионе (на примере обучения на удмуртском языке в Башкортостане) / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 1. С. 14–24. ISSN: 2224-9443. doi: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-14-24
 16. Сафин, 2019 — *Сафин Ф. Г.* Этнодемографические и языковые проблемы удмуртского населения в Башкортостане / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 660–668. ISSN: 2412-9534. doi:10.35634/2412-9534-2019-29-4-660-668
 17. Тиникова, 2020 — *Тиникова Е. Е.* Сельско-городская миграция в Республике Хакасия в постсоветский период / Е. Е. Тиникова // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 148–154. ISSN: 2308-264X.
 18. Ткачук, 2020 — *Ткачук Н. В.* Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа — Югра / Н. В. Ткачук // Социальная компетентность = Social competence. 2020. Т. 5. № 1 (15). С. 138–149. eISSN: 2658-5855.
 19. Хакназаров, 2019 — *Хакназаров С. Х.* Использование и общественная значимость языков коренных народов Югры: социологический аспект / С. Х. Хакназаров // Социальная компетентность = Social competence. 2019. Том 4. № 1 (11). С. 87–94. eISSN: 2658-5855.
 20. Хапаева, 2016 — *Хапаева С. М.* Проблемы сохранения и развития карачаево-балкарского языка в условиях глобализации / С. М. Хапаева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–3. С. 442–445.
 21. Шаймарданов, 2020 — *Шаймарданов Р. Х.* Этнокультурное образование и воспитание в современных условиях / Р. Х. Шаймарданов // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур : Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Среда, 2020. 628 с. С. 262–265. ISBN: 978-5-907313-08-8. doi: 10.31483/a-79.

References

1. Borgoyakova T. G. Dinamika yazykovogo povedeniya i yazykovykh ubezhdeniy v kontekste yazykovoy politiki respubliki Khakasiya [Dynamics of linguistic behavior and linguistic beliefs in the context of the language policy of the Republic of Khakassia]. T. G. Borgoyakova, A. V. Guseinova. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2019. Volume 12. Issue 11. P. 342–347. doi: 10.30853/filnauki.2019.11.72 (in Russian).
2. Borgoyakova T. G. Preimushchestva bilingvizma i problemy bilingval'nogo obrazovaniya v Respublike Khakasiya [Advantages of bilingualism and the problems of bilingual education in the Republic of Khakassia]. T. G. Borgoyakova. *Minoritarnyye yazyki v polikul'turnom prostranstve Rossii* [Minority languages in the multicultural space of Russia] : Proceedings of the All-Russian scientific seminar with international participation. Abakan : Katanov Khakass State University Publ., 2011. P. 6–15. ISBN 978-5-7810-0847-6 (in Russian).
3. Borgoyakova T. G. Yazykovaya politika Respubliki Khakasiya v diskurse i realizatsii [Language policy of the Republic of Khakassia in discourse and implementation]. T. G. Borgoyakova. *Preservation and development of Siberian indigenous languages and cultures* : Proceedings of the 4th All-Russian scientific-practical conference

- (1–2 October 2020, Abakan). Abakan : Katanov Khakass State University Publ., 2020, pp. 22–27 (in Russian).
4. Galyamov A. A. Analiz sostoyaniya yazykovoy situatsii sredi predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa na primere goroda Khanty-Mansiyska za 2019 god [Analysis of the state of the language situation among representatives of the indigenous small-numbered peoples of the North on the example of the city of Khanty-Mansiysk for 2019]. A. A. Galyamov. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education]. 2020. No. 63–5. P. 116–120. doi: 10.18411/lj-07-2020-180 (in Russian).
 5. Guseinova A. V. *Dinamika yazykovoy situatsii v Respublike Khakasiya* [Dynamics of the language situation in the Republic of Khakassia] : Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Abakan, 2014. 176 p. (in Russian).
 6. Ilyasova R. S. Sovremennoye sostoyaniye chechensko-russkogo dvuyazychiya [The current state of the Chechen-Russian bilingualism]. R. S. Ilyasova. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chechen State University]. 2020. No. 2 (18). P. 50–55. ISSN: 2587-9626. doi: 10.36684/12-2020-18-2-50-55 (in Russian).
 7. Karimanova D. I. Obucheniye na rodnom yazyke v natsional'nykh respublikakh sovremennoy Rossii [Teaching in the native language in the national republics of modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya kak faktor izmeneniy sovremennogo obshchestva* [Social and humanitarian knowledge as a factor of changes in modern society] : Proceedings of the interuniversity student scientific-practical conference. Moscow : MGPU Publ., 2020. 417 p. P. 157–163. ISBN: 978-5-4263-0893-0 (in Russian).
 8. Kostomarov V. G. Yeshche raz o ponyatii "rodnoy yazyk" [Once again about the concept of "native language"]. *Russkiy yazyk v SSSR* [Russian language in the USSR]. 1991. No. 1. ISSN: 0131-6133 (in Russian).
 9. Krivonogov V. P. *Khakasy v nachale XXI veka: sovremennyye etnicheskiye protsessy* [Khakasians at the beginning of the XXI century: modern ethnic processes]. V. P. Krivonogov. Abakan : Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2011. 251 p. ISBN 978-7091-0487-7 (in Russian).
 10. Kyuchukov H. Rodnoy yazyk i kul'tura v detskom sadu — baza dlya mezhkul'turnogo dialoga [Native language and culture in kindergarten - the basis for intercultural dialogue]. *Aktual'nyye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika. K 20-letiyu kafedry metodiki prepodavaniya istorii, obshchestvoznaniya i prava* [Topical issues of the humanities: theory, methodology, practice. To the 20th anniversary of the department of teaching methods of history, social science and law] : Collection of scientific articles. Edited by A. A. Sorokin. Moscow: Knigodel Publ., 2019. 628 p. P. 251–263. ISBN: 978-5-9659-0200-2 (in Russian).
 11. Maslenchenko A. S. Rodnoy yazyk kak sposob formirovaniya etnicheskoy kul'tury u mladshikh shkol'nikov (na primere buryatskogo yazyka) [Native language as a way of forming ethnic culture among younger students (on the example of the Buryat language)]. A. S. Maslenchenko. *Aktual'nyye voprosy issledovaniya i prepodavaniya rodnykh yazykov i literatur* [Actual issues of research and teaching native languages and literatures] : Collection of materials of the International scientific-practical conference. Cheboksary : Sreda Publ., 2020. 420 p. P. 240–242. ISBN: 978-5-907313-08-8. doi: 10.31483/a-79 (in Russian).
 12. Orekhovskaya N. A. Sokhraneniye natsional'nogo yazyka kak faktor natsional'noy bezopasnosti v global'nom mire [Preservation of the national language as a factor of national security in the global world]. N. A. Orekhovskaya. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2019. No. 3. P. 37–46. ISSN: 0869-8120 (in Russian)..
 13. Pivneva E. A. Puti vozmozhnosti sokhraneniya obsko-ugorskikh yazykov i kul'tur v usloviyakh globalizatsii: opyt Yugry [Ways of preserving the Ob-Ugric languages and cultures in the context of globalization: the experience of Ugra]. E. A. Pivneva. *Trudy KarNTS RAN. Seriya Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of Karelian Research Center of Russian Academy of Science. Series Humanitarian Studies]. 2014. No. 3. P. 58–65. ISSN: 1997-3217 (in Russian).
 14. Rakhmatullina Z. N. Rol' i znacheniy yazyka v formirovanii etnicheskoy identichnosti [The role and meaning of language in the formation of ethnic identity]. Z. N. Rakhmatullina. *Ethnodiologi*. 2020. No. 2 (60). P. 70–75. ISSN: 2071-8349. doi: 10.37492/ETNO.2020.60.2.003 (in Russian).
 15. Safin F. G. Shkol'noye obrazovaniye kak faktor sokhraneniya rodnogo yazyka v mnogonatsional'nom regione (na primere obucheniya na udmurtskom yazyke v Bashkortostane) [School education as a factor of preserving the native language in a multinational region (on the example of teaching in the Udmurt language in Bashkortostan)]. F. G. Safin, E. A. Mukhtasarova, A. I. Khaliulina. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 14–24. ISSN: 2224-9443. doi: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-14-24 (in Russian).
 16. Safin F. G. Etnodemograficheskiye i yazykovyye problemy udmurtskogo naseleniya v Bashkortostane [Ethnodemographic and linguistic problems of the Udmurt population in Bashkortostan]. F. G. Safin,

- E. A. Mukhtasarova, A. I. Khaliulina. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2019. Vol. 29. Iss. 4. P. 660–668. ISSN: 2412-9534. doi: 10.35634 / 2412-9534-2019-29-4-660-668 (in Russian).
17. Tinikova E. E. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v Respublike Khakasiya v postsovetskiy period [Rural-urban migration in the Republic of Khakassia in the post-Soviet period]. E. E. Tinikova. *Sovremennaya nauchnaya mys'* [Modern scientific thought]. 2020. No. 1. P. 148–154. ISSN: 2308-264X (in Russian).
18. Tkachuk N. V. Rol' sem'i v sokhranении rodnikh yazykov malykh narodov: sotsiologicheskiy opros uchashchikhsya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugra [The role of the family in preserving the native languages of small peoples: a sociological survey of students of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. N. V. Tkachuk. *Social competence*. 2020. Vol. 5. No. 1 (15). P. 138–149. eISSN: 2658-5855 (in Russian).
19. Khaknazarov S. Kh. Ispol'zovaniye i obshchestvennaya znachimost' yazykov korennykh narodov Yugry: sotsiologicheskiy aspekt [Use and social significance of the languages of the indigenous peoples of Ugra: sociological aspect]. S. Kh. Khaknazarov. *Social competence*. 2019. Volume 4. No. 1 (11). P. 87–94. eISSN: 2658-5855 (in Russian).
20. Khapaeva S. M. Problemy sokhraneniya i razvitiya karachayevo-balkarskogo yazyka v usloviyakh globalizatsii [Problems of preservation and development of the Karachai-Balkarian language in the context of globalization]. S. M. Khapaeva. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2016. No. 1–3. P. 442–445 (in Russian).
21. Shaimardanov R. Kh. Etnokul'turnoye obrazovaniye i vospitaniye v sovremennykh usloviyakh [Ethnocultural education and upbringing in modern conditions]. R. Kh. Shaimardanov. *Aktual'nyye voprosy issledovaniya i prepodavaniya rodnikh yazykov i literatur* [Actual issues of research and teaching of native languages and literatures] : Proceedings of materials of the International Scientific and Practical Conference. Cheboksary: Sreda Publ., 2020. 628 p. P. 262–265. ISBN: 978-5-907313-08-8. doi: 10.31483/a-79 (in Russian).

Информация об авторе:

Лушникова Ольга Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, ГНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», Россия, 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23. ResearcherID: AAT-9103-2020, SPIN-код: 3601-4914.

Information about the authors

Lushnikova Olga L. – Candidate of Sci. (Sociology), Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 23 Schetinkina st., Abakan, Republic of Khakassia, 655017, Russia. ResearcherID: AAT-9103-2020, SPIN-code: 3601-4914.

Статья поступила в редакцию 30.08.2020; одобрена после рецензирования 16.09.2020; принята к публикации 02.12.2020. The article was submitted 08/30/2020; approved after reviewing 09/16/2020; accepted for publication 12/02/2020.

Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24): С. 189–196.

Vestnik MIRBIS. 2020; 4(24): 189–196.

Научная статья

УДК 316.342.18

doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.19

Ответ глобальных профсоюзов на вызовы цифровой экономики

Григорий Никандрович Крайнов^{1,2}, Сергей Александрович Зубков^{1,3}, Анатолий Иванович Панов^{4,5}

1 Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

2 krainovgn@mail.ru

3 zubkoff1956@mail.ru

4 Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, Россия

5 ponchik.92@bk.ru

Аннотация. На основе диалектического метода в статье анализируется ответ глобальных профсоюзов на вызовы цифровой экономики. Выделены основные причины и последствия ослабления позиций современного рабочего движения и профсоюзов. Показаны основные вызовы gig-экономики для человека труда, в том числе прекаризация занятости, социальный демпинг. Сделан вывод, что ответом мирового профсоюзного движения на вызовы цифровой экономики, в которой происходит значительная прекаризация и сокращение рабочих мест, является разработка и реализация стратегии справедливого перехода к цифровой экономике. Эта стратегия основывается на платформе социального диалога, взаимообмена информацией между профсоюзами (представителями работников) и работодателями, переговоров и консультаций по поводу использования цифровых технологий.

Ключевые слова: профсоюзы, глобальные профсоюзы, российские профсоюзы, цифровизация, цифровая экономика, gig-экономика, вызов — ответ.

Для цитирования: Крайнов Г. Н. Ответ глобальных профсоюзов на вызовы цифровой экономики / Г. Н. Крайнов, С. А. Зубков, А. И. Панов // Вестник МИРБИС, 2020. № 4 (24). С. 189–196. doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.19

JEL: C88

Original article

Global trade unions response to challenges of the digital economy

Grigory N. Krainov^{6,7}, Sergey A. Zubkov^{6,8}, Anatoly I. Panov^{9,10}

6 Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia.

7 krainovgn@mail.ru

8 zubkoff1956@mail.ru

9 Moscow Region State University, Moscow, Russia.

10 ponchik.92@bk.ru

Abstract. Based on the dialectical method, the article analyzes the response of global trade unions to the challenges of the digital economy. The main causes and consequences of the weakening of the positions of the modern labor movement and trade unions are highlighted. The main challenges of the gig economy for the labor person, including precarization of employment, are shown. Precarization of labor is the transition from permanent, guaranteed labor relations to unstable forms of employment, leading to the loss of social and labor rights of the employee, including understatement of wages, lack of paid leave, sick leave, and other social gains. Precarization is also a negative state of the working person (anxiety, fear, uncertainty about their future) as a result of the uncertainty and instability of their employment, the inability to provide their living wage.

It is concluded that the response of representatives of the world trade Union movement to the challenges of the digital economy, where there is a significant reduction in jobs, is to develop and implement a strategy for a fair transition to the digital economy. This strategy is based on the principles of democratic planning for digital and technological development, which includes social dialogue, information exchange between employers and trade

unions, consultations and negotiations between them on the implementation of digital technologies.

Key words: trade unions, global trade unions, Russian trade unions, globalization, global civil society, digital economy, gig economy.

For citation: Krainov G. N. Global trade unions response to challenges of the digital economy. G. N. Krainov, S. A. Zubkov, A. I. Panov. *Vestnik MIRBIS*. 2020; 4(24): 189–196. (In. Russ.). doi: 10.25634/MIRBIS.2020.4.19

JEL: C88

Введение

Сегодня в постиндустриальном, формирующемся информационном (цифровом) обществе наблюдается сокращение численности, ослабление позиций и влияния профессиональных союзов. Эту проблему мы обсуждали на Первом форуме Российского профессорского собрания [Крайнов, 2018]. Так, если в 1954 г. в мире членами профсоюзов были 35 % всех работающих, то в 2018 г. только около 10 %. В то же время, в зависимости от традиций, позиции работников, политики правительства, работодателей доля членов профсоюза сильно варьируется по разным странам: если сегодня в Финляндии в профсоюзах состоят 79 % работников, то во Франции — всего 7,8 %. В СССР в 1991 г. членами профсоюзов были 99,6 % работников, то в сегодняшней России всего около 30 % [Крайнов, 2019]. Среди причин кризиса мирового профсоюзного движения можно выделить не только распад СССР в 1991 г. и мировой социалистической системы, рабочего движения, но и переход от индустриального общества с большой концентрацией производства и рабочей силы к постиндустриальному, информационному обществу, изменившему структуру занятости населения.

По традиционной социальной базе профсоюзного движения наносит удар развивающаяся в последние годы цифровизация экономики, когда работник может работать дистанционно, удаленно, на не постоянной основе, не привязываясь к трудовому коллективу.

В условиях экономической глобализации транснациональные корпорации (ТНК) в целях получения большей прибыли активно распро­страняют аутсорсинг, демпинговый труд не входящих в профсоюзы рабочих-мигрантов, подкупают лидеров профсоюзного и рабочего движения, переносят производство в слаборазвитые страны, где нет профсоюзов или позиции профсоюзов слабы. Мировой промышленно-финансовый капитал более мобилен, динамичен, чем

труд и профсоюзы, он перемещается, не зная национальных границ, создавая транснациональные корпорации и международные финансовые структуры, в то время как рабочие до недавних пор могли обращаться лишь к национальному правительству и местному бизнесу. Но в 2000 г. были созданы Глобальные профсоюзы — Union Network International (UNI), представляющие интересы и защищающие социально-трудовые права десятков миллионов работников в 140 странах мира. Глобальные профсоюзы — это собирательное понятие, в которую входят Международная конфедерация профсоюзов (МКП), Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), 10 Глобальных профсоюзных федераций (ГПФ), объединяющие отраслевые профсоюзные центры всего мира, а также Профсоюзный консультативный комитет Организации экономического сотрудничества и развития (ПКК ОСЭР). А в июне 2012 г. в Копенгагенском форуме (Дания) Международная Федерация профсоюзов работников химической и горнодобывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM) и Международная федерация работников текстильной и кожевенной промышленности (ITGLWF) пришли к решению создания «новой силы» — Глобального профсоюза IndustriALL, который объединил в своих рядах более 50 млн работников со всего мира. С этого времени Глобальные профсоюзы организуют свою деятельность так, чтобы дать экономической глобализации, ТНК, цифровизации экономики глобальный ответ.

В связи с этим, в данной статье мы попытаемся ответить на вопрос: «Какой ответ могут дать глобальные профсоюзы современным вызовам цифровой экономики?».

Вызовы gig-экономики

Динамику социальных изменений, которые происходят в начале XXI в. под влиянием информационных, компьютерных технологий характеризует, прежде всего, формирование цифровой экономики. Среди ее существенных признаков можно выделить определение цифровой эко-

номики как gig-экономики², где рабочие заняты на небольших краткосрочных, как правило, нескольких работах через Интернет, который не ограничивает их местным рынком труда. В gig-экономике быстрыми темпами сокращается количество рабочих мест, соответствующих критериям достойного труда, Концепция которого в начале 2000-х годов была разработана Международной организацией труда. К основным аспектам достойного труда в этой концепции отнесены:

- свобода объединения;
- минимальная заработная плата не менее реального прожиточного минимума и право на ведение коллективных переговоров;
- безопасные рабочие места;
- всеобщая социальная защита;
- обязанность любых компаний проявлять должную осмотрительность, чтобы противодействовать нарушению прав.

Работники в gig-экономике трудятся в условиях прекаризации занятости, а их самих часто называют прекариями вместо прежнего названия «пролетариат». Прекаризация труда — это замена гарантированных и постоянных трудовых отношений неустойчивыми и временными формами занятости, ведущими к потере работником социально-трудовых прав. Прекаризация ведет к негативному состоянию трудящегося человека (тревожность, страх, неуверенность в своем будущем) как следствие неопределенности и неустойчивости его трудовой занятости, невозможности обеспечить свой прожиточный минимум.

К показателям прекаризации занятости относятся неустойчивость, нестабильность положения работников на рынке труда.

Проблемы положения наемных работников в цифровой экономике усиливают устаревшие формы и методы деятельности профсоюзов, составляющие основу механизма коллективной защиты их прав. Как мы показали, это отчетливо было видно при заключении «эффективных кон-

трактов» с работниками бюджетной сферы [Крайнов, 2018а]. Профсоюзы не успевали реагировать на те вызовы и задачи, которые перед ними ставила практика, пытаясь при помощи приемов работы, заимствованных из индустриальной экономики, сохранить свои позиции в условиях цифровой экономики.

Современные профсоюзы столкнулись с реалиями gig-экономики, к которым они не в полной мере готовы. Эти реалии связаны со сменой социально-трудовых отношений, когда рабочие места на условиях полного рабочего времени с конкретными часами работы и заработной платой встречаются все реже.

Вызовом для профсоюзов является и то, что они вынуждены приспосабливаться к потребностям и интересам поколения миллениалов, чтобы не потерять социальную базу своего движения, для чего необходимо знать и учитывать то, как они думают и устанавливают свои приоритеты.

Миллениалы — это те, кто родился с 1980 по 2000 гг. и сегодня составляют более 30 % от общего числа работающего населения. В ближайшие годы их доля превысит 50 % общих трудовых ресурсов. Как отмечают исследователи, миллениал выделяется профессиональными амбициями и креативным мышлением, большинство из них предпочитают работать дистанционно, иметь гибкий график работы. При выборе места работы миллениалы предпочитают, чтобы оно соответствовало ряду критериев:

- система обратной связи и коммуникаций;
- наличие опытного тьютора;
- гибкость и свобода в принятии решений;
- признательность компании за усилия сотрудника;
- развитие и обучение.

Последний критерий миллениалы отмечают особо. При этом, с их точки зрения, в основе организации процесса корпоративного обучения должны лежать следующие принципы:

- доступность учебных материалов в любое время;
- использование формата микрообучения;
- понимание цели обучения;
- возможность постоянного обучения;
- геймификация, т. е. превращение процесса обучения в интересную игру с призами и уровнями [Ананченкова, 2018].

² gig-экономика — от англ. gig — слово, которое, среди прочих, имеет значение «кратковременная, разовая работа» и «юла». Согласно Кембриджскому словарю (Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus), gig-экономика — это экономика, в основе которой лежит труд внештатных работников. Ее еще называют экономикой краткосрочных контрактов, потому что в gig-экономике временная работа или работа с гибким графиком является обычным делом. Например, «фриланс», в отрасли информационных технологий.

Сегодня цифровые технологии могут стать фактором более активного использования социального демпинга, когда работодатель в нарушение Конвенции Международной организации труда может перемещать производство в территории с низкой оплатой труда, с дешевой рабочей силой (например, в «третьи страны») или в аутсорсинг, в использовании заемного труда, роботов, искусственного интеллекта и др.

Сегодня для профсоюзов в цифровой сфере важными являются следующие вопросы:

- представительство и участие профсоюзов в управлении внедрением на рабочем месте систем искусственного интеллекта и других цифровых технологий;
- введение цифрового налога, чтобы выгоды технического прогресса и цифровое благосостояние перераспределялось среди работающих людей;
- введение ответственности и подотчетности работодателей как потенциальных промышленных пользователей цифровых технологий;
- поддержка работников в цифровой трансформации и решение таких вопросов, как повышение квалификации, аутсорсинг, правила о рабочем времени (включая право на отключение), здоровье и безопасность, соотношение работы и отдыха, защита персональных данных;
- разработка этических норм и рекомендаций для разработчиков алгоритмов, которые должны соответствовать верховенству закона, социально-трудовым правам работников;
- обеспечение гендерного равенства в секторе ИКТ, содействие интеграции женщин в цифровую экономику.

Ответ глобальных профсоюзов на вызовы цифровизации

Перед лицом вызовов цифровой экономики в мировом профсоюзном движении развернулся поиск новых более эффективных форм и методов защиты социально-трудовых прав, инициатива которого принадлежит Глобальным профсоюзам. В 2017 г. профсоюзный консультативный комитет Организации экономического сотрудничества и развития (ПКК ОЭСР) утвердил стратегию, основные принципы и задачи справедливого перехода к цифровой экономике — «Цифровизация и циф-

ровая экономика». В этом документе проанализированы социальные и трудовые последствия перехода к цифровой экономике; вопросы регулирования рынка труда и занятости, включая обучение и повышение квалификации; организация социального обеспечения, включая пенсионное обеспечение; обеспечение инвестиций, позволяющих создавать достойные рабочие места [Зубков, 2017].

В декабре 2018 г. в Копенгагене на 4-м конгрессе Международной конфедерации профсоюзов (МКП) была организована дискуссия по проблеме современной цифровизации, компьютеризации производства и защиты прав трудящихся. При активном участии крупнейшей ГПФ — Международной федерации транспортников (МФТ), объединяющей в своих рядах более 600 профсоюзов транспортников, насчитывающих свыше 19 миллионов членов из 140 стран мира и ПКК ОЭСР была утверждена стратегия справедливого перехода к цифровой экономике [Зубков, 2019].

В 2019 г., когда Международная организация труда отмечала свое 100-летие, были рассмотрены такие вопросы как «Будущее сферы труда», «Работать ради лучшего будущего». В частности в принятых решениях подчеркивалось, что при использовании искусственного интеллекта главным должен быть принцип «управляет человек» и основные решения по организации труда принимаются не ИИ, а человеком в интересах достойного труда.

В октябре 2018 г. на 44-м Конгрессе МФТ в Сингапуре была принята стратегия гуманизации современных технологий. Приступив к реализации этой стратегии, членские организации МФТ предпринимают активные действия, включающие в себя защиту интересов работников транспорта, которые трудятся на основе цифровых приложений к смартфонам в компаниях Amazon, Ola, Uber и других. Эти действия имеют разнообразные формы:

- организация встреч с работниками компаний;
- приглашение представителей работников компаний на мероприятия МФТ;
- поддержка или организация забастовок, которые проводят работники кампаний;
- проведение акций солидарность с работниками компаний;
- работа, направленная на создание профсо-

юзов, объединяющих работников компаний;

- лоббирование интересов работников компаний в органах власти;
- исследование проблем труда работников компаний.

Работники компании Amazon постоянно борются за свои права и улучшение условий труда посредством скоординированных действий на глобальном уровне. МФТ стремится поддерживать их борьбу за основные права, включая право на организацию в профсоюз.

В 2019 г. МФТ организовала кампанию против нарушения прав трудящихся руководством корпорации Uber, призвав членские организации, начиная с 22 апреля, провести акции со следующими требованиями:

- права на ведение в корпорации Uber коллективных переговоров и права вступать в профсоюз;
- заработной платы в корпорации Uber не ниже прожиточного минимума для всех водителей, независимо от их статуса занятости;
- достойных, безопасных условий труда в корпорации Uber для всех водителей, мужчин и женщин;

Во время подготовки и проведения этих акций организации МФТ:

- составляли и тиражировали письма протеста, используя типовое письмо с сайта МФТ и прикрепив логотип своего профсоюза;
- отправляли или доставляли эти письма в местные офисы Uber с требованием перемен;
- сделав солидарное групповое фото, размещали их в социальных сетях с хэштегом #GigWorkersRise;
- размещали хэштег МФТ на фотографиях, чтобы федерация могла делать репост на своих каналах¹.

В рамках кампании в мае 2019 г. была проведена встреча лидеров европейских профсоюзов транспортников с бастующими водителями компании Uber, работающими в Лондоне. Их представители выступили в исполкоме ЕФТ, заседание которого проходило в штаб-квартире МФТ в Лондоне.

В Индии при координации офиса МФТ в Дели в период с 2018 по 2019 гг. проходили организованные акции водителей компаний Uber и Ola. 22 октября 2018 г. трудящиеся Мумбая, Дели, Хайдарабада, Бангалора и многих других городов вышли на улицы с требованием обеспечить достойные условия и оплату труда. По оценкам МФТ в этих городах прекратили работу от 50 % до 80 % водителей компаний Uber и Ola. В Мумбае членский профсоюз МФТ MRRKS (Maharashtra Rajya Rashtriya Kamgar Sangh) провел акцию протеста у офисов компании Uber. Профсоюзы выступили с требованием признания компаний Uber и Ola операторами таксомоторного транспорта, и они должны подчиняться правилам и нормам для таких компаний, чтобы решить и другие проблемы, а именно:

- требовать повышения тарифа за километр в соответствии с повышением цен на топливо;
- требовать сокращения продолжительности рабочего дня водителей (на сегодня это 14-16 часов);
- водителей нужно признать сотрудниками компаний;
- требовать страхования жизни и здоровья водителей;
- требовать ограничения численности таксомоторного парка компаний Ola и Uber в городах².

<https://www.itfglobal.org/ru/news/%D0%9A%D0%B0%D1%81%D0%B8-uber-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%83-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%83>. Дата публикации 16.04.2019.

2 Тысячи водителей в городах Индии выступают против новых операторов таксомоторного транспорта // International Transport Workers' Federation : [сайт]. URL: <https://www.itfglobal.org/ru/news/%D0%A2%D1%8B%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%B8-%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9-%D0%B2-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%85-%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BE%D0%BF%D0%B>

1 Касается: проведения акций солидарности с пассажирами такси Uber по всему миру! // International Transport Workers' Federation : [сайт]. URL: <https://www.itfglobal.org/ru/news/%D0%9A%D0%B0%D1%81%D0%B8-uber-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%83-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%83>

МФТ поддержала акции водителей и обратилась с письмом, подписанном генеральным секретарем С. Коттоном, к правительству Индии и к региональным властям, требуя вмешательства в трудовой спор водителей и новых операторов такси Uber и Ola. В нем говорится: «Этот крупный трудовой спор привлекает внимание глобальных СМИ. От лица 20 миллионов транспортников 147 стран мы требуем вашего вмешательства в эту ситуацию, чтобы как можно скорее начать содержательный социальный диалог с теми профсоюзами, которые выражают протест, и компаниями, работающими на цифровых платформах». В октябре 2019 г. делегация МФТ, представляющая миллионы работников gig-экономики в Индии, встретилась с Министром автомобильного транспорта и шоссейных дорог страны, чтобы потребовать улучшения контроля и регулирования в секторе с целью улучшить условия труда. Делегация МФТ потребовала привлечь водителей к процессам принятия решений в качестве заинтересованной стороны, учитывать такие вопросы, как загрязнение среды и транспортные пробки в городах, доходы водителей, условия труда и социальную защиту. Затем состоялись акции протеста с участием водителей интернет-компаний Ola и Uber с призывами к достойной и регулируемой оплате труда, к качественным условиям труда¹.

В конце декабря 2019 г. в Мумбае была создана индийская федерация транспортников, работающих на основе приложений (профсоюз IFAT),

[5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80-%D1%82%D0%B0](https://www.itfglobal.org/ru/news/%D0%9C%D0%A4%D0%A2-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80-%D1%82%D0%B0). Дата публикации 30.10.2018.

1 МФТ поддерживает акции водителей против новых операторов таксомоторного транспорта // International Transport Workers' Federation : [сайт]. URL: <https://www.itfglobal.org/ru/news/%D0%9C%D0%A4%D0%A2-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80-%D1%82%D0%B0>. Дата публикации 31.10.2018.

чтобы обмениваться опытом профсоюзной работы в борьбе за права водителей и в помощь национальным профсоюзам в процессе проведения различных кампаний. Федерация намерена сформулировать и выдвинуть свои требования по контролю и регулированию автомобильных перевозок пассажиров на основе приложений и обеспечить наличие социальных положений в новом трудовом кодексе правительства Индии для водителей этой категории.

Размах протестных действий водителей компаний Uber и Ola по всему миру при активной поддержке членских организаций МФТ и руководства федерации оказал свое влияние, как на государственные органы, так и на сами компании.

В 2019 г. сенат Калифорнии при поддержке транспортников США принял Закон Эй-Би-5, который затрудняет действия работодателей, прежде всего компании Uber, по неправильной классификации работников как независимых подрядчиков. На принятие закона в определенной мере повлияло направление в Окружной суд США в Сан-Франциско двух групповых исков водителей Uber, в которых они требовали получения статуса сотрудников компании и возмещения расходов на бензин, техобслуживание машин. Эти расходы несли непосредственно водители².

Шаги, направленные на урегулирование трудовых отношений в компании Uber, предприняли и власти в странах Европейского Союза. В октябре 2016 г. британский суд по вопросам занятости принял постановление, в котором говорилось о том, что водители Uber не являются самозанятыми и должны получать национальный прожиточный минимум. Компания Uber оспорила это постановление в британском верховном суде. Однако судьи отклонили апелляцию Uber. Они обнаружили, что в формулировке стандартного соглашения между Uber и его водителями была «высокая степень выдумки», что водители компании являются независимыми подрядчиками, работающими не по найму³.

Во Франции в 2015 г. после многотысячного митинга против компании Uber Президент дал

2 Американский судья отклонил условия соглашения, предложенные Uberводителям // Taxilife: [сайт]. URL: <http://taxilife.ru/nationalnews/5819/>. Дата публикации: 19.08.2016.

3 Uber вновь проиграла судебный спор с британскими водителями // Taxilife : [сайт]. URL: http://www.taxilife.ru/nationalnews/7202/?sphrase_id=511593. Дата публикации 10.11.2017.

обещание профсоюзам таксистов, что американский онлайн сервис будет закрыт в стране. Однако Uber продолжил работать во Франции. В ответ в 2016 г. компания получила очередной штраф от властей на восемьсот тысяч евро за отсутствие лицензии на работу. Под давлением общественности и властей Uber вынуждена улучшать некоторые условия для своих водителей, включая предоставление ограниченной страховки и сокращения рабочего времени. Компания также зарезервировала для своих водителей часть акций, которые предлагались в ходе IPO. Водители, соответствующие минимальным критериям для получения вознаграждения, могли приобрести их по цене размещения⁴.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что ответом Глобальных профсоюзов на вызовы цифровой экономики, в которой происходит значительное сокращение рабочих мест, прекаризация, социальный демпинг является разработка и реализация стратегии справедливого перехода к цифровой экономике. Эта стратегия основывается на принципах демократического планирования цифрового и технологического развития, включающего в себя социальный диалог, взаимобмен информацией между профсоюзами (представителями работников) и работодателями, переговоры и консультации по поводу использования цифровых технологий.

4 Во Франции таксисты захватили офис Uber // Taxilife : [сайт]. URL: <http://taxilife.ru/nationalnews/5002/>. Дата публикации: 29.06.2016.

Список источников

1. Ананченкова, 2018 — Ананченкова П. И. Экономический и социальный потенциал семейного, женского, молодежного бизнеса и предпринимательства «золотого возраста» / П. И. Ананченкова, В. О. Брострем, О. А. Мартиросян // Труд и социальные отношения. 2018. № 1. С. 94–107. ISSN: 2073-7815. DOI: 10.20410/2073-7815-2018-28-1-94-107.
2. Зубков, 2017 — Зубков С. А. Транспортные профсоюзы как составная часть международного профсоюзного движения : Монография / С. А. Зубков, Г. Н. Крайнов. Москва : ИНФРА-М, 2017. 297с. ISBN: 978-5-16-011990-8.
3. Зубков, 2019 — Зубков С. А. Вызовы цифровизации для мирового профсоюзного движения / С. А. Зубков // Возможности и угрозы цифрового общества : Сборник статей. Ярославль : Цифровая типография, 2019. 175 с. С. 34–38. ISBN: 978-5-6042652-5-3.
4. Крайнов, 2018 — Крайнов Г. Н. Первый форум Российского профессорского собрания // Социологические исследования = Sociological Studies. 2018. № 8. С. 165–166. DOI: 10.31857/S013216250000772-2.
5. Крайнов, 2019 — Крайнов Г. Н. О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования = Sociological Studies. 2019. № 8. С. 158–162. DOI: 10.31857/S013216250006179-9.
6. Крайнов, 2018а — Крайнов Г. Н. «Эффективный контракт» с преподавателем: плюсы и минусы / Г. Н. Крайнов, А. И. Панов // Обозреватель — Observer. 2018а. № 1 (336). С. 18-31. ISSN: 2074-2975.

References

1. Ananchenkova P. I. Ekonomicheskiy i sotsial'nyy potentsial semeynogo, zhenskogo, molodezhnogo biznesa i predprinimatel'stva "zolotogo vozrasta" [Economic and social potential of family, women, youth business and entrepreneurship of the "golden age"]. P. I. Ananchenkova, V. O. Brostrem, O. A. Martirosyan. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya* [Labor and social relations]. 2018. No. 1. P. 94–107. ISSN: 2073-7815. DOI: 10.20410/2073-7815-2018-28-1-94-107 (in Russian).
2. Zubkov S. A. *Transportnyye profsoyuzu kak sostavnaya chast' mezhdunarodnogo profsoyuznogo dvizheniya* [Transport trade unions as an integral part of the international trade union movement]. S. A. Zubkov, G. N. Krainov. Moscow : INFRA-M Publ., 2017. 297 p. ISBN: 978-5-16-011990-8 (in Russian).
3. Zubkov S. A. *Vyzovy tsifrovizatsii dlya mirovogo profsoyuznogo dvizheniya* [Challenges of digitalization for the world trade union movement]. S. A. Zubkov. *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva* [Opportunities and threats of a digital society] : Collection of articles. Yaroslavl : Tsifrovaya tipografiya Publ., 2019. 175 p. P. 34–38. ISBN: 978-5-6042652-5-3 (in Russian).

4. Krainov G. N. Pervyy forum Rossiyskogo professorskogo sobraniya [The first forum of the Russian professors' meeting]. *Sociological studies*. 2018. No. 8. P. 165–166. DOI: 10.31857/S013216250000772-2 (in Russian).
5. Krainov G. N. O sovremennom sostoyanii profsoyuznogo dvizheniya v Rossii [On the current state of the trade union movement in Russia]. *Sociological studies*. 2019. No. 8. P. 158-162. DOI: 10.31857/S013216250006179-9 (in Russian).
6. Krainov G. N. "Effektivnyy kontrakt" s prepodavatelem: plyusy i minusy ["Effective contract" with the teacher: pros and cons]. G. N. Krainov, A. I. Panov. *Obozrevatel'–Observer*. 2018a. No. 1 (336). P. 18–31. ISSN: 2074-2975 (in Russian).

Информация об авторах:

Крайнов Григорий Никандрович, доктор исторических наук, профессор, РИНЦ AuthorID: 355443 и **Зубков Сергей Александрович**, доктор философских наук, профессор, РИНЦ AuthorID: 765585 — Российский университет транспорта (МИИТ), ул. Образцова, 9/2, Москва, 127994, Россия.

Панов Анатолий Иванович — доктор политических наук, профессор, РИНЦ AuthorID: 403952, Московский государственный областной университет (МГОУ), ул. Радио, 10А, Москва, 105005, Россия.

Information about the authors:

Krainov Grigory N. – Doctor of Sci. (History), Professor, RSCI AuthorID: 355443 and **Zubkov Sergey Aleksandrovich**, Doctor of Philosophy, Professor, RSCI AuthorID: 765585 – Russian University of Transport (MIIT), 9/2 Obraztsova st., Moscow, 127994, Russia.

Panov Anatoly Ivanovich – Doctor of Sci. (Politics), Professor, RSCI AuthorID: 403952, Moscow State Regional University (MGOU), 10A, Radio st., Moscow, 105005, Russia.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2020; одобрена после рецензирования 14.10.2020; принята к публикации 02.12.2020.
The article was submitted 08/02/2020; approved after reviewing 10/14/2020; accepted for publication 12/02/2020.*